ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

10-я пехотная дивизия

Август Шмидт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена истории одного из старейших соединений вермахта, сформированного еще в 1935 г. За время своего существования дивизия несколько раз переформировывалась, сохраняя свой номер, но существенно меняя организацию и наименование. С 1935 по 1941 г. она называлась пехотной, затем была моторизована, получив соответствующее добавление к названию, а с 1943 г., после вооружения бронетехникой, была преобразована в панцер-гренадерскую дивизию. Соединение участвовало в Польской и Французской кампаниях, а затем – до самого крушения Третьего рейха – в боях на Восточном фронте против советских войск. Триумфальное шествие начала войны с Советским Союзом очень быстро сменилось кровопролитными для дивизии боями в районе городов Ржев, Юхнов, Белый. Она участвовала в сражении на Курской дуге летом 1943 г., после чего последовала уже беспрерывная череда поражений и отступлений: котлы под Ахтыркой, Кировоградом, полный разгром дивизии в Румынии, очередное переформирование и последние бои в Нижней Силезии и Моравии. Книга принадлежит перу одного избывших командиров полка, а затем и дивизии, генерал-лейтенанту А. Шмидту. После освобождения из советского плена он собрал большой документальный материал, положенный в основу этой работы. Несмотря на некоторый пафос автора, эта книга будет полезна российскому читателю, в том числе специалистам в области военной истории, поскольку проливает свет на многие малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны.

- Август Шмидт
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Формирование дивизии в предвоенные годы
    - ■
    - ■ Вступление немецких войск в Австрию
    - ■ Вступление войск в Судетскую область
    - ■ Вступление войск в Чехословакию
  - ○ Польская кампания 1939 года
    - ■ В районе стратегического сосредоточения и развертывания в Силезии
    - ■ Общее положение
    - ■ Наступательный марш через реку Просна
    - ■ Форсирование Варты у города Серадз

- Преследование противника в окрестностях Лодзи
- Отражение польского прорыва под Гловно
- Преследование противника до Вислы
- Штурм Варшавы
- Оккупация Варшавы
- Список погибших офицеров

○ Французская кампания 1940 года
- Между войной и миром
- Общее положение
- Наступательный марш 10-й дивизии на Западе
- Действия дивизии на реке Эна
- Атака 10-й дивизии через Эну
- Преследование противника и боевые действия вплоть до объявления перемирия
- Марш к демаркационной линии (с 4 по 16 июля 1940 года)
- Введение дивизии в действие на демаркационной линии (с 17 июня по 24 сентября 1940 года)
- Общие потери 10-й дивизии во Французской кампании
- Список погибших офицеров

○ Война с Советским Союзом 1941 год
- Преобразование в 10-ю моторизованную пехотную дивизию и боевая подготовка перед войной с Советским Союзом
- Общее положение
- Наступление
- Сражение за Днепр и линию Сталина
- Стремительное продвижение на юг
- Наступление на Москву
- Советское контрнаступление под Москвой и отступление немецких войск

○ 1942 год
- Сражение за шоссе № 1 (дорога Рославль – Москва) юго-западнее Юхнова с января по апрель 1942 года
- Боевые действия усиленного 20-го моторизованного пехотного полка в районе Болхова с января по апрель 1942 года
- Боевые действия усиленного 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка под Жиздрой

- Боевые действия 40-го мотоциклетного батальона в составе XIII армейского корпуса на Угранском фронте в апреле 1942 года
- Год позиционной войны в полосе 4-й армии с мая 1942 по апрель 1943 года
- События июня 1942 года
- События июля 1942 года
- События августа 1942 года
- События сентября 1942 года
- События октября 1942 года
- События ноября 1942 года
- События декабря 1942 года
- Действия 41-го моторизованного пехотного полка. Август – декабрь 1942 года

○ 1943 год
- Январь 1943 года
- Февраль 1943 года
- Март 1943 года
- Апрель 1943 года
- В составе 9-й армии с мая по август 1943 года
- Операция «Цыганский барон»
- Операция «Цитадель»
- Оборонительные бои между Болховом и Брянском в ходе эвакуации из Орловской дуги с 17 июля по 12 августа 1943 года
- Битва под Ахтыркой и отход к Днепру (с 18.08 по 24.09.1943)
- Сражение за Днепр (24.09–30.1 1.1943)
- Октябрь 1943 года
- Ноябрь 1943 года
- Оборонительное сражение под Кировоградом (декабрь 1943 года – 17.01.1944)

○ 1944 год
- Январь 1944 года
- Февраль 1944 года
- Отступление за Днестр
- Позиционные бои на реке Реут севернее Кишинева (07.04–16.06.1944)
- Отдых и доукомплектование в прифронтовом районе западнее Кишинева (17.06–19.08.1944)
- Развал Румынского фронта. Жертвенный путь 10-й панцер-гренадерской дивизии во время отступления к Дунаю в период 20.08–01.09.1944
- Октябрь 1944 года

- Ноябрь 1944 года
- Декабрь 1944 года

- 1945 год
  -
  - Боевые действия дивизии в Нижней Силезии
  - Тяжелые бои в районе городов Гротткау и Нейссе (16.03–02.04.1945)
  - В 1-й танковой армии с 3 апреля 1945 года и до конца войны
  - Война была проиграна! 10-я панцер-гренадерская дивизия прекратила свое существование!
- Заключительное слово
  - Посвящается боевым товарищам из 10-й дивизии, которым было не суждено вернуться домой
- Приложения
  - Пояснения к структурам 10-й дивизии военного времени
  - Приложение 1а
  - Приложение 1б
  - Приложение 1в
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
  - Приложение 5
  - Приложение 6
  - Приложение 7
  - Приложение 8
-
-

Август Шмидт
10-я пехотная дивизия. 1935—1945

Copyright © Podzun-Pallas-Verlag GmbH, Eggolsheim
© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Предисловие

Вскоре после возвращения в октябре 1955 года из продолжавшегося десять с половиной лет плена в Советском Союзе автор, который во время Второй мировой войны служил в 10-й пехотной дивизии сначала в течение двух с половиной лет в качестве командира 20-го пехотного полка, а затем еще в течение двух с половиной лет – в качестве командира дивизии, решил написать историю этой славной дивизии. Ему самому удалось спасти довольно обширную документацию о боевых действиях дивизии, и он тотчас начал искать недостающие документы. Правда, в самом начале эти поиски были крайне затруднены. Все служебные документы, такие как журналы боевых действий, боевые донесения, картографический материал и т. п., находились и до сих пор находятся в руках тогдашних наших противников. И в ближайшем будущем не стоит рассчитывать на их возвращение. Тем не менее после двухгодичных изнурительных поисков автору удалось получить от многих боевых товарищей из всех подразделений дивизии отдельные экземпляры журналов боевых действий, индивидуальные отчеты, схемы, личные дневники, фотографии военной поры и другие материалы.

В течение следующих трех лет автор постарался как можно достовернее изложить историю 10-й пехотной дивизии. Здесь он хотел бы выразить сердечную благодарность всем боевым товарищам, которые поддержали его в этом намерении, активно сотрудничая с ним. Число этих добровольных помощников слишком велико, чтобы можно было назвать всех их поименно.

Разумеется, в этой «Истории 10-й пехотной дивизии» имеются отдельные пробелы и, возможно, не все эпизоды боевой деятельности отражены абсолютно точно. Может быть, заслуги многих боевых товарищей и отдельных подразделений не были оценены по достоинству. Автор просит отнестись к этому с пониманием. Причиной этого явился недостаток документального материала, а многие детали постепенно стираются из памяти, ведь с тех пор прошло уже более двух десятилетий.

Тем не менее автор надеется, что ему удалось в общем и целом достоверно описать судьбу 10-й дивизии во время этих шести тяжелых военных лет. Этой книгой автор хотел бы передать сердечный привет всем своим старым боевым товарищам из 10-й дивизии. Воспоминания о совместно пережитых событиях на фронтах войны и гордость за нашу славную 10-ю дивизию и

сегодня связывают нас неразрывными дружескими узами, несмотря на время и расстояния, разделяющие нас.

Мюнхен, октябрь 1963 г. Август Шмидт, генерал-лейтенант в отставке

Формирование дивизии в предвоенные годы

Формирование 10-й пехотной дивизии началось осенью 1933 года. Сначала оно происходило скрытно. Формирование проводилось под руководством образованного 1 апреля 1934 года Управления военного коменданта Регенсбурга, которое возглавлял генерал-майор Альфред Вегер.

Отдельные воинские части были сформированы на основе 20-го Баварского пехотного полка (Регенсбург, Ингольштадт, Амберг, Пассау), из подразделений 1-го батальона 21-го Баварского пехотного полка (Вюрцбург), земельной полиции города Фюрт, 1-го дивизиона 7-го Баварского артиллерийского полка (Вюрцбург), из подразделений 7-го Баварского саперного батальона (Мюнхен) и 7-го Баварского батальона связи (Мюнхен).

Формирование 10-й дивизии было в основном закончено 15 октября 1935 года. Надобность в маскировке отпала. Управление военного коменданта Регенсбурга было переименовано в 10-ю дивизию. Пехотные полки получили следующие номера: 20-й (Регенсбург), 41-й (Амберг) и 42-й (Байройт). Артиллерийский полк, саперный батальон и батальон связи получили номер 10. К дивизии присоединился также 10-й противотанковый дивизион, который был заново сформирован в городе Штраубинг. На должность первого командира 10-й дивизии был назначен генерал-лейтенант Вегер. Дивизия была подчинена командованию 7-го армейского корпуса (командир корпуса генерал фон Райхенау), находившемуся в Мюнхене. Тем самым, 15 октября 1935 года можно считать днем рождения дивизии.

После окончания формирования дивизии ее подразделения дислоцировались: 20-й пехотный полк со штабом полка, 13-й ротой (пехотных орудий), 14-й (противотанковой) ротой, полковым взводом связи, 1-м и 2-м батальонами в Регенсбурге, а 3-й батальон – в Деггендорфе.

Должность командира 20-го пехотного полка занимали:
до 1 декабря 1934 года – полковник Виллих;
до 6 октября 1935 года – полковник Дитль;
до 15 января 1939 года – полковник Карл;
с 15 января 1939 года – полковник Август Шмидт.

41-й пехотный полк со штабом полка, 13-й ротой (пехотных орудий), 14-й (противотанковой) ротой, полковым взводом связи,

1-й и 2-й батальонами в Амберге, а 3-й батальон – в Вайдене.

Должность командира 41-го пехотного полка занимали:

до 14 октября 1935 года – полковник Карл;

с 15 октября 1935 года – подполковник Голльвитцер.

42-й пехотный полк со штабом полка, полковыми ротами, 1-м и 3-м батальонами в Байройте, а сформированный только в октябре 1936 года 2-й батальон – в городе Хоф.

Должность командира 42-го пехотного полка до 1938 года занимал полковник Блюмм; в ноябре 1938 года 42-й пехотный полк был выведен из состава 10-й дивизии.

10-й артиллерийский полк со штабом полка, полковым взводом связи, 1-м и 2-м (легкими) дивизионами располагался в Регенсбурге, а 3-й (легкий) дивизион и 4-й (тяжелый) дивизион 46-го артиллерийского полка – в Штраубинге.

До начала войны должность командира 10-го артиллерийского полка поочередно занимали полковник Риттер фон Шпек, полковник Вагнер и полковник Лехнер. С началом войны 1 сентября 1939 года командиром 10-го артиллерийского полка был назначен полковник барон фон Роман.

10-й саперный батальон дислоцировался в Регенсбурге.

Должность командира 10-го саперного батальона занимали:

до ноября 1938 года – полковник Вирц,

с ноября 1938 года – майор Бериш.

10-й противотанковый дивизион находился в Штраубинге.

Командиром 10-го противотанкового дивизиона был полковник Шмидт.

10-й батальон связи располагался в Регенсбурге.

Командиром батальона стал майор Мусбах.

В апреле 1934 года были приведены к присяге первые новобранцы. 2 августа 1934 года во всех местах дислокации воинских частей состоялись торжественные траурные парады в память о скончавшемся рейхспрезиденте генерал-фельдмаршале фон Гинденбурге. Одновременно вермахт присягнул на верность фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру.

24 августа 1936 года в Германии была введена обязательная воинская служба в течение двух лет. По случаю крупного смотра войск, проведенного Гитлером в Гибельштадте (Нижняя Франкония), все воинские формирования, принимавшие участие в

этом параде, в том числе и 10-я дивизия, получили новые знамена и штандарты.

После создания 1 октября 1937 года в Нюрнберге XIII армейского корпуса 10-я дивизия была переподчинена этому корпусу. Командиром этого корпуса был генерал кавалерии барон фон Вейхс.

1938 год принес 10-й дивизии первое боевое испытание.

Вступление немецких войск в Австрию

Поздним вечером 10 марта 1938 года совершенно неожиданно дивизия была поднята по тревоге: согласно заранее подготовленному мобилизационному плану она должна была в течение шести часов подготовиться к маршу. В кратчайший срок были получены и погружены на тяжелые военные грузовики боеприпасы, продовольствие и фураж, отданы все необходимые поручения офицерам, военным врачам, ветеринарам, военным чиновникам, унтер-офицерам и рядовым, приняты все необходимые меры для подготовки лошадей, повозок и транспортных средств на моторной тяге к выступлению.

11 марта 1938 года в 6 часов утра все воинские части дивизии доложили о готовности к маршу. Уже несколько часов спустя первые колонны на конной тяге и пешие части отправились в путь, в то время как моторизованные подразделения должны были прибыть в район сосредоточения дивизии, совершив переход своим ходом.

Укомплектованная по штатам военного времени, 10-я дивизия получила приказ к вечеру 11 марта сосредоточиться в районе городов Шердинг и Пассау для вступления в Австрию. Все войска, сосредоточенные в этом районе для вступления в Австрию, в том числе и XIII армейский корпус со своими 10-й и 17-й дивизиями, входили в состав 8-й армии под командованием генерал-полковника фон Бока. Штаб-квартира армии находилась в Мюльдорфе, куда прибыл и сам Гитлер.

10-я дивизия получила задание: утром 12 марта переправиться через реку Инн в районе городов Шердинг и Пассау и, развернувшись широким фронтом, двигаться форсированным маршем на Вену через Верхнюю и Нижнюю Австрию. Одна колонна, 2-й батальон 42-го пехотного полка, должна была продвинуться вперед севернее Дуная через заснеженный лес Бёмервальд и в районе Линца снова присоединиться к главным силам дивизии.

12 марта 1938 года в 5 часов утра 10-я дивизия перешла на другой берег реки Инн и тем самым пересекла германо-австрийскую границу в следующем боевом порядке.

Впереди: вышедший из состава 17-го кавалерийского полка 10-й разведывательный батальон, который с момента вступления в Австрию у города Шердинг был включен в состав 10-й дивизии. Марш на Вену проходил через населенные пункты Грискирхен, Вельс, Эннс, Амштеттен, Мельк и Санкт-Пёльтен. Позади по тому же маршруту следовали: 20-й пехотный полк и главные силы 10-

го артиллерийского полка, штаб полка и 1-й батальон 42-го пехотного полка, за ним – транспортные колонны и службы тыла и снабжения.

41-й пехотный полк с подчиненным ему 3-м батальоном 42-го пехотного полка и 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка перешел границу у города Пассау, а 2-й батальон 31-го пехотного полка – у городка Вегшайд. В Линце эта маршевая группа должна была занять место позади 10-го разведывательного батальона.

На следующий день севернее 41-го пехотного полка из Пассау по Дороге Нибелунгов вдоль Дуная через Линц на Вену выступила так называемая «танковая дивизия Гудериана».

Темп продвижения дивизии на марше оказался впечатляющим. В течение недели он составлял от 50 до 60 километров в день. При этом приходилось преодолевать пешим маршем крутые подъемы на горных дорогах. Наряду с обливающейся потом пехотой на восток двигались и моторизованные воинские части, связные мотоциклисты, транспортные колонны СС и – совершенно не соблюдая дисциплину – сотни одиночных автомобилей и автобусов общественной организации КДФ – «Крафт дурх фройде» («Сила через радость»), руководства рейхсминистерства пропаганды, прессы и т. п.

На короткий ночной отдых военнослужащим дивизии отводилось всего лишь несколько часов. Требования, предъявляемые к бойцам, лошадям и технике, достигали грани возможного.

Во всех населенных пунктах местное население выстраивалось цепью по обеим сторонам дороги. Почти на всех домах были вывешены красные флаги со свастикой. Каждая рота, каждая колонна приветствовалась возгласами ликования. Люди восторженно скандировали хором: «Один народ, один рейх, один фюрер!»

Целью марша была собственно столица Австрии Вена. Однако из-за массового скопления воинских частей не было возможности разместить все войска в самой Вене. Поэтому войска размещались в предместьях и в ближайших и отдаленных пригородах австрийской столицы.

Большим разочарованием для военнослужащих дивизии явилось то обстоятельство, что хотя дивизия первой пересекла германо-австрийскую границу, но, несмотря на сверхчеловеческие усилия, прибыла в Вену последней. Дело в том, что войска второй волны были переброшены железнодорожным транспортом и часть из них уже в первый же день прибыла в Вену, где затем 14 марта они участвовали в грандиозном параде, который принимал

Гитлер.

24 марта, незадолго до своего возвращения в места постоянной дислокации на родине, 10-я дивизия приняла участие в параде на площади Шварценбергплац в Вене, который принимал командующий 8-й армией генерал-полковник фон Бок.

25 марта началась переброска дивизии в места ее постоянного расквартирования в Германии. После возвращения был проанализирован опыт, приобретенный во время ввода немецких войск в Австрию, и под руководством только что назначенного нового командира дивизии, генерал-лейтенанта Конрада фон Кохенхаузена, началась активная работа по организации боевой подготовки. Не была отменена и так называемая «заблаговременная подготовка к маршу в течение шести часов»! Нетрудно было догадаться, что Гитлер намеревался как можно быстрее решить таким же образом и «проблему судетских немцев», активно используя для этого вермахт.

Вступление войск в Судетскую область

В начале сентября 1938 года 10-я дивизия, состоявшая из усиленных полковых групп, была передислоцирована якобы на «маневры» в национальный парк Баварский Лес в район городов Хам – Рёц – Брук – Ниттенау – Родинг, находившихся рядом с чехословацкой границей.

Политическое волнение постоянно усиливалось. Инциденты на баварско-чешской границе и насильственные действия против немецкого населения в Чехословакии с каждым днем обостряли положение.

28 сентября воинские части 10-й дивизии выдвинулись на предусмотренные для наступления на Чехословакию и заранее разведанные исходные позиции, находившиеся в районе населенных пунктов Эшлькам и Фурт-им-Вальд. 10-я дивизия вновь подчинялась XIII армейскому корпусу, который, в свою очередь, входил в состав армии под командованием генерал-полковника фон Райхенау.

29 сентября 1938 года так называемое Мюнхенское соглашение между Гитлером, Чемберленом, Даладье и Муссолини неожиданно привело к мирному решению «проблемы судетских немцев». Судетская область была без борьбы передана Германскому рейху.

Теперь в штабах разного уровня началась лихорадочная деятельность. Нужно было быстро выдвинуть войска на новые участки и организовать оккупацию и умиротворение вновь завоеванных территорий.

10-я дивизия была передислоцирована в район Вальдмюнхен – Шёнзее.

Усиленный 42-й пехотный полк выдвинулся 5 октября 1938 года в район деревни Хостау и занял участок охранения от Хостау до города Заац (*чеш.* Жатец). Штаб полка разместился в городке Франценсбад (*чеш.* Франтишкови-Лазне).

Усиленный 41-й пехотный полк проследовал маршем через населенные пункты Вассерзуппен и Ронсперг (*чеш.* Побежовице) до города Бишофтайниц в Богемии и занял участок охранения от границы рейха у города Вальдмюнхен до Бишофтайница. Приняв самостоятельное решение, позднее одобренное Гитлером, полковник Голльвитцер приказал частям 41-го пехотного полка перейти установленную в Мюнхене демаркационную линию и занять населенный пункт Церков – национальный символ чехов, являвшийся краеугольным камнем борьбы против проявлений немецкого национализма еще со времен Гуситских войн, а также

еще девять населенных пунктов по ту сторону демаркационной линии, большинство жителей которых говорило по-немецки. Штаб полка разместился в городе Ронсперг.

Усиленный 20-й пехотный полк, совершив пеший переход, сначала вышел в район населенного пункта Штааб. Через несколько дней он был передислоцирован в предназначенный ему район западнее города Карлсбад (*чеш.* Карловы Вары) и принял на себя охранение этого участка. Штаб полка разместился в Карлсбаде.

Во время занятия этой территории штаб 10-й дивизии находился в городе Мариенбад (*чеш.* Марианске-Лазне). Немецкое население Судетской области видело в немецких солдатах своих освободителей из кабалы и национальной несвободы. Так в течение всех этих недель оккупации Судетской области между немецкими войсками и местным населением установились дружеские, сердечные отношения. С грустью судетские немцы наблюдали за тем, как в середине октября 1938 года германские войска снова покидали эту территорию, ставшую теперь немецкой.

На родине войска повсюду встречали с ликованием. Службы снабжения снова были расформированы. Призванные на воинскую службу офицеры, унтер-офицеры и рядовые были уволены в запас, лошади, автомобили и транспортные средства на конной тяге были возвращены их владельцам. Были подведены итоги ввода войск в Судетскую область и обобщен приобретенный при этом опыт.

В ноябре 1938 года 42-й пехотный полк был выведен из состава 10-й дивизии и включен в состав только что сформированной 46-й дивизии, дислоцированной в Карлсбаде.

Вместо выбывшего подразделения в качестве третьего полка 10-й дивизии на базе двух батальонов, выделенных из состава 20-го и 41-го пехотных полков, был сформирован 85-й пехотный полк. Он расположился вместе со штабом полка, 13-й ротой (пехотных орудий), 14-й (противотанковой) ротой и своим 3-м батальоном в Пассау, а его 1-й батальон был расквартирован в Деггендорфе. Формирование 2-го батальона 85-го пехотного полка началось только в августе 1939 года в городе Валлерн (Судетская область). Этот батальон присоединился к полку только перед самым началом войны с Польшей. С ноября 1938 года командиром 85-го пехотного полка был полковник Тома.

Вступление войск в Чехословакию

В последующие месяцы продолжился распад Чехословакии. В Словакии было образовано собственное правительство. Президента Чехословакии доктора Бенеша сменил на его посту доктор Гаха. Польша аннексировала Тешинскую область, в восточной части которой преобладало польское население. Претензии Венгрии были урегулированы в ноябре 1938 года в так называемом Первом Венском арбитраже, по решению которого Чехословакии было предписано передать Венгрии южные районы Словакии и юго-западные районы Подкарпатской Руси, где проживало около 750 тысяч венгров.

В начале марта 1939 года «решение чешского вопроса» вступило в решающую фазу. Немецкие войска снова вошли в Судетскую область и выдвинулись к германо-чешской границе. Пока еще было неизвестно, собирается ли чешская армия оказывать вооруженное сопротивление вводу немецких войск в Чехословакию. На этот случай все немецкие войска получили установку обеспечить ввод войск силой оружия.

10-я дивизия также приняла участие в этом стратегическом сосредоточении и развертывании войск. С 10 марта 1939 года дивизия начала выдвижение к баварско-чешской границе тремя усиленными полковыми группами.

14 марта 1939 года 41-й пехотный полк, усиленный 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, был переброшен по железной дороге из своих мест расквартирования в Амберге и Вайдене непосредственно в городок Фурт-им-Вальд, где в ночь с 14 на 15 марта он выгрузился из вагонов и отправился маршем к границе, находившейся всего лишь в нескольких километрах от места выгрузки.

В невероятно тяжелых условиях для бойцов, лошадей и моторизованных транспортных средств были преодолены заснеженные перевалы Баварского Леса и крутые подъемы горных дорог Богемского Леса. Тяжелонагруженным грузовикам удавалось преодолевать эти крутые подъемы только с помощью мощных тягачей, имевшихся у артиллеристов и саперов.

Несмотря на все эти трудности, 14 марта подразделения дивизии успешно добрались до своих районов сосредоточения.

Они расположились следующим образом: штаб дивизии, штаб 10-го артиллерийского полка, штаб 10-го саперного батальона и штаб 10-го батальона связи – в курзале «Рикси» у рынка города Айзенштайна; 20-й пехотный полк – в Бёмиш-Айзенштайне; 85-й пехотный полк – в Прахатице и Винтерберге; 41-й пехотный полк

еще перебрасывался по железной дороге в свой район сосредоточения.

В этот же день Словакия объявила о своей независимости, а вызванный в Берлин президент доктор Гаха заявил о переходе Чехии под защиту Германского рейха. Ко всеобщему облегчению, снова все закончилось бескровным вводом войск, на этот раз в Чехию.

15 марта 1939 года все три маршевые группы дивизии перешли чешскую границу, а именно:

– усиленный 85-й пехотный полк – у города Прахатице;

– усиленный 20-й пехотный полк – у города Бёмиш-Айзенштайн;

– усиленный 41-й пехотный полк – у городка Ной-Айгна (находящегося в 10 километрах восточнее городка Фурт-им-Вальд).

Уже в первый день усиленный 41-й пехотный полк добрался до указанного в приказе конечного пункта марша – города Клаттау (*чеш.* Клатовы) и разоружил дислоцированные там чешские 35-й пехотный полк и 4-й драгунский полк. На следующий день 2-й батальон 41-го пехотного полка был передислоцирован в город Таус, где он разоружил чешский 6-й пограничный батальон.

У двух других усиленных пехотных полков, 85-го и 20-го, оказались более удаленные конечные пункты марша, до которых они с большим трудом добирались в течение трех дней, несмотря на ненастье и тяжелейшие дорожные условия. Эти полки разоружили чешские воинские части, расквартированные в городах Страконице, Волин, Писек и Табор.

Теперь для дивизии наступил период оккупации в местах постоянного расквартирования.

Подразделения дивизии разместились следующим образом:

– штаб дивизии – в городе Писек, здесь же находились и штабы 10-го артиллерийского полка, 10-го саперного батальона и 10-го батальона связи;

– усиленный 85-й пехотный полк – в окрестностях городов Писек и Табор;

– штаб полка находился в городе Писек;

– усиленный 20-й пехотный полк – в районе Страконице – Волин;

– штаб полка находился в городе Страконице;

– усиленный 41-й пехотный полк – в городах Клаттау и Таус;

– штаб полка находился в городе Таус;

– 10-й разведывательный батальон – в городе Писек.

Следующие несколько недель были посвящены разоружению

чешской армии и складированию огромного количества оружия, боеприпасов и обмундирования. Чешские офицеры и рядовой состав вели себя корректно, а чешское население сдержанно, но не враждебно. Нигде не наблюдалось никаких столкновений или актов саботажа. Какое разительное отличие от вспышек ненависти и жестокого обращения с немецким населением в 1945 году!

Тем не менее командование и военнослужащие дивизии были искренне рады, когда 1 апреля 1939 года началась переброска войск в места постоянной дислокации на родине. Снова оккупация и присоединение к Германскому рейху чужой государственной территории прошли бескровно. Уже теперь многие немцы задавались вопросом, удовлетворится ли наконец Гитлер достигнутым успехом. В любом случае войска должны были сохранять и повышать свою боевую готовность, так как на горизонте уже грозно маячил «польский вопрос».

Польская кампания 1939 года

В районе стратегического сосредоточения и развертывания в Силезии

С 1 августа 1939 года началась переброска по железной дороге 10-й пехотной дивизии вместе с другими воинскими частями из мест постоянной дислокации на родине на силезско-польскую границу. Дивизия была сосредоточена в районе Бернштадт – Гросс-Вартенберг – Эльс и получила задачу оборудовать полосу обороны дивизии на немецком Восточном валу. Благодаря обстоятельной подготовительной работе, выполненной силами местного VIII армейского корпуса (Бреслау), работа по инженерному оборудованию позиций спорилась и доставляла военнослужащим дивизии истинную радость.

Отношения между воинскими частями, укомплектованными в основном баварцами, и населением Силезии, как в городах, так и в сельской местности, были просто замечательными. Баварцы впервые в жизни познакомились с ландшафтом восточной части Германии с его прекрасными лесами и живописными равнинами. Здесь не было привычных для них гор и холмов, с которых можно было обозревать окрестности на много километров вокруг. Наблюдатели от артиллерии и тяжелого пехотного оружия столкнулись здесь с непривычными условиями видимости. В такой местности было невозможно вести наблюдение за противником, находясь в тылу, позади собственной пехоты. Поэтому наблюдателей специально обучали вести наблюдение из передней линии траншей, выдвигаясь туда вместе с пехотой. Приобретенный опыт очень пригодился позднее во время ведения боевых действий на бескрайних равнинах Польши и Советского Союза.

В конце августа 1939 года политическое положение обострилось до предела. В отдельные дни царила полнейшая неопределенность, и многие задавались вопросом: будет ли война с Польшей или нет? В конце августа национал-социалистическая Германия и Советский Союз заключили известный пакт о ненападении, к которому прилагалось в то время неопубликованное дополнительное соглашение о разграничении взаимных сфер влияния в случае разделения Польши.

В ночь с 25 на 26 августа 1939 года 10-я пехотная дивизия заняла исходные позиции для вторжения в Польшу. Однако неожиданно той же ночью ей было приказано вернуться в свои места расквартирования. Начались переговоры между Германией и Англией, и Гитлер надеялся, что ему удастся побудить Англию

сохранить нейтралитет и в случае войны с Польшей. Но после того как эти переговоры закончились безрезультатно, Гитлер отдал окончательный приказ о нападении на Польшу.

Для 10-й дивизии эта отсрочка была очень кстати. Так как только в самые последние дни августа из Германии в район сосредоточения дивизии прибыли заново сформированные батальоны: 3-й батальон 20-го пехотного полка и 2-й батальон 85-го пехотного полка. Кроме того, в каждую батарею поступили отсутствовавшие до сих пор четвертые орудия и зарядные ящики, а также другая материальная часть. В район сосредоточения дивизии в самый последний момент прибыл и 10-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки, сформированный только 25 августа на базе 17-го дивизиона АИР, дислоцированного в Хайльбронне.

Наконец 31 августа 1939 года поступил условный сигнал: **«План «Вайс» – 01.09.1939 — 4:45».**

Общее положение

Насколько это было известно тогда командованию дивизии, в тот момент сложилось следующее положение.

Немецкие армии наносили удар из Восточной Пруссии на юг и из Померании по так называемому Польскому коридору. С юго-запада из промышленного района Верхней Силезии в направлении Варшавы мощным ударным клином наступала 10-я армия (фон Райхенау). С севера со стороны Познани ее должна была прикрывать 8-я армия (генерал-полковника Бласковица), в состав которой входил и XIII армейский корпус (генерала кавалерии барона фон Вейхса) с 10-й и 17-й пехотными дивизиями.

В районе Познани были сосредоточены мощные польские силы, насчитывавшие, по приблизительным оценкам, не менее десяти дивизий. По всей видимости, и в районе Лодзи были сосредоточены как минимум пять вражеских дивизий. Поэтому с самого начала операции 8-й армии зависели от ответа на важный вопрос: что будут делать польские войска, сконцентрированные в районе Познани? Будут ли они контрнаступать из своего построения уступом вперед на север или же нанесут удар на юг по 10-й армии? Или же они развернутся и постараются соединиться с армиями, дислоцированными во внутренних районах Польши? Только дальнейший ход Польской кампании дал ответ на этот вопрос.

Маршрут продвижения и боевой путь 10-й пехотной дивизии во время Польской кампании изображен на схеме 1. Он делится на семь отрезков:

– наступательный марш через реку Просна;
– форсирование Варты у города Серадз;
– преследование противника в окрестностях Лодзи;
– отражение польского прорыва под Гловно;
– окружение поляков на реке Бзура;
– штурм Варшавы;
– оккупация Варшавы.

Наступательный марш через реку Просна

1 сентября 1939 года в 4:30 утра плотный туман опустился на полосу наступления дивизии. Он сильно ограничил видимость, и она составляла не более 50 метров. В 4:45 10-я пехотная дивизия выступила из своего района сосредоточения по обе стороны от города Гросс-Вартенберг и, перейдя границу, вступила на территорию Польши. Слева от нее продвигалась 17-я пехотная дивизия, а севернее, в восточном направлении двигалась 24-я пехотная дивизия.

В первом эшелоне наступавшей дивизии находились: справа – 20-й пехотный полк, усиленный одной саперной ротой и подразделениями 10-го батальона связи; слева – 41-й пехотный полк, усиленный точно таким же образом.

85-й пехотный полк следовал во втором эшелоне в качестве дивизионного резерва.

10-й артиллерийский полк в полном составе следовал за наступавшими частями и постоянно поддерживал продвижение пехотных полков огнем своих орудий.

Таким же образом для отражения возможной атаки вражеских танков в полосе наступления дивизии был задействован и 10-й противотанковый дивизион.

Несмотря на локальные стычки, под огневым прикрытием 10-

го артиллерийского полка пехотные полки быстро продвинулись вперед и отбросили на восток малочисленные вражеские подразделения, состоявшие из регулярных войск, польских резервистов и партизан.

Полчаса спустя после начала наступления противник попытался взорвать автомобильный мост у населенного пункта Шрайберсдорф (*польск.* Пизарцевице). Увидев это, обер-фельдфебель Бирнер из 13-й роты (пехотных орудий) 41-го пехотного полка бросился со всех ног к мосту и вырвал уже почти полностью сгоревший запальный шнур из мощного подрывного заряда. Тем самым он спас мост от подрыва и сохранил единственный путь подвоза на маршруте продвижения дивизии.

Уже в 7 часов утра дивизия смогла выдвинуть вперед следовавший сначала во втором эшелоне 10-й разведывательный батальон, которым командовал подполковник барон фон Вальденфельс, и использовать его для выполнения поставленной командованием XIII армейского корпуса задачи дня – выхода к реке Просна, служившей в свое время границей между кайзеровской Германией и царской Россией. 10-й разведывательный батальон получил задачу овладеть переправой через Просну у населенного пункта Вышанув и удержать ее до подхода главных сил дивизии.

Для выполнения поставленной командованием задачи дня уже в первый день наступления пехоте требовалось пройти около 40 километров, и это – с полной боевой выкладкой по ужасным польским песчаным дорогам. Над марширующими колоннами постоянно стояло плотное облако пыли, которое в последующие четыре недели стало постоянным спутником немецких войск на дорогах Польши. И все это время ярко светило солнце и стояла удушающая, почти летняя жара. Тем не менее войска неудержимо продвигались вперед.

1 сентября около 15 часов дня 10-й разведывательный батальон атаковал дислоцированные в деревне Вышанув части вражеского кавалерийского полка, отбросил их назад и в качестве трофея захватил два орудия. При этом кавалерист Шек лично захватил одно из орудий, перестреляв орудийный расчет, укрывшись за своим павшим конем. Затем 10-й разведывательный батальон переправился через Просну и захватил небольшой плацдарм на другом берегу реки напротив деревни Вышанув.

Однако теперь для 10-го разведывательного батальона наступили тяжелые часы. Будучи атакованным со всех сторон, в том числе и с тыла, батальон в отчаянной борьбе, иногда переходившей даже в ожесточенную рукопашную схватку, сумел удержать свои позиции до подхода 20-го пехотного полка,

который помог ему удержать оборону, а затем сменил его на позиции и ночью занял плацдарм на другом берегу Просны.

Наступавший широким фронтом 41-й пехотный полк, осуществлявший фланговое прикрытие слева, напрягая все силы, в 22 часа двумя ротами вышел к Просне западнее местечка Веглевице и захватил плацдарм около этого населенного пункта. В ходе ожесточенного ночного боя этому полку удалось отбить контратаку польских войск.

Тем самым дивизии удалось захватить переправу через Просну.

В течение всего дня из отдельных домов гражданские поляки вели огонь по наступавшим немецким войскам. Ночью нападения этих партизан только участились и происходили уже повсеместно.

Вечером этого первого дня боя наша воздушная разведка установила, что противник отступает в восточном направлении. Следовательно, стремительное продвижение немецких войск могло быть продолжено.

2 сентября в 6:30 утра бойцы 10-го саперного батальона уже установили пешеходные мостки через Просну, а к 9 часам был готов и временный мост грузоподъемностью 8 тонн, это было великолепное достижение саперов. 20-й и 41-й пехотные полки продолжили наступление, сохраняя прежний боевой порядок. В этот день им пришлось сражаться с упорно оборонявшимися частями польской 10-й пехотной дивизии, с польским ландвером («народна обрана») и с партизанами. Населенные пункты Лелива и Гута-Клоновка были взяты 1-м и 3-м батальонами 41-го пехотного полка только после ожесточенного боя.

Повсюду наблюдались признаки того, что противник систематически готовился к ведению партизанской войны. На крестьянских хуторах мы неоднократно находили повозки, доверху нагруженные винтовками, боеприпасами и взрывчаткой, все это было предназначено для вооружения гражданского населения. Как правило, поляки позволяли передовым отрядам немецкой пехоты беспрепятственно проходить через свои деревни. Однако, когда через населенный пункт проходили транспортные колонны, обозы или артиллерия, неожиданно из засады по ним открывался ураганный огонь из стрелкового оружия. Например, подобные нападения произошли у деревни Веглевице на 7-ю батарею 10-го артиллерийского полка и у деревни Островек – на 3-й батальон 20-го пехотного полка и 3-ю роту 10-го саперного батальона. На следующий день на месте боя были обнаружены тела трех поляков, которые были привязаны прочными ремнями к стволам деревьев. Ответным огнем был

убит семидесятилетний старик, вооруженный автоматом, который занимал позицию на крыше одного из амбаров. На ржаном поле были обнаружены три мертвые польки, лежавшие у ручного пулемета. Неоднократно от рук партизан или польских солдат, отставших от своих частей, погибали немецкие связные на мотоциклах или велосипедах, отважившиеся в одиночку ночью отправиться в путь.

3 сентября наступление было продолжено в том же боевом порядке, хотя противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Снова партизаны совершили несколько нападений на подразделения дивизии. Так, разведывательный кавалерийский дозор 41-го пехотного полка был внезапно атакован у населенного пункта Хайов. Во время продвижения вперед 1-й батальон 41-го пехотного полка неожиданно попал под прицельный артиллерийский огонь противника. Разведывательная группа 2-й роты обнаружила на одном из хуторов западнее деревни Джигожев на западном берегу Варты двух гражданских, которые по имевшейся у них рации корректировали огонь вражеской артиллерии. Здесь можно было бы привести еще целый ряд подобных происшествий, которые свидетельствовали о вероломном способе ведения боевых действий партизанами и гражданским населением.

Тем не менее, несмотря на подобные стычки и долгие задержки, вызванные повсеместным подрывом мостов, благодаря неутомимой деятельности саперов 10-го саперного батальона и саперных подразделений пехотных полков по их восстановлению наше наступление продолжало неудержимо развиваться. Все воинские части успешно решали поставленные командованием задачи дня.

Форсирование Варты у города Серадз

4 сентября пехотные полки первого эшелона (20-й и 41-й), развернувшись в предбоевом порядке, при постоянной поддержке со стороны 10-го артиллерийского полка и 10-го противотанкового дивизиона выдвинулись к Варте у города Серадз и севернее от него. Предполагалось, что польская армия будет упорно защищать господствующий и хорошо укрепленный восточный берег этой реки. Полки двигались вперед в следующем порядке:

– усиленный 20-й пехотный полк (справа) – через населенный пункт Клоцко на город Серадз;

– усиленный 41-й пехотный полк (слева) – через населенный пункт Харлупя-Мала на деревню Дзигожев.

Находившийся в распоряжении командования дивизии 85-й пехотный полк последовательно подтягивался от рубежа к рубежу.

Когда около 11 часов утра дивизия приблизилась к Варте, раздались мощные взрывы. Это противник взорвал мосты и переходы у города Серадз перед самым носом высланного вперед передового отряда 20-го пехотного полка, взвода самокатчиков под командованием лейтенанта Шмауца. Сам же 20-й пехотный полк подошел к северной окраине города у расположенных на холме казарм.

Передовой отряд 41-го пехотного полка под энергичным командованием капитана Эша, сформированный из бойцов 14-й роты и 1-го взвода 23-го танкового полка, уже в 11 часов вышел к Варте у деревни Дзигожев как раз в тот момент, когда польский эскадрон собирался перейти через Варту, чтобы занять подготовленную позицию на плацдарме. Немецкие танки, противотанковые пушки, пулеметчики и стрелки тотчас открыли массированный огонь по польскому эскадрону, двигавшемуся без всякой разведки и охранения, и полностью уничтожили его. Прибывший вскоре после этого 1-й батальон 41-го пехотного полка при поддержке 3-го дивизиона 10-го артиллерийского полка занял оборону в деревне Дзигожев, в то время как передовой отряд занялся поиском переправ через Варту.

При приближении 20-го пехотного полка к Варте противник повел себя на удивление спокойно. На вражеских позициях на восточном берегу Варты не было заметно никаких признаков жизни. Таким было положение в 13 часов дня, когда командир дивизии вместе с командиром своего артиллерийского полка отправился на высоту севернее Серадза, где находилось городское

кладбище, чтобы оттуда осмотреть местность в районе предстоящего наступления дивизии. Холмы на западном берегу Варты полого спускались к реке. Ширина реки составляла в этом месте около 60 метров, а течение было довольно сильным. Большой автодорожный мост, сооруженный на высокой дамбе, был взорван, точно так же как и железнодорожный мост. Вдоль восточного берега реки протянулась в качестве единственного укрытия защитная дамба, которая, по всей видимости, была занята противником. Позади нее простирался лишенный укрытий и явно заболоченный луг, ширина которого составляла около 3 километров. На горизонте виднелся лес, в котором, очевидно, укрывались оборонявшиеся. У железнодорожной насыпи и позади нее, а также на местности между позициями можно было различить множество бункеров и долговременных огневых точек. Одним словом, более сложную для наступления местность было трудно даже себе представить.

Пехотинцы 20-го пехотного полка сразу же энергично взялись за дело. Около 16 часов лейтенант Зюсс из 5-й роты вместе с двумя бойцами переплыл реку севернее железнодорожного моста и переправил на наш берег несколько лодок, находившихся на восточном берегу. На этих рыбацких лодках и на имевшихся у саперов надувных лодках тотчас началось форсирование Варты. Почти в это же самое время подразделения 3-го батальона 20-го пехотного полка (майора Шефера) перебрались по металлическим фермам не полностью разрушенного железнодорожного моста на восточный берег и закрепились там. Однако едва первые пехотинцы вступили на противоположный берег, как противник открыл по ним плотный огонь. Этот интенсивный обстрел продолжался до самого вечера, не прекратился он и ночью, что существенно затрудняло переправу через Варту и мешало саперам 10-го саперного батальона навести мост вблизи казарм.

Осмотр местности в районе предстоящего наступления, произведенный командиром 41-го пехотного полка из расположенной на высоте деревни Дзигожев, дал похожую картину. Находящаяся примерно в 600 метрах от реки защитная дамба была хорошо укреплена, и ее занимали многочисленные польские силы. Казалось, что форсировать реку в этом месте можно будет только под покровом темноты.

Проведение операции по ночному форсированию Варты в районе северной окраины деревни Дзигожев было поручено 3-му батальону 41-го пехотного полка (подполковника Шмидта), усиленного подразделениями 10-го саперного батальона. Батальон получил задание после прорыва защитной дамбы захватить плацдарм в районе деревни Мнихув. Все резиновые

лодки полка и 1-й роты 10-го саперного батальона были переданы 3-му батальону 41-го пехотного полка.

В 19:30 3-й батальон начал переправляться через Варту; сначала реку форсировали 11-я рота (обер-лейтенанта Каста) и отдельные подразделения 12-й роты (капитана Финка).

Форсирование прошло скрытно от противника, и бойцам удалось незаметно подобраться к защитной дамбе на расстояние броска ручной гранаты. В этот момент поляки открыли шквальный огонь из всех видов имевшегося у них оружия. Недолго думая обер-лейтенант Каст вместе с десятью храбрыми бойцами своей роты перемахнул через защитную дамбу; в завязавшейся рукопашной схватке они уничтожили противостоявших им польских солдат, пустив в ход ручные гранаты и пистолеты, а затем смяли вражескую позицию ударами в оба фланга. Переправившаяся тем временем 10-я рота (обер-лейтенанта Циммермана) перешла в атаку и расширила брешь в защитной дамбе.

В 5 часов утра уже весь 3-й батальон под командованием своего командира пошел в атаку на деревню Мнихув и в 6:30 уже прочно удерживал ее в своих руках. Наряду с большими потерями в живой силе и технике цепко оборонявшиеся поляки потеряли 5 офицеров и 100 рядовых пленными. Только на защитной дамбе в качестве трофеев было захвачено 35 пулеметов, 26 противотанковых ружей, 2 противотанковые пушки и огромное количество ручного огнестрельного оружия. К сожалению, и наши потери оказались чувствительными. Наряду с несколькими отважными бойцами погиб и капитан Финк. Обер-лейтенант Каст был тяжело ранен.

До рассвета удалось переправить через Варту два батальона 20-го пехотного полка (2-й батальон майора Шмёгера и 3-й батальон майора Шефера) и 3-й батальон 41-го пехотного полка, которые сумели ворваться на позицию противника.

Забрезжил рассвет 5 сентября 1939 года. В этот день дивизии предстояло прорвать укрепленную позицию противника на восточном берегу Варты. В качестве первой цели атаки ей был назначен рубеж Мека – Ксьежа – Буда. Ввиду трудности проведения этой атаки требовалось провести основательную и планомерную подготовку, как со стороны командования дивизии, так и со стороны подразделений. В подробном приказе по дивизии 20-му пехотному полку предписывалось атаковать согласно плановой таблице взаимодействия. Прежде всего было необходимо согласовать взаимодействие по времени и месту между пехотой и артиллерией, которая была дополнительно усилена 2-м (тяжелым) дивизионом 53-го артиллерийского полка.

Сосредоточения огня всего артиллерийского полка сменялись огневыми ударами отдельных дивизионов и прицельным огнем по отдельным бункерам и дотам. Перед самой атакой пехоты была проведена десятиминутная артиллерийская подготовка. В 8 часов утра артиллерийский огонь был перенесен на тыловые вражеские позиции. В этот момент пехота пошла в атаку.

20-му пехотному полку пришлось вступить в кровопролитный бой. Наступая правым флангом на защитную дамбу, полк в ожесточенной борьбе упорно приближался к расположенным там бункерам. Уже в 10:45 они были захвачены. Атаку полка значительно облегчала прицельная стрельба 14-й (противотанковой) роты, противотанковые пушки которой неоднократно попадали в амбразуры бункеров. Один из бункеров был разрушен прямым попаданием снаряда, выпущенного из противотанковой пушки унтер-офицера Эшльбека. Позднее в этом бункере обнаружили 14 убитых поляков. Майор Шефер поднял своих бойцов в атаку и лично взял штурмом два бункера с находившимся в них гарнизоном.

Хотя из-за болот и водоотводных канав поле атаки постепенно сузилось до всего лишь 300 метров, а с левого фланга и из перелесков по наступавшим частям постоянно велся плотный огонь из всех калибров, 20-й пехотный полк при активной поддержке артиллерии к 13 часам занял рубеж Мека – Ксьежа-Буда. С помощью связок ручных гранат саперы вывели из строя целый ряд бункеров, примыкавших с юга. Начались упорные бои в лесистой местности, в ходе которых 2-й батальон сумел захватить у деревни Руда польскую батарею, которая до последнего момента продолжала вести огонь.

Тяжелые бои пришлось вести и 41-му пехотному полку, который еще ночью выполнил поставленную перед ним задачу дня и овладел деревней Мнихув. Теперь ему предстояло удержать захваченные позиции. В течение дня поляки снова и снова атаковали Мнихув. Лишь кое-как окопавшийся 3-й батальон 41-го пехотного полка подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу из орудий всех калибров, в то время как самому батальону приходилось рассчитывать на поддержку только одного артиллерийского дивизиона и своего тяжелого оружия. Тем не менее все вражеские атаки были отбиты отважным батальоном. Ближе к вечеру после отражения атаки целого польского батальона, наступавшего со стороны населенного пункта Суха, энергичный командир 8-й (пулеметной) роты с частью своей роты и соседней 9-й роты ударом во фланг смял вражескую позицию, укрепленную бункерами, продвинулся до деревни Суха и захватил ее. Тем самым к 17 часам в руках 41-го

пехотного полка оказалась вся вражеская позиция от населенного пункта Мнихув до деревни Суха.

К 17:30 и 20-му пехотному полку вместе с подчиненным ему 1-м батальоном 41-го пехотного полка под командованием подполковника Петри удалось выйти на рубеж плацдарма, определенный командованием дивизии.

В течение дня командование дивизии использовало и отдельные подразделения своего 85-го пехотного полка, чтобы фланговым огнем с юга помочь 20-му пехотному полку. Во второй половине дня 3-й батальон 85-го пехотного полка по собственной инициативе пошел в наступление через Варту, воспользовавшись взорванным автодорожным мостом. К вечеру батальон ворвался в городок Возники, который противнику пришлось оставить. 10-й разведывательный батальон, осуществлявший охранение у деревни Бискупице, также пошел в атаку, форсировал Варту и занял деревню Грады, лежащую на восточном берегу реки.

Артиллерия дивизии под целеустремленным командованием своего командира, полковника барона фон Романа, оказывала отличную поддержку пехоте, которая вела ожесточенный бой с противником. Так, например, 10-я батарея с расстояния 10 километров нанесла тяжелые потери вражеской колонне, находившейся у западного выезда из города Шадек, что было установлено при захвате этой местности. У населенного пункта Руда была обнаружена польская батарея, которая была подавлена батареей 1-го дивизиона тяжелых полевых гаубиц 46-го артиллерийского полка во взаимодействии с батареей звуковой разведки 10-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки; все орудия польской батареи оказались полностью выведены из строя.

Правда, и вражеская артиллерия не бездействовала. К тому же она занимала позиции в хорошо знакомой ей местности и смогла нанести немецкой пехоте существенные потери.

Форсирование Варты оказалось для 10-й пехотной дивизии первой большой победой. В течение 12 часов была прорвана казавшаяся неприступной вражеская позиция, которую упорно защищал отважный противник. Благодаря этой победе у немецких солдат, и прежде всего у пехотинцев, появилось чувство безусловного превосходства над польскими солдатами. Дивизии удалось захватить большое число пленных, и ей достались богатые трофеи. Еще большим оказался оперативный успех, так как и правый сосед дивизии, 17-я пехотная дивизия, сумела с боем взять переправу через Варту у населенного пункта Хойне, в то время как на участке соседа слева, 24-й пехотной дивизии, в руки немецких войск попали три неповрежденных моста через

Варту. Польской армии, сосредоточенной в районе Познани, оставалось только отступить на восток.

Преследование противника в окрестностях Лодзи

Ночь с 5 на 6 сентября прошла для подразделений дивизии относительно спокойно. Видимо, отступление польских войск происходило неорганизованно и представляло собой скорее паническое бегство. Повсюду встречалось брошенное оружие, боеприпасы, снаряжение, оставленные, часто разграбленные транспортные средства. Сотни польских солдат без боя сдавались в плен.

Только у саперов дивизии по-прежнему было много работы. Трудясь не покладая рук, к 2 часам ночи они сумели навести мост через Варту, грузоподъемность которого составляла около 8 тонн. По этому мосту дивизия и переправилась через реку. На другом берегу Варты не было обнаружено никаких дорог. Дивизии предстояло преодолеть заливной луг шириной около 3 километров, который местами представлял собой настоящее болото. И снова саперов ожидала тяжелая работа. С помощью связок фашин и мощных тягачей они за 24 часа переправили через эту топь все транспортные средства дивизии. Путь проходил через захваченную польскую позицию. Она была завалена трупами мертвых польских солдат. Оставалось только удивляться, как нашим отважным пехотинцам удалось взять штурмом такие мощные бункеры и преодолеть все заграждения.

6 сентября наступательный марш проходил без серьезного сопротивления со стороны противника. Задачи дня были достигнуты почти без боя: 20-й пехотный полк занял район в окрестностях городка Войславице, 41-й пехотный полк взял город Старе-Рембеске, а 85-й пехотный полк овладел городом Шадек. Штаб дивизии разместился в старинном замке в городе Войславице, в котором еще в первой половине дня находился командный пункт 10-й польской дивизии.

7 сентября вышестоящее командование приказало стремительным броском осуществить двойной охват Лодзи, где, по предварительной оценке, еще должны были находиться крупные силы противника. 10-я пехотная дивизия должна была выйти к городу Александров-Лодзки через Лутомерск. В свою очередь, 17-я пехотная дивизия должна была атаковать Лодзь с юга. Еще одна дивизия должна была выйти к городку Бжезины восточнее Лодзи.

Поскольку у Лутомерска находилась важная переправа через реку Нер, командование дивизии решило стремительным ударом

захватить ее еще в ночь на 7 сентября. Это задание было поручено командиру 10-го разведывательного батальона, который был усилен 14-й (противотанковой) и 9-й ротами 85-го пехотного полка на грузовиках, а также тремя танками. С этой боевой группой командир 10-го разведывательного батальона в полночь ворвался в Лутомерск и захватил мост в целости и сохранности. Он рассеял находившийся в городе польский гарнизон и обеспечил охрану переправы. На следующее утро к Лутомерску приблизились два вражеских танка, которые сопровождал бензовоз, предназначавшийся для поджога деревянного моста. Рядовой Зольдан из 14-й (противотанковой) роты 85-го пехотного полка с близкого расстояния подбил из своей противотанковой пушки оба польских танка. Бензовоз тоже загорелся и выгорел дотла. Тем самым была предотвращена попытка поляков уничтожить мост.

Благодаря захвату Лутомерска 10-я пехотная дивизия быстро продвинулась вперед. Двигавшийся в этот день впереди 85-й пехотный полк уже в 14 часов дня подошел к городку Александров-Лодзки, взятие которого являлось для дивизии задачей дня. Этот город являлся немецким поселением. Горожане приветствовали немецкие войска криками радости.

Этот день был жарким и солнечным. Длинные колонны беженцев двигались со своими повозками по всем дорогам, поднимая густые облака пыли и создавая пробки.

Принимая во внимание, что еще было довольно рано, и осознавая, что в Лодзи должны были находиться крупные вражеские силы, командование дивизии решило, что не имеет права успокаиваться на достигнутом. Важное стратегическое положение занимал находившийся северо-восточнее Лодзи городок Стрыкув, с захватом которого можно было надеяться, что удастся отрезать путь к отступлению польским войскам, дислоцированным в Лодзи.

Поэтому командование дивизии отдало приказ, который прозвучал для пехотинцев как любимая музыка: «Преследовать противника». Воинские части дивизии с воодушевлением устремились вперед. В качестве передового отряда наступал 10-й противотанковый дивизион с бойцами 9-й роты 85-го пехотного полка на броне, усиленный 14-й (противотанковой) ротой 85-го пехотного полка. Несмотря на плотный огонь с обоих флангов, дивизион устремился через город Згеж к Стрыкуву, занял там круговую оборону и вынудил сдаться длинную польскую воинскую колонну, состоявшую из 50 автомобилей, 300 лошадей и 300 бойцов. Полковник Тома поспешил выехать вперед во главе своего 3-го батальона 85-го пехотного полка. Организовав

челночное движение захваченных польских грузовиков, удалось быстро перебросить вперед, на помощь 10-му противотанковому дивизиону, и остальных бойцов этого батальона. Сразу же за ними последовал 2-й дивизион 10-го артиллерийского полка под командованием подполковника Корбахера. Так что кольцо окружения вокруг Стрыкува становилось все уже и плотнее. В 2 часа ночи прибыло последнее подразделение – 1-й батальон 85-го пехотного полка под командованием капитана Рорбахера. Накануне командование дивизии развернуло его в сторону казарм, расположенных южнее города, где 10-й разведывательный батальон вел тяжелый бой с несколькими тысячами поляков и уже понес значительные потери. При поддержке 6-й батареи 10-го артиллерийского полка 1-й батальон 85-го пехотного полка атаковал казармы, выбил из них противника и отбросил его на юг. После этого батальон форсированным маршем поспешил к Стрыкуву к своему полку. В этот день батальон преодолел около 65 километров.

Остальные воинские части дивизии (20-й пехотный полк, главные силы 10-го артиллерийского полка, 41-й пехотный полк и 10-й саперный батальон) подтянулись к передовым частям. В полночь в городе Александров-Лодзки уже находились не передовые части дивизии, а замыкающие подразделения. Таким образом, в этот день дивизия справилась с двумя дневными переходами. Уже к вечеру вся артиллерия дивизии заняла позиции восточнее города Згеж и начала обстрел восточных выездов из Лодзи, чтобы максимально затруднить прорыв польских войск, находившихся еще в Лодзи. Из показаний пленных стало известно, что этот обстрел привел к ужасающим последствиям. Целые колонны отдельных польских воинских частей так и не смогли прорваться на восток, это удалось сделать лишь отдельным мелким подразделениям.

В течение ночи были подтянуты: 20-й пехотный полк в район Згеж – Александров-Лодзки, 41-й пехотный полк в район Дуче – западная окраина Лутомерска, 10-й разведывательный батальон в Згеж, штаб дивизии разместился в городе Воля-Гжымкова юго-восточнее Александров-Лодзки. Главные силы 10-го саперного батальона все еще оставались в городе Серадз, в то время как его 3-я (моторизованная) рота сумела выдвинуться в местечко Добрухов.

8 сентября 10-я пехотная дивизия должна была нанести удар через Стрыкув в восточном направлении на Колазин, чтобы отрезать путь отступления польским войскам, сосредоточенным вокруг Лодзи, на север и на восток. Двигавшийся впереди 85-й пехотный полк, усиленный 2-м дивизионом 10-го

артиллерийского полка, получил задание создать оборонительный рубеж фронтом на юг на линии Незулков – южная опушка леса восточнее городка Колониа-Незулков – Колазин. Силами передового отряда полк должен был блокировать важный для противника путь отхода северо-восточнее населенного пункта Липка.

20-й пехотный полк должен был сменить 85-й пехотный полк, находившийся у города Стрыкув, и, будучи усиленным 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, занять оборонительный рубеж фронтом на юг по обе стороны от местечка Добра.

41-й пехотный полк, примыкавший с запада к 20-му пехотному полку, должен был занять оборону на рубеже от города Згеж. Таким образом, довольно редкая линия обороны дивизии протянулась от Колазина до Згежа.

Поскольку другие немецкие войска продвинулись с юга к населенному пункту Бжезины, казалось, что кольцо вокруг остатков польских войск в Лодзи окончательно сомкнулось.

Окруженные поляки пытались во многих местах прорвать это кольцо окружения. Особенно тяжелый бой разгорелся на участке 85-го пехотного полка. Передовой отряд этого полка (усиленная 7-я рота), передвигавшийся на грузовиках 10-го противотанкового дивизиона, попал у города Колониа-Незулков под сильный вражеский обстрел. Только при поддержке подошедшего в 13 часов 1-го батальона, с которым прибыл и полковник Тома, после ожесточенного боя удалось овладеть этим населенным пунктом. Около 15 часов на командном пункте 85-го пехотного полка появился командир дивизии и подчинил полку прибывающие на грузовиках 1-й батальон 41-го пехотного полка, 10-й разведывательный батальон и 3-ю (моторизованную) роту 10-го саперного батальона. В тяжелом бою в лесистой местности, продолжавшемся до глубокой ночи, 85-й пехотный полк и подчиненные ему воинские части к 3 часам утра заняли весь лесной массив восточнее города Колониа-Незулков. Поляки отчаянно оборонялись. В качестве трофеев в руки полка попали три орудия и три танка, около 400 поляков сдались в плен.

Серьезные бои завязались и на участке 20-го пехотного полка. Во время марша в направлении Стрыкува походная колонна неожиданно была обстреляна с фланга польским пулеметным взводом. Недолго думая обер-лейтенант Херинг со своей 14-й (противотанковой) ротой атаковал противника и после скоротечного боя взял в плен 2 офицеров и 36 рядовых вместе со всем их оружием, лошадьми и повозками. Во второй половине дня боевое охранение 20-го пехотного полка (3-я рота) было

атаковано польским батальоном, поддержанным польской артиллерией, которому удалось сбросить 3-ю роту с господствующей высоты 211, находившейся в 6 километрах южнее Стрыкува. 1-й батальон, усиленный 10-й ротой, сразу же перешел в контратаку. И к 18 часам высота 211 снова была в руках полка.

А вот 41-му пехотному полку в этот день так и не пришлось участвовать в боевых действиях. Зато его боевое охранение захватило более 100 пленных, одно польское орудие и много стрелкового оружия, а также вражеский эшелон с продовольствием и колонну на конной тяге, перевозившую боеприпасы.

9 сентября дивизия намеревалась в полном составе продолжить наступление на юго-восток, чтобы окончательно разгромить противника, который уже не мог отступить на восток или на север. Однако, поскольку вскоре выяснилось, что ночью польские войска все-таки сумели ускользнуть на восток через брешь у города Бжезины, 41-й пехотный полк, усиленный 2-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, был развернут на Стрыкув с заданием продолжить преследование противника в восточном направлении. Задачей дня для 41-го пехотного полка был определен город Скерневице. 20-й пехотный полк должен был развернуться и следовать за 41-м пехотным полком. Усиленный 85-й пехотный полк получил задание повернуть от Колазина на север и пристроиться за 20-м пехотным полком. Тем самым дивизия снова выстроилась в одну походную колонну, двигавшуюся в направлении города Скерневице. Однако все пошло по-другому, так как внезапно положение резко изменилось.

Отражение польского прорыва под Гловно

Усиленный 41-й пехотный полк, постоянно подгоняемый своим командиром, после изматывающего марша по плохим, забитым колоннами беженцев дорогам, то и дело вступая в бои с арьергардами польской 30-й пехотной дивизии, приблизился на 6 километров к городу Скерневице.

Головной отряд 20-го пехотного полка, усиленного 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка (моторизованные подразделения штаба полка, 2-й батальон и 14-я (противотанковая) рота), без соприкосновения с противником подошел к городку Лысковице и разместился на сахарном заводе. Остальные подразделения полка, постепенно отставшие из-за постоянных заторов на дорогах, остановились на ночлег у деревни Дмозин, в которой находился и штаб дивизии.

85-й пехотный полк, вместе с которым двигались и главные силы артиллерии, дошел до селения Тшчанка, а 10-й разведывательный батальон вышел к деревне Пшезонов. 10 сентября дивизия собиралась продолжить преследование разгромленного противника в восточном направлении. Первой целью атаки должны были стать переправы через реку Равка у населенных пунктов Камион и Руда.

В ночь с 9 на 10 сентября 3-й батальон 20-го пехотного полка успешно отразил атаку двух польских рот, отбившихся от своих частей.

1-й батальон 41-го пехотного полка, прибывший утром в расположение своего полка, был тотчас переброшен на грузовиках без своих лошадей и повозок в качестве передового отряда в город Скерневице, который, по полученным донесениям, противник уже оставил. Батальон получил задание при огневой поддержке танков, 20-мм зенитных установок и следующей за ними пехоты продвинуться в сторону населенных пунктов Камион и Руда, овладеть находившимися там переправами и захватить на другом берегу реки плацдарм.

Подчиненный полку 10-й разведывательный батальон, находившийся в деревне Грабина, доложил, что Руда и местная переправа через реку Равка заняты крупными силами противника.

В яростном наступательном порыве в 10 часов утра 1-й батальон 41-го пехотного полка достиг города Скерневице, на восточной окраине которого его 1-я рота и подчиненная батальону 1-я рота 10-го противотанкового дивизиона тотчас заняли оборону. В это время две другие роты батальона, усиленные одним взводом 23-го танкового полка и четырьмя 20-

мм зенитными пулеметами, продолжили свое движение на восток, а именно 3-я усиленная рота (капитана Вилля) в направлении Камиона и 2-я усиленная рота (обер-лейтенанта Майрхофера) в направлении Руды. В нескольких километрах от пунктов назначения обе роты наткнулись на толпы польских солдат, бегущих в панике на восток, которые сразу же сдались. Точно так же без боя сдались и четыре польские батареи, двигавшиеся в том же направлении.

Одна из групп все еще находившихся на передовой наблюдателей 3-й батареи оптической разведки 10-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки взяла в плен обнаруженного ею командира польского полка вместе со всем его штабом.

Но потом военная удача отвернулась от наших бойцов. Находясь под впечатлением первых успехов, погруженные на грузовики 2-я и 3-я роты 41-го пехотного полка последовали вплотную за танками без достаточной огневой поддержки и вскоре приблизились к Камиону и Руде. Обнаружив слабость наступавшего батальона, противник открыл по нему со всех сторон ураганный огонь. Польская артиллерия вела огонь по колонне с другого берега Равки. Многие грузовики были подбиты и выгорели дотла, обе роты понесли тяжелые потери. Захваченные польские батареи были снова потеряны. Четыре орудия 3-й роты 10-го противотанкового дивизиона вели ответный огонь до тех пор, пока их орудийные расчеты не погибли в бою или не были ранены. В конце концов все четыре орудия были разрушены взрывами. При попытке организовать оборону от ранения в голову погиб капитан Вилль. Оберлейтенант Майрхофер и лейтенант Нецш были ранены. Остатки батальона были вынуждены отступить. У деревни Паметма их подобрал подошедший 2-й батальон 41-го пехотного полка. При поддержке 2-го дивизиона 10-го артиллерийского полка и одной тяжелой батареи этот батальон начал планомерное наступление на Камион и Руду и еще до наступления темноты овладел мостами через Равку, находившимися в этих населенных пунктах.

В этот день усиленный 41-й пехотный полк вел тяжелый бой в одиночку. Для главных сил дивизии положение изменилось ко2 А. Шмидт ренным образом, и их пришлось перебросить в северном направлении.

Севернее 10-й пехотной дивизии на южном берегу Бзуры 24-я пехотная дивизия продвинулась далеко на восток до района Лович – Сохачев и блокировала находившиеся там мосты через Равку, отрезав путь к отступлению польской армии,

находившейся в районе Познани. За 24-й пехотной дивизией следовала тремя сильно растянувшимися полковыми группами 30-я пехотная дивизия. На эту 30-ю дивизию и наткнулась отходившая из Познани на восток польская армия (под командованием генерала Кутжебы). Она повернула на юг и у населенного пункта Собота своим восточным флангом атаковала через Бзуру 30-ю пехотную дивизию, бросив в бой свои пехотные и кавалерийские части. 30-я пехотная дивизия была отброшена на юг и юго-запад. Этот удар угрожал не только растянувшейся на 50 километров и сражавшейся тремя полковыми группами 10-й пехотной дивизии, но и представлял серьезную угрозу с фланга и с тыла для всей 10-й армии, наступавшей на Варшаву.

Поэтому 10 сентября по приказу командования 8-й армии был поднят по тревоге 20-й пехотный полк, находившийся в Лысковице и в Дмозине. Он получил приказ вместе с подчиненными ему 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и 2-м (тяжелым) дивизионом 53-го артиллерийского полка и с помощью остатков отходивших от Камиона колонн с боеприпасами форсированным маршем выдвинуться через деревню Крепа к населенному пункту Хруслина, чтобы ударом с востока на Белавы блокировать вражеский прорыв.

Чтобы удар 20-го пехотного полка был нанесен вовремя и оказался эффективным, надо было спешить. Поэтому полковник Шмидт решил погрузить штаб 2-го батальона (майора Шмёгера), 5-ю роту, отделение минометчиков 8-й роты и взвод пехотных орудий на моторизованные транспортные средства 14-й (противотанковой) роты (все без лошадей и повозок) и перебросить их вместе с 14-й ротой до местечка Хруслина. Этот передовой отряд должен был немедленно атаковать любого противника, который встретится ему на пути. Остатки 2-го батальона следовали за передовым отрядом, частично пешком, частично на постепенно прибывавших грузовиках двух автотранспортных колонн, перевозивших ранее боеприпасы и теперь выполнявших челночные поездки для переброски личного состава батальона.

Около 14 часов передовой отряд (под командованием оберлейтенанта Шмауца) попал под интенсивный обстрел как у деревни Трабы, так и у деревни Хруслина и городка Пиотровице. Отряд немедленно пошел в атаку. Около 15:30 подошли и остальные подразделения 2-го батальона и пошли в наступление с примыканием к 5-й роте, которая уже сумела продвинуться до кладбища деревни Хруслина. Большое беспокойство атаковавшим воинским частям доставляли вражеские легкие танки.

Уже в 14:30 командир полка прибыл в Трабы и с нетерпением

ожидал подхода других батальонов и артиллерии, которые командование дивизии направило из Дмозина непосредственно в Трабы. Около 17 часов эти подразделения наконец прибыли и сразу же заняли исходные позиции для атаки. После мощной артиллерийской подготовки в 18:00 полк перешел в атаку и, сломив в ожесточенном бою сопротивление сильного противника, еще до наступления темноты вышел на рубеж город Пиотровице – западная окраина Хруслины. Теперь вражеские силы атаковали открытые правый и левый фланги полка. То затихая, то снова разгораясь, бой продолжался всю ночь.

Вечером 10 сентября расположение 10-й пехотной дивизии выглядело следующим образом:

– штаб дивизии – Дмозин;

– усиленный 41-й пехотный полк (без 1-го батальона) с 2-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и 3-й (моторизованной) ротой 10-го саперного батальона – Скерневице;

– усиленный 20-й пехотный полк с 3-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и 2-м дивизионом 53-го артиллерийского полка – Хруслина;

– 85-й пехотный полк, 1-й дивизион 10-го артиллерийского полка и 1-й дивизион 46-го артиллерийского полка – Тшчанка.

Около 23:00 на командный пункт дивизии поступил приказ командования корпуса на 11 сентября. Он предусматривал сосредоточение всей дивизии западнее города Гловно. Дивизии был переподчинен 2-й дивизион 46-го артиллерийского полка (корпусной артиллерии). 11 сентября в 5 часов утра 10-я пехотная дивизия должна была наступать на север. Примыкавшая к ней справа 24-я пехотная дивизия должна была своим левым флангом наступать через Гловно. Слева 6-й пулеметный батальон должен был севернее Стрыкува установить стык с 17-й пехотной дивизией, наступавшей с юго-запада. Эта атака призвана была окончательно устранить опасность, грозившую 10-й армии.

Командованию дивизии предстояло принять очень трудное решение. О противнике ему было известно, что в 5 километрах севернее Гловно у населенного пункта Хеленов уже стояла вражеская кавалерия. Но пока еще оставалось неизвестно, как далеко продвинулся противник северо-западнее Гловно. Во всяком случае, у нас там не было боеспособных воинских частей.

Расчет времени и расстояния показал: 85-й пехотный полк и главные силы артиллерии находились у города Тшчанка, удаленного почти на 20 километров. Возможно, что в темную ночь к 5 часам утра и удастся перебросить 85-й пехотный полк по проселочным дорогам в поселок Братошевице. Но после такого перехода полк будет не в состоянии атаковать противника в 5

часов утра. 41-й пехотный полк находился в городе Скерневице, более чем в 40 километрах от штаба дивизии. Перед ним был противник, закрепившийся в Камионе и Руде. Противостоявшие этим польским войскам 10-й разведывательный батальон и 1-й батальон 41-го пехотного полка должны были оставаться на месте. Главные силы 41-го пехотного полка могли бы прибыть не раньше чем в 11 часов утра. 20-й пехотный полк ведет тяжелый бой с превосходящими силами противника. И еще неизвестно, сможет ли он вообще оторваться от неприятеля. Он находится примерно в 30 километрах и, возможно, мог бы прибыть на место сбора к 9 часам утра. Но возникает опасность, что в решающие часы он будет находиться на марше, вместо того чтобы – как сейчас – сражаться.

Совершенно неясно, когда стоявшая у города Лович 24-я пехотная дивизия сможет оказаться у Гловно. Следовательно, Гловно подвергается большой опасности. В угрожаемом положении оказывается правый фланг 10-й пехотной дивизии, которая еще только сосредотачивается.

Таким образом, приказ корпуса оказывается невыполнимым. Командование дивизии предложило корпусу следующее решение, которое и было принято.

Итак, необходимо обеспечить оборону Гловно. Туда следует направить отдельные мобильные соединения дивизии: 10-й противотанковый дивизион (без 3-й роты, находящейся под Скерневице) и 3-ю (моторизованную) роту 10-го саперного батальона.

85-й пехотный полк вместе с 1-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и 1-м дивизионом 46-го артиллерийского полка сначала должен занять оборону севернее поселка Братошевице.

Необходимо как можно быстрее подтянуть 41-й пехотный полк по хорошей дороге через деревню Крепа.

20-й пехотный полк должен был оставаться у города Белавы и на рассвете перейти в наступление. Тем самым особенно чувствительный к ударам во фланг противник будет по крайней мере задержан в его продвижении на юг. Теперь только от 20-го пехотного полка зависит исход всего дневного боя.

Следует попросить 24-ю пехотную дивизию как можно быстрее занять Гловно своими боеспособными частями.

Но все эти меры могли сказаться только на следующий день. Если противник продолжит свое наступление, то вплоть до Дмозина он не столкнется с серьезным сопротивлением. Затем положение складывалось следующим образом. 10-й противотанковый дивизион и 3-я (моторизованная) рота 10-го

саперного батальона темной ночью устремились к Гловно. Примерно в час ночи они столкнулись на северной окраине города с входящей в Гловно польской кавалерией. Они тотчас атаковали ее и отбросили противника на север.

24-я пехотная дивизия продемонстрировала верность фронтовому братству. Еще до рассвета к Гловно прибыли две роты 31-го пехотного полка этой дивизии и приняли на себя охранение города. Главные силы артиллерии 10-й пехотной дивизии около 5 часов утра прибыли в район южнее поселка Братошевице и заняли исходные позиции. Но 85-й пехотный полк отсутствовал! В темноте он оказался позади артиллеристов и на плохих дорогах теперь не мог обогнать застрявшие кое-где орудия дивизионной артиллерии. Главные силы артиллерии оказались бы беззащитными, если бы противник атаковал в этот момент. Но почему же он не появлялся?

Ответ на этот вопрос дала громкая канонада, которая в 5:30 утра 11 сентября донеслась с северного направления. Это 20-й пехотный полк пошел в атаку. Осознавая сложность полученного задания и понимая его решающее значение для общей обстановки, командир полка повел свой полк в решительное наступление на населенные пункты Пшимус и Белавы. С 2-м и 3-м батальонами в первом эшелоне атаки и при отличной поддержке артиллерии и тяжелого пехотного оружия полк успешно пробил себе дорогу. Около 7:30 2-й батальон ворвался в Пшимус и выбил оттуда польский батальон, отбросив его к деревне Собота. И 3-й батальон подошел вплотную к городку Белавы. Крупное соединение противника, которое двигалось на юг, попав под огонь полка, было вынуждено повернуть на восток и вступить в бой. Около 9 часов утра оба батальона были атакованы превосходящими силами противника с западного и северо-западного направления. Эту атаку поддерживала вражеская артиллерия, занимавшая позицию у деревни Собота. Несмотря на плотный огонь обороняющихся немецких батальонов, поляки продолжали отважно приближаться к немецким позициям. Но 20-й пехотный полк отчаянно оборонялся, стараясь удержать захваченные позиции.

1-й батальон тоже был атакован в лоб, а затем противник попытался обойти его слева. Постепенно начала ощущаться нехватка не только снарядов для орудий, но и боеприпасов для стрелкового оружия пехотинцев. Все больше пулеметов и минометов выходило из строя в результате прямого попадания вражеских снарядов. Потери росли с каждой минутой, вызывая серьезные опасения у командира полка. Полк был атакован с трех сторон, и возникла опасность окружения, из которого полк уже не

смог бы выбраться. Тем не менее полковник Шмидт был полон решимости держаться до конца, чтобы предотвратить еще худшие последствия для дивизии, и даже для всей армии.

В полдень, когда противник приблизился к переднему краю обороны уже на 400 метров, на командном пункте полка, на – ходившемся рядом с передовой, появился командир XIII армейского корпуса генерал кавалерии барон фон Вейхс со своим начальником штаба, генералом Штеммерманом. После того как полковник Шмидт проинформировал командира корпуса о положении полка, генерал фон Вейхс посчитал задание полка – связать крупные силы противника – выполненным и приказал поэтапно отвести полк на восток, сначала на рубеж Хруслина – Трабы. Действительно, этот отвод полка произошел в самый последний момент перед вражеским прорывом и уже намечавшимся окружением. Отважно сражавшийся на правом фланге 2-й батальон лишь с огромным трудом избежал окружения, так как западнее Хруслины противник нашел переправу через Бзуру. Однако эта вражеская атака вскоре была остановлена благодаря прицельному огню 2-го дивизиона 53-го артиллерийского полка. Затем в течение ночи 20-й пехотный полк смог беспрепятственно оторваться от противника и отойти на восток. В этом бою полк сумел добиться большого успеха, правда, и потери оказались тяжелыми. Наряду со многими отважными унтер-офицерами и рядовыми за эти тяжелые 36 часов погибли и четыре офицера: обер-лейтенант Зайф, командир 10-й роты, обер-лейтенант запаса Бродмеркель, командир 5-й роты, и лейтенанты запаса Каммермайер и Вольфбауэр.

После того как 20-й пехотный полк оторвался от противника, во второй половине дня ослабло и давление на неприятеля. Тогда главные вражеские силы двинулись на юг, чтобы осуществить свой первоначальный замысел: прорыв в южном направлении. Однако теперь для этого было уже слишком поздно!

Удивительным образом уже к 6 часам утра восточнее Гловно появился 41-й пехотный полк (без своего 1-го батальона и без 10-го разведывательного батальона). За ночь он преодолел форсированным маршем около 40 километров, что было достойно восхищения. Правда, теперь ему нужно было несколько часов отдохнуть в районе деревень Строневице и Топорув.

К 9 часам утра в районе поселка Братошевице появился и 85-й пехотный полк, 3-й и 1-й батальоны которого под огневой защитой 1-го дивизиона 10-го артиллерийского полка заняли оборону в лесу северо-западнее Братошевице фронтом на северо-запад. 2-й батальон прикрывал левый фланг полка на железнодорожной насыпи севернее Стрыкува. Однако сначала так

и не произошло соприкосновения с противником.

И 24-я пехотная дивизия со своими воинскими частями и теперь подчиненным ей 20-м пехотным полком выдвинулась на рубеж севернее дороги Лович – Гловно. Тем самым опасность прорыва была окончательно устранена.

Во второй половине дня 41-й пехотный полк передислоцировался в район местечка Доморадзин и занял исходную позицию справа от 85-го пехотного полка для атаки на северо-запад. Позади него занимала позицию вся артиллерия (кроме подразделений, находившихся в 20-м пехотном полку). 1-й батальон 41-го пехотного полка и 10-й разведывательный батальон доложили о своем выступлении из Скерневице, так как находившийся там противник отошел на восток.

В 17:00 оба пехотных полка натолкнулись в сложной лесистой местности на продвигавшегося вперед противника. Неприятель, флангу которого уже не угрожал 20-й пехотный полк, при мощной поддержке своей артиллерии пошел в атаку. Завязался ожесточенный встречный бой, продолжавшийся почти до полуночи. После тяжелого боя 3-й батальон 41-го пехотного полка занял деревушку Плудвины и сумел удержать ее, отбив несколько яростных атак 14-й польской дивизии.

85-й пехотный полк со своими 3-м и 1-м батальонами завязал тяжелые бои у деревень Садовка и Козле. Особенно ожесточенным был бой на участке 2-го батальона, атаковавшего деревню Оссе, в котором погиб командир батальона, майор Шмидтконц. В брешь, возникшую на левом фланге дивизии, пришлось выдвинуть подразделения 10-го саперного батальона. Саперы отлично зарекомендовали себя в атаке и взяли западную окраину деревни Оссе. Тем самым была устранена опасность прорыва противника на Стрыкув и установлено соприкосновение слева с 6-м пулеметным батальоном.

12 сентября бои на участках 41-го и 85-го пехотных полков продолжились. Из показаний пленных следовало, что на первую половину дня 12 сентября противник готовил наступление. После того как еще в ночь с 11 на 12 сентября артиллерия дивизии с помощью 10-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки подавила все обнаруженные вражеские батареи, в первой половине дня 12 сентября дивизия сосредоточила всю свою артиллерию для нанесения мощных огневых ударов по обнаруженным исходным позициям противника. Видимо, эти огневые налеты оказались настолько эффективными, что запланированная польская атака так и не была проведена. В течение дня немецкие войска заняли деревни Оссе, Козле и Садовка и отразили несколько вражеских контратак. Ночью

противник многократно атаковал позиции 41-го пехотного полка у деревни Плудвины. Эта деревушка пять раз переходила из рук в руки, пока, наконец, 41-й пехотный полк окончательно не овладел ею.

День 13 сентября прошел спокойно, так что войска – хотя и в боевом порядке – смогли перевести дух и немного передохнуть. Согласно показаниям пленных, ночью главные силы польских войск отошли к населенному пункту Пёнтек (14 километров северо-западнее деревни Плудвины). Во второй половине дня дивизия, преодолевая с боем сопротивление вражеских арьергардов и партизан, продвинулась на север и поздним вечером расположилась в боевом порядке по обе стороны от деревни Поповек. При этом 41-й пехотный полк, к которому снова присоединился его 1-й батальон, занимал позицию справа, а 85-й пехотный полк – слева.

14 сентября дивизия продолжила наступление на север, ведя бои с вражескими арьергардами. Главные силы противника отошли на север за Бзуру. Попытка вражеского прорыва окончательно потерпела неудачу.

При приближении к Бзуре сопротивление поляков значительно усилилось. 41-й пехотный полк попал под артиллерийский обстрел с позиций севернее Бзуры и под пулеметный огонь с высот, находившихся на южном берегу реки. К 16:30 41-му пехотному полку удалось захватить населенные пункты Хруслина, Петровиче, Белавы и Белавы-Весь, которые еще несколько дней тому назад оказались свидетелями жарких боев 20-го пехотного полка. На ночь 41-й пехотный полк занял оборону на рубеже Трабы – Хруслина – Петровиче.

85-й пехотный полк продвигался вперед быстрее и уже к полудню достиг южной окраины заболоченной низменности западнее деревни Валевиче. Около 23 часов этот полк был сменен на позиции 46-м пехотным полком и после утомительного марша по глубокому песку в район северо-западнее Гловно смог расположиться на заслуженный отдых.

День 15 сентября был использован для того, чтобы перегруппировать дивизию и занять исходное положение для наступления через Бзуру, намеченного на 16 сентября. Вместо 20-го пехотного полка, продолжавшего сражаться в составе 24-й пехотной дивизии, из Ольденбурга в дивизию был направлен 16-й пехотный полк. Он был переброшен из города Заган (*польск.* Жагань) на транспортных самолетах люфтваффе в Лодзь, а оттуда перевезен в Гловно на автобусах. У этого полка под командованием полковника Крайзинга не оказалось ни лошадей, ни автомобилей, ни полевых кухонь. Все оружие, боеприпасы и

материальную часть военнослужащие полка вынуждены были нести на себе или везти на ручных тележках по ужасным польским дорогам. Но все эти трудности были в конце концов успешно преодолены.

16 сентября дивизия начала наступление в следующем боевом порядке:

– 16-й пехотный полк, справа, южнее Хруслины. 1-я и 2-я роты 10-го саперного батальона, а также 1-я рота 10-го противотанкового дивизиона должны были взаимодействовать с 16-м пехотным полком. Позади 16-го пехотного полка должен был следовать 1-й батальон 41-го пехотного полка, которому после форсирования Бзуры предписывалось повернуть на запад, чтобы облегчить, вне всякого сомнения, трудную атаку 41-го пехотного полка на хорошо укрепленную деревню Собота;

– 41-й пехотный полк, слева, занимавший исходную позицию южнее Соботы, должен был силами своего 2-го батальона взять эту деревню, как только 1-й батальон нанесет удар с фланга. Командир полка оставил свой 3-й батальон в качестве резерва у деревни Белавы-Весь;

– 85-й пехотный полк, находившийся в распоряжении командования дивизии, занимал исходную позицию южнее городка Белавы и, в зависимости от развития обстановки, должен был проследовать через деревню Собота или деревню Узеце (5 километров восточнее Соботы).

Ночью пехота заняла исходные позиции для атаки, выдвинувшись вплотную к реке. Саперы подготовили переправочные средства, разместив их среди цепей залегших пехотинцев. В 6 часов утра начался мощный огневой налет всей артиллерии дивизии, продолжавшийся в течение 10 минут и вынудивший противника уйти в укрытия. Во время непродолжительной стрельбы дымовыми снарядами первые штурмовые группы пехотинцев переправились на надувных лодках через реку, ширина которой составляла в этом месте около 25 метров. После сбора на берегу они бросились на поляков с криками «Хурра!». Бойцы 16-го пехотного полка, впервые шедшие в атаку под вражеским огнем, быстро прорвали польскую оборону. На участке 41-го пехотного полка завязался более упорный бой. Его 2-му батальону противостоял сильный противник, окопавшийся в деревне Собота и хорошо подготовивший для обороны деревенское кладбище и мостовую переправу. Здесь на исходе боя положительно сказалось верное решение командира полка окружить деревню с востока своим 1-м батальоном, следовавшим в полосе наступления 16-го пехотного полка. Этот батальон в 7:30 форсировал Бзуру и в 8:30 занял

исходную позицию у деревни Собота-Весь для атаки на Соботу. После массированного огневого удара артиллерии по Соботе началась атака обоих батальонов на эту деревню, которая была полностью захвачена к 11 часам утра. Командир полка решил продолжить наступление в северо-восточном направлении, и после отражения вражеской контратаки к 17 часам полк вышел в район деревни Дольне (4 километра севернее Соботы). Артиллерию и пехотные орудия пришлось подтягивать на пароме, сооруженном из подручных средств, и эта тяжелая работа продолжалась до самого вечера. Поэтому пришлось остановить наступление полка на достигнутом рубеже. Постепенно стих и ответный вражеский огонь.

Во время этих боев между дивизией и действовавшим слева 46-м пехотным полком возникла брешь. Однако уже вечером ее удалось снова закрыть силами 10-го разведывательного батальона и отдельных частей 10-го саперного батальона.

85-й пехотный полк, который следовал за наступавшими войсками до Хруслины и передовые отряды которого в 13 часов форсировали Бзуру, согласно полученному приказу в 16 часов сменил 16-й пехотный полк севернее Бзуры и силами своих 3-го и 1-го батальонов продолжил наступление. К 18 часам батальоны без дальнейшего соприкосновения с противником вышли к определенному приказом объекту атаки – к дороге Лович – Кутно. Был установлен стык с находившимся справа 32-м пехотным полком 24-й пехотной дивизии. По приказу командования дивизии полк остановился на достигнутом рубеже.

10-й саперный батальон получил приказ заменить разрушенный мост у деревни Собота новой переправой. Выполнение этого задания оказалось связанным с большими трудностями, так как дорога по обе стороны реки была построена на высокой дамбе и для сооружения подъездов к переправе и съездов с нее требовалось выполнить большой объем земляных работ. Однако благодаря разведке, проведенной командиром саперного батальона, выяснилось, что гораздо легче было восстановить старый мост. И уже вскоре в штаб дивизии поступило донесение, что по восстановленному 3-й ротой мосту можно организовать одностороннее движение транспорта. Тем самым было обеспечено снабжение дивизии.

Преследование противника до Вислы

Наступательные операции непрерывно продолжались. Немецкие войска преследовали противника по пятам. В результате концентрического наступления 8-й армии в последние дни противник был оттеснен на относительно небольшое пространство в районе излучин Бзуры и Вислы. 1-я и 4-я немецкие воздушные армии непрерывно наносили бомбовые удары по окруженному противнику. Вокруг польской армии «Познань» образовалось железное кольцо окружения, что в ближайшие дни неминуемо должно было привести к ее полному уничтожению.

17 сентября 10-я пехотная дивизия, действовавшая в составе 8-й армии, продолжила свое наступление на север, чтобы еще сильнее сжать кольцо окружения. Первой целью атаки был район реки Студзя, который, по данным разведки, был частично занят противником. В 5 часов утра 85-й пехотный полк (справа) и 41-й пехотный полк (слева) перешли в наступление на северо-восток. В 10 часов утра 9-я рота 41-го пехотного полка внезапной атакой овладела мостом у деревни Гайув. Вскоре оба полка переправились через Студзю и у деревни Звакуф-Коссены, и у деревни Гайув. Примерно в полдень командование корпуса приказало дивизии изменить направление атаки и повернуть на восток. К вечеру дивизия вышла на следующий рубеж: главные силы 85-го пехотного полка в район деревни Звакуф-Коссены, а его боевое охранение в район восточнее деревни Пжеслув; 41-й пехотный полк в район Неспуша-Нова – Звакуф-Боровы Восточный.

С этого дня Советский Союз рассматривал Польское государство как фактически больше не существующее и по согласованию с Гитлером ввел свои войска в восточные районы Польши якобы «для защиты проживающих в Польше украинцев и белорусов».

18 сентября в штаб усиленного 20-го пехотного полка, который с момента боев у населенных пунктов Белавы и Пшимус был переподчинен 24-й пехотной дивизии, поступила радиограмма от 10-й пехотной дивизии следующего содержания:

> «С этого момента 20-й пехотный полк вновь переходит в подчинение 10-й пехотной дивизии; 19 сентября в 9 часов утра он должен выступить от деревни Виче и взять населенный пункт Рыбёнек, находящийся севернее Липнице. Там ожидать дальнейших распоряжений».

Весь полк с ликованием встретил это известие. В период нахождения в составе 24-й пехотной дивизии ему пришлось принять участие в нескольких тяжелых боях. Поэтому, оглядываясь назад, здесь следует подробнее рассказать о них.

Присоединившись к отходившей 24-й пехотной дивизии, 12 сентября 20-й пехотный полк, примыкавший справа к 102-му пехотному полку, занял оборону на рубеже Ямно (3-й батальон) – юго-восточный угол Горне – высота 117,4 севернее озера Окрет (2-й батальон). 1-й батальон остался в резерве полка. Командный пункт полка разместился в доме путевого обходчика железнодорожной станции Квятек. 3-й дивизион 10-го артиллерийского полка и 2-й (тяжелый) дивизион 53-го артиллерийского полка заняли позиции севернее и северо-восточнее станции Квятек и получили задание в рамках поддержки обороны этого рубежа.

Еще днем польские разведывательные группы неоднократно прощупывали позиции полка. А артиллерия противника несколько раз подвергала позиции полка интенсивному обстрелу.

В ночь с 13 на 14 сентября 102-й пехотный полк сменил 20-й пехотный полк на его позициях. Полку было приказано передислоцироваться в Лысковице в качестве армейского резерва. Первым был сменен 1-й батальон 20-го пехотного полка (находившийся в резерве). В 9 часов утра началась смена 3-го батальона, а в 10:45 был сменен и 2-й батальон. В это время артиллерия уже находилась на марше в Лысковице. В самый разгар смены 2-го батальона неожиданно началась атака крупных вражеских сил при мощной поддержке артиллерии. Командир 2-го батальона тотчас прервал смену и отозвал назад уже смененные роты, которые снова заняли свои старые позиции. Одновременно майор Шмёгер доложил командованию полка, что для его батальона сложилось угрожающее положение, и попросил помощи. Это известие дошло до командира полка в 12 часов дня, как только он прибыл в Лысковице. После короткого обсуждения сложившегося положения со своим опытным адъютантом, капитаном фон Кинле, полковник Шмидт решил взять на себя всю работу: развернул все подразделения полка, находившиеся на марше, приказал артиллерии занять исходные позиции и мощным контрударом разбить поляков. Не прошло и 20 минут после поступления донесения майора Шмёгера, как 3-й дивизион 10-го артиллерийского полка (капитана Зее) уже открыл огонь по вражеским силам, атаковавшим Горне, тем самым значительно облегчив положение 2-го батальона, который вел тяжелый бой с превосходящими силами противника.

В 18 часов противник внезапно открыл интенсивный

артиллерийский огонь по высоте 117,4. Одновременно из Дольне началась атака крупных польских сил на эту высоту. В то время как 2-й батальон, собрав все свои резервы, бросив в бой офицеров для поручений, связных, писарей и других штабных работников, используя все имевшееся автоматическое оружие, с помощью подошедшей тем временем 13-й роты (пехотных орудий) отбивал фронтальную атаку поляков, в это время 1-й батальон, появившийся из леса, находившегося юго-западнее высоты, бросился в штыковую атаку. Не ожидавшие такого мощного удара с фланга поляки в панике бежали с поля боя, оставляя своих убитых и раненых товарищей. Многие из них поднимали руки и сдавались в плен. Так благодаря самостоятельно принятому решению командиру полка удалось справиться с внезапно возникшей критической ситуацией.

В ночь на 16 сентября смена полка была наконец доведена до конца, и он отошел в район населенного пункта Трабы-Лизевице, где 10 и 11 сентября уже вел тяжелые бои. Здесь командир XIII армейского корпуса выразил полку свою личную признательность за достигнутые успехи. 17 сентября, выставив сильное боевое охранение, полк отошел в город Лович.

Так развивались события в 20-м пехотном полку в период с 12 по 17 сентября.

18 сентября в результате концентрического удара немецких сил наступил конец польской армии «Познань». 10-я пехотная дивизия пошла в атаку в следующем боевом порядке:

– справа впереди – усиленный 20-й пехотный полк, за ним – 16-й пехотный полк;

– слева впереди – усиленный 85-й пехотный полк, за ним – 41-й пехотный полк;

– 10-й разведывательный батальон атаковал деревню Гижице.

Уже в 10 часов утра поступили первые донесения от 85-го пехотного полка и от 10-го разведывательного батальона: «Противник полностью деморализован! 3 тысячи пленных – 10 тысяч пленных – 12 тысяч пленных!»

Путь отступления поляков выглядел просто ужасно, что явилось следствием постоянных налетов немецкой штурмовой и бомбардировочной авиации. Целые колонны с разбомбленными автомобилями и повозками, разорванными на куски лошадьми и погибшими солдатами, повсюду валялось оружие, орудия, военное имущество, опрокинувшиеся грузовики с боеприпасами и разграбленные автомашины с продовольствием. Насколько хватало глаз, медленно плелись бесконечные колонны пленных.

Уже к полудню дивизия выполнила задачу дня: вышла к шоссе Сохачев – Санники. Во второй раз в этой военной кампании

командование дивизии отдало приказ: «Продолжать преследование! Вплоть до самой Вислы! Без остановок! Никаких привалов!»

Этот приказ вызвал во всех воинских частях дивизии подлинное ликование и потребовал от бойцов напряжения всех их сил. Произошли последние схватки, наполненные драматизмом. И если основная масса польских солдат была готова сдаться в плен, то в отдельных местах под руководством фанатичных, отважных офицеров собирались значительные силы, готовые к отчаянному сопротивлению до последнего патрона.

Так, на участке 19-го разведывательного батальона соседней дивизии в этот день произошло ужасное несчастье. Батальон оказался в самой гуще крупных польских соединений; сначала поляки подняли руки, делая вид, что сдаются, но потом они напали на разведчиков и нанесли им тяжелые потери. 10-й разведывательный батальон сразу же поспешил им на помощь, но ему удалось спасти только нескольких раненых, остальные солдаты погибли. А вероломный противник уже снова скрылся в лесной чаще.

Около 15 часов авангард 20-го пехотного полка (1-й батальон) подошел к деревне Хенрыкув, где произошло нападение на 19-й разведывательный батальон. Взволнованные до глубины души наши бойцы в полном молчании прошли мимо павших боевых товарищей из этого батальона. Вскоре после этого на холмистой местности, покрытой маленькими и более крупными рощицами и перелесками, у деревни Старе-Буды наш батальон попал под плотный огонь из всех видов оружия. Одновременно с этим в расположении батальона появились сотни перебежчиков, которые сообщили, что они уже давно бы сдались, если бы офицеры, угрожая оружием, не заставляли их держать оборону. Поскольку сопротивление поляков у селения Старе-Буды становилось все ожесточеннее, пришлось использовать в атаке на деревню весь 20-й пехотный полк при активной поддержке 3-го дивизиона 10-го артиллерийского полка и 2-го дивизиона 46-го артиллерийского полка. До наступления ночи удалось дойти до деревни Будиловске, а затем по приказу командования дивизии атака была остановлена. В этот день 20-й пехотный полк взял около 3 тысяч пленных. Но и ночью сражение продолжалось, причем поляки активно использовали свою артиллерию.

18 сентября повезло 85-му пехотному полку. Во время его продвижения к Висле снова завязались упорные бои. Однако 85-й пехотный полк под командованием своего энергичного командира неудержимо рвался на север. Слово «преследование» буквально окрыляло каждого бойца, заставляя его стараться изо

всех сил. Число пленных постоянно росло. Еще раз – теперь уже наверняка в последний раз – предстояло сломить сопротивление противника южнее деревни Арцехув. И на этот раз полковник Тома смог доложить в штаб дивизии: «В 17:55 передовой отряд 85-го пехотного полка вышел к Висле у деревни Арцехув!» Огромные колонны пленных были отправлены маршем на юг. Смятые гусеницами танков и взрывами снарядов польские орудия было невозможно сосчитать. Но самая страшная картина открылась нашему взору на берегу Вислы. Здесь, насколько хватало глаз, в диком беспорядке лежали горы трупов вперемешку с разгромленной вражеской техникой и орудиями.

В этот день 41-й пехотный полк, усиленный 2-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, который следовал во втором эшелоне позади 85-го пехотного полка, тоже был вынужден вести тяжелые бои. Сначала наступательный марш проходил в хорошем темпе. К полудню полк захватил около 1,2 тысячи пленных и богатые трофеи. Однако за деревню Бжозув разгорелся ожесточенный бой. В нем пришлось задействовать все три батальона. Атака сменялась ответной контратакой. К 20 часам стало невозможно продолжать бой, так как в сумерках уже нельзя было различить, где свои, а где чужие. Поэтому атаку пришлось прервать, чтобы со всей мощью снова продолжить ее на следующее утро.

В ночь с 18 на 19 сентября боевой порядок дивизии выглядел следующим образом:

– усиленный 85-й пехотный полк у деревень Арцехув и Микины;

– усиленный 20-й пехотный полк в боевом порядке у Старе-Буды;

– усиленный 41-й пехотный полк ведет бой за деревню Бжозув;

– усиленный 16-й пехотный полк, подчиненный дивизии, южнее Старе-Буды.

К сожалению, 1-й дивизион 10-го артиллерийского полка понес в эту ночь серьезные потери. У деревни Пётрув дивизион подвергся неожиданному нападению на огневой позиции и в месте расположения средств тяги, и в завязавшемся рукопашном бою было много раненых и убитых. Среди последних оказались лейтенант Вагнер и лейтенант Ф. Бирль.

19 сентября польское сопротивление закончилось. Усиленный 85-й пехотный полк провел зачистку местности между Вислой и районом севернее деревни Бжозув. 20-й пехотный полк занял деревню Нова и, выставив сильное боевое охранение, разместился в ней. В этот день картина распада польской армии

стала еще более впечатляющей. Повсюду польские солдаты массово сдавались в плен. Леса были забиты военным имуществом, для сбора и учета которого наверняка потребуется несколько недель.

Однако усиленному 41-му пехотному полку и в этот день пришлось вести тяжелые бои. В 6 часов утра деревню Бжозув предстояло взять мощной охватывающей атакой. Но неожиданно из штаба 2-го батальона доложили, что в расположение батальона прибыл в качестве парламентера польский полковник и заявил о готовности сдать свои позиции вместе с 4 тысячами бойцов в самой деревне Бжозув и к западу от нее. Адъютант 2-го батальона, обер-лейтенант Штеттер, выехал вместе с парламентером в Бжозув, чтобы урегулировать вопросы сдачи позиций. Но в деревне он встретил тысячные толпы поляков, которые ожесточенно спорили. Об упорядоченной сдаче в плен не могло быть и речи. Несолоно хлебавши, но целым и невредимым, обер-лейтенант Штеттер вернулся назад, прихватив с собой около 250 перебежчиков.

Тогда в 7 часов атака деревни была продолжена. При мощной поддержке артиллерии после трехчасового ожесточенного боя с упорно защищавшимся противником деревню удалось наконец взять. В плен попали 44 офицера и более 2,6 тысячи солдат, в качестве трофеев было захвачено много орудий и другой военной техники.

К вечеру 19 сентября польская армия «Познань» уже больше не существовала. У всех сложилось мнение: «Польская кампания закончилась». Однако в действительности все обстояло иначе, по крайней мере для 10-й пехотной дивизии. Об этом свидетельствовал новый приказ: «10-й пехотной дивизии выступить в направлении Варшавы!»

По случаю окончания боевых действий в излучине Вислы командир дивизии отдал 20 сентября следующий приказ по части:

> «Солдаты 10-й дивизии
>
> 19 сентября принесло вам награду за все затраченные усилия и за проведенные бои. В наши руки попали свыше 20 тысяч пленных, более 50 орудий и огромное количество другой военной техники и военного имущества. В районе между Вислой и Бзурой польская армия уничтожена. Для достижения этой победы все воинские части дивизии продемонстрировали образцовое взаимодействие. Наибольшего успеха добилась пехота. В этот день слава полагается в первую

очередь именно ей.

Я надеялся, что смогу лично высказать вам мою благодарность и признательность. Однако нас уже зовут новые дела. Варшава все еще держится. Ее необходимо взять.

Я знаю, что дивизия, получившая пополнение и полностью укомплектованная, сможет выполнить и это последнее серьезное

задание.

Остался последний рывок! Наша цель – Варшава!

Подписано: *фон Кохенхаузен,*

генерал-лейтенант и командир дивизии».

Штурм Варшавы

После разгрома польской полевой армии поляки продолжали оказывать сопротивление только в устаревшей крепости Модлин и в Варшаве. Не имевшая укреплений столица была подготовлена к обороне фанатично настроенными поляками, соорудившими на улицах города баррикады и укрепившими старые форты. Немногочисленные немецкие войска еще несколько дней тому назад окружили Варшаву. И теперь для их усиления туда перебрасывались новые войска, в том числе и 10-я пехотная дивизия.

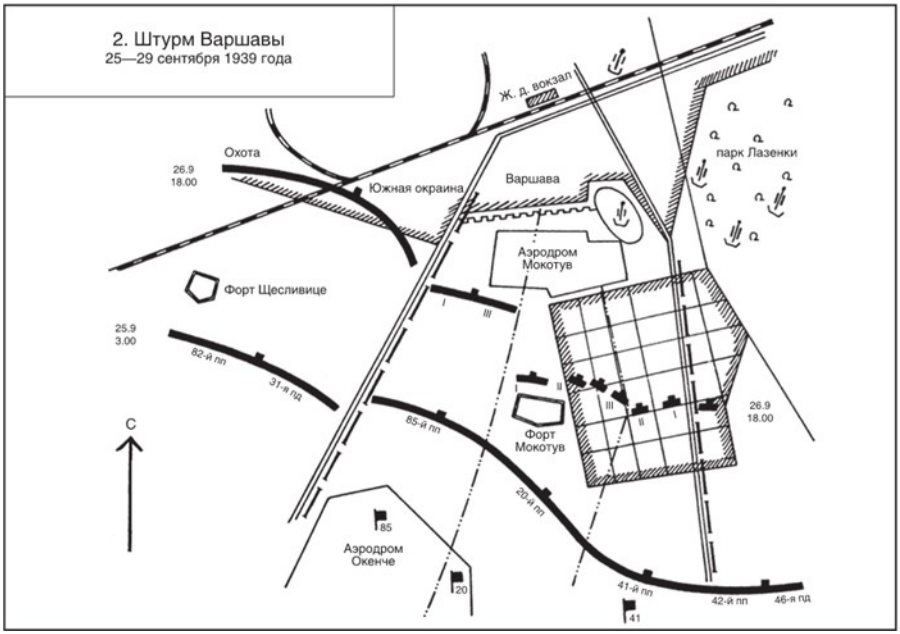
24 сентября после четырехдневных утомительных переходов через города Сохачев, Жирардув и Надажин дивизия прибыла в район Давиды, южнее Варшавы, и сменила 31-ю пехотную дивизию, которая, отбросив вражеское боевое охранение, уже в течение десяти дней прикрывала южный фронт окружения Варшавы.

Командный пункт дивизии находился в населенном пункте Давиды.

Слева от 20-го пехотного полка действовала 31-я пехотная дивизия.

Для штурма Варшавы в полосе дивизии кроме собственной артиллерии заняли исходные позиции еще шесть тяжелых дивизионов и одна батарея 305-мм мортир. Эти батареи усиления уже в течение нескольких дней обстреливали Варшаву. Кроме того, самолеты немецких люфтваффе непрерывно бомбили аэродромы, железнодорожные сооружения и другие важные объекты и добились в этом больших успехов.

Главный удар по Варшаве должен был наноситься только 26 сентября. Командование дивизии решило уже 25 сентября захватить полосу обеспечения, чтобы на следующий день сразу же приступить к штурму основного оборонительного рубежа противника. На участке 41-го пехотного полка в качестве полосы обеспечения командование дивизии рассматривало особняки и сады южнее варшавского пригорода Мокотув. На участке 20-го пехотного полка сначала надо было захватить форт Мокотув, прежде чем приблизиться к пригороду. Наступать западнее через территорию аэродрома было бесперспективно, так как он представлял собой обширную равнину, абсолютно лишенную укрытий. Так перед обоими полками были поставлены трудные, хотя и отличавшиеся по своему характеру, задачи на наступление.



Эта атака на полосу обеспечения южного фронта должна была начаться в 12 часов дня 25 сентября. Если для 41-го пехотного полка речь шла о фронтальной атаке при мощной артиллерийской поддержке, то для взятия форта Мокотув надо было разработать такой план атаки, в котором было бы точно определено время открытия огня. Тяжелая и сверхтяжелая артиллерия должна была разрушить форт до начала атаки, легкая артиллерия должна была сопровождать и поддерживать своим огнем штурмовые роты 1-го батальона 20-го пехотного полка, атакующие форт с трех сторон. Танки должны были обойти форт с востока и ворваться в тыльную часть форта с севера.

Но этот хорошо продуманный план, к счастью, так и не был осуществлен. Ночью командование полка приказало провести тщательную разведку подходов к форту и самого форта, чтобы не упустить ни одной возможности облегчить полку выполнение этого трудного задания. Эта разведывательная вылазка оказалась весьма успешной. В 6 часов утра разведывательному дозору 2-й роты под командованием лейтенанта Геснера, выдвинувшемуся к южному фасу форта, удалось захватить врасплох польский пост, занимавший позицию на гребне рва; разведчики сумели без шума ликвидировать часовых и проникли внутрь форта. Капитан Нойман-Хеннеберг, командир 4-й (пулеметной) роты, и фельдфебели Хубер и Беммерль с взводом станковых пулеметов и группой саперов сразу же последовали за разведчиками. Благодаря решительным действиям бойцов и энергичному

командованию капитана Нойман-Хеннеберга в ходе двухчасового боя с применением пулеметов, винтовок и ручных гранат форт был захвачен. В плен попали 4 польских офицера и 208 рядовых. Оба немецких офицера и оба фельдфебеля получили за эту отлично проведенную операцию Железный крест 1-го класса, а принимавшие в ней участие бойцы были награждены Железным крестом 2-го класса. А 10-я пехотная дивизия впервые удостоилась упоминания в сводке вермахта от 26 сентября 1939 года. В ней, в частности, говорилось:

«Внезапным смелым налетом был захвачен форт Мокотув, а вслед за этим занята и часть варшавского пригорода Мокотув».

Используя этот успех, действовавшая справа 3-я рота продвинулась до улицы Антония Одынца, места стыка с 41-м пехотным полком, а 2-й батальон 20-го пехотного полка, несмотря на интенсивный огонь из нескольких высотных зданий, сумел достичь северной окраины садов западнее форта и тем самым оказался на одном уровне с 1-м батальоном.

Так 20-й пехотный полк выполнил поставленную перед ним задачу наступления еще за несколько часов до начала наступления основных сил дивизии и глубоко вклинился во вражескую оборону. Одна из труднейших задач командования полка и дивизии заключалась теперь в том, чтобы за оставшееся время, используя все имевшиеся в его распоряжении средства связи, до начала атаки оповестить артиллерию, летчиков и танкистов, чтобы находившиеся в форте и около него бойцы не попали под огонь своих же товарищей. И с этой задачей удалось справиться.

В 12 часов в атаку пошел 41-й пехотный полк. При мощной поддержке артиллерии полк относительно быстро продвинулся вперед через район коттеджей и садов и ближе к вечеру подошел к церкви в парке Кроликарня.

С высокой башни вблизи командного пункта дивизии открывалось величественное зрелище горящего большого города. В польской столице множество зданий пылало ярким пламенем. Над облаками черного дыма проносились немецкие пикирующие бомбардировщики и сбрасывали свои бомбы на несчастный город. К грохоту бомбежки присоединялись непрерывные разрывы снарядов всех калибров. На переднем плане можно было видеть немецкое знамя, развевающееся над фортом Мокотув, а на южной окраине пригорода Мокотув – идущий в атаку 41-й пехотный полк.

Подойдя вплотную к городским постройкам, этот полк завязал тяжелый уличный бой. Особенно ожесточенным и кровопролитным оказался прорыв через квартал, застроенный

виллами и коттеджами. Здесь для нападавших не было никаких укрытий, а защитники города окопались в настоящих бункерах. Это были подходящие укрытия для ожесточенно сражавшихся элитных войск – презиравших смерть курсантов польских военных училищ. Эти парни с перепачканными сажей руками и лицами сидели в засадах во всех подвалах, готовые подстрелить через слуховые оконца любого пробегающего мимо противника. Здесь можно было продвигаться вперед только с помощью огнеметов и ручных гранат.

Совсем другие требования предъявлял к бойцам чисто уличный бой. На широком бульваре Ал-Пулавка, основном районе обороны поляков, из опрокинутых трамвайных вагонов были сооружены баррикады и вырыты трехметровые глубокие противотанковые рвы. Здесь для каждой стороны улицы 41-й пехотный полк сформировал смешанные штурмовые роты, состоявшие из пехотинцев, пулеметных расчетов, противотанковых пушек, саперов с взрывчаткой и огнеметами, танков и отдельных орудий 2-го дивизиона 10-го артиллерийского полка. В ожесточенном уличном бою борьба велась за каждый дом, за каждый квартал, бойцам приходилось продвигаться по крышам домов и преодолевать высокие стены. До наступления темноты полк смог продвинуться вперед только на два квартала.

Во второй половине дня 20-й пехотный полк своим правым флангом (11-я рота) присоединился к атаке 41-го пехотного полка. Но и его атака вскоре захлебнулась перед огромным зданием из железобетона. С ними ничего не могла поделать даже крупнокалиберная артиллерия, которая вела по нему огонь прямой наводкой.

26 сентября атака была продолжена. На этот раз в ней приняли участие и обе соседние дивизии, 46-я справа и 31-я слева. В 8 часов утра 41-й и 20-й пехотные полки перешли в атаку. Для 41-го пехотного полка этот день оказался самым тяжелым за всю Польскую кампанию. И потери, понесенные им в этот день, оказались самыми болезненными. Только убитыми полк потерял 2 офицеров и 18 унтер-офицеров и рядовых.

И в 20-м пехотном полку погибли 2 офицера и несколько рядовых.

В конце концов для поддержания атаки 10-й артиллерийский полк использовал в уличных боях два дивизиона в полном составе. Только ранеными артиллерийский полк потерял 5 своих офицеров. Адъютант полка обер-лейтенант Хорн, который добровольно взял на себя командование одной из таких батарей сопровождения вместо раненого командира батареи, погиб,

находясь на наблюдательном пункте на передовой.

Одно из пехотных орудий 13-й роты 41-го пехотного полка, выдвинутое на открытую огневую позицию, было подорвано поляком, который для маскировки завернулся в ковер.

Даже эти несколько примеров дают представление об ожесточенности битвы за Варшаву. Но, несмотря на все трудности, 41-й пехотный полк продолжал развивать свою атаку. После взятия штурмом одной из больших баррикад полк сумел дойти до улицы Святого Северина. Однако на этом его атакующая мощь иссякла.

20-й пехотный полк сумел в ожесточенной борьбе захватить в этот день несколько улиц и с помощью двух полевых гаубиц, стрелявших прямой наводкой, взял несколько зданий из железобетона. К вечеру правым флангом полк упирался в улицу Антония Одынца, а левым флангом – в южную окраину аэродрома Мокотув.

Командование дивизии решило прибегнуть к крайнему средству: поскольку атака через пригород Варшавы развивалась довольно медленно, через равнину Раковице в сторону южной окраины города был направлен 85-й пехотный полк, находившийся до этого момента в резерве. Однако под плотным оборонительным огнем поляков и эта атака захлебнулась на южной окраине пригорода Охота, защищенного к тому же минным полем.

27 сентября было третьим днем штурма Варшавы. Полки снова пошли в атаку и смогли немного продвинуться вперед. Командование дивизии с большой озабоченностью следило за тем, как развивались события в этот день. И в этот момент – в это трудно было поверить, но все оказалось правдой – польское командование согласилось на безоговорочную капитуляцию. В 9 часов утра наступило перемирие. Польская армия, насчитывавшая 120 тысяч солдат, сложила оружие. Храбрый гарнизон Варшавы получил почетные условия капитуляции. Полякам разрешили собрать все оружие и сложить его в установленных местах, а ночью выйти строем из города.

Дни на подступах к Варшаве оказались для 10-й пехотной дивизии самыми тяжелыми. Несомненно, во время штурма Варшавы на долю дивизии выпала самая тяжелая нагрузка. Признавая заслуги дивизии, командующий армией приказал, чтобы дивизия первой вступила в город.

Потери, понесенные 10-й пехотной дивизией, соответствовали тяжести боев. Под прекрасной елью, росшей у замка Кроликарня, были погребены погибшие в бою военнослужащие 41-го пехотного полка. 20-й пехотный полк и 10-

й саперный батальон похоронили своих павших товарищей в форте Мокотув – в месте, где они снискали славу.

27 сентября 1939 года командир дивизии отдал следующий приказ по части:

«*Командный пункт дивизии, Давиды, 27.09.1939*

Солдаты 10-й дивизии!

Последний рывок удался: Варшава безоговорочно капитулировала. Дивизия, вновь сражавшаяся на решающем направлении, энергично атаковала и показала полякам, что не собирается шутить. Я благодарю личный состав дивизии и приданных ей частей за достигнутый успех. Плечом к плечу с нашей отважной пехотой в первых рядах сражались саперы и артиллерия сопровождения, принесшие такие же самые кровавые жертвы.

Для 10-й дивизии Польская кампания подходит к концу. Четыре недели крупных боев и впечатляющих суточных переходов, потребовавших от вас приложения всех сил, привели вас от Просны до Вислы. На этом пути лежат места ваших славных побед. Но здесь же остались и могилы наших павших товарищей. Почтим же их память в минуту нашей победы.

В этом величайшем победном шествии в военной истории все подразделения дивизии приняли активнейшее участие. Наряду с боевыми частями максимум своих возможностей продемонстрировали и тыловые службы. Без их неустанной, повседневной деятельности дивизия не смогла бы добиться таких впечатляющих успехов.

Да здравствует фюрер! Да здравствует Германия!

Подписано: *фон Кохенхаузен, генерал-лейтенант и командир дивизии*».

Оккупация Варшавы

1 октября 1939 года 10-я пехотная дивизия в качестве единственного соединения вермахта в полном составе вошла в покоренную Варшаву. Город выглядел просто ужасно. В нем не осталось почти ни одного неповрежденного здания. Улицы загромождали баррикады и руины домов. Все еще продолжали полыхать пожары. Все городские предприятия коммунально-бытового обслуживания были разрушены. 2 миллиона жителей ютились в подвалах без света, без воды, страдая от голода и жажды. Около 10 тысяч раненых лежали в импровизированных лазаретах и переполненных больницах. Повсюду на улицах и в палисадниках можно было видеть похоронные процессии и свежие могилы. Польская полиция ничего не могла поделать с мародерами и ворами. Вся городская трубопроводная сеть и канализация были разрушены. В городе было полно оружия. Толпы бывших польских солдат в гражданской одежде слонялись по улицам. В Висле у самого берега лежало множество трупов павших лошадей.

Навести порядок в этом разрушенном городе, спасти население от голодной смерти и защитить от эпидемий, снова наладить в городе хозяйственную деятельность – такова была задача 10-й дивизии в последующие десять дней.

Командир дивизии принял на себя обязанности военного коменданта города. Офицеры его штаба занимались свалившейся на них текущей работой. Так, например, начальник штаба, майор Генерального штаба Гласль, занимался военной сферой. Квартирмейстер, капитан Генерального штаба Шмидт, руководил гражданской администрацией; интендант, советник интендантской службы доктор Клессе отвечал за снабжение и обеспечение продуктами войск и гражданского населения. Другие офицеры занимались оживлением экономики, банковского дела, электро– и водоснабжения, решали вопросы, касающиеся транспорта. Начальник разведки, капитан Бернардис, руководил контрразведкой и курировал прессу, полицию и полевую жандармерию. Адъютант дивизии, майор Шперлинг, отвечал за иностранцев и обеспечивал сохранность найденных произведений искусства. Врач дивизии привел в порядок лазареты, находившиеся в ужасном состоянии, заботился об отправке в тыл раненых и занимался борьбой с заразными болезнями и распространением эпидемий. Ветеринар дивизии занимался сохранением конского поголовья, в том числе трехсот чистокровных лошадей.

Личный состав дивизии разместился в школах и гостиницах, которые солдаты сделали пригодными для жилья.

5 октября Гитлер принял прохождение торжественным маршем по одному усиленному полку от каждой из пяти дивизий, которые сыграли решающую роль при взятии польской столицы. Маршировавшие впереди всех воинские части 10-й пехотной дивизии возглавлял произведенный в генерал-майоры командир 41-го пехотного полка, генерал-майор Голльвитцер.

7 октября на площади Пилсудского состоялось межконфессиональное богослужение всей дивизии, которое при свете факелов закончилось церемониалом Вечерней зари, исполненным музыкантами 20-го пехотного полка.

10 октября дивизия передала все дела, которыми занималась военная комендатура, гражданскому рейхскомиссару. Теперь Варшава снова производила более благоприятное впечатление. Улицы были очищены от мусора и обломков зданий. Электростанция, водопроводная станция, уличное освещение, газовый завод снова работали. Трамваи и автобусы осуществляли движение по своим маршрутам. Гостиницы и кафе были открыты. Население занималось своими повседневными делами, следуя требованиям времени. Поэтому с полным правом можно было утверждать, что 10-я дивизия спасла город от гибели, хотя нищета оставалась еще очень большой.

20 октября 1939 года пришел приказ о выступлении 10-й пехотной дивизии из Варшавы и об отправке ее в Германию. Но в приказе ничего не было сказано о месте выгрузки на родине. На основании этого можно было сделать вывод, что речь не шла о немедленной передислокации дивизии в Германию. И действительно, после трех дневных переходов дивизия прибыла в район Сохачев – Лович.

27 октября полковник Шмидт, командир 20-го пехотного полка, первым из полковых командиров 10-й дивизии получил из рук Гитлера в рейхсканцелярии в Берлине Рыцарский крест Железного креста. Этой высокой награды он был удостоен за выдающиеся достижения его полка во время Польской кампании и за свое целеустремленное командование, положительно сказавшееся на ходе боевых действий не только в рамках полка, но и всей дивизии.

Наконец 30 октября началась эвакуация 10-й дивизии в Германию. На этом для 10-й дивизии Польская кампания закончилась.

Воинское звание	Погибло	Ранено	Пропало без вести
Офицеры	22	22	—
Унтер-офицеры	51	132	—
Рядовые	279	802	2
И т о г о	352	956	2

Список погибших офицеров

20-й пехотный полк: капитан запаса Зосс, обер-лейтенант Зайф, обер-лейтенант запаса Бродмеркель, обер-лейтенант Эгль, лейтенант запаса Каммермайер, лейтенант запаса Вольфбауэр, лейтенант Зёлла, лейтенант запаса Прагер.

41-й пехотный полк: капитан Финк, капитан Вилль, обер-лейтенант Бельде, обер-лейтенант Нидервизер, обер-лейтенант Дреец.

85-й пехотный полк: майор Шмидтконц, обер-лейтенант Ротдаушер, ветеринар доктор Гин, лейтенант Бауридль.

10-й артиллерийский полк: лейтенант Фриц Бирль, лейтенант Вагнер, лейтенант Рендулич, обер-лейтенант Хорн.

10-й разведывательный батальон: лейтенант фон ле Суир.

Французская кампания 1940 года

Между войной и миром

С 30 октября 1939 года началась передислокация 10-й пехотной дивизии железнодорожным транспортом из Польши в Германию в район Марбург – Гисен – Кирххайн. Дивизия оставалась там почти шесть месяцев. Бойцы чувствовали себя здесь почти как дома, в постоянном месте дислокации. Расквартирование было очень хорошим. Население земли Гессен принимало военнослужащих дивизии очень радушно. Вскоре между солдатами и хозяевами их квартир установились прочные связи, которые нередко становились даже родственными, так как был заключен целый ряд браков.

В этом новом районе расквартирования дивизия, находившаяся в распоряжении Главного командования сухопутных войск (ОКХ), в плане боевой подготовки подчинялась командующему 2-й армией, генералу кавалерии барону фон Вейхсу, своему командиру корпуса еще из довоенных времен и во время Польской кампании, а также командиру XXXVII армейского корпуса, генералу пехоты Рашику.

После великодушного предоставления отпуска многим военнослужащим дивизии, несмотря на раннее начало суровой зимы, началась усиленная боевая подготовка, чтобы воинские части дивизии оказались готовы к условиям возможной кампании на западе, которые оказались бы совсем не такими, как во время Польской кампании. Молодое пополнение офицеров, унтер-офицеров и рядовых надо было обучить в условиях, максимально приближенных к условиям боевой обстановки. Для всех воинских частей особенно важным было проведение замены и ремонта материальной части, оружия и снаряжения. В дивизию поступило новое вооружение, были сформированы новые подразделения, такие, например, как штабные роты в пехотных полках. Однако в общем и целом структура дивизии осталась такой же, как и в Польской кампании.

В течение зимы в дивизии произошла смена почти всех основных офицерских должностей. Только 20-й пехотный полк, 10-й саперный батальон и 10-й противотанковый дивизион сохранили своих прежних командиров (см. приложение 2). И командир дивизии сохранил свой пост, чему он сам был очень рад.

Многих офицеров, унтер-офицеров и рядовых пришлось передать в новые, находившиеся в стадии формирования воинские части. Как бы неприятны ни были эти передачи лучших кадров в другие подразделения для дивизии, еще болезненнее

переживали это сами военнослужащие, которым приходилось покидать свой старый полк и своих боевых товарищей. Однако в общем и целом для резкого увеличения численности германских сухопутных войск эти передачи опытных военнослужащих в другие части были правильным шагом. Это позволило высшему армейскому командованию всегда иметь под рукой достаточно сильные и боеспособные резервы, что позволяло проводить военные операции одну за другой, без длительных пауз между ними.

Общее положение

10 мая 1940 года германские сухопутные войска перешли в решительное наступление на западном направлении, нанося удар на всем протяжении фронта от Ахена до Трира. Перед атаковавшими плечом к плечу пехотными дивизиями в наступление устремились, пользуясь своей быстротой и мобильностью, танковые и моторизованные дивизии. Воздушно-десантные войска, спускаясь с небес, занимали важнейшие населенные пункты за линией вражеского фронта. Боевая авиация громила вражеские воздушные флоты, оборонительные сооружения, коммуникации и резервы.

Противник оказался не в состоянии справиться с таким мощным натиском. Его оборонительные рубежи были прорваны, он был ошеломлен и разгромлен. Голландия прекратила сопротивление через пять дней после начала немецкого наступления, Бельгия сдалась через восемь дней. В Бельгии были уничтожены или попали в плен элитные французские и английские дивизии. Только части английских войск удалось бежать в Англию из Дюнкерка, оставив на берегу все свое вооружение и военное имущество.

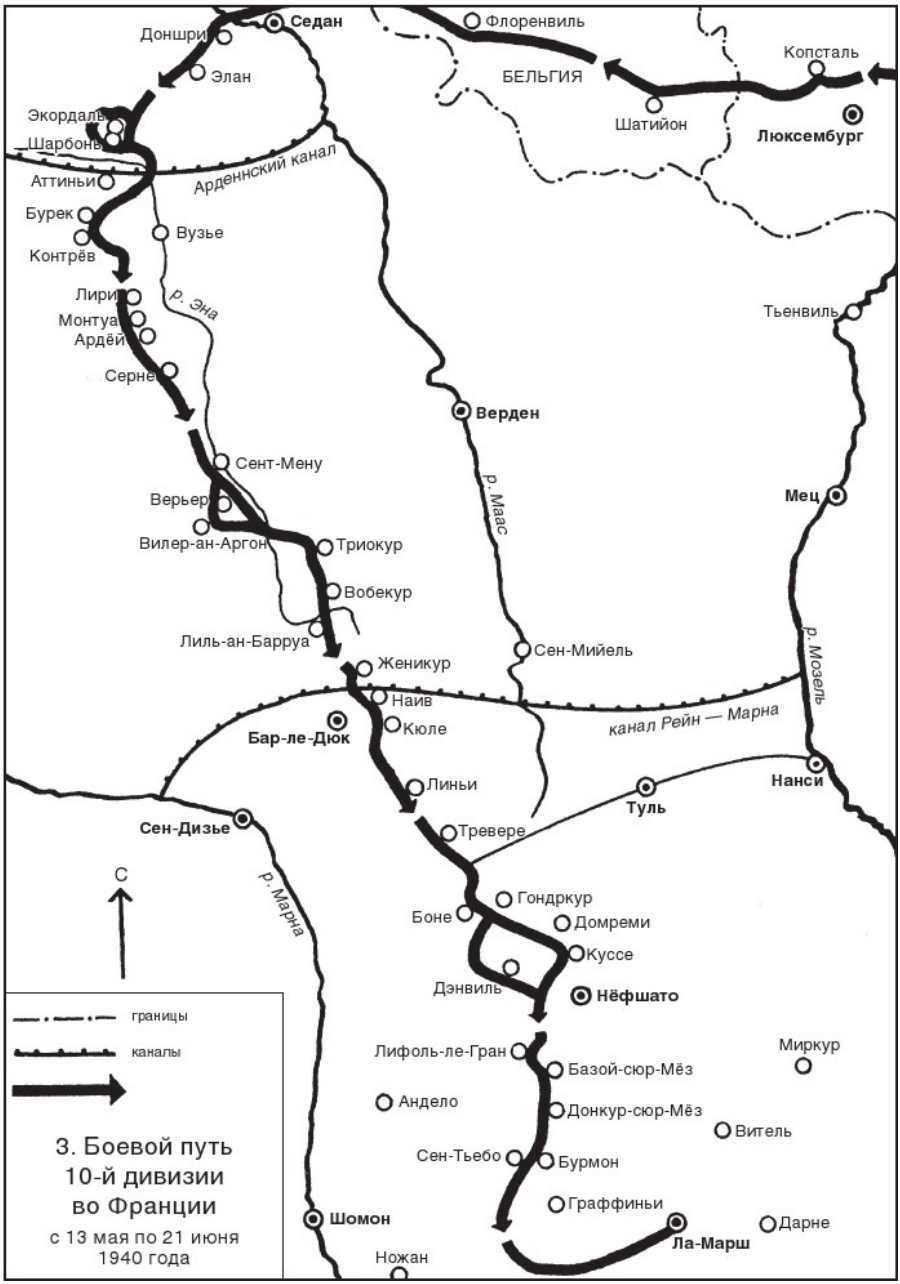
10-я пехотная дивизия не принимала непосредственного участия в этом первом, грандиозном акте войны. Только 11 мая 1940 года она была переброшена по железной дороге из района Марбург – Гисен в Трир и там выгружена из воинских эшелонов. Сначала, будучи армейским резервом, дивизия следовала за 16-й армией (командующий – генерал пехоты Буш). 16-я и 12-я армии получили задание прикрывать южный фланг немецких ударных армий от ожидавшегося французского наступления крупными силами с юга, с линии Мажино. Для этого обе армии поочередно – в зависимости от продвижения немецких армий в Голландии и Бельгии – развернули свои дивизии на юг и повсеместно отбросили французов из полосы обеспечения назад на укрепленную линию Мажино.

Наступательный марш 10-й дивизии на Западе

13 мая 10-я пехотная дивизия первой из всех этих резервных дивизий начала наступательный марш на Запад из района сосредоточения в окрестностях Трира. Для разведки и охранения вперед и в обе стороны от маршрута продвижения поэтапно высылался усиленный 10-й разведывательный батальон. Затем тремя полковыми группами, 20, 41 и 85-й, усиленными артиллерией, саперами, противотанковыми подразделениями и частями батальона связи, следовали главные силы дивизии. В эти дни передовым маршевым эшелоном был усиленный 41-й пехотный полк.

Как и в районе выгрузки и сосредоточения, так и здесь все дороги и пути были забиты бесчисленными колоннами всех родов войск, неудержимо стремившимися на запад. К счастью, господство германских люфтваффе в воздухе было таким подавляющим, что нигде не было видно ни одного вражеского самолета. Зато эскадрильи немецких бомбардировщиков в сопровождении крупных соединений истребителей то и дело пролетали на запад.

Марш привел дивизию через Обербиллиг, где на понтонном мосту через Мозель, наведенном саперами, была пересечена германо-люксембургская граница, и Эрнстер к люксембургскому городу Вальфердинген. Поскольку право преимущественного проезда по главным дорогам имели только танковые и моторизованные дивизии, все остальные воинские части, в том числе и пехотные дивизии, были вынуждены мучиться на второстепенных дорогах в гористой, сильно пересеченной местности. Из-за этого произошли значительные задержки на марше, так что, пройдя около 35 километров, дивизия смогла остановиться биваком только ближе к вечеру, когда ее авангард подошел к городку Вальфердинген.



Ранним утром 14 мая марш был продолжен. Он проходил у Вальфердингена и Копсталя через очень глубокие долины рек Альцетте и Мамер. Несмотря на прекрасную весеннюю погоду, преодолеть этот участок местности удалось с большой задержкой и только благодаря использованию тягачей, добавочных пристяжных лошадей и команд толкачей. В таких теснинах один-единственный вражеский самолет мог бы причинить

находившимся на марше войскам огромный ущерб. Но и сегодня благодаря немецкому господству в воздухе не было видно ни одного вражеского самолета. При вступлении на бельгийскую территорию у города Штайнфурт стали заметны первые следы войны: дорожные заграждения и воронки от взрывов, разрушенные в результате бомбардировок дома, опустевшие населенные пункты, огромные толпы беженцев.

Когда авангард дивизии приблизился к городу Арлон, пехоте пришлось спешно освобождать дорогу для тыловых частей танковой группы фон Клейста, которая прорвала линию Мажино под Седаном. В этот день дивизия снова прошла 40 километров в тяжелейших условиях. И 15 мая пехоте пришлось уступать дорогу моторизованным дивизиям. По проселочным дорогам, которые к тому же были забиты колоннами беженцев и перегорожены дорожными заграждениями, а местами разрушены взрывами, дивизия вышла к вечеру в район юго-западнее Арлона.

После срочно потребовавшегося 16 мая дня отдыха рано утром 17 мая марш был продолжен. Все бельгийские населенные пункты были покинуты жителями, убежавшими во Францию. Многие деревни были уже частично разграблены самими отступавшими бельгийскими и французскими солдатами. Многочисленная, брошенная на произвол судьбы домашняя птица стала желанной закуской для наступавших немецких войск. Снова преодолев около 40 километров, вечером авангард дивизии вышел в район северо-западнее города Флоренвиль.

18 мая дивизия должна была пересечь французскую границу у городка Буйон и остановиться на привал в районе города Ла-Шапель. Но еще в этот же самый день дивизию развернули от Ла-Шапель на юг. В ходе этого маневра 10-я пехотная дивизия была переподчинена 12-й армии (командующий – генерал-полковник Лист) и XVII армейскому корпусу (командир – генерал пехоты Киниц). Это был первый признак предстоящего введения дивизии в действие на реке Эна. После переправы через Маас по понтонному мосту западнее сильно разрушенного Седана, преодолев форсированным маршем около 55 километров, в утренние часы 19 мая дивизия расположилась на отдых в районе города Вандрес. Несмотря на тяготы последних дней, состояние здоровья военнослужащих дивизии было очень хорошим, а ввиду больших успехов, достигнутых немецкими армиями, стремительно продвигавшимися к Атлантическому океану, настроение было просто великолепным.

Местность, по которой дивизия проходила маршем, была очень богатой и живописной. На тучных пастбищах паслись огромные стада скота. Правда, когда дивизия вступила на

территорию Бельгии, вся местность оказалась почти безлюдной. Только несколько стариков остались в своих домах. Остальное население бежало, бросив все свое имущество. Здесь каждому сразу бросалась в глаза та нужда, которую приносит с собой война.

Действия дивизии на реке Эна

20 мая 10-я дивизия была введена в действие на северном берегу Эны. Сначала там заняли позиции 85-й пехотный полк, усиленный частями 10-го саперного батальона и 10-го противотанкового дивизиона, а также весь 10-й артиллерийский полк. На участке Аттиньи – Рийи – Семюи они сменили 77-й пехотный полк и артиллерийские части 26-й пехотной дивизии.

20-й пехотный полк, подразделения 10-го саперного батальона и 10-й разведывательный батальон, остававшиеся в распоряжении командования дивизии, выдвинулись в район города Генкур, в то время как 41-й пехотный полк в качестве корпусного резерва находился в районе города Шаньи.

10-й пехотной дивизии противостояла французская 36-я дивизия с пополнением из района Пиреней и несколькими пользующимися дурной славой сенегальскими батальонами. Эти французские воинские части в основном занимали оборону позади двойной преграды – самой реки Эна и соединенного с ней канала с его крутыми, частично облицованными кирпичом берегами. Французские позиции находились на высотах, оборудованных железобетонными бункерами и заграждениями из колючей проволоки. Кроме того, у французов были плацдармы на северном берегу Эны: в районе городов Аттиньи и Семюи.

От высот, протянувшихся от города Алланд'юи через Шарбонь – Сен-Ламбер и далее на восток, по которым проходил немецкий передний край обороны, до самой Эны раскинулась полоса открытого пространства шириной от 2 до 2,5 километра, которая днем делала приближение немецких войск к Эне совершенно невозможным. Южнее Эны над этим открытым пространством господствовала лежавшая на холме деревня Рийи и находившаяся позади деревни высота 130, откуда французская артиллерия вела фланкирующий огонь. Еще дальше на юго-восток находилась деревня Вонк, расположенная на высоте, возвышавшейся на 50 метров над окружающей местностью. На деревенской колокольне сидели вражеские артиллерийские наблюдатели, которые корректировали фланкирующий огонь мощной французской дальнобойной артиллерии, обстреливавшей полосу обороны дивизии. В последующие три недели эта вражеская артиллерийская группа стала настоящим кошмаром для дивизии.

Далее восточнее, на участке соседней 26-й пехотной дивизии, условия были более благоприятными. Здесь единственным естественным препятствием перед нашим фронтом являлся

протянувшийся на восток канал, соединявший Эну с рекой Маас, в то время как сама Эна делала крутой поворот на юг и пересекала французские позиции.

Смена 77-го пехотного полка усиленным 85-м пехотным полком и выдвижение артиллерии 10-й пехотной дивизии на огневые позиции прошли без помех со стороны противника. Уже в первую ночь разведывательные дозоры всех трех батальонов 85-го пехотного полка выдвигались к реке с заданием разведать обстановку севернее Эны у города Аттиньи и к востоку от него. Командам саперов было поручено доложить о состоянии мостов через Эну, а также о характере реки и берегов. Эти разведывательные группы, встреченные из Аттиньи и из района севернее Рийи плотным ружейно-пулеметным огнем, подтвердили уже имевшиеся у командования дивизии показания пленных.

Во всех подразделениях дивизии тотчас началось инженерное оборудование позиций и укрытий, установка заграждений и маскирующих приспособлений. Чтобы облегчить положение 85-го пехотного полка, каждую ночь в переднюю линию для проведения земляных работ выдвигался один из батальонов 20-го пехотного полка.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о местах расквартирования подразделений дивизии и питании. Все деревни, покинутые своими жителями, находились в неописуемом состоянии, и сначала их нужно было основательно почистить. На пастбищах паслись огромные стада домашнего скота, которые надо было собрать, регулярно доить и перегонять дальше в тыл. В деревнях имелись в изобилии куры, свиньи и прочая живность. В погребах даже самых бедных крестьянских домов лежали бочки с простым красным местным вином. Так что войска могли полностью обеспечить себя продовольствием из окрестных деревень.

По приказу командования XVII армейского корпуса в ночь с 22 на 23 мая нужно было в ходе двух внезапных налетов отбросить противника за Эну из северной части города Аттиньи и деревни Рийи, а также из города Семюи. Атака на северную часть города Аттиньи была проведена усиленной 7-й ротой 85-го пехотного полка, атаковавшей город с двух сторон после мощной артиллерийской подготовки. Штурмовая группа, ворвавшаяся в город с запада, вынудила французов отступить по мосту на другой берег реки. Однако вторая штурмовая группа, атаковавшая Аттиньи с востока, попала под сильный ружейно-пулеметный огонь из хорошо оборудованных позиций и понесла существенные потери. Командир роты, обер-лейтенант Бляйер, был дважды

тяжело ранен и от полученных ран через несколько дней скончался. Командир второй штурмовой группы, лейтенант Линдингер, тоже погиб, как и два фельдфебеля из его группы. Следующие потери возникли, когда противник – не обращая внимания на свой собственный гарнизон, состоявший из чернокожих солдат, – открыл сильный артиллерийский огонь по городу Аттиньи. Поспешно направленный вперед офицер для поручений, лейтенант Вёрль, отвел остатки штурмовой группы на исходную позицию. Тем самым атака на Аттиньи сорвалась.

Зато атака 1-го батальона 85-го пехотного полка на мост и группу домов севернее деревни Рийи и у города Семюи прошла успешно. Противник оставил северный берег Эны, взорвав мосты. Здесь в бою за город Семюи особенно отличился фельдфебель Хаусбергер.

Но и сначала не удавшаяся атака на город Аттиньи не оказалась напрасной. Выдвинувшийся вперед передовой наблюдатель 10-го артиллерийского полка утром 23 мая заметил, что противник отошел из северной части города. 6-я рота 85-го пехотного полка тоже внимательно следила за обстановкой и – при поддержке так и не сломленной, несмотря на большие потери в ночной атаке, 7-й роты – ворвалась в северную часть Аттиньи, произвела зачистку этого городского района от противника и заняла его вплоть до моста через Эну, взорванного французами.

Тем самым вся местность севернее Эны оказалась полностью в руках дивизии. Следующей ночью с помощью подразделений 10-го саперного батальона северная часть Аттиньи была превращена в хорошо укрепленный опорный пункт.

В последующие дни на берегах Эны разгорелось жаркое сражение с применением всех видов оружия. Главной дорогой, которая вела из северной части Аттиньи дальше на север, невозможно было пользоваться по той причине, что противник постоянно держал ее под плотным фланкирующим и фронтальным огнем своих пулеметов и противотанковых пушек. Поэтому днем не было никакой возможности приблизиться к Аттиньи с севера. Тогда в последующие ночи совместными усилиями саперов и пехотинцев был вырыт ход сообщения полного профиля от деревни Шарбонь до города Аттиньи, который сделал возможным скрытное сообщение между этими населенными пунктами и днем. С колокольни, находившейся в южной части Аттиньи, занятой противником, открывался отличный обзор в глубь нашей территории. После того как нашей артиллерии со своих огневых позиций так и не удалось разрушить колокольню, в ночь с 2 на 3 июня по приказу командования дивизии лейтенант Альберт из 2-й батареи 10-го

артиллерийского полка доставил в северную часть Аттиньи тяжелую полевую гаубицу и первым же бетонобойным снарядом разрушил колокольню. Тем самым противник лишился одного из своих главных наблюдательных пунктов.

Из-за расширения полосы обороны 10-й пехотной дивизии в ночь с 24 на 25 мая пришлось использовать дивизию в полном составе.

20-й пехотный полк (справа) занял позиции прежнего правого соседа (3-го пехотного полка) западнее города Алланд'юи, а также участок 1-го батальона 85-го пехотного полка, который в свою очередь был отведен в качестве резерва к населенному пункту Туртерон.

41-й пехотный полк (находившийся до сих пор в резерве корпуса) вернулся в состав дивизии и был использован на левом фланге, приняв от 85-го пехотного полка участок от деревни Сен-Ламбер (исключая саму деревню) до города Семюи. Каждый полк выделил один из батальонов в качестве резерва.

Смена прошла без помех со стороны противника. Правда, в последующие дни вражеская артиллерия постоянно наращивала свою активность. Она вела беспокоящий огонь и днем и ночью, обстреливая всю полосу дивизии и даже ближний тыл. Несмотря на все попытки нашей артиллерии с помощью дивизионов артиллерийской инструментальной разведки и разведывательно-корректировочной авиации подавить вражеские огневые точки, так и не удалось заставить французские пушки замолчать. Наши войска постоянно несли потери от этого артиллерийского огня, который был особенно плотным в районе деревень Шарбонь, Монде-Жё и города Семюи, а также в районе высот к северу от них. И, напротив, у наших пехотинцев сложилось впечатление, что наша собственная артиллерия стреляла очень мало. Позднее из трофейного дневника одного французского офицера удалось узнать, что и французская пехота жаловалась на недостаточную активность своей артиллерии.

В эти дни позиционной войны наладилось отличное взаимодействие пехотных полков с артиллерией и с 10-м саперным батальоном. Командиры 10-го артиллерийского полка, подполковник Херольд, и 10-го саперного батальона, майор Бериш, установили тесный личный контакт с командирами пехотных полков. Для взаимодействия с каждым пехотным полком было выделено по одному дивизиону, у которого в каждом пехотном батальоне были свои передовые наблюдатели, что в любой боевой обстановке гарантировало немедленную и непосредственную поддержку артиллерии. План огня артиллерии был составлен очень тщательно, и поэтому в любой момент

можно было массированно сосредотачивать огонь нескольких дивизионов, в том числе и тяжелых.

Роты 10-го саперного батальона поддерживали пехоту не только при инженерном оборудовании позиций и установке заграждений. С выдвинутых вперед складов инженерно-саперного имущества они снабжали полки всеми необходимыми инструментами и техническим имуществом. На всех дорогах, ведущих к реке, они устанавливали различные минные заграждения. И наконец, они поддерживали пехоту во время ночных разведывательных вылазок, направляя туда свои боевые группы саперов, которые сражались плечом к плечу со своими товарищами из пехоты.

Такая деятельность боевых разведывательных групп становилась с обеих сторон все активнее. Утром 29 мая после мощной артиллерийской подготовки одной из вражеских рот удалось неожиданно ворваться в город Семюи. Разгорелся короткий, но ожесточенный уличный бой, в котором был убит командир французской роты в звании капитана, а затем обер-лейтенанту Курцендорферу со своей 7-й ротой 41-го пехотного полка смелым контрударом удалось снова отбросить французов за Эну. Ночной вражеский бомбардировщик несколько раз бомбил позиции наших артиллерийских батарей и воинские части, отведенные на отдых. К сожалению, всякий раз это приводило к тому, что потери в дивизии постоянно росли.

В конце месяца внутри полков произошла смена батальонов, занятых на передовой.

30 мая командующий 12-й армией, генерал-полковник Лист, произвел обход позиций дивизии и намекнул на вероятность немецкого наступления и в полосе 12-й армии. Поэтому следующие дни прошли в подготовке к возможному наступлению. Хотя по-прежнему продолжалось и инженерное оборудование позиций.

Однако было решено отказаться от установки перед позициями первоначально запланированных сплошных проволочных заграждений. 10-й саперный батальон подготовил переправочные средства, разборные пешеходные мостики и подручные средства для сооружения временных мостов.

В ночь с 31 мая на 1 июня после интенсивной артиллерийской подготовки французы атаковали позиции 1-го батальона 20-го пехотного полка. И хотя сначала противнику удалось оттеснить боевое охранение этого батальона, занимавшее позиции на берегу Эны у насосной станции в 1,5 километра юго-западнее фермы Дю Шенуа, однако 2-я рота 20-го пехотного полка под командованием лейтенанта Геснера стремительной

контратакой снова отбросила французов за Эну. Из документов, обнаруженных у трех убитых французов, удалось выяснить, что в атаке принимал участие французский 35-й пехотный полк.

Соседний слева 85-й пехотный полк доложил о похожей вылазке французов на своем участке и об удачном отражении их атаки.

1 июня произошло перераспределение полосы обороны дивизии. После нескольких новых передислокаций дивизия, примыкавшая теперь к 167-му пехотному полку 86-й пехотной дивизии, расположилась в конце концов следующим образом: 20-й пехотный полк (справа) на участке по обе стороны от деревни Шарбонь, северная часть города Аттиньи находилась перед фронтом полка; 7-я рота 20-го пехотного полка приняла этот участок у 2-го эскадрона самокатчиков 10-го разведывательного батальона под командованием обер-лейтенанта барона фон дер Борха; этот эскадрон с 2 июня был переподчинен 20-му пехотному полку. Наблюдатели неоднократно доносили о том, что в южном районе города Аттиньи позади взорванного моста через глубокий и полноводный канал позиции занимали темнокожие французские солдаты.

85-й пехотный полк (слева) занимал рубеж: северная часть деревни Сен-Ламбер – Мон-де-Жё. Город Семюи был передан соседу слева, 26-й пехотной дивизии.

41-й пехотный полк в ночь с 3 на 4 июня был снят с фронта и переведен в распоряжение командования дивизии; он занял исходные позиции у городка Бувельмон.

Основные силы 10-го разведывательного батальона также оказались в дивизионном резерве.

Днем 2 июня командующий 12-й армией еще раз прибыл в расположение дивизии, чтобы лично осмотреть местность в районе предстоящего наступления.

Оценка положения и местности позволила прийти к следующему заключению относительно наступления дивизии через Эну.

В основном план предусматривал проведение неожиданной атаки (без артиллерийской подготовки) у города Аттиньи и деревни Рийи с целью захвата двух плацдармов. Затем следовало навести два моста через Эну, и после этого две танковые дивизии должны были развернуть наступление на юг.

Выполнение этого плана оказалось чрезвычайно трудным. Справа существовало лишь очень слабое соприкосновение с соседней 86-й пехотной дивизией. Правда, слева 26-я пехотная дивизия атаковала находившуюся на господствующей высоте деревню Вонк. Однако мощная артиллерийская группа,

находившаяся позади и восточнее этой высоты и державшая под обстрелом всю местность, расположенную западнее, так и не была выведена из строя. Самый сложный вопрос заключался в следующем: можно ли было надеяться на то, что удастся незаметно переправиться через обе водные преграды, шириной почти 60 метров каждая, которые, кроме того, будут упорно защищать солдаты противника, занимавшие отлично замаскированные позиции.

Правда, благодаря разведке боем, проведенной саперами, во время которой особо отличился обер-лейтенант Хёне, командир 1-й роты 10-го саперного батальона, была известна обстановка на этом участке Эны. Но зато до сих пор так и не удалось установить водный режим и состояние берегов на канале, связывающем Эну и Маас. Кроме того, ничего не было известно о расположении противника на южном берегу канала.

Вечером 3 июня во время совещания командиров на командном пункте дивизии было единогласно отмечено, что наступление в полосе 20-го пехотного полка будет самым трудным. После форсирования Эны и канала Эна – Маас надо было в уличном бою захватить город Аттиньи, находившийся в западной части полосы наступления полка. В восточной части полосы наступления полка сначала надо было овладеть поросшим лесом островом на Эне и только потом форсировать канал, на южном берегу которого были оборудованы вражеские позиции. Эти позиции находились на крутом косогоре высотой от 10 до 15 метров, поросшем густым кустарником и частым лиственным лесом.

В обоих случаях не приходилось рассчитывать на эффективную поддержку артиллерии и тяжелого пехотного оружия. Ко всем этим трудностям добавлялись большие расстояния, на которые нужно было переносить по открытому пространству боеприпасы, переправочные средства и прочее военное имущество. Не намного легче была бы и транспортировка раненых в тыл.

Похожими оказались условия и в полосе атаки 85-го пехотного полка у деревни Рийи. Командиры полков, которые за прошедшие дни еще раз тщательно осмотрели позиции боевого охранения в городке Аттиньи, на северном берегу острова на Эне и у деревушки Рийи и на месте оценили возможности наступления, указали на то, что без мощной артиллерийской подготовки атака не имеет шансов на успех. К этому мнению присоединился и командир дивизии, который доложил о возникших опасениях командованию XVII армейского корпуса и командованию армии.

Атака 10-й дивизии через Эну

5 июня 1940 года началось немецкое крупномасштабное наступление севернее Парижа через Сомму, которое стремительно развивалось. В приказе командования XVII армейского корпуса указывалось на возможность того, что под таким мощным давлением немецких войск противник может оставить свои позиции и на участке фронта корпуса. В этом случае следовало атаковать противника через Эну и канал Эна – Маас и начать преследовать неприятеля до предусмотренного рубежа.

5 июня командование дивизии сначала в устной форме сообщило командирам полков их объекты атаки, запланированной на 4:30 утра в ночь с 6 на 7 июня. Это были следующие объекты атаки:

– для усиленного 20-го пехотного полка рубеж высот севернее линии Аттиньи – Сент-Вобур;

– для усиленного 85-го пехотного полка рубеж деревни Рийи и высоты южнее этой деревни.

На основе этого приказа по дивизии, который позднее был отдан и в письменной форме, командование полков, в том числе и 20-го пехотного полка, подготовило приказ по полку, который в общих чертах выглядел следующим образом:

– занимающий северную часть города Аттиньи усиленный 2-й эскадрон самокатчиков 10-го разведывательного батальона должен был овладеть южной частью Аттиньи;

– усиленный 3-й батальон 20-го пехотного полка должен был взять деревню Брикетри, расположенную строго на восток от города Аттиньи, и создать там плацдарм;

– усиленный 2-й батальон 20-го пехотного полка сначала должен был захватить большой остров, расположенный на Эне восточнее Аттиньи, а затем продолжить атаку через канал и захватить там плацдарм.

1-й батальон 20-го пехотного полка был снят с передовой еще 5 июня и находился северо-восточнее городка Экордаль в распоряжении командования полка. Атаку 20-го пехотного полка должны были поддерживать своим огнем пять артиллерийских дивизионов.

Похожий приказ о наступлении был отдан и командованием 85-го пехотного полка. В ночь с 5 на 6 июня на всем протяжении фронта дивизии резко активизировалась деятельность разведывательных дозоров и групп, которая дала следующие результаты:

– 2-й эскадрон самокатчиков 10-го разведывательного батальона доложил из Аттиньи: разведывательные группы переправились через Эну; с южного берега канала по ним был открыт только ружейно-пулеметный огонь.

– 2-й батальон 20-го пехотного полка доложил: три разведывательные группы успешно переправились через Эну; были обстреляны с южного берега канала.

85-й пехотный полк доложил: несколько разведывательных групп подошли к Эне; берег свободен от противника; переправа представляется вполне возможной.

Поэтому утром 6 июня у командования дивизии не могло не сложиться впечатление, что противник стал слабее или что он даже вообще намеревался оставить свои позиции на берегу Эны. В 6 часов утра командир дивизии отправился на командные пункты полков, а затем и на передовую, чтобы лично произвести разведку обстановки. Судя по всему, на фронте царило затишье. Вражеская артиллерия, которая обычно тотчас открывала огонь по всему, что движется, теперь молчала. Не было слышно и ружейно-пулеметного огня.

Опираясь на полученные донесения и на личный опыт, командир дивизии приказал всем подразделениям немедленно начать наступление на всем протяжении фронта дивизии.

В 7:30 ударные группы 20-го пехотного полка перешли в наступление.

В это же самое время мощная ударная группа 85-го пехотного полка стремительно выдвинулась к Эне и обнаружила, что противник не обстреливает северный берег реки, а значит, можно начинать переправляться через Эну.

Однако в городке Аттиньи неожиданная попытка отважно сражавшегося 2-го эскадрона самокатчиков под командованием обер-лейтенанта барона фон дер Борха переправиться на надувных лодках через реку потерпела неудачу, так как противник открыл интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь. Стало очевидно, что французы и не собирались оставлять свои позиции в Аттиньи.

Западнее города Аттиньи усиленный 2-й батальон и отдельные подразделения 1-го батальона 20-го пехотного полка беспрепятственно пересекли открытое пространство и подошли к Эне. Со стороны противника не прозвучало ни одного выстрела. В 9 часов утра два взвода 7-й роты под командованием обер-лейтенанта фон Вердена переправились на остров, отбросили слабые заслоны противника за канал и подошли вплотную к каналу. Но здесь они наткнулись на многочисленные вражеские силы, окопавшиеся на южном берегу канала, и им пришлось

залечь.

Примерно в 11 часов утра несколько штурмовых групп 2-го батальона 85-го пехотного полка благополучно переправились через Эну; затем за ними последовали еще несколько подразделений. Однако, когда позднее две усиленные роты этого батальона подошли к каналу, они попали под плотный вражеский огонь, и им тоже пришлось залечь.

К 14 часам 3-й батальон 85-го пехотного полка смог продвинуться от деревни Мон-де-Жё до Эны. Но потом со стороны противника начался сильный оборонительный огонь. Вражеские батареи, занимавшие позиции южнее деревни Вонк, открыли фланкирующий огонь из всех своих орудий. Они нанесли значительные потери не только выдвигавшемуся из Мон-де-Жё 3-му батальону 85-го пехотного полка, но и 2-му батальону этого же полка, а также 2-му батальону 20-го пехотного полка. Этим батальонам пришлось вступить в ожесточенный бой на островах между Эной и каналом со снайперами на деревьях на самих островах и с вражескими подразделениями, занимавшими позиции на другом берегу канала. К вечеру оба батальона смогли зачистить острова и подойти к каналу.

На основании этих упорных боев и поступивших донесений во второй половине дня командование дивизии пришло к убеждению, что противник, как и прежде, продолжает упорно защищать свой участок фронта на Эне и что вряд ли есть основания надеяться на успешное продолжение атаки. Поэтому командование дивизии приказало прекратить наступление и закрепиться на достигнутых позициях. Все-таки в ходе этой атаки хотя и со значительными потерями, но все же была преодолена первая водная преграда, река Эна, и тем самым были созданы более благоприятные условия для продолжения наступления в обозримом будущем.

Вражеская артиллерия днем и ночью обстреливала ближайший тыл. Командные пункты обоих полков (20-го пехотного полка в деревне Шарбонь и 85-го пехотного полка на высоте севернее местечка Мон-де-Жё) подвергались постоянному обстрелу неприятельских тяжелых батарей и несли существенные потери. На линиях связи то и дело происходили обрывы. Ликвидация этих обрывов требовала от связистов отдельных подразделений и 10-го батальона связи напряжения всех сил. Адъютант 10-го саперного батальона, лейтенант фон Балли, пал жертвой одного из таких обстрелов. Всю ночь продолжались стычки пехотных подразделений в городе Аттиньи и на острове к востоку от него, сопровождавшиеся сильным артиллерийским огнем. Командованию 20-го пехотного полка пришлось даже

направить на помощь боевой группе в Аттиньи подкрепление из бойцов своего 1-го батальона во главе с находившимся при штабе полка ротмистром бароном фон Милиусом, который вскоре прекрасно зарекомендовал себя в бою.

И боевая группа «Остров» тоже нуждалась в подкреплении, она была подчинена капитану Нойман-Хеннебергу, бесстрашному покорителю форта Мокотув в Варшаве.

В ночь с 7 на 8 июня во многих местах фронта дивизии, как на участке 20-го пехотного полка, так и в расположении 85-го пехотного полка, французы предприняли разведывательные поиски крупными силами, которые повсюду были успешно отбиты, в том числе и в ходе ожесточенных рукопашных схваток.

Во второй половине дня 7 июня командир 20-го пехотного полка выехал в сопровождении командира 2-го батальона на командный пункт дивизии. Оба командира еще раз доложили командиру дивизии о трудностях, возникших во время наступления на участке 20-го пехотного полка, и заявили, что, по их мнению, предварительным условием для успешного продолжения наступления является проведение мощной артиллерийской подготовки, а также обеспечение войск достаточным количеством надувных лодок, огнеметов и прочих средств, необходимых для ведения ближнего боя. Командир дивизии был полностью с ними согласен и передал эти требования в штаб корпуса. Действительно, при продолжении наступления 20-й пехотный полк получил в полосе дивизии самую сильную, однако, как позже выяснилось, все-таки недостаточную артиллерийскую поддержку пяти дивизионов. Майор Шмёгер, отличный командир 2-го батальона, был в этот день чрезвычайно серьезен, словно предчувствовал, что через несколько часов, а именно 8 июня в 4:30 утра, ему суждено было погибнуть в результате прямого попадания вражеского артиллерийского снаряда.

И в ночь с 8 на 9 июня противник попытался при мощной огневой поддержке своей артиллерии форсировать на надувных лодках и бревнах канал и снова захватить остров. Но и эта атака была отбита в тяжелом рукопашном бою.

Зато в городе Аттиньи и на участке 85-го пехотного полка этот день 8 июня прошел относительно спокойно.

На 9 июня было намечено наступление 12-й армии; оно началось в 4:45 утра. Вслед за прохладной ночью наступил знойный летний день. Для 10-й пехотной дивизии это был еще более горячий день боя, который потребовал от бойцов дивизии проявить всю свою смелость, самоотверженность и стойкость.

Дивизия атаковала в следующем боевом порядке.

Справа: усиленный 20-й пехотный полк под командованием полковника Шмидта.

Группа Аттиньи: командир ротмистр барон фон Милиус с 2-м эскадроном самокатчиков 10-го разведывательного батальона, 6-й ротой и частями 8-й роты 20-го пехотного полка, штурмовой группой 10-го саперного батальона с двумя огнеметами средней мощности, взводом легких полевых орудий, взводом противотанковых пушек, взводом 20-мм зенитных пулеметов и одной 150-мм полевой гаубицей. Цель атаки: южный район города Аттиньи.

Группа «Остров» западнее Аттиньи: командир капитан Нойман-Хеннеберг как преемник погибшего майора Шмёгера с усиленным 3-м батальоном 20-го пехотного полка, состоящим из 9, 11, 12 и 15-й рот, двух штурмовых групп 10-го саперного батальона с огнеметами, двух взводов легких пехотных орудий и одного взвода противотанковых пушек. 7-я рота должна была взять на себя прикрытие левого фланга.

1-й батальон 20-го пехотного полка (без 2-й роты) еще до начала атаки выдвинулся в район западнее деревни Сен-Ламбер.

Атаку полка должны были поддерживать 15 легких и 4 тяжелые батареи.

Слева: усиленный 85-й пехотный полк под командованием подполковника Кракау.

Группа Рийи: командир капитан доктор Треек. Целью атаки усиленного саперами, а также другим вооружением 2-го батальона 85-го пехотного полка была высота 130, находившаяся в 2 километрах южнее деревни Рийи, а затем деревушка Рош. Никакой артиллерийской подготовки, зато мощная поддержка артиллерии.

Группа Мон-де-Жё: командир майор Шульц. Усиленный саперами и тяжелым вооружением 1-й батальон 85-го пехотного полка должен был взять Рийи, а затем хорошо укрепленную высоту 104,4, расположенную восточнее деревни Рош. Поскольку этому батальону предстояло преодолеть четыре преграды (Эну, канал, железнодорожную насыпь и деревню Рийи), артиллерийская подготовка была увеличена на время X + 15 минут, а для обстрела Рийи были задействованы даже мортиры.

С началом атаки все тяжелое вооружение полков и батальонов, находившихся в резерве, должно было выслеживать появляющиеся цели любого вида. Дивизионной артиллерией, значительно усиленной корпусной артиллерией, командовал в качестве начальника артиллерии подполковник Шенк, командир 269-го артиллерийского полка.

Справа от 10-й пехотной дивизии занимала позиции 86-я

пехотная дивизия, которая атаковала городок Живри, а располагавшаяся слева 26-я пехотная дивизия наступала на Семюи, а затем на деревню Вонк.

Корпусная артиллерия подавляла вражеские артиллерийские группы, находившиеся южнее рощи у деревни Вонк. Вражеские наблюдательные пункты ослеплялись с помощью постановки дымовых завес.

Боевые действия развивались в этот день следующим образом.

Группа Аттиньи. Командир 2-й роты 20-го пехотного полка, лейтенант Геснер, принимавший участие в штурме форта Мокотув в Варшаве, погиб еще до начала атаки в результате прямого попадания вражеского снаряда в подвал дома, в котором занимал исходные позиции первый штурмовой эшелон (один из взводов 2-й роты). Вместе с ним погибли несколько унтер-офицеров и многие солдаты. Тем не менее второму эшелону атакующих войск (усиленному взводу 2-го эскадрона самокатчиков 10-го разведывательного батальона) удалось перейти вброд Эну и закрепиться на узкой дамбе между Эной и каналом. Два отделения 6-й роты 20-го пехотного полка тоже сумели добраться до дамбы по ту сторону Эны.

Однако, как только немецкая артиллерия перенесла свой огонь вперед, противник снова открыл огонь из всех стволов. Мощной артиллерийской подготовки оказалось недостаточно, чтобы вывести противника из строя в хорошо укрепленном южном районе Аттиньи. После упорного боя пришлось снова отвести в северную часть Аттиньи тех солдат, которые ранее с боем прорвались к дамбе.

Боевая группа «Остров» сильно пострадала от вражеского артиллерийского огня, еще находясь на исходных позициях. Но благодаря энергии командира 5-й роты (обер-лейтенанта Треффера) удалось заставить бойцов форсировать канал, попавший под фланкирующий огонь французов с обеих сторон. 5-я рота сумела закрепиться у подножия крутого склона, занятого французами.

Осознав, что продолжение атаки в городке Аттиньи является бесперспективным, уже в полдень командование 20-го полка решило, что главный удар будет наносить боевая группа «Остров», и переподчинило ей 3-ю роту. И эта рота под командованием обер-лейтенанта Хаббеля переправилась через канал и закрепилась у подножия крутого склона рядом с 5-й ротой. В ожесточенных рукопашных схватках обеим ротам приходилось постоянно отбивать яростные контратаки противника, пытавшегося отбросить их за канал.

Долина Эны была затянута плотной дымовой завесой, поэтому с наблюдательных пунктов артиллерии и тяжелого оружия, готового к открытию огня в ближайшем тылу, было невозможно обнаружить ни одной цели.

Группа Рийи усиленного 2-го батальона 85-го пехотного полка переправилась через канал еще ранним утром и закрепилась на откосе на другой стороне канала. Здесь между немцами и французами разгорелся жестокий бой с применением ручных гранат, которые метались через так называемый «бечевник», или «тропу бурлаков» (береговую полосу для нужд судоходства), то есть противники находились всего лишь в нескольких метрах друг от друга. Эта кровопролитная схватка продолжалась до полудня. Небольшая группа бойцов 5-й роты под командованием ее командира, лейтенанта Земмера, среди которых находились также командир 13-й роты, обер-лейтенант Зайбот, и несколько командиров взводов и отделений из 5-й роты, а также обер-фельдфебель Беккер из 1-й роты 10-го саперного батальона, воспользовавшись густым туманом, который ветер пригнал со стороны рощи у деревни Вонк, с ходу продвинулась до высоты 130 и закрепилась там – в 1,5 километра от основных сил батальона. Когда туман внезапно рассеялся, эта небольшая группа бойцов увидела прямо перед собой в перелеске французов и сразу же атаковала их, захватив в плен около 30 человек. Лейтенант Земмер заставил пленных бежать с поднятыми руками на северо-запад в сторону своего батальона. Когда сражавшиеся там французы увидели у себя за спиной своих товарищей с поднятыми руками, то и они прекратили сопротивление. 200 бойцов и 2 офицера тоже сдались в плен. За это выдающееся достижение лейтенант Земмер вскоре был награжден Рыцарским крестом Железного креста. 2-й батальон 85-го пехотного полка сразу же продолжил наступление, занял ферму Де Ля Форе и установил контакт с группой лейтенанта Земмера, окопавшейся на высоте 130.

Командир 85-го пехотного полка тотчас подтянул свой 3-й батальон под командованием капитана Веннера, который продлил занятый рубеж до высоты 130.

Обнаружив слабое место в обороне противника, командование дивизии переподчинило 85-му пехотному полку 1-й батальон 41-го пехотного полка (майора Рорбахера). После ожесточенного уличного боя этот батальон занял деревню Рийи; в этом бою особо отличился капитан Руц со своей 2-й ротой. Затем 1-й батальон 41-го пехотного полка смял позиции противника на железнодорожной насыпи ударом во фланг в восточном направлении, повернул на юг и закрепился на высоте

130 слева от 2-го батальона 85-го пехотного полка. Взятые там в плен французы оказались из 18-го пехотного полка, кроме того, в плен попало несколько чернокожих солдат из сенегальского батальона.

Группе Мон-де-Жё также пришлось вести тяжелый бой. Попав под сильный артиллерийский обстрел и находясь под постоянным фланкирующим огнем из Семюи, 1-й батальон 85-го пехотного полка сначала форсировал лишь Эну. Только после того как деревня Рийи была захвачена бойцами 41-го пехотного полка, 1-му батальону 85-го пехотного полка удалось переправиться и через канал.

Первый эшелон наступавших войск соседней слева 26-й пехотной дивизии смял противника восточнее города Семюи и деревни Вонк и продвинулся на несколько километров на юг. Но у нее в тылу бой продолжался, так как французы продолжали стойко держаться в городе Семюи и в деревушке Вонк и все еще вели оттуда фланкирующий огонь по позициям 10-й пехотной дивизии. Только 11 июня 26-й пехотной дивизии удалось подавить последние очаги сопротивления в этих населенных пунктах. Те воинские части 26-й пехотной дивизии, которые сначала продвинулись на юг, к вечеру были снова отброшены назад. Только небольшая группа бойцов продолжала держаться на ферме Фонтений, находившейся в 2 километрах юго-западнее деревни Вонк. Это имело очень большое значение, так как мост через канал к северу от фермы не был взорван. На опушку леса у деревни Вонк XVII армейский корпус вынужден был направить еще один полк из подчиненной ему полицейской дивизии и 11-й пулеметный батальон, чтобы произвести зачистку этого лесного массива.

В эти часы жаркого боя нельзя было не восхищаться самоотверженной работой наших военных врачей. Так, например, врач 3-го батальона 20-го пехотного полка, майор медицинской службы доктор Брандль, продвинулся вместе с бойцами батальона до самого острова и организовал там под огнем противника медицинское обслуживание раненых и их эвакуацию в тыл. Так же смело и самоотверженно действовали и все остальные врачи и медико-санитарный персонал, будь то войсковые врачи со своими санитарами-носильщиками на передовой или врачи и санитары в санитарных ротах или полевых госпиталях.

Ночью по хлипкому наплывному мосту на надувных лодках удалось переправить на остров у деревни Рийи первые два орудия 1-го дивизиона 10-го артиллерийского полка. Ночью интенсивные боевые действия уже не велись. Поэтому удалось вывезти раненых

и обеспечить хотя бы некоторые подразделения, закрепившиеся на другом берегу Эны, питанием и боеприпасами.

После тяжелых боев 20-й пехотный полк уже не мог продолжать наступление. В ночь с 9 на 10 июня его должен был сменить 41-й пехотный полк. Ночью из Аттиньи были выведены находившиеся там подразделения боевой группы фон Милиуса. Оборону позиций в этом городе взяла на себя 1-я рота 20-го пехотного полка под командованием капитана Лангезее. Эскадрон самокатчиков вернулся в состав 10-го разведывательного батальона.

Сменить группу «Остров» удалось только следующей ночью.

На полуострове у деревни Рийи был использован 41-й пехотный полк, основные подразделения которого находились до этого в резерве дивизии. 2-й батальон 41-го пехотного полка принял правый участок полосы наступления вместе с 3-м батальоном 85-го пехотного полка. Левый участок заняли 2-й батальон 85-го пехотного полка и 1-й батальон 41-го пехотного полка. За ними в качестве резерва следовал 1-й батальон 85-го пехотного полка.

Снятый с передовой 20-й пехотный полк поступил в распоряжение командования дивизии и отошел в район населенного пункта Ла-Березина.

Рано утром 10 июня наступление было продолжено. 85-й пехотный полк натолкнулся лишь на слабое сопротивление противника и вскоре достиг цели наступления: высоты северо-западнее деревни Сент-Вобур.

1-й батальон 41-го пехотного полка лишь после тяжелого боя смог подойти к деревушке Рош, которую упорно защищал 11-й сенегальский батальон. В этом бою особо отличилась 3-я рота, сумевшая отразить атаку четырех вражеских танков. В самый последний момент на помощь этой роте пришло орудие из 1-го дивизиона 10-го артиллерийского полка, которое метким выстрелом подбило один танк, который полностью выгорел. Три остальных танка поспешно развернулись и скрылись с места боя. Однако вскоре французы снова пошли в контратаку, которую теперь поддерживали уже восемь танков. Четыре танка были вскоре подбиты 1-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и только что прибывшей 14-й ротой 85-го пехотного полка. Остальные танки с белыми и черными французскими солдатами на броне откатились назад к деревне Рош. Тогда 3-я рота продолжила наступление на эту деревню. Из деревни в третий раз показались танки. Один танк был тотчас подбит, другой наскочил на мину и был обездвижен. К 17 часам деревня наконец полностью была в руках 3-й роты. На этом вражеское

сопротивление было окончательно сломлено.

Во второй половине дня 10 июня в деревню Рийи выдвинулся и 3-й батальон 41-го пехотного полка. Для упорядочения своих соединений 41-й и 85-й пехотные полки обменялись своими батальонами и заняли исходные позиции на дороге Брикетри – Рош для продолжения наступления 11 июня.

Значительные силы артиллерии также были переправлены по единственному, хлипкому наплывному мосту на надувных лодках у деревушки Рийи, чтобы следовать вплотную за своей пехотой.

Преследование противника и боевые действия вплоть до объявления перемирия

В эти дни Италия объявила войну Англии и Франции. У городка Ретель немецким войскам удалось захватить мост через Эну. По нему были переправлены две танковые и одна моторизованная дивизия, которые устремились на юг. Оказавшись под таким мощным нажимом, противник оставил свои позиции и перед фронтом дивизии. Он оставил лишь малочисленные арьергарды, состоявшие главным образом из сенегальских негров, которые отважно бились до последнего человека, жертвуя собой ради метрополии.

Так, 11 июня в 10 часов утра в штаб 20-го пехотного полка поступило донесение из 1-й роты, в котором сообщалось, что, по всей видимости, противник покидает Аттиньи и что рота немедленно начинает преследование неприятеля и выдвигается в южную часть города.

Теперь по всему фронту дивизии началось преследование отступавшего противника. К вечеру 85-й и 41-й пехотные полки вышли в район города Гриви-Луази. У города Аттиньи и у деревни Рийи саперы навели по одному мосту грузоподъемностью 16 тонн каждый. В заминированном Аттиньи наши подразделения продолжали, к сожалению, нести потери. Только к утру 12 июня саперам 10-го саперного батальона и переброшенного сюда саперного батальона корпусного подчинения удалось разминировать город и убрать все заграждения. По мосту в Аттиньи была переброшена вся артиллерия, 20-й пехотный полк и полицейский стрелковый полк СС, подчиненный к этому времени 10-й пехотной дивизии. Вечером 11 июня штаб дивизии разместился в городке Кулом. Таким образом, переправа через Эну была завершена. Это был настоящий боевой подвиг. Благодаря отваге и стойкости всего личного состава дивизии удалось справиться с почти невыполнимым заданием.

12 июня преследование противника продолжилось. Страшные грозы с ливнями сделали дороги местами почти непроходимыми. В частых стычках с арьергардами противника двигавшийся первым 85-й пехотный полк неудержимо продвигался вперед. Оставленные в спешке автомобили, брошенное оружие и взорванные орудия – такова была картина панического бегства французской армии. К полудню вперед был выдвинут 41-й пехотный полк, который продолжил преследование неприятеля. У городка Лири 20-я моторизованная пехотная дивизия

пристроилась вслед за 41-м пехотным полком и тем самым разорвала 10-ю пехотную дивизию на две группы. Усиленный 85-й пехотный полк расположился биваком у городка Сен-Мартен, усиленный 20-й пехотный полк – у деревни Контрёв.

В 19:45 к командиру 41-го пехотного полка, находившемуся в голове колонны, поступила просьба от командира 90-го моторизованного пехотного полка 20-й моторизованной пехотной дивизии поддержать их в бою за хорошо укрепленную деревню Ардёй. Полковник Адольф-Ауффенберг-Комаров откликнулся на эту просьбу и направил на помощь боевым товарищам свой 3-й батальон, двигавшийся в авангарде полка. До наступления темноты батальон с боем смог продвинуться до железнодорожной линии, рельсы которой были использованы французами для сооружения противотанковых заграждений. Но затем наступившая беспроглядная, темная ночь и начавшаяся гроза не позволили продолжить бой.

Когда 13 июня в 4:30 утра бой был продолжен, сопротивление противника быстро пошло на убыль. Солдаты французского 10-го колониального полка сдались в плен или же позорно бежали с поля боя. Пленными оказались негры жуткого вида, многие с безобразными шрамами на лице и заостренными с помощью напильника зубами. Каждый из них был вооружен кроме современного оружия длинным и острым как бритва мачете.

13 июня преследование противника сначала осложнилось из-за пробок на дорогах, возникших по вине 20-й моторизованной пехотной дивизии. Только после того как эта дивизия во второй половине дня повернула на юго-запад и освободилось многополосное шоссе Серне – Сент-Мену, 10-я пехотная дивизия снова двинулась вперед. Передовой отряд (10-й разведывательный батальон) после уличного боя захватил переправу через Эну в городке Сент-Мену. При этом особо отличился командир взвода разведывательных бронеавтомобилей лейтенант Ханзен. Яростный оборонительный огонь из окон многих домов вынудил командира 41-го пехотного полка ввести в бой 2-й и 3-й батальоны. После ожесточенного боя 2-му батальону (под командованием капитана Хуммеля), усиленному отделением обер-лейтенанта Эрта из 14-й роты, удалось взять сам город, переправиться через Эну и захватить в целости и сохранности два моста. На этот раз нашим противником оказался 27-й иностранный полк, состоявший из интербригад, в рядах которых сражались коммунисты из разных стран.

И 14 июня дивизии пришлось вести тяжелые бои. Дивизия получила задание, выступив из Сент-Мену, продвинуться вдоль

западных отрогов Аргон, скалистого плато на северо-востоке Франции, взять город Вилер-ан-Аргон и прорваться до городка Триокур-ан-Аргон. Интербригада, с которой велся бой накануне, удерживала высоты у городка Верьер, расположенного южнее Сент-Мену. После короткой артиллерийской подготовки 2-й и 3-й батальоны 41-го пехотного полка взяли штурмом занятые крупными силами вражеские позиции, на которых было установлено множество пулеметов. После этого снова разгорелся бой за местную переправу через Эну. И на этот раз отделению во главе с обер-лейтенантом Эртом удалось в ходе стремительной атаки овладеть мостами, не позволив противнику взорвать их. Но потом выяснилось, что как высоты и перелески северо-восточнее Донкура, так и вся западная окраина скалистого плато Аргонского леса, расположенного непосредственно на левом фланге дивизии, заняты значительными силами противника. Тогда 2-й и 3-й батальоны 41-го пехотного полка, находившиеся под постоянным фланговым огнем неприятеля, атаковали в южном направлении и во второй половине дня достигли перелесков севернее фермы Ла Мот. Здесь целый день кипел ожесточенный рукопашный бой с белыми и цветными французскими солдатами из 31-го колониального полка.

Чтобы облегчить положение 1-го батальона 41-го пехотного полка, командование дивизии направило 85-й пехотный полк через Донкур для охвата противника. Однако атака этого полка на городок Вилер-ан-Аргон захлебнулась. Тогда из штаба дивизии поступил приказ прекратить атаку и закрепиться на достигнутых рубежах.

В этот день стало известно о сдаче Парижа. Правда, несмотря на большие успехи, достигнутые на всех фронтах, говорить о конце войны было еще рано.

Следовавший в арьергарде 20-й пехотный полк еще ночью направил свой 3-й батальон на смену 3-му батальону 41-го пехотного полка, который занимал позиции в перелесках западнее города Вилер-ан-Аргон. Этот батальон был переподчинен 85-му пехотному полку. Однако, когда утром 15 июня этот полк снова пошел в атаку, выяснилось, что противник исчез. Ночью он оставил Аргонский лес.

Дальнейший маршрут продвижения дивизии проходил через населенные пункты Вилер-ан-Аргон, Пасаван-ан-Аргон, Триокур-ан-Аргон, Вобекур и Лиль-ан-Барруа к городку Женикур. Был сформирован передовой отряд, состоявший из 11-го пулеметного батальона, 1-й роты 10-го противотанкового дивизиона, 1-й роты 20-го пехотного полка, 3-й (моторизованной) роты 10-го саперного батальона и 1-й батареи 737-го артиллерийского

полка. За ним в качестве авангарда следовал 3-й батальон 20-го пехотного полка, вторым двигался усиленный 85-й пехотный полк, и замыкал колонну 51-й пехотный полк. У городка Триокур-ан-Аргон, где были обнаружены малочисленные подразделения противника, передовой отряд сразу же пошел в атаку и отбросил неприятеля на юг. При продолжении марша в сторону города Вобекур передовой отряд, проходивший через большой лесной массив, был обстрелян снайперами, притаившимися в кронах деревьев, и вынужден был остановиться из-за лесных завалов на дороге. Высоты в окрестностях Вобекура оказались заняты противником. Сначала в бой за эти высоты вступили 1-я рота 20-го пехотного полка и 3-я (моторизованная) рота 10-го саперного батальона. Но только после того, как подошел 3-й батальон 20-го пехотного полка под командованием майора Шефера, удалось выбить противника из Вобекура и с высот, расположенных по обе стороны от этого городка, при этом в отдельных местах пришлось вступать в рукопашную схватку с французами. Было захвачено около 100 пленных и большое количество оружия.

Ночью 3-й батальон 20-го пехотного полка вышел к городку Женикур и захватил там плацдарм.

16 июня преследование противника продолжилось, теперь в авангарде следовал 20-й пехотный полк. Марш должен был проходить через деревни Наив и Кюле к городку Линьи-ан-Барруа. Около полудня лейтенант Штегер был направлен на мотоцикле вперед к Кюле, чтобы разведать место привала. В деревне лейтенант натолкнулся на французский артиллерийский дивизион, двигавшийся с востока. Выхватив пистолет, лейтенант Штегер потребовал от командира дивизиона немедленно сдаться, заявив, что на подходе к деревне находится крупная бронетанковая часть.

И произошло невероятное: 12 офицеров и 286 рядовых (среди которых треть составляли негры) сдались вместе с двенадцатью орудиями, лошадьми, повозками и автомобилями для перевозки боеприпасов одному-единственному отважному немецкому офицеру. За этот смелый поступок лейтенант Штегер получил Рыцарский крест Железного креста.

Вскоре после этого лейтенант Ханзен, выдвинувшийся вперед на нескольких дозорных бронемашинах 10-го разведывательного батальона, взял в плен командира полка этого же артиллерийского дивизиона вместе со всем его штабом.

Несмотря на трудности рельефа в этой гористой местности и плохие проселочные дороги между деревнями Наив и Кюле, 20-й пехотный полк в этот же день сумел добраться до городка Линьи-ан-Барруа. Во всех этих населенных пунктах еще осталась часть

жителей. В общем и целом население вело себя миролюбиво. Без промедления был исполнен приказ о сдаче оружия всех видов. Вскоре на рыночной площади в Линьи-ан-Барруа громоздились целые горы винтовок, охотничьих ружей и пистолетов. Взятые в плен французы были поражены тем, как немцам удалось так быстро продвинуться на юг.

Действительно, темп продвижения на марше в последние дни – с учетом боевых действий и неблагоприятных условий местности – был очень высок. Пехотинцы с полной выкладкой проходили в день до 30 километров. Соответственно выглядела их обувь и нижнее белье. К счастью, в городке Линьи-ан-Барруа благодаря надлежащим образом проведенным реквизициям удалось снова снабдить личный состав самыми необходимыми предметами одежды.

Передовой отряд (11-й пулеметный батальон, 10-й разведывательный батальон и 1-я рота 20-го пехотного полка) сумел продвинуться до населенного пункта Тревере. Находившаяся вместе с передовым отрядом неутомимая 3-я (моторизованная) рота 10-го саперного батальона за ночь сумела навести 16-тонный мост через канал Марна – Рейн у местечка Менокур. Во время марша 17 июня снова произошло несколько стычек с арьергардами противника. Марш проходил через населенные пункты Тревере, Боне и Гондркур до города Дэнвиль. У взорванного моста у селения Удленкур передовой отряд задержался до 17 часов. 1-й кавалерийский эскадрон 10-го разведывательного батальона (обер-лейтенанта Хагелина) и следовавший за ним 20-й пехотный полк совершили крюк через Боне и еще вечером атаковали Гондркур, занятый крупными силами противника. Во время преодоления противотанкового заграждения на окраине этого городка погиб отважный командир бронированного разведывательного дозора, лейтенант Ханзен. 2-й батальон 20-го пехотного полка с боем взял Гондркур и захватил много пленных.

18 июня вперед выдвинулся 85-й пехотный полк. Он следовал за передовым отрядом по маршруту Дэнвиль, Лифоль-ле-Гран, Базой-сюр-Мёз. В этот день передовой отряд, опередив 26-ю пехотную дивизию, атаковал городок Нёфшато. Входившие в его состав 1-я рота 20-го пехотного полка и 3-я (моторизованная) рота 10-го саперного батальона вступили в ожесточенный бой за городок Домреми-ля-Пуселле, место рождения национальной героини Франции Орлеанской Девы Жанны д'Арк, и за Куссе. Но потом дивизия прибавила шагу. 2-й эскадрон самокатчиков 10-го разведывательного батальона рассеял в Сионе вражеский эскадрон, состоявший из кавалеристов-туземцев. Поскольку

противник все еще продолжал удерживать Нёфшато, дивизия сделала все, чтобы отрезать ему путь отступления на запад. 85-му пехотному полку удалось захватить мост у селения Донкур-сюр-Мёз и силами своего 2-го батальона создать там плацдарм.

Быстро сформировав передовой отряд, 20-й пехотный полк захватил мост через реку Маас в городке Базой-сюр-Мёз. По приказу командования корпуса 3-й батальон 20-го пехотного полка был развернут на восток в сторону Куссе, чтобы помочь 26-й пехотной дивизии при штурме этого города. Батальон атаковал город прямо с марша, и его 9-я и 11-я роты, двигавшиеся в первом эшелоне, при отличной поддержке тяжелого оружия батальона, одного взвода 13-й роты (пехотных орудий) и 2-й роты 10-го артиллерийского полка, заняли Куссе, причем в плен попали около 200 марокканцев и было захвачено много оружия. А 41-й пехотный полк продвинулся в этот день до самого Сиона.

19 июня преследование противника закончилось. Неприятель просто исчез. Дивизия двигалась двумя колоннами: усиленный 85-й пехотный полк, за ним усиленный 41-й пехотный полк выступили в направлении Граффиньи, а двигавшийся восточнее усиленный 20-й пехотный полк направился к городку Сент-Уан-ле-Паре. Когда полки уже почти подошли к этим населенным пунктам, из штаба корпуса поступил приказ: «10-я пехотная дивизия переводится в резерв Верховного командования сухопутных войск. Повернуть на юг и остановиться на отдых вдоль дороги Аревиль – Юйекур».

Все офицеры дивизии поспешно отправились в подразделения с соответствующими приказами. Сам командир дивизии отправился через 41-й пехотный полк в Донкур-сюр-Мёз к 10-му разведывательному батальону, который выступил в направлении Сен-Тьебо. На южной окраине города Донкур-сюр-Мёз он встретил связного-мотоциклиста из 10-го разведывательного батальона, который доложил: «Бурмон и Сен-Тьебо заняты крупными силами противника». Сразу же был введен в бой 41-й пехотный полк. Его 2-й батальон (справа) и 3-й батальон (слева) сначала зачистили Коненкур и высоты восточнее этого населенного пункта. Затем в том же боевом порядке 41-й пехотный полк атаковал расположенный выше на горе и похожий на крепость Бурмон. Атака вверх по склону горы по лишенным укрытий лугам оказалась очень трудной. Улицы Донкур-сюр-Мёза были забиты колоннами различных соединений. С большим трудом выдвинутые вперед 3-й дивизион 10-го артиллерийского полка и 1-й дивизион 46-го артиллерийского полка не могли оказать существенную помощь, так как постоянно взлетавшие вверх позади Бурмона белые сигнальные ракеты

свидетельствовали о том, что там находились немецкие войска (86-я пехотная дивизия). К 19 часам 41-й пехотный полк взял штурмом Сен-Тьебо и Бурмон. Противник (белые и темнокожие французские солдаты из 11-го сенегальского батальона) наряду с большими потерями убитыми и ранеными потерял 16 офицеров и около 500 рядовых пленными. Кроме того, были захвачены богатые трофеи. В этом бою особо отличился лейтенант Штайнбюгль из 5-й роты, который вместе со своим командиром отделения управления роты переплыл реку, протекавшую у восточной окраины Сен-Тьебо, лично захватил два пулеметных гнезда и пятьдесят пленных. В этой атаке осколком снаряда был ранен командир полка, полковник Адольф-Ауффенберг-Комаров. Но он оставался со своими бойцами вплоть до окончания боя. В этом последнем бою дивизии во время Французской кампании погибли сначала лейтенант Брудер, а вскоре после этого лейтенант Шмидт из 9-й роты.

Командир дивизии отметил успехи 41-го пехотного полка в следующем приказе по дивизии:

> *«10-я дивизия Донкур, 20.06.1940*
> *Начальник штаба, 10:30*
> ПРИКАЗ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ № 76
>
> Вчера энергичной атакой 41-го пехотного полка на Сен-Тьебо и Бурмон успешно завершился первый бой частей дивизии на Западном театре военных действий. В результате этой атаки в плен попали 14 вражеских офицеров и около 500 рядовых, было захвачено в качестве трофеев несколько противотанковых пушек и большое количество пулеметов.
>
> Я выражаю свою особую признательность командиру полка, полковнику Адольф-Ауффенберг-Комарову, который, несмотря на ранение, продолжал руководить боем, и батальонам Хуммеля и Эша, а также роте пехотных орудий и противотанковой роте. Наряду с взятием Бжозува во время Польской кампании теперь в истории полка будет отмечено и блестящее овладение французским Бурмоном, как победа, добытая только силами одного этого полка.
>
> Подписано: *фон Кохенхаузен*».

Без соприкосновения с противником 85-й пехотный полк проследовал через Граффиньи в Юйекур. Показательно, что в то же самое время совсем близко от этого места французы храбро сражались под Бурмоном даже в безвыходном положении.

В этот день в состав 20-го пехотного полка вернулся 3-й

батальон, который добился блестящего успеха в бою под Куссе. Утомительный марш под палящими лучами летнего солнца привел полк через Базой-сюр-Мёз в городок Жамволет. Там полк получил приказ прекратить дальнейшее преследование противника и расположиться на отдых вдоль маршрута продвижения.

20 июня уже не было никаких соприкосновений с противником. В качестве резерва главного командования сухопутных войск дивизия отправилась маршем к городку Бурбон-ле-Бэн.

21 июня дивизия передислоцировала 41-й пехотный полк на участок реки Сона между городами Жюсе и Кор для обеспечения охранения с востока. В 17 часов, незадолго до прибытия на место расквартирования, все воинские части дивизии, находившиеся на марше, услышали такой знакомый сигнал: специальное сообщение! Все поспешно столпились вокруг радиоприемников. По радио передали сообщение о заключении в историческом Компьенском лесу соглашения о перемирии между Германией и Францией, которого все так страстно желали и которое все-таки оказалось неожиданным. Нигде не было слышно громких криков ликования, однако всех охватило глубокое волнение. После тяжелых боев за Эну, происходивших всего лишь несколько дней тому назад, с большим трудом верилось в то, что вместо постоянного грохота орудий действительно наступит настоящее перемирие и что в течение всего лишь нескольких недель удалось принудить сильную Францию к безоговорочной капитуляции.

Главные силы дивизии были расквартированы в районе города Ла-Марш. Штаб дивизии разместился в замке Шалон-сюр-Сон. Здесь дивизия оставалась до 4 июля 1940 года. Во всех воинских частях прошли торжественные богослужения по случаю подписания соглашения о перемирии. В заключение этих впечатляющих торжеств прозвучали Голландская благодарственная молитва и гимн Германии.

По случаю заключения перемирия командир дивизии издал следующий приказ по части:

«*Шалон, 23 июня 1940*
ПРИКАЗ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ
Солдаты 10-й дивизии

Франция побеждена. Французское правительство приняло условия перемирия, предложенные Германией. Это явилось для вас наградой за тяжелые бои последних недель. В отличие от Польской кампании на этот раз дивизия сражалась не на главном направлении

наступления германских сухопутных войск. Поэтому ей пришлось выполнять поставленные перед ней тяжелые задания без помощи новейшего оружия, танков и самолетов. Форсирование Эны и канала Эна – Маас, бои в Аргонском лесу, продолжительные марши при преследовании отступавшего противника потребовали от личного состава дивизии продемонстрировать беззаветную отвагу, самоотверженность, стойкость и готовность к самопожертвованию.

Вы сделали все, что было в ваших силах, и выполнили все требования командования. Я горжусь успехами дивизии и благодарю вас.

Наряду с боевыми частями многого добились и наши тыловые службы. Без их неустанной деятельности и днем и ночью операции были бы просто-напросто невозможны.

Французская кампания является новой славной страницей в истории 10-й дивизии.

После достигнутой победы мы чтим память наших павших боевых товарищей и всегда будем помнить раненых сослуживцев. Они пролили свою кровь ради процветания Германии.

Дивизия готова к дальнейшим сражениям, куда бы ни позвал нас фюрер. В этот величайший день в немецкой истории мы чтим его с благодарностью и уважением.

Подписано: *фон Кохенхаузен*».

Марш к демаркационной линии (с 4 по 16 июля 1940 года)

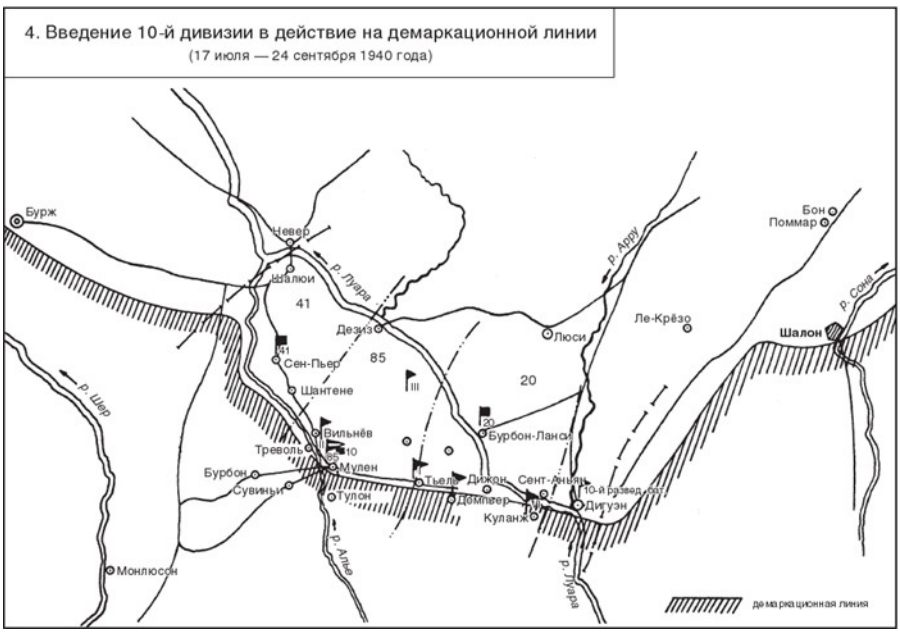
В конце июня штаб XVII армейского корпуса, которому подчинялась 10-я дивизия, был как таковой расформирован. Личный состав штаба корпуса отбыл в Кракау (*польск.* Краков). Полицейская дивизия СС и 86-я пехотная дивизия были передислоцированы в Вонк, 26-я пехотная дивизия была переброшена в Бельгию. 10-я пехотная дивизия была переподчинена 2-й армии, которой командовал генерал-полковник барон фон Вейхс, именно ему, как командиру XIII армейского корпуса, дивизия подчинялась еще в мирное время, а также во время Польской кампании. Дивизия должна была принять участок охранения на Луаре и ее притоке Алье в районе города Невер и к востоку от него. Ширина этого участка между городами Невер, Мулен и Дигуэн составляла около 90 километров.

4 июля дивизия начала продвижение на юг. Протяженность перехода составляла около 300 километров, которые дивизия преодолела в образцовом порядке в период с 4 по 16 июля, включая два дня отдыха. Впереди с целью проведения разведки и для обеспечения охранения двигался 10-й разведывательный батальон. Главные силы дивизии, представлявшие собой главным образом усиленные полковые группы, следовали за ним по двум дорогам, выделенным для марша от города Ла-Марш через города Шамплит, Дижон, Семюр, Отён, Бурбон-Ланси в Мулен.

Марш проходил по живописным и плодородным районам Франции. Высокие требования к личному составу, лошадям и технике предъявлялись не только из-за протяженных дневных переходов, но и, прежде всего, из-за гористого характера местности и временами плохой погоды. Население вело себя в общем и целом сдержанно, однако не враждебно. Благодаря присутствию жителей в городах и деревнях и минимальным разрушениям, вызванным войной, вся местность имела приветливый вид, а на улицах населенных пунктов было довольно многолюдно. Особенно приятным был марш через живописный район Кот-д'Ор и Бургундию с ее всемирно известными винодельческими центрами Нюи-Сен-Жорж, Бон и др. Поскольку эти великолепные бургундские вина имелись еще в изобилии и стоили совсем недорого, они неоднократно выдавались всем военнослужащим дивизии.

Введение дивизии в действие на демаркационной линии (с 17 июня по 24 сентября 1940 года)

В течение дня 17 июля все подразделения дивизии прибыли на свои участки на демаркационной линии. Там они сменили полки 20-й (моторизованной) пехотной дивизии, которые приняли на себя охранение до прибытия пеших войск. Штаб 10-й пехотной дивизии расположился в Мулене. Командир дивизии со старшими офицерами штаба разместился в одном из замков вблизи Мулена.



Воинские части дивизии располагались в следующем порядке.

Справа: 41-й пехотный полк, усиленный подразделениями 10-го артиллерийского полка, со штабом в городке Сен-Пьер охранял участок реки Алье от впадения в Луару до города Вильнёв, а именно силами

1-го батальона – район Шалюи – Маньи-Кур – Мори – Марс;

2-го батальона – район Дере – Ланжерон – Оде – Талу;

3-го батальона – район Шантене – Сент-Эмбер – Вильнёв.

В центре: усиленный 85-й пехотный полк со штабом в Мулене охранял участок Вильнёв – Мулен, а затем – повернув на восток –

до Тьеля (включительно), а именно силами

2-го батальона – район Треволь – Аверн – Оруэ;

1-го батальона – район Треволь (исключая) – Аверн – Мулен – Тулон-сюр-Алье – Люзиньи;

3-го батальона – район Тулон-сюр-Алье – Шапо – Тьель.

Слева: усиленный 20-й пехотный полк с подчиненным ему 10-м разведывательным батальоном со штабом в Бурбон-Ланси охранял участок Тьель – Домпьер-сюр-Бебр – Дигуэн-сюр-Луар – Бурбон-Ланси, а именно силами

1-го батальона – район Шевань – Тьель;

2-го батальона – район Домпьер – Диу – Болон;

3-го батальона – район Пьерфит – Куланж – Сент-Аньян;

10-го разведывательного батальона район по обе стороны от Дигуэна.

Задачи по охранению заключались в контроле путей сообщения всех видов, в направлении патрулей для контроля местности между опорными пунктами, в охране многочисленных складов, в проверке возвращающихся беженцев и в поддержании порядка в многочисленных населенных пунктах.

Задачи командира дивизии и его штаба были схожи с теми, которые они выполняли в период оккупации Варшавы. Правда, они оказались значительно легче, так как предстояло устранить лишь немногие разрушения, вызванные военными действиями, кроме того, сотрудничество с французскими органами власти проходило без осложнений. Отношение французских мэров к немецким войскам было повсеместно вежливым и корректным. Требование предоставить каждому бойцу отдельную кровать или соломенный тюфяк с постельным бельем и одеялом выполнялось без проволочек. Поведение французских офицеров и рядовых, которые обеспечивали охранение с другой стороны демаркационной линии, также было корректным во всех отношениях. Во время оккупации между немецкими солдатами и хозяевами квартир, в которых они проживали, часто устанавливались даже дружеские отношения. Мэры населенных пунктов и часть населения нередко принимали участие в различных мероприятиях воинских частей, таких как спортивные праздники или соревнования по конному спорту. Поэтому все военнослужащие дивизии с удовольствием вспоминали период оккупации во Франции.

В середине июля, к всеобщей радости, начались массовые отпуска на родину. Наряду со службой по охране демаркационной линии и вновь начавшимися занятиями по боевой подготовке в оставшееся время офицеры и рядовой состав дивизии имели возможность познакомиться с прекрасными замками и соборами,

встречавшимися в долине Луары, а также с местами боев в Первую мировую войну. Удалось посетить и населенные пункты на Эне, за которые шли ожесточенные бои, и привести в порядок могилы павших боевых товарищей. Многим посчастливилось посетить и французскую столицу Париж. Наконец, часто приезжавшие в дивизию немецкие фронтовые театры и французские театральные коллективы вносили приятное разнообразие в монотонность сторожевой службы.

Решающая перемена в судьбе дивизии произошла 19 июля 1940 года. Поступил приказ, в котором говорилось, что 10-я дивизия должна быть преобразована в моторизованную пехотную дивизию и что необходимо немедленно начать все необходимые для этого приготовления. Личный состав дивизии встретил этот приказ с воодушевлением. Ведь военные кампании в Польше и во Франции однозначно доказали превосходство моторизованной сухопутной армии во время наступления. Правда, расставание с родом войск, к которому они принадлежали годы или даже десятилетия, и прежде всего прощание с верными спутниками в хорошие и тяжелые времена, с лошадьми, далось офицерам и унтер-офицерам старшего поколения нелегко. В период с 14 по 15 сентября во всех подразделениях дивизии в Мулене были проведены соревнования по конному спорту: скачки по пересеченной местности, выездка и конкур. Все они проходили под девизом «Прощание с лошадью».

Однако очень быстро эта грусть была вытеснена начавшейся интенсивной подготовкой военнослужащих дивизии к выполнению задач, стоящих перед моторизованной воинской частью.

Так что время дислокации на демаркационной линии прошло даже слишком быстро. 19 сентября 1940 года пришел приказ о смене и о передислокации дивизии в Германию. К всеобщей радости, на этот раз мы возвращались в места постоянной дислокации. В период с 22 по 24 сентября на демаркационной линии 10-ю дивизию сменила 198-я пехотная дивизия, и по железной дороге она была передислоцирована на родину.

В воскресенье, 29 сентября, в Регенсбурге на плацу казармы «Таннказерне» состоялась торжественная встреча подразделений дивизии, расквартированных в Регенсбурге и его окрестностях. Военнослужащих дивизии приветствовали исполняющий обязанности командира XIII армейского корпуса генерал артиллерии фон Кохенхаузен, брат командира дивизии, а также крайсляйтер и обер-бургомистр Регенсбурга. В заключение этого торжества войска прошли маршем по улицам города, украшенным флагами и гирляндами. Горожане встречали воинов

криками восторга и осыпали их цветами. Вечером городские власти устроили прием по случаю возвращения дивизии. Роты отпраздновали этот день возвращения на родину из победоносного похода в местах своей постоянной дислокации. Этот день навсегда останется в памяти каждого участника торжеств.

Похожим образом были организованы торжественные встречи и во всех других местах расквартирования подразделений дивизии, и везде население встречало своих земляков с восторгом.

С 1 октября 1940 года 10-я дивизия стала официально именоваться 10-й моторизованной пехотной дивизией. К сожалению, вместе с этим из состава дивизии были выведены 85-й пехотный полк, 3-й дивизион 10-го артиллерийского полка, 1-й дивизион 46-го артиллерийского полка, 1-я рота 10-го разведывательного батальона и 3-я рота 10-го противотанкового дивизиона. Это были как раз те воинские части, которые отлично зарекомендовали себя во время Польской и Французской кампаний. Одновременно дивизия лишилась и своего прежнего командира, командовавшего дивизией в мирное и военное время, генерал-лейтенанта Конрада фон Кохенхаузена. Благодаря своему огромному опыту пехотинца он получил задание заново сформировать и подготовить к ведению боевых действий 134-ю пехотную дивизию. Будучи командиром этой дивизии, в декабре 1941 года он навеки остался в белоснежных полях под Москвой.

В его лице дивизия потеряла не только отличного командира в военное и мирное время, но и прекрасного боевого товарища, память о котором будет вечно храниться в наших сердцах.

Новым командиром 10-й моторизованной пехотной дивизии был назначен опытный специалист в вопросах «моторизации», генерал-майор Вильгельм фон Лёпер, который еще во время Польской кампании командовал одной из моторизованных дивизий – 1-й легкой дивизией.

На этом заканчивается история 10-й дивизии как пехотного подразделения и рассказ об участии во Французской кампании. И эта кампания была наполнена тяжелыми боями, но в то же время дивизия добилась и большого успеха. 10-я дивизия может по праву гордиться достигнутыми победами в борьбе с таким неприятелем, который, несмотря на все поражения, храбро сражался и добился уважения со стороны своего противника.

Общие потери 10-й дивизии во Французской кампании

Воинское звание	Погибло	Ранено	Пропало без вести
Офицеры	17	35	—
Унтер-офицеры	76	211	—
Рядовые	278	1168	18
И т о г о	371	1414	18

Список погибших офицеров

20-й пехотный полк: майор Шмёгер, обер-лейтенант Майер, лейтенант Геснер, лейтенант Майр, лейтенант Плуц.

41-й пехотный полк: лейтенант Хорнбах, лейтенант Брудер, лейтенант Шмидт (Йохан).

85-й пехотный полк: обер-лейтенант Бляйер, обер-лейтенант Золлер, обер-ветеринар доктор Хорнке, лейтенант Линдингер, обер-лейтенант Зайбот умер от ран 20.09.1940, лейтенант Шмидт (Гейнц) умер от ран 21.06.1940.

10-й разведывательный батальон: лейтенант Ханзен.

10-й противотанковый дивизион: лейтенант Мюллер (Эрик) умер от ран 01.08.1940.

10-й саперный батальон: лейтенант фон Балли.

Война с Советским Союзом 1941 год

Преобразование в 10-ю моторизованную пехотную дивизию и боевая подготовка перед войной с Советским Союзом

В местах постоянной дислокации продолжилась усиленная теоретическая и практическая подготовка для будущего введения в действие в качестве моторизованной дивизии. Обобщался богатый опыт применения бронетанковых и моторизованных частей в Польской и во Французской кампаниях. Эта задача облегчалась благодаря переводу в дивизию многих командиров и офицеров, которые уже командовали моторизованными воинскими частями, таких, например, как подполковник Траут, командир 41-го моторизованного пехотного полка, майор Плагеман, командир 40-го мотоциклетного батальона, подполковник Шмидт, командир 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, майор Бериш, командир 10-го моторизованного саперного батальона, капитан Мартини, командир 10-го разведывательного батальона, и других. Тем не менее при практической подготовке личного состава дивизии возникло много трудностей, поскольку ощущалась острая нехватка как транспортных средств, так и инструкторов по вождению, а также нижних чинов.

В конце февраля 1941 года 10-я моторизованная пехотная дивизия была передислоцирована на учебный полигон Вильдфлеккен (Рён) и его ближайшие окрестности, чтобы можно было проводить боевую подготовку в составе крупных соединений. Генерал-полковник Гудериан лично дважды знакомился с состоянием боевой подготовки в 10-й моторизованной пехотной дивизии.

Постепенно начали поступать – хотя и в недостаточном количестве – остальные транспортные средства. Правда, в основном это были обычные, стандартные автомобили и тягачи, приспособленные к нуждам армии.

В начале июня 1941 года дивизия, входившая в состав Танковой группы Гудериана, была передислоцирована в район восточнее Варшавы. 12 июня 10-я моторизованная пехотная дивизия несколькими маршевыми эшелонами двинулась по автостраде сначала до Бреслау (*польск.* Вроцлав). Оттуда дивизия отправилась маршем дальше через Польшу и к 17 июня прибыла в предусмотренный на более длительное пребывание район расквартирования Селехов (штаб дивизии) – Стотшек (20-й моторизованный пехотный полк) – Станин (10-й моторизованный

артиллерийский полк) – Осины (41-й моторизованный пехотный полк).

К сожалению, и в этот период оснащение дивизии транспортными средствами было совершенно недостаточным. Например, по одному батальону от каждого пехотного полка были вынуждены остаться на полигоне в Вильдфлеккен и ждать свои автомобили, которые постепенно прибывали из Франции, Голландии, Бельгии и Германии.

В дивизии были представлены автомобили всех типов, собранные на автозаводах Центральной и Западной Европы. Не хватало запасных шин, инструментов и брезента для грузовиков. Необходимо было дополнительно изготовить деревянные скамьи для грузовиков, предназначенных для перевозки рядового состава. Похожим образом обстояли дела и в других воинских частях дивизии. Короче говоря, оснащение дивизии транспортными средствами, не до конца оборудованными для перевозки личного состава, было ниже всякой критики. Но, несмотря на все эти трудности, только благодаря самоотверженности и полной самоотдаче всех командиров и рядовых удалось добиться таких больших успехов в самом начале войны с Советским Союзом.

В штаб-квартире дивизии в городе Селехов командиры получили первые указания относительно ближайших дней. Теперь уже не осталось никаких сомнений по поводу того, что Гитлер принял окончательное решение напасть на Советский Союз.

Общее положение

Вот что пишет об этом генерал-полковник Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата»:

«Для нападения на СССР были сформированы три группы армий:

– группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Рундштедта южнее Припятских болот;

– группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока между Припятскими болотами и польским городом Сувалки;

– группа армий «Север» под командованием фельдмаршала Риттера фон Лееба в Восточной Пруссии.

Эти три группы армий должны были наступать по территории России с целью прорвать оборону русских войск, находившихся вблизи границы, окружить их и уничтожить. Танковые группы должны были продвинуться вперед в глубь территории России, чтобы предотвратить создание новых оборонительных рубежей.

Группа армий «Центр» состояла из 4-й армии (фельдмаршала фон Клюге), 9-й армии (генерал-полковника Штрауса), 2-й танковой группы (генерал-полковника Гудериана) и 3-й танковой группы (генерал-полковника Гота). Всего она насчитывала 31 пехотную дивизию, 7 моторизованных пехотных дивизий, 9 танковых дивизий и 1 кавалерийскую дивизию.

Ей противостояли советские войска примерно такой же численности, под командованием маршала Тимошенко, который имел в своем распоряжении 39 стрелковых дивизий, 8 кавалерийских дивизий, 2 танковые дивизии и 12 механизированных и танковых бригад.

В состав танковой группы Гудериана входили:

– XXIV танковый корпус (генерала барона Гейра фон Швеппенбурга) с 3-й танковой дивизией, 4-й танковой дивизией, 1-й кавалерийской дивизией и 10-й моторизованной пехотной дивизией;

– XXXXVI танковый корпус (генерала барона фон Фитингхофа) с 10-й танковой дивизией, моторизованной пехотной дивизией СС «Дас Райх» и пехотной дивизией «Гроссдойчланд» («Великая Германия»);

XXXXVII танковый корпус (генерала Лемельзена) с 17-й танковой дивизией, 18-й танковой дивизией и 29-й моторизованной пехотной дивизией.

Кроме того, в танковую группу Гудериана входили армейские части и соединения, авиагруппа тактической поддержки

бомбардировщиков ближнего действия и зенитно-артиллерийский полк «Герман Геринг».

2-я танковая группа получила задание в день начала наступления форсировать Буг по обе стороны от крепости Брест-Литовск, прорвать русский фронт и, используя первоначальный успех, быстро выйти в район Рославль – Ельня – Смоленск.

Для наступления Гудериан сформировал три ударные группы.

На (правом) южном фланге XXIV танковый корпус должен был форсировать Буг южнее Брест-Литовска и наступать на Слуцк. При этом подчиненная XXIV танковому корпусу 10-я механизированная пехотная дивизия сначала должна была следовать во втором эшелоне боевого порядка, в то время как 1-я кавалерийская дивизия должна была прикрывать правый фланг со стороны Припятских болот, непроходимых для танковых войск.

В центре XII армейский корпус, предоставленный 4-й армией на первый день наступления, должен был окружить Брест-Литовск, взять его и в ходе дальнейшего наступления обеспечить охранение внутренних флангов обоих танковых корпусов.

На (левом) северном фланге XXXXVII танковый корпус должен был форсировать Буг севернее Брест-Литовска и наступать на Минск.

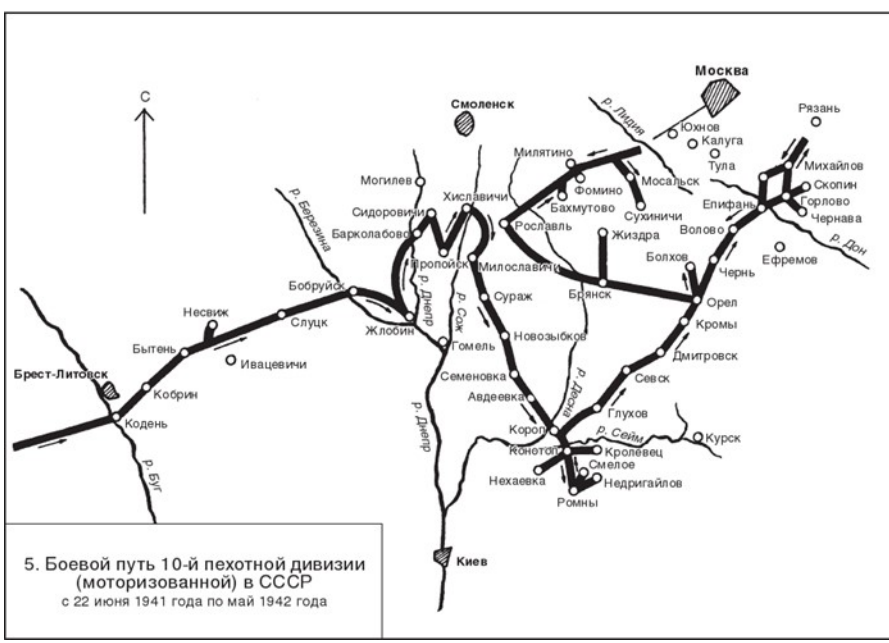
XXXXVI танковый корпус, находившийся сначала в резерве, подтягивался вслед за наступавшими корпусами».

Наступление

22 июня 1941 года, 3:15 утра! Мощная артиллерийская подготовка стала сигналом к началу нападения германских вооруженных сил на Советский Союз. Каждый солдат осознавал: пробил решающий час. Теперь все было в руках судьбы.

К вечеру 22 июня 4-я армия – с 2-й танковой группой во главе – широким фронтом форсировала Буг по обе стороны от Брест-Литовска и прорвалась через вражеские приграничные оборонительные укрепления. Уже в первый день наступления на всех транспортных средствах 10-й моторизованной пехотной дивизии белой краской была нанесена большая буква «Г» – знак принадлежности к танковой группе Гудериана, а также эмблема дивизии – рунический знак победы. Потом дивизия была поэтапно подтянута к наступавшим войскам и 25 июня переправилась через Буг по временному мосту у польского городка Кодень.

В эти дни дивизия познакомилась с новым для себя понятием, которое в будущих боях на Восточном фронте часто играло судьбоносную роль: «шоссе», обозначаемое в дальнейшем буквой «Ш». Так назывались ведущие на восток немногочисленные дороги с более или менее твердым покрытием, худо-бедно пригодные для движения по ним моторизованного транспорта.



5. Боевой путь 10-й пехотной дивизии (моторизованной) в СССР
с 22 июня 1941 года по май 1942 года

Выделенное XXIV танковому корпусу шоссе № 1 (Ш-1) вело от Кобрина через Бытень, Слуцк и Бобруйск в Могилев на Днепре. Все остальные дороги были плохими, песчаными или с многочисленными заболоченными участками и вряд ли годились для движения по ним моторизованных транспортных средств. Поэтому на этом единственном шоссе сгрудились двигавшиеся на восток моторизованные транспортные средства целого корпуса. К ним добавлялись бесчисленные колонны служб снабжения армии, люфтваффе и двигавшихся по проселочным дорогам и Припятским болотам пехотных дивизий и 1-й кавалерийской дивизии, которые, чтобы иметь возможность двигаться вперед, постоянно пытались тайком направить свои грузовики на и без того забитое до отказа шоссе № 1. И вот теперь, под палящими лучами солнца, поднимая тучи пыли, на восток двигались (часто в четыре ряда) моторизованные транспортные средства самых разных соединений, то и дело останавливавшиеся из-за постоянно возникавших пробок. Кроме того, огромные мучения доставляли всем полчища кровожадных комаров и мошек.

25 июня передовые отряды XXIV танкового корпуса уже вышли к Березине в районе Бобруйска. На долю следовавшей во втором эшелоне 10-й моторизованной пехотной дивизии выпала охрана становившихся все более глубокими флангов XXIV танкового корпуса.

27 июня довольно крупное советское соединение – около 2 тысяч бойцов – попыталось прорваться на юг из котла, который намечался под Белостоком. 28 июня оно было с большими потерями снова отброшено на север, в котел. Эта энергичная атака была проведена ударной группой под командованием командира 20-го моторизованного пехотного полка, сформированной из 3-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка, взвода мотоциклистов того же полка, 40-го мотоциклетного батальона и трех батарей 10-го моторизованного артиллерийского полка. При этом около 400 красноармейцев попали в плен. К сожалению, и 20-й моторизованный пехотный полк понес в этот день первые потери в войне с Советским Союзом – погибли лейтенанты Кислинг и Шульце, а также шесть рядовых. Но тем самым для войск, двигавшихся по шоссе № 1, была окончательно ликвидирована угроза с фланга.

В последующие дни движение по болотистой местности в долине реки Припять значительно ускорилось. Дивизия уже приобрела вид, характерный для всех соединений, участвовавших в Восточной кампании. Толстый слой пыли покрывал все автомобили и обмундирование бойцов. Прикрытые москитными

сетками лица также были покрыты пылью. Из-за проникавшего повсюду песка страдали и двигатели транспортных средств. Но все эти мелочи не могли омрачить радость от стремительного продвижения вперед наших войск и намечавшегося грандиозного успеха.

Наступление неудержимо развивалось в северо-восточном направлении. Как правило, впереди всех двигался усиленный 10-й разведывательный батальон или 40-й мотоциклетный батальон, которые постоянно предоставляли командованию дивизии необходимые данные о противнике, характере местности и дорожных условиях.

2 июля противник, оказавшийся в котле под Белостоком, был уничтожен. Одна только 4-я армия взяла в плен около 82 тысяч красноармейцев и захватила в качестве трофеев или уничтожила более тысячи танков и более 600 орудий. Силами 3-й танковой дивизии под Бобруйском и 4-й танковой дивизии под Свислочью XXIV танковый корпус создал два плацдарма на восточном берегу Березины. 10-я моторизованная пехотная дивизия подошла к небольшому, сильно разрушенному городку Слуцк.

4 июля и 10-я моторизованная пехотная дивизия переправилась через Березину по понтонному мосту, наведенному под Бобруйском.

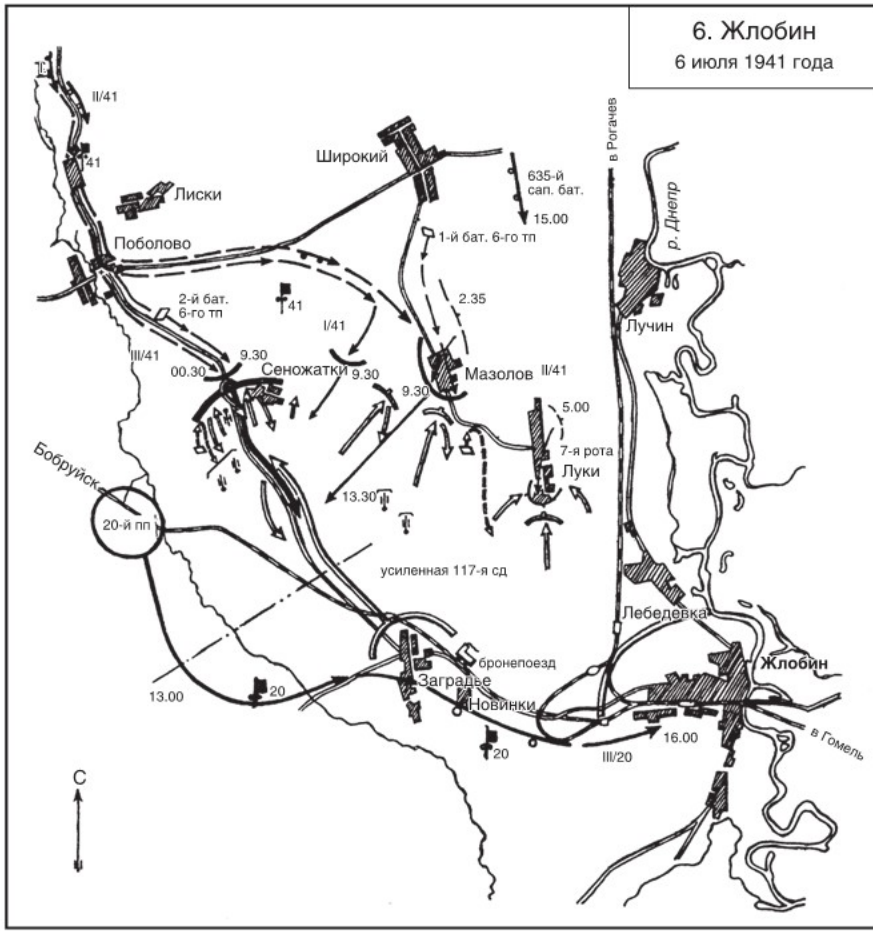
Сражение за Днепр и линию Сталина

5 июля было продолжено наступление широким фронтом к Днепру и к находившейся на восточном берегу реки так называемой линии Сталина, которую Советы собирались упорно защищать.

7 июля XXIV танковый корпус должен был форсировать Днепр по обе стороны от Рогачева, прорвать линию Сталина и продвинуться дальше на северо-восток. Для этого 5 и 6 июля 10-я моторизованная пехотная дивизия должна была зачистить от противника предусмотренные для нее районы исходных позиций западнее Жлобина и создать тем самым предпосылки для успешного форсирования реки соединениями корпуса.

Эта задача была поручена 41-му моторизованному пехотному полку, усиленному 2-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка, одной ротой 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и одной ротой 635-го саперного батальона. Внезапной атакой надо было захватить мосты через Днепр в Жлобине. Предусматривалась поддержка этой атаки силами 6-го танкового полка.

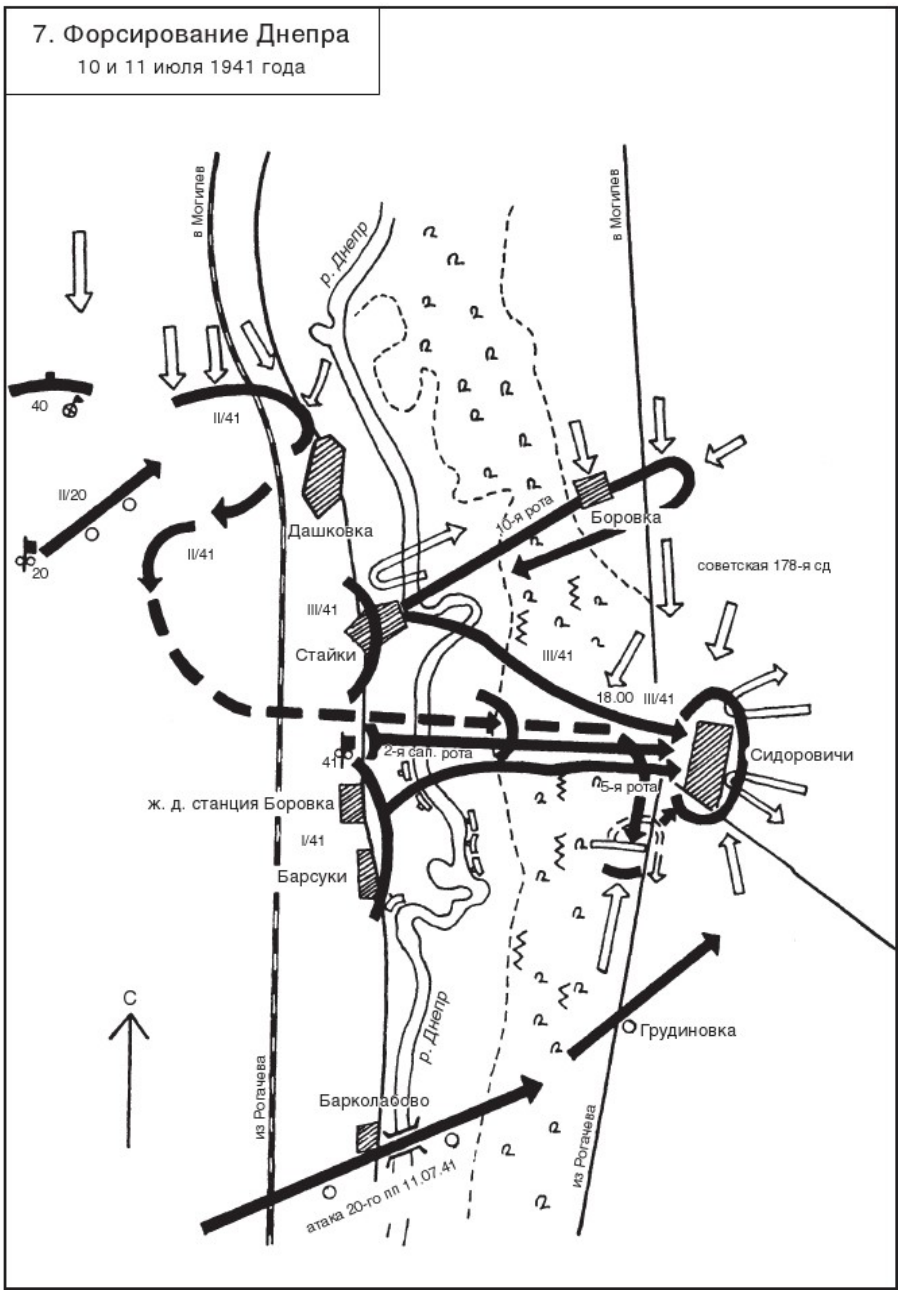
20-й моторизованный пехотный полк, усиленный одной ротой 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, должен был прикрывать южный фланг корпуса в районе Казимирово – Радуша.



10-й моторизованный разведывательный батальон должен был провести разведку в районе между Березиной и Днепром.

10-му моторизованному артиллерийскому полку предстояло выяснить возможности боевого применения своих пяти дивизионов. Командир полка, подполковник Траут, выехавший вперед вместе с оперативной группой 41-го моторизованного пехотного полка, мог бы уже в 16 часов отдать своим командирам приказ о наступлении, если бы усиленный 3-й батальон взял Жлобин, а 2-й усиленный батальон – населенный пункт Луки, расположенный севернее, и каждый из этих батальонов сумел бы захватить плацдарм. Однако из-за плохих дорожных условий батальоны прибыли только в полночь и сразу же натолкнулись на советскую 117-ю стрелковую дивизию, которая собиралась нанести удар с юга в глубокий фланг 2-й танковой группы. Рано утром 6 июля 41-й моторизованный пехотный полк атаковал фронтом шириной почти 15 километров имевшего значительное превосходство в живой силе противника, которого к тому же

поддерживали танки и артиллерия. Завязался ожесточенный бой, и в первой половине дня часто возникали крайне опасные ситуации. Но в конечном счете отважному полку удалось сдержать яростный натиск русских. В этом бою особо отличился фельдфебель Юнгкунст, который за свои героические действия был награжден Рыцарским крестом Железного креста.



Ближе к полудню 41-й моторизованный пехотный полк при поддержке 6-го танкового полка перешел в контратаку. Одновременно с этим усиленный 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка нанес противнику мощный фланговый удар. Своим массированным фланговым огнем ему удалось уничтожить значительные силы русских, отступавших под ударом 41-го моторизованного пехотного полка. Во второй половине дня 3-й батальон ворвался в Жлобин вместе с танками 6-го танкового полка. Однако ему не удалось помешать неприятелю взорвать мосты через Днепр. Массу хлопот доставил батальону советский бронепоезд, состоявший из четырех вагонов с множеством орудийных башен. Однако в ходе завязавшегося боя лейтенант Шварц из 10-го истребительно-противотанкового дивизиона сумел несколькими точными выстрелами из противотанковой пушки вывести вражеский бронепоезд из строя. За этот геройский поступок лейтенант Шварц получил Рыцарский крест Железного креста.

В этот день бои отличались особой ожесточенностью. Велики были и потери дивизии, особенно в 41-м моторизованном пехотном полку. Полк потерял только убитыми 7 офицеров и 116 рядовых, кроме того, ранения разной степени тяжести получили 11 офицеров и 117 рядовых. 20-й моторизованный пехотный полк потерял убитыми двух офицеров, среди них и храброго командира своего 3-го батальона, майора Шефера. Но и достигнутый успех оказался значительным: фланговый удар, который собирались нанести Советы, был отбит. Повсюду стояли сгоревшие советские танки и захваченные батареи. Те красноармейцы, которые не погибли, не были ранены или не попали в плен, спаслись, переправившись на восточный берег Днепра.

7 июля в расположении 41-го моторизованного пехотного полка появились не только командир дивизии, но и командир корпуса, которые поблагодарили личный состав полка за смелые действия в бою, что позволило уберечь корпус и 2-ю танковую группу от грозившей им большой опасности.

Во второй половине дня 7 июля 10-я моторизованная пехотная дивизия неожиданно была передислоцирована на север. Генерал-полковник Гудериан решил прекратить боевые действия на флангах своей танковой группы и приказал XXIV танковому корпусу 10 июля захватить переправу через Днепр в городе Быхов, а 11 июля другие танковые корпуса должны были овладеть переправами через Днепр севернее Быхова.

8 июля во время зачистки предусмотренного для дивизии района исходных позиций на западном берегу Днепра у деревни

Дашковка (20 километров южнее Могилева) и к западу от нее на участке как 40-го мотоциклетного батальона, так и 41-го моторизованного пехотного полка снова завязались упорные бои с русскими, которые хотели всеми средствами сорвать выход наших частей к Днепру. Тем не менее к вечеру 40-му мотоциклетному батальону удалось захватить холмистую местность у дороги Бобруйск – Могилев.

В это же время 1-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка прорвался к дороге Быхов – Могилев, а 2-й батальон этого же полка сумел с боем взять деревню Липовка.

На рассвете 9 июля противник снова атаковал сильно растянутые позиции 41-го моторизованного пехотного полка на всем их протяжении, но все атаки были повсюду отбиты.

Вечером 9 июля был отдан приказ по дивизии о наступлении за Днепр 10 июля. Во время этой атаки основная нагрузка ложилась на 41-й моторизованный пехотный полк. Ему были переподчинены: 1-я и 2-я роты 10-го моторизованного саперного батальона и 2-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона. Атаку полка поддерживали семь артиллерийских дивизионов под командованием подполковника Херольда, две зенитные батареи и крупное соединение бомбардировочной авиации. 41-й моторизованный пехотный полк должен был захватить переправы через Днепр в районе деревни Боровка, а затем взять городок Сидоровичи.

Для обеспечения охранения северного фланга 20-й моторизованный пехотный полк, усиленный 40-м мотоциклетным батальоном, 3-й ротой 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и одним артиллерийским дивизионом, был использован северо-западнее Дашковки в направлении Могилева. При этом было необходимо обеспечить быструю переброску через Днепр всех имевшихся воинских частей.

10-му разведывательному батальону предписывалось после захвата городка Сидоровичи быть готовым к переброске через Днепр, чтобы вести разведку в восточном и северо-восточном направлениях.

Из-за позднего времени уже было невозможно провести тщательную разведку на участке 41-го моторизованного пехотного полка. До наступления темноты командир полка успел лишь в общих чертах познакомить командиров подразделений с их заданиями. Для этого он собрал их на одной из высоток западнее деревни Боровка.

Из-за сплошной заболоченности местности уже во время выдвижения на исходные позиции полк столкнулся с большими трудностями. Автомобили увязали в грязи по самые оси.

Вследствие постоянных задержек часть артиллерии не успела занять огневые позиции к началу атаки.

Вместо 2-го батальона, все еще продолжавшего вести бой и поэтому не успевшего прибыть вовремя, пришлось задействовать в атаке 2-ю роту 10-го моторизованного саперного батальона. Несмотря на все эти трудности, 10 июля в 5 часов утра усиленный 41-й моторизованный пехотный полк перешел в атаку, которую эффективно поддержали штурмовая авиация и артиллерия. Участок до берега Днепра был быстро очищен от сил противника. Советы снова бросили в бой свои штурмовики, но это не помогло им остановить наступление. Уже в 6:55 1-й батальон форсировал Днепр и уничтожил или отбросил назад красноармейцев, занимавших оборону на восточном берегу реки. 2-й роте 10-го моторизованного саперного батальона и фланговому эшелону (усиленному 41-му моторизованному пехотному полку) также удалось с ходу форсировать Днепр. Наши бойцы перешли вброд заболоченный участок местности на восточном берегу Днепра и прорвали вражеские позиции в лесу. Мощная контратака противника с южного фланга была успешно отражена в кровопролитном ближнем бою.

К 8 часам утра и 3-й батальон преодолел Днепр и сильно заболоченную местность на восточном берегу реки. Упорно оборонявшийся противник на дороге, которая вела в Могилев, был отброшен назад только в ходе рукопашной схватки. В 20:30 был взят городок Сидоровичи. Батальоны перегруппировались и заняли круговую оборону: 1-й батальон занял позиции в южной части городка, а 3-й батальон – в северной. Обеспечивавшая фланг 10-я рота была атакована превосходящими силами противника у деревни Боровка (севернее Сидоровичей). Командир роты попал в плен к русским, а самой роте пришлось отойти к деревне Стайки.

Вечером 5-я рота под командованием лейтенанта Штайнбюгля сумела вклиниться во вражеские позиции южнее Сидоровичей, при этом было уничтожено два советских танка. Правда, потом роте пришлось все-таки снова отойти на исходные позиции.

10 июля усиленный 20-й моторизованный пехотный полк тоже вступил в бой с вражескими соединениями, которые выдвинулись из Могилева и, продвигаясь западнее Днепра, собирались нанести удар во фланг дивизии. Эта атака происходила в ужасную жару. В ходе завязавшегося боя полк отбросил противника на 12 километров на север, в этом ему оказал эффективную поддержку один из танковых батальонов 4-й танковой дивизии. Не выдержав такого напора, противник

окончательно дал тягу и отступил назад в Могилев.

После того как 10 июля XXIV танковый корпус прорвал вражеский фронт на широком участке, в последующие дни разгорелись ожесточенные бои за расширение захваченных плацдармов. 11 июля пришлось ввести в бой на восточном берегу Днепра уже всю дивизию. В эти дни огромного успеха в наведении мостов и сооружении бревенчатых гатей в заболоченной местности добились саперы, тем более что их работе постоянно мешали налеты советских бомбардировщиков. Трудные задачи стояли и перед артиллерией. Артиллеристам с их орудиями приходилось с огромным трудом преодолевать заболоченные участки. И одновременно они должны были оказывать постоянную поддержку пехотным подразделениям, которые вели тяжелые бои с противником. Благодаря энергичному руководству командира 10-го артиллерийского полка, подполковника Херольда, все эти задачи были успешно решены. Так же высоко следует оценить и достижения автотранспортных колонн и обозов, а также медико-санитарных служб дивизии, обеспечивших надлежащее медицинское обслуживание раненых. Нельзя забывать и о 10-м батальоне связи, бойцы которого образцово выполняли свои обязанности по обеспечению подразделений надежной связью.

В то время как 11 июля 41-му моторизованному пехотному полку приходилось отражать яростные атаки превосходящих сил противника в районе городка Сидоровичи, в ночь с 10 на 11 июля усиленный 20-й моторизованный пехотный полк был подтянут в этот район и переправлен на восточный берег Днепра по временному мосту у села Борколабово с заданием прорвать позиции противника южнее Сидоровичей и продвинуться до дороги Пропойск – Могилев. В ходе тяжелых боев, в которых был ранен майор Нойман, командир 2-го батальона, и пропал без вести обер-лейтенант Майер, командир 4-й роты, полку удалось после прорыва вражеской обороны продвинуться на 3 километра на восток. Затем по приказу командира дивизии атака была остановлена, так как на следующий день был запланирован ввод дивизии в действие в полном составе в юго-восточном направлении.

В рамках данной книги невозможно подробно описать все сражения последующих дней. Дивизии пришлось вести ожесточенные бои с подтянутыми в этот район воинскими частями советской 172-й стрелковой дивизии. Эти тяжелые бои в условиях лесистой местности требовали от каждого бойца проявления огромного мужества, осмотрительности и отваги. Обер-лейтенант Треффер из 20-го моторизованного пехотного

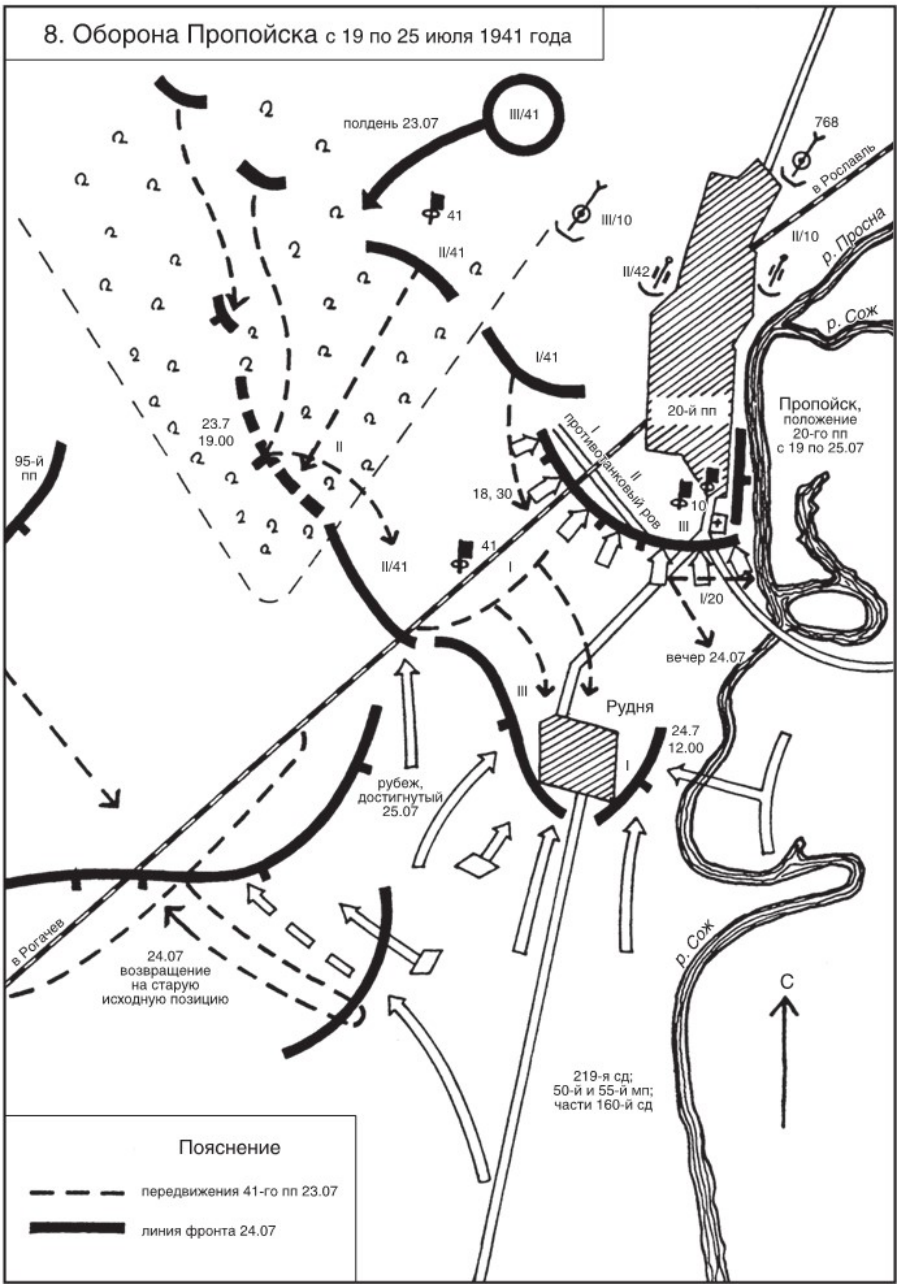
полка отличился 13 июля в бою за деревню Грудиновка такой выдающейся храбростью и решительностью, что был награжден за этот бой Рыцарским крестом Железного креста. К сожалению, он не успел получить эту высокую награду, так как всего лишь несколько дней спустя погиб.

Все чаще приходилось сталкиваться с коварными методами ведения боевых действий со стороны Советов. Так, 41-й моторизованный пехотный полк обнаружил на временно оставленной и вновь завоеванной территории тела своих павших товарищей, которые были изуродованы до неузнаваемости. Несколько дней спустя во время боя за Пропойск с такими же страшными фактами столкнулся и 20-й моторизованный пехотный полк.

Названия таких населенных пунктов, как Дашковка, Сидоровичи, Грудиновка, Буда, Быново, Слободка, Рудня, Поддубье и Новоселки, всегда будут напоминать военнослужащим 10-й моторизованной пехотной дивизии о тяжелых боях за переправы через Днепр в период с 7 по 16 июля 1941 года.

17 июля бои в районе южнее Могилева для дивизии закончились. По приказу командования XXIV танкового корпуса она отправилась несколькими маршевыми эшелонами через Рабовичи к городу Пропойск. Там дивизия должна была преградить путь вражеским силам, отходившим из Рогачева, и оборонять плацдарм, захваченный немецкими войсками у слияния рек Проня и Сож, чтобы помешать противнику отступить через примыкавшую с севера лесистую местность (схема 8).

Оборона плацдарма у Пропойска была поручена полковнику Шмидту. Кроме его 20-го моторизованного пехотного полка ему были подчинены: штаб, 2-й и 3-й дивизионы 10-го артиллерийского полка, 2-й дивизион 42-го артиллерийского полка, 768-й артиллерийский дивизион, 3-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и 3-я рота 10-го моторизованного саперного батальона. Для поддержки полка было выделено также авиационное прикрытие и противотанковая оборона в лице 1-го дивизиона 11-го зенитно-артиллерийского полка. Это мощное усиление 20-го моторизованного полка свидетельствовало о том, какая важная и трудная задача стояла перед полком.



10-й моторизованный саперный батальон должен был предотвратить отход противника в лесистую местность севернее Пропойска путем установки минных полей и заграждений.

10-й разведывательный батальон был использован для разведывания обстановки по обе стороны от дороги Пропойск – Рогачев.

Усиленный 41-й моторизованный пехотный полк, 3-й

батальон которого находился в резерве корпуса, должен был находиться в постоянной боевой готовности севернее Пропойска, чтобы быть в состоянии отбросить назад вражеские силы, вырывавшиеся из-под Могилева, а также чтобы помочь при нанесении удара на юг по северному флангу противника, отходившего с запада в направлении Пропойска.

Командный пункт дивизии находился в лесу в 7 километрах севернее Пропойска.

Корпусной резерв (командир и штаб 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, 40-й мотоциклетный батальон, 1-й дивизион 10-го артиллерийского полка и 1-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона) должен был обеспечивать охранение дороги Пропойск – Могилев.

Усиленный 20-й моторизованный пехотный полк занял оборону полукругом на южной окраине Пропойска, воспользовавшись противотанковым рвом, который еще раньше вырыли русские. Рядом с командным пунктом 20-го полка находился и командный пункт 10-го артиллерийского полка, в последующие тяжелые дни этому обстоятельству было суждено сыграть очень важную роль.

Противник атаковал полк уже в полдень. В то время как на участках 1-го и 2-го батальонов атаку удалось отбить, 3-й батальон был оттеснен почти до городского кладбища, где были сосредоточены все наблюдательные пункты. После введения в бой всех резервов, в том числе и штаба полка, в конце концов удалось отбросить русских на исходные позиции. До вечера были отражены еще две яростные атаки противника.

19 июля при отличной поддержке артиллерии полку пришлось отразить двенадцать атак Советов. Решающее участие в обороне принял обер-фельдфебель Акстман из 7-й роты, который был награжден за это Рыцарским крестом Железного креста. Среди многочисленных погибших в этот день оказался и превосходный адъютант 3-го батальона, обер-лейтенант Рот. Из показаний пленных следовало, что эти атаки проводились в рамках контрудара, который наносился с юга войсками под командованием советского маршала Тимошенко.

Вечером в штаб полка поступила следующая радиограмма:

> «Признательность и благодарность за проявленную стойкость, особенно командиру полка. Уверен, что полк до конца выполнит свой долг.
>
> Подписано: *фон Лёпер*».

В воскресенье, 20 июля, атаки начались уже в 3 часа утра. В

течение дня были отбиты девять атак противника с участием танков. Лейтенант Зильберхорн из 14-й роты 20-го моторизованного пехотного полка подбил из своей противотанковой пушки два вражеских танка. В этот день погиб командир 1-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка майор Рорбахер, который особо отличился во время боев за Днепр.

21 июля дивизии пришлось использовать на правом фланге обороны и 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, а 2-й батальон этого же полка был отведен за правый фланг в качестве ударного резерва, так что теперь в бою участвовали оба пехотных полка и вся артиллерия. Но и противник подтянул свои резервы, с которыми, после мощной артиллерийской подготовки, предпринял три яростные атаки по всему фронту. Но и эти атаки были успешно отражены с большими потерями для нападавших.

22 июля прошло для пехотных подразделений относительно спокойно. А 23 июля противник перенес главное направление своих атак в глубокую долину реки Сож в надежде прорвать позиции 20-го моторизованного полка на левом фланге. Но и эти атаки Советов были отбиты. Около полудня с севера в направлении дороги Пропойск – Рогачев началась атака 95-го пехотного полка 17-й дивизии, к которой присоединился 41-й моторизованный пехотный полк, развернувшийся на юг. К вечеру оба полка вышли к дороге Пропойск – Рогачев.

24 июля 41-й полк взял деревню Рудня. 25 июля было отражено несколько мощных вражеских атак на позиции 95-го и 41-го пехотных полков, которым удалось вывести из строя около 20 танков противника. После этого противник прекратил свои атаки. Попытка русских прорваться на восток окончательно провалилась. Уже давно было пора этому случиться. Дело в том, что пехотные подразделения дивизии были крайне измотаны и за эти шесть дней непрерывных боев понесли тяжелые потери. У артиллерии почти не осталось боеприпасов. Все эти дни она была верной помощницей пехоты и под умелым руководством своего командира наносила мощные удары по исходным позициям советских войск. Рыцарский крест стал заслуженной наградой подполковнику Херольду за отличное командование артиллерией дивизии.

В ночь с 25 на 26 июля дивизию сменила 34-я пехотная дивизия. Это означало, что пора снова заводить моторы для продолжения наступления на северо-восток. Выставив сильное охранение со стороны Могилева и Рославля, 10-я моторизованная пехотная дивизия за четыре дня продвинулась в страшную жару по ужасным пыльным проселочным дорогам через Молятичи и

Мстиславль в район Хиславичей. Здесь впервые после 22 июня дивизия получила несколько дней отдыха. В начале августа сюда прибыло и первое пополнение. Правда, этим пополнением удалось компенсировать большие потери дивизии только на одну треть. Тем не менее боевой состав дивизии удалось снова повысить до необходимого уровня.

Стремительное продвижение на юг

3 августа 4-я танковая дивизия дошла до Рославля. Прежде чем проводить новую операцию, нужно было обеспечить охранение глубокого правого фланга 2-й танковой группы. Для этого XXXIV танковый корпус должен был нанести удар по силам маршала Тимошенко, которые двигались со стороны Гомеля к шоссе № 1 (Ш-1). Выдвинув вперед 2 августа свой 40-й мотоциклетный батальон, 10-я моторизованная пехотная дивизия 5 августа устремилась на юг по на удивление хорошей дороге и 6 августа приняла у частей 3-й танковой дивизии охранение южного фланга по обе стороны от населенного пункта Милославичи на участке шириной около 25 километров.

9 августа XXIV танковый корпус начал атаку на юго-запад, чтобы закрыть восточную сторону образующегося котла. И эта атака завершилась успешно.

10-й моторизованной пехотной дивизии было поручено провести ликвидацию этого большого котла в болотистой лесистой местности западнее поселка Милославичи. После того как уже в ночь на 10 августа этот котел был окружен 40-м мотоциклетным батальоном и 20-м моторизованным пехотным полком вместе с подразделениями 10-го артиллерийского полка и отдельными частями 19-го пехотного полка, 10 августа 20-й пехотный полк вступил в чрезвычайно тяжелый бой в лесу с упорно и ожесточенно оборонявшимся противником. В этом бою полк понес большие потери. Так, в нем погиб в том числе и обер-лейтенант Треффер, представленный к награждению Рыцарским крестом, и он был удостоен этой высокой награды, но, к сожалению, посмертно. 11 августа уже не потребовалось зачищать котел, так как русские в массовом порядке сдавались в плен.

И 41-му моторизованному пехотному полку, усиленному 2-м дивизионом 10-го артиллерийского полка и 1-й ротой 10-го моторизованного саперного батальона, тоже пришлось участвовать в тяжелых боях. Этот полк, переброшенный в район населенного пункта Галичи, должен был прикрывать фланг XXIV танкового корпуса и задерживать вырывавшихся из котла красноармейцев. На его участке впервые появились 52-тонные советские танки, против которых немецкая противотанковая оборона была бессильна. Один из этих монстров, застрявший в болоте, был уничтожен разведывательной группой полка с помощью мощного подрывного заряда.

12 и 13 августа усиленный 20-й моторизованный пехотный полк и подтянутый к дивизии 41-й моторизованный пехотный

полк окончательно зачистили котел западнее Милославичей. Противник оказывал совсем слабое сопротивление, а наибольшие трудности для войск представляли дремучие леса в этой болотистой местности. Здесь было найдено множество укреплений, покинутых русскими, с богатыми трофеями, телами убитых и брошенными на произвол судьбы ранеными. Особенно страшные разрушения остались после обстрела вражеских позиций немецкой батареей реактивных минометов.

14 августа был ликвидирован и котел у города Кричев. После разгрома трех советских дивизий в плен попали около 16 тысяч красноармейцев, а также было захвачено много орудий и танков.

Затем дивизии посчастливилось отдыхать в течение двух дней. На третий день в штаб дивизии поступил приказ, который никто не слышал со времен Французской кампании: «Параллельное преследование!» XXIV танковый корпус начал преследование противника в направлении города Клинцы. Впереди двигались 3-я и 4-я танковые дивизии, за ними следовала 10-я моторизованная пехотная дивизия. Большую озабоченность вызывал у командования дивизии вопрос обеспечения транспортными средствами. Постепенно выход из строя большей частью «гражданских» автомобилей приобрел такие угрожающие размеры, что иногда приходилось оставлять снаряжение и перевозить личный состав отдельными партиями, организуя маятниковое движение грузовиков. Стала ощутимой и нехватка моторного масла для двигателей автомобилей.

17 августа отдельные маршевые эшелоны дивизии приступили к параллельному преследованию в направлении городов Сураж и Новозыбков. Настроение и боевой дух в войсках были такими же, как в самом начале Польской кампании. Как часто случалось прежде, и теперь «шоссе», предназначенное для движения 10-й моторизованной пехотной дивизии, представляло собой песчаные проселочные дороги и жнивье. Для наведения мостов и ремонта дорог часто приходилось жертвовать целыми крестьянскими избами. Частенько карты оказывались неточными. Поэтому маршевые эшелоны 10-й моторизованной пехотной дивизии во главе с испытанным 40-м мотоциклетным батальоном часто продвигались на юг то на ощупь, то по карманной буссоли. В этот день генерал-полковник Гудериан посетил маршевые эшелоны дивизии и выразил всем воинским частям свою благодарность и признательность. Повсюду бойцы радостно приветствовали командующего 2-й танковой группой.

Севернее Суража 40-й мотоциклетный батальон натолкнулся на крупное соединение противника, располагавшее даже танками, которое обороняло плацдарм на реке Ипуть. После введения в бой

41-го моторизованного пехотного полка и крупных подразделений 10-го артиллерийского полка противник был отброшен назад. В течение 18 августа удалось захватить плацдарм, с которого были отражены многочисленные атаки Советов, поддержанные танками и мощным артиллерийским огнем. В ночь с 18 на 19 августа неустанно трудившийся 10-й моторизованный саперный батальон построил прочный мост через Ипуть. Однако ночью противник успел отойти на юг. 19 августа дивизия продолжила преследование через Клинцы и Семеновку, снова выслав вперед 40-й мотоциклетный батальон, который постоянно вступал в бой с вражескими арьергардами. И только усиленный 20-й моторизованный полк все еще продолжал осуществлять охранение широкого участка реки с наведенным мостом у города Сураж.

И снова дивизия продолжала двигаться на юг по занесенным песком дорогам. Постепенно деревни становились все ухоженнее и крупнее, ведь здесь начиналась плодородная Украина. И местное население относилось к немцам гораздо приветливее. Местные жители часто угощали солдат огурцами, сливочным маслом, яйцами и медом. Как легко можно было бы завоевать сердца украинцев, если бы партия не совершила те же самые ошибки в обращении с местным населением, как в Польше и Чехословакии!

Уже 19 августа 40-й мотоциклетный батальон взял Клинцы. Во время боев при преследовании противника очень эффективными оказались стремительные атаки с использованием всего тяжелого оружия. В одном только бою у города Сураж удалось вывести из строя наряду с двадцатью легкими и шесть тяжелых 52-тонных советских танков.

21 августа маршевые эшелоны дивизии были задействованы в следующих охраняемых районах: усиленный 20-й моторизованный пехотный полк у города Сураж, там же продолжалось строительство второго моста; усиленный 41-й моторизованный пехотный полк в районе села Кулаги (между городами Сураж и Клинцы); усиленный 40-й мотоциклетный батальон в окрестностях города Клинцы с образованием плацдарма. 10-й разведывательный батальон должен был вести разведку в западном направлении в сторону Гомеля.

И только 24 августа наступление было продолжено. Усиленный 41-й моторизованный пехотный полк должен был наступать на Новозыбков. Остальные части дивизии следовали за ним отдельными маршевыми эшелонами. Дороги опять были просто неописуемыми. На некоторых участках, чтобы преодолеть 1 километр пути, автомобилям требовался целый час. Из-за

частых поломок транспортных средств приходилось перебрасывать один из батальонов километров на двадцать вперед, затем он выгружался и продолжал марш в пешем строю с полной выкладкой и с легким вооружением, а грузовики возвращались назад и перевозили следующий батальон. Несмотря на все эти трудности, вечером 41-й моторизованный пехотный полк ворвался в Новозыбков. Однако вскоре после этого тыловые службы были атакованы советским батальоном, двигавшимся с севера. Возникла критическая ситуация. Но подполковник Траут, собравший всех посыльных, радистов и водителей, сумел продержаться с помощью только что подошедшего легкого зенитного взвода до тех пор, пока не прибыл 2-й батальон и после интенсивной перестрелки не разгромил вражеский батальон. При этом около 350 красноармейцев попали в плен.

25 августа дивизия – снова выдвинув вперед усиленный 41-й моторизованный пехотный полк – с боями против мелких групп противника подошла к деревне Семеновка и после непродолжительного боя захватила ее. За ночь саперы 10-го моторизованного саперного батальона сумели навести мост через местную речку. 26 августа усиленный 41-й моторизованный пехотный полк дошел до деревни Холмы, находившейся на полпути к поселку Короп.

После того как Гитлер решил – вопреки предложениям ведущих военачальников – наступать не на Москву, а до наступления зимы захватить Крым и Донецкий угольный бассейн, XXIV танковый корпус продолжил наступление в южном направлении, нанося удар через Десну на город Конотоп. Суть плана заключался в том, чтобы, соединившись с танковой группой фон Клейста, наступавшей с юга на север восточнее Черкасс, замкнуть Киевский котел, в котором находились 5-я и 26-я советские армии. Однако маршал Тимошенко своевременно заметил опасность, грозившую его армиям. Уже 18 августа обе армии начали массовый отвод войск с рубежа Гомель – Черкассы на юго-восток. Все дороги были забиты воинскими колоннами, а по всем железнодорожным путям с небольшим интервалом между ними следовали воинские эшелоны.

10-я моторизованная пехотная дивизия наступала на юг двумя маршевыми эшелонами: на западе боевая группа Траута (усиленный 41-й моторизованный пехотный полк) через Холмы на Рудню, на востоке боевая группа Плагемана (усиленный 40-й мотоциклетный батальон) на Авдеевку. Главные силы дивизии (20-й моторизованный пехотный полк), основные силы 10-го моторизованного артиллерийского полка и 10-й моторизованный саперный батальон следовали от Семеновки за боевой группой

Плагемана, поскольку складывалось впечатление, что она сможет продвинуться вперед гораздо быстрее.

К западу от дивизии продвигался на юг левый фланг 2-й армии. Восточнее дивизии вела бой за Новгород-Северский 3-я танковая дивизия. За ней следовала глубокоэшелонированная 4-я танковая дивизия.

27 августа боевой группе Плагемана удалось развить наступление на Оболонь (севернее Коропа), силами 3-й роты 40-го мотоциклетного батальона отбросить арьергарды противника и на надувных лодках форсировать Десну. Однако после захвата небольшого плацдарма атака захлебнулась.

20-й моторизованный пехотный полк успел вовремя прибыть под Оболонь. Вскоре после того, как командир полка, полковник Шмидт, отдал приказ о наступлении через Десну, он был тяжело ранен осколком авиабомбы и был вынужден передать командование полком майору Местмахеру. Южнее Десны можно было видеть русские колонны, двигавшиеся по всем дорогам. В то время как одни из них стремились к Коропу, чтобы помешать 10-й моторизованной пехотной дивизии форсировать Десну, другие тянулись на восток, чтобы вырваться из котла в районе Гомель–Киев. В тяжелом бою усиленный 20-й моторизованный пехотный полк сумел форсировать Десну, взял Короп и создал плацдарм на другом берегу реки. Даже находясь под вражеским обстрелом, саперы тотчас приступили к восстановлению моста.

Чем ближе дивизия подходила к важному железнодорожному узлу, городу Бахмач, тем глубже становились ее фланги. Поэтому усиленному 41-му моторизованному пехотному полку, глубокоэшелонированному справа, было поручено фланговое прикрытие северо-западнее города Оболонь. На востоке 10-й разведывательный батальон отбросил малочисленные силы противника за Десну.

Для усиленного 20-го моторизованного пехотного полка и для 40-го мотоциклетного батальона снова настали тяжелые дни. Сначала 2-й и 3-й батальоны 20-го моторизованного пехотного полка атаковали в восточном направлении и отбросили назад советскую 293-ю стрелковую дивизию. При этом погиб обер-лейтенант Шенк, отважный командир 8-й роты. Затем батальоны развернулись и на следующий день атаковали в западном направлении и отбросили находившиеся здесь части советской 143-й стрелковой дивизии почти на 10 километров на запад. Тем временем со стороны населенных пунктов Карыльское и Нехаевка (10 километров юго-восточнее Коропа) чрезвычайно упорно сражавшиеся советские воздушно-десантные бригады нанесли удар с тыла боевой группе Плагемана и 31 августа атаковали 1-й

батальон 20-го моторизованного пехотного полка. Этот батальон отчаянно бился почти до последнего патрона, но затем был вынужден отойти на юг к 40-му мотоциклетному батальону. Тем самым боевая группа Плагемана оказалась полностью отрезанной от дивизии.

Поэтому 1 сентября нужно было в первую очередь снова восстановить связь с боевой группой Плагемана. В ходе ожесточенного восьмичасового боя контакт с боевой группой был восстановлен. Без существенных материальных потерь ее удалось отвести назад в поселок Короп. Во время танковой атаки на позиции 5-й роты 20-го моторизованного пехотного полка ей на помощь вовремя подоспели части 40-го мотоциклетного батальона, которые сумели вновь восстановить положение. Теперь главные силы дивизии были сосредоточены на хорошо укрепленном плацдарме южнее Десны, с которого можно было отразить любую атаку противника.

Между тем давление со стороны противника севернее Десны значительно усилилось. Благодаря решительным действиям 41-го моторизованного пехотного полка удалось сдержать мощный напор четырех вражеских дивизий. Продвижение противника все дальше на север угрожало тыловым коммуникациям дивизии. Поэтому дивизия была вынуждена снять некоторые свои части с плацдарма у поселка Короп, сократив площадь этого плацдарма до минимальных размеров, и направить их моторизованным маршем на север, чтобы исправить положение. Все тяжелое вооружение и исправные транспортные средства удалось переправить на северный берег Десны. И хотя во время этой передислокации 1-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка подвергся танковой атаке противника, однако он сумел без существенных потерь отойти за Десну. А сам маленький плацдарм по-прежнему оставался в руках дивизии. Для проведения дальнейших операций удержание этого плацдарма имело очень большое значение.

Уже 28 августа генерал-полковник Гудериан прислал в штаб дивизии следующую радиограмму:

> «Благодарность и признательность 10-й дивизии за Короп».

Кроме того, 4 сентября во время пребывания в расположении дивизии он лично выразил дивизии полную признательность и свою благодарность за выдающиеся успехи, достигнутые во время Восточной кампании.

Благодаря успешной атаке прибывшей 4 сентября дивизии СС «Дас Райх» противник на западном фланге 10-й моторизованной

пехотной дивизии был отброшен далеко назад. Тем самым тылу дивизии теперь ничто не угрожало. Одновременно с этим 41-й моторизованный пехотный полк в ходе энергичной атаки в западном направлении отогнал противника за реку у села Кудровка. На юге 4-я танковая дивизия нанесла удар по вражескому фронту у поселка Короп с тыла, и фронт рухнул, в то время как одновременно с этим 5 сентября усиленный 20-й моторизованный пехотный полк вновь овладел населенными пунктами Рыботин и Короп, за которые шли ожесточенные бои. В последующие восемь дней были полностью разгромлены 2 советские дивизии, еще 4 дивизии были сильно измотаны, 3700 красноармейцев попали в плен, было уничтожено 18 танков, 8 орудий и подбиты 5 самолетов.

5 сентября усиленный 41-й моторизованный пехотный полк был сменен на позициях севернее Десны 40-м мотоциклетным батальоном и подтянут через поселок Короп. Затем вместе с усиленным 20-м моторизованным пехотным полком он был введен в бой за село Нехаевка. В ночь с 5 на 6 сентября противник отошел за реку Сейм. Главные силы дивизии были подтянуты в район города Кролевец для прикрытия восточного фланга корпуса.

Несмотря на установку многочисленных минных заграждений на дорогах и на поле аэродрома, 10 сентября 1-й и 3-й батальоны 41-го моторизованного пехотного полка после короткого, но ожесточенного боя заняли город Конотоп, являвшийся важным железнодорожным узлом и располагавший даже собственным аэродромом. Чтобы полностью исключить любую угрозу корпусу с востока, сразу же вслед за этим усиленный 41-й моторизованный пехотный полк нанес мощный удар в восточном направлении, продвинувшись в глубину на 25 километров до села Свечкино. После отражения танковой атаки, во время которой удалось подбить четыре вражеских танка, 41-й моторизованный пехотный полк прочно удерживал это село в своих руках.

В эти дни усиленному 20-му моторизованному пехотному полку пришлось отражать мощные атаки противника юго-восточнее Конотопа. Усиленный 40-й мотоциклетный батальон находился в резерве корпуса в селе Батурин. 10-й разведывательный батальон был полностью загружен выполнением разведывательных заданий. 10-й моторизованный саперный батальон был день и ночь занят восстановлением мостов и разминированием. Для смены 3-й танковой дивизии, которая должна была помочь танковой группе фон Клейста, находившейся еще южнее, 10-я моторизованная пехотная дивизия была передислоцирована в город Ромны. 41-й моторизованный

пехотный полк, включая и его 2-й батальон, который в селе Свечкино был сменен 5-м пулеметным батальоном, прибыл в Ромны 15 сентября. 10-й разведывательный батальон охранял рубеж Недригайлов – Ромны от ударов с восточного направления. 20-й моторизованный пехотный полк занимал позиции в Конотопе и юго-восточнее города и прикрывал восточный фланг XXIV танкового корпуса. 40-й мотоциклетный батальон, подчиненный 41-му моторизованному пехотному полку, осуществлял охранение у села Смелое. Вместо заболевшего майора Местмахера Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) назначило командиром 20-го моторизованного пехотного полка подполковника Майдорна.

На следующий день начались тяжелые бои, затянувшиеся на несколько дней. Советская 9-я кавалерийская дивизия и еще одна стрелковая дивизия при поддержке танков атаковали Ромны. Поначалу 3-му и 1-му батальонам усиленного 41-го моторизованного пехотного полка удалось сдержать мощные атаки противника (советских 5-й и 9-й кавалерийских дивизий, 100-й стрелковой бригады и 129-й танковой бригады). Вечером разведка доложила о приближении новых походных колонн неприятеля. 19 сентября атаки на Ромны стали еще яростнее. Вместе с подтянутой в этот район дивизией СС «Дас Райх» планировалось 20 сентября отбросить русских на восток. Однако в самый разгар занятия исходного положения Советы бросили в атаку танки, которые ударом во фланг смяли 2-й и 3-й батальоны. Истребители танков и зенитчики сумели подбить девять танков, остальные советские танки застряли в противотанковом рву и были уничтожены в ближнем бою. После этого вражеская пехота, лишившаяся танковой поддержки, отступила на исходные позиции.

40-й мотоциклетный батальон, 10-й разведывательный батальон и 20-й моторизованный пехотный полк также отбили все атаки неприятеля.

Таким образом, город Ромны оказался для 10-й моторизованной пехотной дивизии самой южной точкой, которой она достигла в Восточной кампании. 3-я танковая дивизия и двигавшаяся с юга 16-я танковая дивизия протянули руку помощи танковой группе фон Клейста южнее города Ромны. В результате кольцо окружения вокруг огромного котла под Киевом замкнулось, в плен попали около 665 тысяч солдат и офицеров Красной армии.

Но 2-й танковой группе, а тем самым и 10-й моторизованной пехотной дивизии предстояло выполнить новое задание. Гитлер решил – к сожалению, слишком поздно – продолжить

наступление на Москву, в котором должна была принять участие и 2-я танковая группа Гудериана.

Однако, прежде чем описать наступление 10-й моторизованной пехотной дивизии на Москву, следует вспомнить службы снабжения дивизии. Боевые части и подразделения не добились бы такого впечатляющего успеха, если бы все подразделения и части снабжения, медико-санитарные службы и автоколонны не исполняли свой долг с полной самоотдачей, часто с оружием в руках. Преодоление огромных расстояний предъявляло особые требования к войскам связи. И наконец, надо вспомнить добрым словом полевую почту, которая, несмотря на огромные трудности, исправно поддерживала связь с родиной – между прочим, это та служба, о которой русские не имели даже понятия.

В последующие дни при зачистке котла восточнее города Ромны дивизии пришлось вести тяжелые бои, особенно 20-му моторизованному пехотному полку за поселок Недригайлов. К 10 сентября эти бои можно было считать законченными. Советы прекратили свои попытки деблокирования окруженных армий и отошли на восток. 10-я моторизованная пехотная дивизия сосредоточилась в районе Конотопа, где ей было предоставлено несколько дней отдыха.

Наступление на Москву

Гудериан решил провести атаку своей 2-й танковой группы на Орел через город Глухов. XXIV танковый корпус должен был действовать на главном направлении атаки. Выдвинув вперед 3-ю и 4-ю танковые дивизии, корпус перешел в наступление. 10-я моторизованная пехотная дивизия следовала за ними в качестве второго эшелона. Усиленный частями 10-го артиллерийского полка, саперами и истребителями танков 41-й моторизованный пехотный полк вечером 27 сентября вышел по почти непроезжим дорогам в район юго-западнее Глухова, чтобы там принять на себя охранение восточного фланга корпуса вместо 17-й танковой дивизии.

Вечером 28 сентября дивизия расположилась в следующем боевом порядке: усиленный 20-й моторизованный пехотный полк и 40-й мотоциклетный батальон, переподчиненные XXXXVII танковому корпусу, прикрывали восточный фланг корпуса у села Терны, расположенного северо-восточнее города Ромны.

Главные силы дивизии заняли город Глухов. Усиленный 41-й моторизованный пехотный полк вместе с подчиненным ему 5-м пулеметным батальоном занял вокруг Глухова полукруглый плацдарм, с которого 29 сентября отразил мощные контратаки Советов; некоторые из этих атак проводились при танковой поддержке. Собственно говоря, в лесах северо-западнее дороги Глухов – Севск скрывались довольно крупные воинские части четырех измотанных в боях советских дивизий, которые в последующие дни неоднократно пытались прорваться на восток. В ходе четырехдневной наступательной операции усиленный 41-й моторизованный пехотный полк отбросил эти вражеские силы на северо-запад и захватил при этом около 1700 пленных и многочисленные трофеи. 4 октября усиленный 41-й моторизованный пехотный полк прибыл в Севск, где он сменил 3-ю танковую дивизию.

В эти дни командир дивизии генерал-лейтенант фон Лёпер был награжден Рыцарским крестом Железного креста за взвешенное и эффективное командование, которое привело к большому успеху дивизии. Одновременно это явилось и признанием выдающихся достижений всех подразделений дивизии.

В то время как танковые дивизии продолжали наступление в направлении Орла, 10-я моторизованная пехотная дивизия в течение нескольких следующих дней осуществляла охранение маршрута продвижения и глубокого фланга корпуса между

городами Севск и Кромы, при этом главные силы дивизии были сосредоточены вокруг Дмитровска.

Усиленный 20-й моторизованный пехотный полк охранял район от Дмитровска до городка Кромы. Усиленный 41-й моторизованный пехотный полк оставался в районе Севска. 40-й мотоциклетный батальон охранял Дмитровск. 10-й разведывательный батальон осуществлял разведку в юго-восточном направлении.

10-й моторизованный саперный батальон осуществлял охранение маршрута продвижения юго-западнее Дмитровска. 10-й артиллерийский полк переподчинил отдельным группам прикрытия два дивизиона и оставил в Дмитровске свой 3-й дивизион.

Между тем пользующийся дурной славой период осенней распутицы был в полном разгаре. На многих участках маршрута движения транспортные средства могли передвигаться только с помощью тягачей. С каждым днем росло число вышедших из строя автомобилей и танков. Пехотные части были вынуждены идти пешим ходом, а оружие и амуниция перегружались на реквизированные у местного населения небольшие деревянные повозки, или телеги, как их называли русские. Снабжение и подвоз самых разных грузов становились все сложнее. К тому же стало значительно холоднее. Дождь и снег поочередно сменяли друг друга.

Наряду с охранением личный состав дивизии постоянно занимался и ремонтом дорог. Тем не менее наступление хотя и с тяжелыми боями, но все-таки продолжалось. 5 октября 3-я танковая дивизия дошла до Орла, а 18-я танковая дивизия взяла Брянск. В этот же день 2-я танковая группа была переименована во 2-ю танковую армию.

Тем временем начались ожесточенные бои под Севском, где измотанные советские 52, 55 и 283-я стрелковые дивизии при поддержке танков пытались прорваться на юг из огромного лесного массива, расположенного северо-западнее Севска. 5 октября противнику даже удалось перерезать шоссе. В ходе предпринятой контратаки 41-й моторизованный пехотный полк вскоре смог вернуть контроль над этим важным путем подвоза. Эти тяжелые бои северо-западнее Севска, которые 41-й моторизованный пехотный полк вел во взаимодействии с частями 25-й моторизованной пехотной дивизии, продолжались до 11 октября. Особенно ожесточенным был бой за село Негино, которое много раз переходило из рук в руки, но в конце концов 41-й пехотный полк сумел окончательно завладеть им. 11 октября противник прекратил свои попытки прорваться под Севском.

12 октября прорвавшиеся советские силы перешли в атаку из лесов юго-восточнее Севска и заняли шоссе на протяжении 15 километров. В ходе тяжелых боев 13 и 14 октября 41-й моторизованный пехотный полк и отдельные части 10-го стрелкового полка снова отбили этот участок шоссе у противника. Тем самым удалось во второй раз вернуть контроль над этим важнейшим для 2-й танковой армии путем подвоза. 15 октября полк был отведен в Севск на заслуженный двухдневный отдых, в котором он так нуждался.

Все дороги развезло, и начавшийся 17 октября марш в сторону Дмитровска превратился в очень трудный переход. Для того чтобы преодолеть участок пути длиной всего лишь 17 километров, полку потребовалось 12 часов. 18 октября 2-й батальон, двигавшийся в авангарде 41-го моторизованного пехотного полка, добрался наконец до Дмитровска. Все остальные батальоны застряли в грязи.

Уже начиная с 13 октября отдельные воинские части советских войск, окруженных в котле под Брянском, пытались прорваться на восток и юго-восток. Особенно опасное положение складывалось в районе Дмитровска. Поэтому уже 14 октября усиленный 20-й моторизованный пехотный полк был направлен для охраны шоссе в район деревни Поповка (6 километров севернее Дмитровска), а с юга от него действовал 40-й мотоциклетный батальон. 15, 16 и 17 октября были отбиты отдельные атаки противника, предпринятые на этом участке при поддержке танков. 19 октября 2-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, прибывший к тому времени в Дмитровск, был переподчинен усиленному 20-му моторизованному пехотному полку. Постоянно растущее давление противника заставило ускоренными темпами подтягивать сюда и остальные батальоны 41-го моторизованного пехотного полка. Преодолевая огромные трудности, транспортные средства километр за километром продвигались вперед. Все воинские части, находившиеся в Дмитровске, были подняты по тревоге и развернуты фронтом на северо-запад для отражения ожидаемых атак противника.

20 октября командование дивизии сформировало Северную боевую группу под командованием командира 20-го моторизованного пехотного полка, Южную боевую группу под командованием командира 41-го моторизованного пехотного полка и Западную боевую группу под командованием командира 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка. 10-й разведывательный батальон должен был нанести удар противнику во фланг с севера, а с запада части 101-го

стрелкового полка должны были гнать неприятеля прямо в руки 10-й моторизованной пехотной дивизии.

Правда, пока это произошло, дивизии пришлось отразить несколько мощных вражеских атак, поддержанных танками и артиллерией. Здесь прежде всего следует упомянуть о критическом положении, которое сложилось вечером 20 октября, когда двум батальонам противника при поддержке танков удалось прорваться на восток на стыке между 20-м и 41-м моторизованными пехотными полками. И только объединенными усилиями 40-го мотоциклетного батальона и 41-го моторизованного пехотного полка удалось снова закрыть эту брешь.

20 октября обер-фельдфебель Акстман из 7-й роты 20-го моторизованного пехотного полка, награжденный Рыцарским крестом уже в самом начале кампании в России, с несколькими бойцами из своей роты захватил русскую батарею, ведущую огонь. А два дня спустя во время внезапного разведывательного поиска вместе с командиром роты, лейтенантом Фишером, было взято в плен около тысячи красноармейцев и захвачено 100 грузовиков и 27 орудий.

21 октября трем ударным группам удалось окончательно разгромить окруженного противника. Затем 1-й и 2-й батальоны 41-го моторизованного пехотного полка начали преследование прорвавшихся частей неприятеля, которые были нейтрализованы 22 октября в 15 километрах восточнее Дмитровска. В качестве результата боев за Дмитровск дивизия смогла доложить о 4 тысячах пленных, 56 орудиях всех калибров, нескольких подбитых танках, нескольких сотнях грузовиков и упряжных повозок, о нескольких противотанковых пушках и множестве пулеметов. Всего в качестве трофеев дивизия захватила оружие и боевую технику двух советских дивизий. Русские понесли тяжелые потери в живой силе, в то время как потери самой дивизии оказались, к счастью, совсем незначительными.

С 23 октября из-за совершенно раскисших глинистых дорог дивизия начала передислокацию в Орел через Кромы небольшими маршевыми эшелонами в следующем порядке: усиленный 20-й моторизованный пехотный полк, штаб дивизии вместе с 10-м разведывательным батальоном, усиленный 41-й моторизованный пехотный полк вместе с главными силами 10-го артиллерийского полка и 10-м истребительно-противотанковым дивизионом.

40-й мотоциклетный батальон и 10-й моторизованный саперный батальон планировалось отозвать только 30 октября. Если же внезапно ударит мороз, всем подразделениям дивизии предписывалось продвигаться как можно дальше вперед.

24 октября в штаб дивизии поступила радиограмма от генерал-полковника Гудериана:

> «Выражаю признательность за успех, достигнутый в тяжелейших условиях.
>
> Подписано: *Гудериан*».

В этот день танковые дивизии XXIV танкового корпуса взяли поселок Чернь, находившийся в 75 километрах северо-западнее Орла.

Правда, продолжение марша долгое время оставалось для 10-й моторизованной пехотной дивизии несбыточной мечтой. Следование за танковыми дивизиями в условиях осенней распутицы и совершенно раскисших дорог стало абсолютно невозможным. 20-й моторизованный пехотный полк, совершив несколько коротких переходов, добрался до поселка Кромы. 41-й моторизованный пехотный полк остался в Дмитровске, так же как и остальные подразделения дивизии, находившиеся в своих прежних местах дислокации. До наступления холодов их главной задачей оставалось охранение шоссе, вытягивание из грязи застрявших транспортных средств и формирование санных колонн из реквизированных у населения деревянных саней вместе с низкорослыми лошаденками. Можно было предположить, что из-за выхода из строя многих автомобилей некоторые моторизованные батальоны уже в обозримом будущем придется переформировать в пешие батальоны.

В эти недели в руки командования дивизии попал приказ Сталина. В нем, в частности, говорилось:

> «Мы потеряли города, людей, нашу руду, уголь, обширные районы, где выращивались зерновые культуры. Шесть городов, в том числе Ростов, сданы врагу без приказа высшего командования. Вы можете поучиться у немцев, как нужно сражаться.
>
> Теперь я отдаю приказ, согласно которому командиры любого ранга, которые отступили, будут направляться на самые опасные участки фронта, чтобы своей кровью искупить вину перед родиной. Позади линии фронта будут выставляться «заградительные отряды», которые расстреляют каждого, кто отступит без приказа свыше. Теперь ни шагу назад, а только вперед».

В то время как в первой половине ноября танковые дивизии XXIV танкового корпуса вышли в район Богородицк – Тула, 10-я моторизованная пехотная дивизия продолжала осуществлять

охранение шоссе и железнодорожной линии, которая проходила через Кромы и Орел и вела в Мценск. Во время выполнения этих задач по охранению важных коммуникаций крупных стычек с противником не было. Зато гораздо труднее давалась борьба с распутицей и «генералом Зимой». Снабжение войск столкнулось с огромными трудностями. Зимнего обмундирования не было. Большая часть солдат носила хлопчатобумажные брюки – и это при 22 градусах мороза! Многие немецкие солдаты раздобыли себе русское обмундирование, шинели и фуфайки, и теперь только по знакам различия можно было определить, что это солдаты германской армии. Начались потери из-за обморожений, повсеместным явлением стал педикулез. Горючее временами замерзало, часто случалось загустение масла. В 10-й моторизованной пехотной дивизии положение с транспортными средствами было еще хуже, чем в танковых дивизиях, так как она была оснащена в основном западноевропейскими автомобилями, рассчитанными на мягкие европейские зимы. Эти автомобили, поставленные без инструментов, без запасных частей и запасных шин, совершенно не соответствовали условиям суровой русской зимы. Просто чудо, что дивизия смогла доехать на них до Орла, преодолев грязь, трясину, песок и лед проселочных дорог. В середине ноября нехватка моторных транспортных средств заставила перевести некоторые моторизованные пехотные подразделения в разряд просто пехотных. Это произошло с 2-м и 3-м батальонами 20-го моторизованного пехотного полка и с 3-й ротой 40-го мотоциклетного батальона. С помощью освободившихся автомобилей были худо-бедно моторизованы остальные батальоны.

Поскольку 18-я танковая дивизия вела тяжелые бои с только что переброшенными на фронт свежими сибирскими дивизиями западнее Ефремова, 10-я моторизованная пехотная дивизия получила от командования XXIV танкового корпуса приказ, двигаясь через Мценск и Чернь, к 17 ноября выдвинуться в район населенного пункта Липцы (25 километров восточнее поселка Чернь). Все еще полностью моторизованный 41-й пехотный полк, усиленный 2-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, 1-й ротой 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и 2-й санитарной ротой, был направлен вперед в качестве первого маршевого эшелона и переподчинен 18-й танковой дивизии для атаки на город Ефремов. В тот же день выступили и пешие пехотные батальоны.

18 ноября дивизия (без усиленного 41-го моторизованного пехотного полка) продолжила выдвижение в район поселка Чернь. 19 ноября дивизия получала задание: обеспечить

охранение восточного фланга корпуса в районе поселка Епифань. В этот же день 18-я танковая дивизия и 41-й моторизованный пехотный полк атаковали противника в районе города Ефремов.

20 ноября в 25-градусный мороз 10-я моторизованная пехотная дивизия выступила несколькими маршевыми эшелонами в направлении Епифани. Оба пеших батальона 20-го пехотного полка продолжали нести охранение железнодорожной ветки Чернь– Горбачево.

21 ноября 88-й разведывательный батальон без боя взял Епифань и устремился в сторону поселка Горлово, который и перешел в его руки 23 ноября. 10-я моторизованная пехотная дивизия силами своего 10-го разведывательного батальона атаковала поселок Михайлов, но так и не смогла его взять. Поэтому ему на помощь был подтянут 40-й мотоциклетный батальон. Оба этих соединения под командованием майора Плагемана во второй половине дня 24 ноября овладели поселком Михайлов. 20-й моторизованный пехотный полк, без двух своих пеших батальонов, осуществлял охранение Епифани, где также разместились штаб дивизии, штаб 10-го моторизованного артиллерийского полка, 10-й моторизованный саперный батальон и отдельные части 10-го истребительно-противотанкового дивизиона.

26 ноября из Ефремова прибыл усиленный 41-й моторизованный пехотный полк и занял позиции в Епифани и южнее этого поселка. Ниже дадим краткое описание участия этого полка в бою за город Ефремов.

Во время атаки на Ефремов этот полк должен был действовать как пехотная ударная группа. 19 ноября полк с боем захватил сначала переправу через реку Красивая, а к вечеру вышел на окраину Ефремова. В ходе этого боя из четырех вражеских танков два были подбиты.

20 ноября началась атака на сам город, причем особое внимание уделялось захвату завода резиновых изделий. С тяжелыми боями батальоны вышли на окраины города. Все улицы на подступах к центру города были заминированы. К 14:30 3-й батальон под командованием капитана Шиммеля рассеял только что прибывший в Ефремов вражеский батальон, отбил атаку противника, пытавшегося с помощью танков и огнеметов захватить железнодорожный вокзал, и овладел заводом резиновых изделий.

21 ноября с новой силой разгорелись тяжелые бои со свежими силами противника, переброшенными сюда на грузовиках. В центре города шел ожесточенный уличный бой за каждый дом, за каждый перекресток. Не только с юго-востока, но

и с севера одна за другой следовали яростные атаки русских, пытавшихся вернуть себе этот важный железнодорожный узел. Однако все вражеские атаки были отбиты. К вечеру 22 ноября немецкие воинские части полностью овладели городом. Около 1,5 тысячи красноармейцев попали в плен. А уже 25 ноября усиленный 41-й моторизованный пехотный полк снова вернулся в состав дивизии. Командование XXXXVII танкового корпуса выразило полку свою полную признательность за успехи, достигнутые в боях за город Ефремов. За умелое руководство батальоном и за проявленную личную храбрость капитан Шиммель был награжден Рыцарским крестом Железного креста.

26 ноября лейтенант Хайгль с усиленным взводом 1-й роты 10-го моторизованного саперного батальона в лютую стужу сумел углубиться на 40 километров на занятую противником территорию и взорвать большой железнодорожный мост на железнодорожной линии Тула – Мичуринск.

Тем временем начались тяжелые бои и в районе дислокации 10-й моторизованной пехотной дивизии. Дислоцированный в городе Скопин 88-й разведывательный батальон был атакован крупными силами противника и отброшен на 20 километров на запад. 10-я моторизованная пехотная дивизия должна была остановить наступление неприятеля на село Горлово. Усиленный 20-й моторизованный пехотный полк – пока еще без своих двух пеших батальонов – принял в свои ряды на позиции восточнее Горлово отступивший 88-й разведывательный батальон. Подходивший от Ефремова усиленный 41-й моторизованный пехотный полк, части 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и 10-го моторизованного саперного батальона были сосредоточены вокруг села Горлово, в котором находился и командный пункт дивизии. 40-й мотоциклетный батальон и 10-й разведывательный батальон осуществляли охранение Михайлова и вели разведку в направлении Рязани, а также на восток и юго-восток.

Во второй половине ноября установилась настоящая русская зима с сильными метелями и 30-градусными морозами. Из-за отсутствия зимнего обмундирования такой холод крайне отрицательно сказывался на здоровье личного состава дивизии. Снабжение войск было затруднено из-за почти ежедневных заторов на дорогах, с такими же трудностями был сопряжен и вывоз раненых и солдат с тяжелыми обморожениями. В такой мороз ни один двигатель не хотел заводиться. Ни один танк не мог передвигаться по обледенелым дорогам и крутым склонам. Немногочисленное пополнение оказалось слабо обученным и совершенно неготовым к боевым действиям в условиях суровой

русской зимы. Серьезная озабоченность высшего командования сложившимся положением нашла отражение и в одном из писем генерал-полковника Гудериана:

> «Лютый холод, убогие места расквартирования, нехватка обмундирования, большие потери в живой силе и технике, плачевное положение с обеспечением горючим превращают ведение войны в настоящую муку, и чем дальше, тем сильнее меня угнетает огромный груз ответственности, который, несмотря на все громкие слова, никто не может с меня снять».

Советское контрнаступление под Москвой и отступление немецких войск

В начале декабря наступавшая с севера 4-я армия с боями приблизилась к Москве на расстояние 30 километров. Советской столице грозила серьезная опасность, и в Москве даже была проведена частичная эвакуация. Но тем временем Советы перебросили из Сибири по своей все еще прекрасно функционирующей железнодорожной сети несколько свежих дивизий, отлично экипированных для ведения военных действий в зимних условиях. Это позволило им значительно укрепить полосу обеспечения перед Москвой, превратив ее в настоящую крепость. Наступление 4-й армии было не только остановлено, более того, ее войска подверглись яростным атакам со всех сторон. Поэтому фельдмаршал фон Клюге был вынужден отвести свои дивизии назад. Танковые дивизии 2-й танковой армии, наступавшие на Тулу, были тоже атакованы крупными силами противника. Участок фронта 10-й моторизованной пехотной дивизии шириной около 60 километров подвергся мощным атакам свежих сил противника с юго-востока, востока и северо-востока. Эти вражеские атаки активно поддерживались налетавшей волнами советской штурмовой авиацией.

Разведка доложила о выгрузке крупных сил противника восточнее города Скопин. Командование дивизии решило направить в тот район одну из своих разведывательных групп для проведения диверсий. В ходе этого разведывательного поиска обер-лейтенанту Хегерлю, командиру 8-й роты 20-го моторизованного пехотного полка, вместе с ударной группой 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка и приданными им саперами 10-го моторизованного саперного батальона удалось в ночь с 5 на 6 декабря, когда мороз доходил до 38 градусов, взорвать важный железнодорожный мост на участке Воронеж – Москва, который проходил над глубокой долиной реки Ранова.

В начале декабря положение вокруг поселка Михайлов, который удерживала боевая группа Плагемана (40-й мотоциклетный батальон, 10-й разведывательный батальон и части 10-го моторизованного саперного батальона), значительно ухудшилось. 7 декабря боевая группа была атакована со стороны Рязани и с востока (здесь действовала 223-я советская стрелковая дивизия), причем вражескую атаку поддерживали танки и артиллерия. Вскоре боевая группа Плагемана была окружена. В ходе ожесточенного боя и с большими потерями в живой силе и

технике боевой группе удалось вырваться из окружения и пробиться на запад.

В районе села Гремячье боевой группе Плагемана удалось занять временный оборонительный рубеж на берегу реки Проня.

В ночь с 5 на 6 декабря генерал-полковник Гудериан по собственной инициативе и под свою ответственность отвел назад всю 2-ю танковую армию.

В первую очередь надо было принять все меры, чтобы помешать противнику прорваться от поселка Михайлов на юго-запад и на запад и не дать русским отрезать 10-ю моторизованную пехотную дивизию от основных сил армии. Согласно приказу командования корпуса надо было занять оборону на новом рубеже Горлово – Гремячье. Для поддержки боевой группы Плагемана 7 декабря к ней был направлен 2-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка. Оборона поселка Горлово была поручена полковнику Трауту, которому кроме его полка были подчинены 1-й дивизион 10-го артиллерийского полка, части 10-го саперного батальона, одна зенитная батарея, а также 2-й и 3-й батальоны 20-го моторизованного пехотного полка. Командир 20-го моторизованного пехотного полка получил задание разведать тыловую оборонительную позицию. Получив от этого командира донесение, что противник уже пересек дорогу Горлово – Тула в юго-западном направлении, полковник Траут задействовал 8 декабря 2-й и 3-й батальоны 20-го моторизованного пехотного полка под командованием майора Кёнига, командира 2-го батальона, для наступления на северо-запад, чтобы снова занять господствующую высоту у деревни Клекотки, которая уже находилась в руках противника, а затем отбросить неприятеля за дорогу Горлово– Епифань. В ходе стремительной атаки оба батальона 20-го моторизованного пехотного полка захватили господствующую высоту, освободили в деревне 39 немецких солдат, попавших в плен, и отбросили далеко на северо-восток обратившегося в паническое бегство противника. И уже 9 декабря на дороге Горлово – Епифань движение автотранспорта возобновилось в полном объеме.

8 декабря из-за сложившегося общего положения на фронте Горлово пришлось оставить. Но перед уходом были взорваны все промышленные сооружения этого поселка. Все находившиеся в Горлово части дивизии были отведены на рубеж реки Прони, отход дивизии прикрывал 20-й моторизованный пехотный полк, державший оборону у деревни Клекотки. Этот переход, проходивший в ужасную метель по глубокому снегу и в гололед, оказался крайне изматывающим. Для преодоления 20 километров

пути потребовалось более 14 часов. Из-за этой задержки уже не удалось занять разведанный оборонительный рубеж на берегу Прони, так как находившийся там сильно растянутый 2-й ба5 А. Шмидт тальон 41-го моторизованного пехотного полка подвергался непрерывным атакам превосходящих сил противника. Поэтому командир 41-го моторизованного пехотного полка решил занять оборону фронтом на северо-восток на высотах у деревни Львово (5 километров северо-восточнее Епифани), тем самым продолжив позиции 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка вправо. В это время 2-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка подвергся атакам со всех сторон и к вечеру был полностью окружен. Однако ночью энергичному командиру батальона, обер-лейтенанту Кёнигу, удалось прорваться на юго-запад, где он соединился с занимавшими там позиции главными силами 41-го моторизованного пехотного полка.

10 декабря дивизия была отведена на новый оборонительный рубеж, который предстояло оборудовать на высотах севернее поселка Епифань. Земля промерзла на полметра. Рукоятки киркомотыг ломались как стекло. В конце концов пришлось отрывать каждый стрелковый окоп с помощью взрывчатки. После отражения мощных атак противника 10, 11 и 12 декабря, в ходе отступления всей 2-й танковой армии, пришлось отвести фронт 10-й моторизованной пехотной дивизии дальше на запад. Майор Кёниг, командир 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка, прикрывал этот отход со своим батальоном и 3-м батальоном 41-го моторизованного пехотного полка. 13 декабря в 7:15 утра эти батальоны последними из подразделений дивизии пересекли Дон. Затем саперы 10-го моторизованного саперного батальона взорвали мост через Дон.

Боевая группа Плагемана удерживала оборонительный рубеж на реке Проня по обе стороны от села Гремячье вплоть до 9 декабря. Опасаясь атаки целой советской дивизии и боясь снова попасть в окружение, она была вынуждена отойти на запад. Для усиления этой боевой группы ей постепенно были переподчинены: 1-й батальон 118-го стрелкового полка, усиленный 120-й разведывательный батальон, 25-й мотоциклетный батальон и две артиллерийские батареи. Командование этой боевой группой было поручено майору фон Шелиху, адъютанту 10-й моторизованной пехотной дивизии. Прежде чем согласно приказу 9 декабря отойти на запад, ему пришлось отразить атаку пяти советских полков, которые угрожали его боевой группе сразу с трех сторон. Наступавшие плотными цепями русские попали под массированный обстрел из

всех видов оружия и понесли чрезвычайно высокие потери. Оставшиеся в живых красноармейцы в панике бросились назад. Последовавший после этого отход боевой группы фон Шелиха прошел организованно, словно на учебном плацу.

И все это на 30-градусном морозе! Затем боевая группа фон Шелиха была поэтапно подтянута к дивизии, дислоцированной в районе города Богородицк.

Сражаясь днем на оборонительных позициях, а по ночам в лютую стужу, в метель и гололед отходя на новый оборонительный рубеж, части 10-й моторизованной пехотной дивизии к 15 декабря вышли в район юго-западнее Богородицка. В этот момент произошло глубокое вклинение крупного кавалерийского соединения противника на участке фронта примыкавшей с юга 2-й армии. Это произошло между городами Елец и Ефремов, и теперь XXXXVII танковый корпус должен был взять на себя охранение южного фланга 2-й танковой армии.

10-я моторизованная пехотная дивизия сначала выступила маршем в район, находившийся в 30 километрах юго-восточнее поселка Чернь. Причем батальоны, передвигавшиеся на санях (а теперь это уже была большая часть дивизии!), отходили по почти непроезжим дорогам в собачий холод и в метель, ведя непрерывные бои с наседавшим противником, в то время как немногие моторизованные части дивизии должны были добираться в новый район сосредоточения по дороге Плавск – Чернь.

В это время на севере 2-й танковой армии сложилось угрожающее положение. Крупные силы противника отбросили LIII армейский корпус и прорвали фронт этого корпуса в районе Плавска. В образовавшуюся брешь устремились кавалерийские и танковые соединения русских. В результате этого прорыва возникла серьезная угроза для главной базы снабжения 2-й танковой армии. Поселок Чернь был забит подразделениями служб снабжения и тыла. По шоссе на Орел в обе стороны двигались в три ряда многочисленные транспортные колонны. Поэтому 10-й моторизованной пехотной дивизии поручили организовать оборону этого поселка. К 21 декабря дивизия оборудовала вокруг поселка полукруглый оборонительный рубеж, обращенный фронтом на юго-восток, восток, северо-восток и север: справа – главные силы 20-го моторизованного пехотного полка, слева – 41-й моторизованный пехотный полк. Штаб дивизии разместился в самом поселке Чернь, при этом 40-й мотоциклетный батальон и 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка остались в резерве. 10-й моторизованный артиллерийский полк со всеми своими орудиями (около пяти

батарей) тоже действовал на участке обороны дивизии.

20 декабря из-за заболевания командира 20-го моторизованного пехотного полка и командира 1-го батальона этого же полка произошла смена командного состава. Исполняющим обязанности командира полка был назначен майор Кёниг, командиром 1-го батальона стал капитан Хадереккер, а командиром 2-го батальона был назначен капитан Хегерль, долгие годы служивший адъютантом полка.

21 декабря после провала наступления на Москву фельдмаршал фон Браухич лишился поста главнокомандующего сухопутными войсками. Тогда Гитлер взял командование сухопутными войсками Германии на себя.

Уже 23 декабря произошли тяжелые бои с тремя атакующими советскими полками. Но все эти атаки были отбиты. Полностью оправдала себя проведенная заранее разведка оборонительного рубежа западнее реки Чернь. Однако вклинения противника на участках фронта соседних корпусов вынудили отойти назад и 10-ю моторизованную пехотную дивизию. По приказу командования корпуса 10-я моторизованная пехотная дивизия 24 декабря (в канун Рождества!) должна была сосредоточиться в районе южнее города Болхов и перейти в распоряжение XXXXVII танкового корпуса. Выставив сильные арьергарды, дивизия сначала отошла с оборонительного рубежа на реке Чернь, а затем приняла все необходимые меры, чтобы выполнить приказ и сосредоточиться в районе города Болхов.

Еще 24 декабря полки оторвались от противника и заняли предусмотренные для них позиции по обе стороны от поселка Чернь. К полудню боевые действия стихли. Так полки смогли без особых помех со стороны противника отметить первое Рождество в России. Это была воистину трогательная картина, как в отдельных ротах в соответствии со старинным обычаем отмечалось Рождество. Словно по мановению волшебной палочки в русских крестьянских избах неожиданно появились рождественские елки, которые бойцы уже несколько дней возили с собой. Тотчас нашлись елочные игрушки и свечи. Елки украсили серебряным дождем, изготовленным из вкладышей в сигаретные пачки, которые терпеливо собирали в течение нескольких недель. В качестве рождественских подарков бойцы получили шоколад и печенье, и русские дети с удивлением взирали на то, как взрослые дяди исполняли старые немецкие рождественские песни. Мысленно все обращались к своим близким на родине, и по небритым, впалым щекам многих бойцов пробегала скупая мужская слеза. Дивизионные священники целый день были на ногах, стараясь передать рождественское послание как можно

большему числу солдат.

Но во исполнение приказа уже ночью дивизия была вынуждена сняться с позиций, чтобы своевременно прибыть в район сосредоточения у города Болхов.

В эту же ночь арьергардам пришлось вести тяжелые бои. Так, 3-му батальону 20-го моторизованного пехотного полка лишь в ходе ожесточенного ночного боя удалось проложить себе дорогу на Мценск. 25 декабря позиции 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка были атакованы противником численностью около полка, и в начавшейся метели они были прорваны. Затем атаке подвергся 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка капитана Шиммеля. В свою очередь, арьергарды сумели прорвать кольцо окружения и, захватив несколько сот пленных, под прикрытием танков 18-й танковой дивизии отошли в Мценск. Там измотанные в последних боях арьергардные батальоны смогли наконец немного отдохнуть, сменить белье, получить почту и посылки с подарками к Рождеству.

Тем временем на северном участке фронта армии сложилось угрожающее положение, что заставило командование отказаться от намерения использовать дивизию в районе Болхова. Крупные силы противника прорвались между Калугой и Болховом и стремительно продвигались на запад. Поэтому 10-я моторизованная пехотная дивизия должна была, разделившись на две группы, форсированным маршем выдвинуться в район Сухиничей. Поскольку сложившееся положение с обеспечением автотранспортом позволяло полностью моторизовать только один пехотный полк, было принято решение передать все автомобили 41-му пехотному полку, который стал теперь снова полностью моторизованным. Ввиду сокращения боевого состава отдельных подразделений, прежде всего пехоты, это было вполне осуществимо. Все моторизованные подразделения дивизии: 41-й моторизованный пехотный полк, главные силы 40-го мотоциклетного батальона, 3-я рота 10-го моторизованного саперного батальона, главные силы 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и 10-й батальон связи – несколькими маршевыми эшелонами под общим командованием командира 41-го моторизованного пехотного полка выступили через Орел и Брянск в Рославль. Они прибыли в Рославль 31 декабря. В это время там уже находился и штаб дивизии.

30 декабря подразделения дивизии, лишившиеся своих транспортных средств и теперь вынужденные передвигаться пешим ходом (штаб, 1-я и 2-я роты 10-го моторизованного саперного батальона, две роты мотоциклистов, одна рота 10-го

истребительно-противотанкового дивизиона, 10-й разведывательный батальон, одна рота 41-го моторизованного пехотного батальона на санях), под командованием вновь прибывшего командира 10-го моторизованного саперного батальона, майора Снетлаге, были перевезены по железной дороге из Орла через Брянск в Сухиничи.

30 декабря дивизия получила ориентировку, в которой сообщалось, что 1-й советский гвардейский кавалерийский корпус, прорвавшийся между Лихвином и Калугой и продвигавшийся на запад, угрожает шоссе № 1. 10-я моторизованная пехотная дивизия, без усиленного 20-го моторизованного пехотного полка, была переподчинена XXXX танковому корпусу и должна была 1 января 1942 года выступить маршем из Рославля на северо-восток и выйти в район Мосальска.

20-й моторизованный пехотный полк выводился – к сожалению, на долгое время – из состава 10-й моторизованной пехотной дивизии. Он получил приказ 29 декабря выдвинуться со своими главными силами в Болхов, так как русские, наступавшие с востока, уже находились в 12 километрах от этого города.

2-й батальон (командир – обер-лейтенант Хегерль), усиленный частями 13-й и 14-й рот, был переброшен по железной дороге в Жиздру для охраны железнодорожной ветки Сухиничи–Брянск от нападения появившихся в местных лесах партизан. Тем самым дивизия была разбита на три части, действовала в трех разных местах, отстоявших далеко друг от друга.

20-й моторизованный пехотный полк – без группы Хегерля – был на грузовиках переброшен в Болхов, куда он прибыл 29 декабря. 30 декабря этот полк должен был во взаимодействии с 4-й танковой дивизией и при мощной поддержке артиллерии и батареи реактивных минометов наступать в восточном направлении, чтобы отбросить противника за Оку. Во время разведки штабом полка района исходных позиций тот неожиданно натолкнулся на русских, которые заняли деревню Кривцово. Лишь недавно назначенный адъютантом полка и хорошо зарекомендовавший себя во многих боях обер-лейтенант фон Верден стал жертвой неожиданного огневого налета русских, вместе с ним погиб целый ряд храбрых солдат. Тогда в атаку пошел весь полк. 31 декабря при поддержке семи штурмовых орудий и реактивных минометов полк выбил русских из деревни Кривцово и отбросил их за Оку (20 километров восточнее Болхова). Теперь можно было со всеми воинскими почестями похоронить обер-лейтенанта фон Вердена и его павших товарищей.

Еще более тяжелую потерю понесла 2-я танковая армия.

Гитлер лишил генерал-полковника Гудериана, создателя германских танковых войск и выдающегося командующего бронетанковыми силами, его поста, так как Гудериан отважился действовать вопреки – и как позже выяснилось – ошибочным оперативным воззрениям Гитлера. Лучше зная обстановку, сложившуюся в декабре 1941 года под Москвой, Гудериан самостоятельно принял решение отвести 2-ю танковую армию, чтобы спасти ее от полного уничтожения. 26 декабря генерал-полковник Гудериан в специальном приказе по армии тепло попрощался с солдатами 2-й танковой армии, с глубоким уважением почтил память всех тех, кто отдал свою жизнь и пролил кровь за Германию, и *«от всего сердца поблагодарил своих боевых товарищей за верность, самоотверженность и подлинное товарищество, которые они постоянно демонстрировали все эти месяцы».*

1942 год

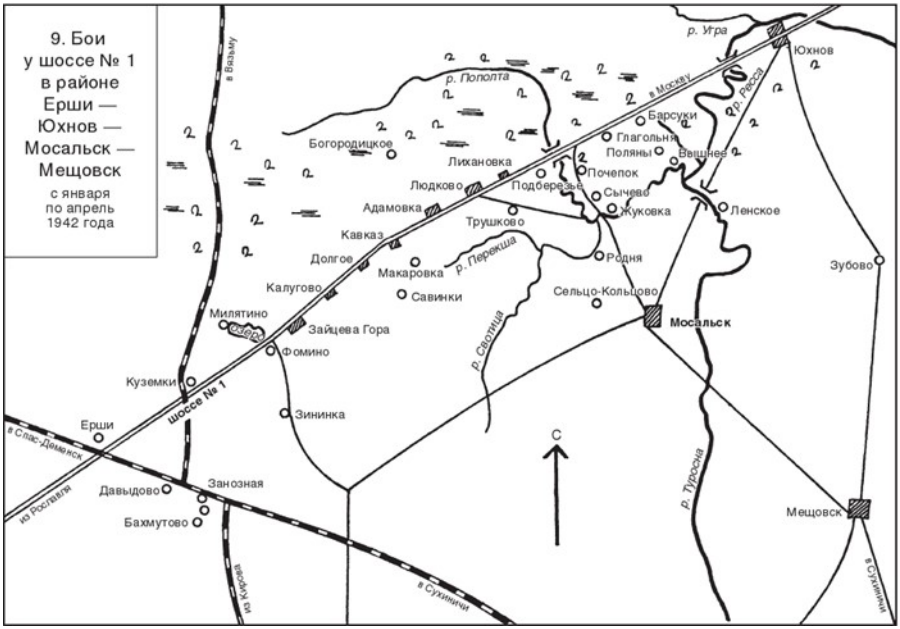
Сражение за шоссе № 1 (дорога Рославль – Москва) юго-западнее Юхнова с января по апрель 1942 года

1 января 1942 года главные силы 10-й моторизованной пехотной дивизии впервые с начала военной кампании в России выехали по асфальтированной дороге, обрамленной метровыми снежными стенами, преодолевая сугробы, из Рославля в Мосальск, к XXXX танковому корпусу, которому дивизия была теперь подчинена.

Положение развивалось здесь следующим образом.

1-я советская гвардейская кавалерийская дивизия продвигалась с юго-востока к шоссе № 1 юго-западнее Юхнова. Ей противостояла 19-я танковая дивизия, занимавшая позицию южнее шоссе по обе стороны от деревни Зубово. Советские транспортные самолеты сбросили парашютистов-десантников за немецкой линией фронта, чтобы они взорвали мосты на шоссе № 1. На юге 216-я пехотная дивизия вела тяжелый бой за город Сухиничи. 406-й пехотный полк и 216-й истребительно-противотанковый дивизион осуществляли охранение района между 19-й танковой дивизией и 216-й пехотной дивизией по обе стороны от города Мещовск.

Усиленный 41-й моторизованный пехотный полк и 40-й мотоциклетный батальон получили задание прикрывать сосредоточение 10-й моторизованной пехотной дивизии в районе Мосальска, а именно 40-й мотоциклетный батальон с юга, а 41-й моторизованный пехотный полк на рубеже реки Туросна с юго-востока и востока. Из-за метровых снежных заносов все передвижения можно было выполнять только в пешем строю. Поэтому для ведения боевых действий большое значение имело восстановление мобильности в зимних условиях путем широкого использования санных упряжек, лыж и белых маскировочных халатов. И у противника впервые были замечены подразделения лыжников в белых маскировочных халатах. Для того чтобы можно было использовать артиллерию, на расчистку дорог от снега привлекались все свободные силы.



Поскольку положение у Мещовска резко ухудшилось, для подкрепления туда были направлены некоторые части 40-го мотоциклетного батальона. И хотя им в ходе тяжелых боев удалось на некоторое время исправить положение, однако 6 января Мещовск все-таки пришлось оставить, чтобы спасти действовавшие там войска от окружения и уничтожения.

5 января командиру усиленного 41-го моторизованного пехотного полка поручили оборону Мосальска. Вражеской кавалерии удалось прорваться между 19-й танковой дивизией и 10-й моторизованной пехотной дивизией и выйти к шоссе № 1. Противник даже сумел занять дорогу, ведущую от Мосальска к шоссе № 1. Но в этот же день подразделения 40-го мотоциклетного батальона при поддержке двух танков снова сумели отбить эту дорогу. Вследствие прорыва противника на участке фронта 216-й пехотной дивизии и угрозы двухстороннего охвата с севера 10-я моторизованная пехотная дивизия была вынуждена после взрыва мостов оставить Мосальск. Несмотря на сильную метель и адский холод, в ночь с 7 на 8 января дивизия сумела оторваться от противника и отошла на рубеж Сельцо-Кольцово – Ленское. На этой позиции дивизия установила неустойчивую связь с 19-й танковой дивизией, которой тоже пришлось отойти примерно на 10 километров.

За деревню Сельцо-Кольцово, которую обороняли 40-й мотоциклетный батальон и 3-я рота 10-го моторизованного саперного батальона, разгорелись ожесточенные бои. Участок обороны 41-го моторизованного пехотного полка тоже

подвергался постоянным атакам. Расположение противника утром 11 января позволило точно определить его намерение обойти дивизию с запада и прорваться к шоссе. В 13 километрах западнее русские уже держали шоссе под постоянным пулеметным и артиллерийским обстрелом.

Поскольку командир дивизии временно исполнял обязанности командира XXXX танкового корпуса, командовать 10-й моторизованной пехотной дивизией было поручено полковнику Трауту. Ввиду сложившегося угрожающего положения он решился на сокращение линии фронта и в ночь с 11 на 12 января при 35-градусном морозе отвел усиленный 41-й моторизованный пехотный полк и 40-й мотоциклетный батальон на рубеж по обе стороны от деревни Родня. На новой оборонительной позиции были оборудованы два участка:

справа: группа Цвика, исполняющего обязанности командира 41-го моторизованного пехотного полка, усиленного частями 10-го моторизованного артиллерийского полка и частями 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, западнее деревни Родня фронтом на юг и юго-запад;

слева: группа Вальтера, сформированная из штаба 406-го пехотного полка, 40-го мотоциклетного батальона, 3-го батальона 406-го пехотного полка, 3-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, 3-й роты 10-го моторизованного саперного батальона и 7-й роты 10-го моторизованного артиллерийского полка, в самой деревне и восточнее Родни.

Подполковник Вальтер был вновь назначенным командиром 20-го моторизованного пехотного полка, который, однако, никак не мог вступить в командование полком, так как полк, находившийся вдали от дивизии, сражался двумя группами под Болховом и Жиздрой. Правда, командование дивизии рассчитывало на скорое возвращение этого полка в состав дивизии. Но оказалось, что это было лишь благое пожелание, исполнение которого растянулось до мая 1942 года.

13 января в лютую стужу усиленный 41-й моторизованный пехотный полк выступил на запад для того, чтобы вернуть себе контроль над шоссе № 1. К 10 часам утра 1-й батальон вошел в деревню Адамовка. После ожесточенного боя 2-й батальон сумел взять деревню Трушково лишь благодаря обходному маневру и удару 3-й роты в тыл противника. 3-й батальон, наступавший южнее 2-го батальона, разгромил кавалерийский полк противника и захватил при этом около трехсот лошадей. Услышав шум боя, доносившийся со стороны деревни Трушково, этот батальон по собственной инициативе двинулся на северо-запад и уничтожил большую часть советского кавалерийского

эскадрона, отступавшего из Трушково. Вечером в радиограмме командир корпуса выразил благодарность 41-му моторизованному пехотному полку за достигнутый днем успех.

После взрыва мостов на реке Пополта боевая группа Вальтера была отведена назад на рубеж Щербинино (1-я рота 73-го стрелкового полка) – извилина Пополты (40-й мотоциклетный батальон и 3-я рота 10-го моторизованного саперного батальона) – Ульянино (3-й батальон 406-го пехотного полка).

14 января усиленный 41-й моторизованный пехотный полк продолжил свое наступление на запад, и его 1-й и 2-й батальоны вышли в район населенных пунктов Кавказ – Савинки. 3-й батальон, который моторизованным маршем по шоссе № 1 был подтянут к деревне Долгое, атаковал в южном направлении и взял деревню Сафраново.

Казалось, что шоссе № 1 окончательно зачищено от неприятеля. Однако в полдень противник неожиданно атаковал 41-й моторизованный пехотный полк с тыла и смял слабое охранение, а его разведывательные дозоры снова вышли к шоссе № 1. Поэтому вечером 14 января 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, усиленный танками и штурмовыми орудиями 19-й танковой дивизии, был переброшен командованием дивизии в деревню Людково в качестве ударного резерва.

Поскольку давление противника на шоссе № 1 постоянно усиливалось, для ведения боевых действий на этой важной коммуникации были выделены три участка охранения: участок «Запад» под командованием капитана Хауса, участок «Центр» под командованием капитана Лангезее и участок «Восток» под командованием подполковника Вальтера. Все эти силы охранения шоссе состояли почти исключительно из бойцов обозов и тыловых служб, а также из штабных работников и одной артиллерийской роты.

15 января 41-й моторизованный пехотный полк получил задание в качестве мобильного ударного резерва дивизии постоянно держать наготове непосредственно у шоссе несколько ударных групп, чтобы контратаками отбрасывать от шоссе любого прорвавшегося противника. В качестве районов сосредоточения для каждого из батальонов были назначены населенные пункты Калугово – Долгое, Адамовка и Людково – Лихановка. В последующие месяцы это задание потребовало от военнослужащих 41-го моторизованного пехотного полка напряжения всех их сил, но одновременно принесло полку славу «шоссейной пожарной команды». В каком бы месте русские ни прорывались к шоссе, весь 41-й моторизованный пехотный полк

или часть полка – часто при поддержке штурмовых орудий, артиллерии и самолетов люфтваффе – немедленно направлялись в опасное место и благодаря энергичному и умелому руководству своего командира и отваге всего личного состава устраняли опасность и не позволяли противнику надолго парализовать важнейший путь подвоза 4-й армии. В рамках этой книги невозможно описать все боевые столкновения на шоссе № 1, поэтому остановимся только на некоторых из них.

В ходе ожесточенного боя 15 и 16 января 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка вновь захватил потерянную накануне деревню Трушково. А 1-й батальон того же полка при поддержке штурмовых орудий сумел отбить у противника деревню Макаровка.

17 января, получив донесение о приближении к деревне Калугово длинной вражеской колонны, 41-й моторизованный пехотный полк, усиленный 1-м дивизионом 10-го артиллерийского полка, 9-й ротой 216-го артиллерийского полка и двумя штурмовыми орудиями, выдвинулся из деревни Долгое на юг и при отличной поддержке самолетов люфтваффе в ходе тяжелых боев, шедших с переменным успехом, взял находившиеся южнее шоссе № 1 деревни Реща, Васильево и Чичково. Противник отошел на юг. Однако организовать его преследование так и не удалось, так как к вечеру еще одно соединение неприятеля прорвалось почти до деревни Людково, и 41-й моторизованный пехотный полк был отозван назад для быстрого введения в действие у шоссе в районе деревень Зайцева Гора – Калугово – Кавказ.

20 января генерал-лейтенант фон Лёпер снова вступил в командование дивизией, а полковник Траут вернулся в свой 41-й моторизованный пехотный полк. В этот день 2-й и 3-й батальоны 41-го моторизованного пехотного полка при эффективной поддержке штурмовых орудий и штурмовиков люфтваффе вновь заняли деревни Савинки и Узловка, малочисленные гарнизоны которых накануне были вынуждены оставить их. К сожалению, в этом бою был тяжело ранен многократно хорошо зарекомендовавший себя командир 3-го батальона, кавалер Рыцарского креста капитан Шиммель.

21 января шли бои с переменным успехом за деревни Узловка и Макаровка. Впервые в атаке противника приняли участие танки.

23 января полковник Траут за отличное командование войсками и за выдающиеся успехи, достигнутые его полком, был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, этой высокой награды он удостоился в качестве 67-го солдата германского вермахта.

24 января советская 325-я стрелковая дивизия десять раз безуспешно атаковала боевую группу Вальтера в треугольнике рек Пополта и Ресса. 25 января командир корпуса, прибывший на командный пункт боевой группы, выразил ей свою особую признательность.

Одновременно с этим противник пытался прорваться к шоссе с севера из большого лесного массива, раскинувшегося вокруг села Богородицкое. Благодаря нахождению в том районе нескольких партизанских отрядов и соединений парашютистов-десантников противник обладал там довольно внушительными силами. Поскольку в последующие дни из-за подхода все новых сил противника положение в долине реки Пополты все больше обострялось и от двух до трех вражеских батальонов, а также советская кавалерия пересекли шоссе № 1, двигаясь на север, командование XXXX танкового корпуса поручило полковнику Трауту общее управление всеми войсками, сосредоточенными в этом районе.

В своем представлении командование 4-й армии (штаб-квартира армии находилась в Спас-Деменске) так пишет об этом:

> «Двенадцать крайне измотанных немецких дивизий и несколько соединений специального назначения на ледяном ветру и 30-градусном морозе, будучи отрезанными от снабжения и находясь почти в полном окружении, успешно противостояли 33 стрелковым дивизиям, 7 стрелковым бригадам, 6 кавалерийским дивизиям, 14 танковым бригадам и 14 лыжным батальонам противника».

29 января командование 4-й армии хотело во что бы то ни стало направить колонну с продовольствием и боеприпасами в направлении Юхнова. Усиленный 1-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка и 1-й батальон 557-го пехотного полка совместными усилиями очистили шоссе № 1 от противника до населенного пункта Глагольня. Русские отступили от шоссе на север и на юг, однако продолжали держать шоссе под постоянным артиллерийским и минометным обстрелом. Для охраны шоссе № 1 к северу и к югу от него были оборудованы опорные пункты, которые поддерживали между собой связь с помощью штурмовых орудий и разведывательных дозоров лыжного батальона Шлебрюкке. Это слабое охранение было, конечно, не в состоянии обеспечить надежную охрану шоссе. Из показаний пленных следовало, что в последние ночи еще три лыжных батальона противника пересекли шоссе в северном направлении.

Попытка деблокировать 2-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, окруженный в деревне Почепок, сначала потерпела неудачу. Поэтому в течение нескольких дней пришлось снабжать этот батальон по воздуху. Только 4 февраля удалась третья попытка прорыва через долину реки Пополта. Введя в бой два танка и постоянно атакуя, русские тщетно пытались помешать 2-му батальону соединиться с атакующими ему навстречу 1-м батальоном 41-го моторизованного пехотного полка и лыжным батальоном Шлебрюкке.

6 февраля усиленный 41-й моторизованный пехотный полк начал наступление в юго-восточном направлении из района деревни Поляны, чтобы отбросить дальше на юго-восток противника, окопавшегося в долине реки Лидия, и тем самым окончательно устранить опасность, грозящую отсюда шоссе № 1. Атака проводилась в 25-градусный мороз силами 3-го и 2-го батальонов 41-го моторизованного пехотного полка, 40-го мотоциклетного батальона и лыжного батальона при поддержке 137-го артиллерийского полка и 1-го дивизиона 19-го артиллерийского полка. К вечеру была взята деревня Вышнее, расположенная на холме и подготовленная к обороне, словно средневековая крепость; части советских 344-й и 466-й стрелковых дивизий были отброшены далеко на юго-восток.

7 и 8 февраля было отбито несколько яростных атак противника. 9 февраля предстояло уничтожить остатки сил противника (предположительно около 3 тысяч бойцов с танками и артиллерией), окруженные в долине реки Лидия. Наряду с неблагоприятным соотношением сил глубокий, по грудь, снег и непросматриваемая холмистая и лесистая местность требовали от бойцов напряжения всех их сил. В то время как боевая группа Траута с 40-м мотоциклетным батальоном, 3-м батальоном 449-го пехотного полка и 2-й ротой 47-го саперного батальона занимала оборону на южной окраине деревни Вышнее, 41-й моторизованный пехотный полк, усиленный лыжным батальоном, 1-м батальоном 163-го пехотного полка и 3-й ротой 47-го саперного батальона, в 9 часов утра пошел в атаку на север при огневой поддержке 3-го дивизиона 19-го артиллерийского полка с целью уничтожить силы противника в долине реки Лидия. Окруженного неприятеля удалось окончательно разгромить только после тяжелого боя, продолжавшегося восемь дней. Через несколько дней большой, хорошо укрепленный советский лесной лагерь был расколот на две части, и затем после ожесточенного боя каждая часть была уничтожена по отдельности.

Генерал Рендулич и генерал танковых войск Кирхнер устно выразили свою признательность всем войскам, принимавшим

участие в этой операции. А командир 52-й дивизии в приказе по дивизии указал на то, что в ходе девятидневного боя, в котором решающую роль сыграл усиленный 41-й моторизованный пехотный полк, было полностью уничтожено три вражеских стрелковых дивизии, а также части еще двух дивизий и одной танковой бригады. Противник потерял более 5 тысяч человек убитыми и более 1,8 тысячи пленными. Только в долине реки Лидия было захвачено в качестве трофеев 87 орудий, 79 минометов, одна реактивная установка залпового огня и сотни единиц автоматического оружия. Тем самым была окончательно устранена серьезная опасность, грозившая 4-й армии с юга.

Зато все более серьезную форму принимала угроза армии с тыла. На севере через брешь в полосе 4-й танковой армии прорвались пять стрелковых дивизий 33-й советской армии генерал-лейтенанта Ефремова. Другие крупные силы противника, двигавшиеся с юга, в том числе 2-й кавалерийский корпус Белова, пересекли шоссе № 1 еще в январе 1942 года. Эта вражеская группировка снабжалась и получала подкрепление по воздуху; самолеты транспортной авиации совершали бесчисленное число полетов и сбрасывали парашютистов-десантников, оружие, боеприпасы и продовольствие. Множество легких советских самолетов каждую ночь приземлялось на ярко освещенных и хорошо охраняемых лесных аэродромах, а немецкая армия и самолеты люфтваффе были не в состоянии помешать им. К тому же все опаснее становилось партизанское движение, поддерживаемое местным населением. Партизаны нападали на тыловые обозы, на посыльных, на санитарные автомобили и транспортные колонны служб снабжения.

Но с 9 февраля, собрав все вновь прибывшие силы в кулак, Советы начали активные действия и в глубине немецкого района боевых действий. Так, они организовали нападение на главную базу снабжения 4-й армии, находившуюся в месте пересечения шоссе и железных дорог, – железнодорожную станцию Занозная. Слабый гарнизон станции и редкие посты охранения не смогли помешать противнику приблизиться к шоссе на расстояние около 4 километров.

При таких обстоятельствах затишье, царившее в районе деревни Милятино, где дислоцировался 41-й моторизованный пехотный полк, не могло продолжаться слишком долго. Полк (без своего 2-го батальона) прибыл в этот район 17 февраля. 2-й батальон и 40-й мотоциклетный батальон остались под общим командованием майора Плагемана в районе деревни Вышнее.

После пяти дней затишья начались новые бои за шоссе № 1. 23 февраля, в День Красной армии, русские атаковали шоссе

широким фронтом с юга, на этот раз западнее долины реки Пополта. Вскоре советские танки уже стояли на шоссе у деревень Людково, Адамовка и Кавказ. Здесь для транспортировки своей пехоты противник впервые использовал мотосани. Но всякий раз 41-й моторизованный пехотный полк, усиленный штурмовыми орудиями, 50-мм противотанковыми пушками и четырьмя 88-мм зенитками, отбрасывал русских на юг. К 25 февраля этот участок шоссе можно было считать свободным. Однако теперь давление противника усилилось с севера. Как следовало из трофейных карт, наступление 50-й советской армии с юга преследовало цель соединиться с силами противника, находившимися севернее шоссе, чтобы затем нанести удар в спину частям 4-й армии, занимавшим позиции на Угранском фронте. Слабое охранение 31-й пехотной дивизии, стоявшее севернее шоссе № 1, было смято и отброшено назад к Адамовке. Потребовалось ввести в действие 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, чтобы к 28 февраля отбросить противника к деревне Ключи (8 километров севернее Адамовки).

28 февраля, принимая во внимание приближающийся период весенней распутицы, Гитлер одобрил отвод Восточного фронта, о чем командующие армиями просили его еще в начале февраля. В ночь с 3 на 4 марта начался отвод 4-й армии западнее Юхнова за реки Ресса и Угра.

И в начале марта продолжались атаки русских с юга на участок шоссе между деревнями Адамовка и Кавказ. Оборона этого участка шоссе с юга и с севера была поручена полковнику Трауту, которому для этого были подчинены также отдельные части 31-й пехотной дивизии и 19-й танковой дивизии.

4 марта 41-й моторизованный пехотный полк был сменен 31-й пехотной дивизией (82-м пехотным полком). Остальные подразделения 10-й моторизованной пехотной дивизии остались на своих прежних позициях. Однако, когда 5 и 6 марта отдельные вражеские танки снова появились на шоссе, командованию дивизии пришлось 6 марта снова направить сильно измотанный 41-й моторизованный пехотный полк для зачистки шоссе. При поддержке штурмовых орудий, танков и пикирующих бомбардировщиков полк успешно завершил свою атаку. Шоссе снова было свободно, и опять была восстановлена связь с двигавшейся с востока 82-й пехотной дивизией. Генерал танковых войск Штумме и прибывший после завершения боев командующий 4-й армией, генерал Хейнрици, поздравили командование и личный состав полка с успешным завершением этой операции. За успешные действия по зачистке шоссе № 1 отважный командир 1-го батальона 41-го моторизованного полка,

капитан Эрт, был награжден Рыцарским крестом Железного креста.

После завершения боевых действий вечером 6 марта все задействованные на южном участке фронта подразделения боевой группы Траута были заменены 17-м и 82-м пехотными полками. 7 марта подразделения 41-го моторизованного пехотного полка (за исключением 3-го батальона, находившегося севернее шоссе) отправились на отдых в район деревни Милятино. После чрезвычайно высоких физических и психических нагрузок последних месяцев для личного состава полка наступили дни заслуженного отдыха, ремонта поврежденной техники, оружия и обмундирования. Но главной заботой командования полка было обучение прибывшего 18 марта недостаточно обученного пополнения. Многие из новобранцев еще не сделали ни одного выстрела боевыми патронами, а некоторые из них по своему физическому состоянию были вообще непригодны к службе в действующей армии.

15 марта командование дивизии приказало сформировать на базе воинских частей, находившихся в районе деревни Милятино, дежурный батальон, чтобы при внезапных атаках русских на шоссе всегда иметь в своем распоряжении боеспособное соединение.

21 марта наконец был снят с передовой и 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка, и ему был предоставлен такой необходимый и давно заслуженный отдых.

В середине марта командир дивизии из-за переутомления получил отпуск. Полковник Траут снова был назначен исполняющим обязанности командира дивизии, но при этом он сохранил за собой и командование 41-м моторизованным пехотным полком.

После того как уже в январе 1942 года 10-я моторизованная пехотная дивизия была разделена на три части, 3 апреля из ее состава был выведен и 40-й мотоциклетный батальон вместе со своим штабом, 1, 2 и 4-й ротами. В качестве резерва армии он был придан XIII армейскому корпусу и передислоцирован в Красное (примерно в 40 километрах севернее деревни Барсуки). Командование 4-й армии опасалось мощных атак противника на Угранском фронте, целью которых было деблокировать части 33-й советской армии генерал-лейтенанта Ефремова, попавшие в окружение под Вязьмой.

Теперь 10-я моторизованная дивизия оказалась благополучно разделенной на пять частей, которые сражались вдали друг от друга.

На шоссе № 1, в районе деревни Милятино, сражались штаб

дивизии, 41-й моторизованный пехотный полк, который из-за больших потерь был переформирован в два батальона, примерно половина 10-го артиллерийского полка вместе со своим штабом, 3-я рота 10-го моторизованного саперного батальона и отдельные части 10-го истребительно-противотанкового дивизиона.

В районе города Болхов был использован 20-й моторизованный пехотный полк со своим штабом, главными силами 14-й (противотанковой) роты, 1-м и 3-м батальонами и половиной 10-го артиллерийского полка.

В районе Жиздры дислоцировался 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка, усиленный 13-й ротой (пехотных орудий) и одним взводом 14-й роты того же полка и 5-й ротой 40-го мотоциклетного батальона.

Там же, под Жиздрой, сражалась боевая группа Снетлаге, состоявшая из штаба, 1-й и 2-й роты 10-го моторизованного саперного батальона, 10-го разведывательного батальона и отдельных частей 10-го истребительно-противотанкового дивизиона.

И наконец, в районе населенного пункта Красное находился 40-й мотоциклетный батальон (без своих 3-й и 5-й рот).

Такова была судьба почти каждой моторизованной пехотной дивизии в этой войне, когда она в полном составе или ее отдельные части, словно «пожарная команда», направлялись на самый опасный участок фронта. Такое использование было одинаково невыгодным как для командования, так и для личного состава дивизии. Перед командованием дивизии часто ставились такие задачи, которые могла решить только дивизия в полном составе. Неожиданные подъемы по тревоге и приказы на выступление, прежде всего зимой и в период осенней и весенней распутицы, часто ставили командование дивизии перед неразрешимыми задачами и чрезмерно обременяли подразделения дивизии. Дивизия не могла должным образом заботиться о своих подразделениях, используемых в других местах. А воинские части, переданные в другие дивизии, нередко использовались там для выполнения самых трудных заданий. Командиру 10-й моторизованной пехотной дивизии пришлось в течение нескольких месяцев подавать ходатайства в вышестоящие командные инстанции, вплоть до Верховного командования сухопутных войск (ОКХ), чтобы к концу мая собрать свою дивизию в полном составе; правда, и на этот раз только на довольно короткое время.

В то время как согласно приказу 41-й моторизованный полк принимал пополнение и занимался боевой подготовкой в районе Милятино, для охраны выделенного участка обороны

Екатериновка (юго-западнее Фомино) – Фомино – Зайцева Гора 10-й моторизованной пехотной дивизии были переподчинены воинские части других дивизий (74-й стрелковый полк, 1-й батальон 306-го пехотного полка, 2-й батальон 85-го пехотного полка и другие соединения). В конце марта крупные силы противника при поддержке танков постоянно атаковали участок обороны дивизии и ее соседей. Семь немецких батальонов сдерживали натиск 48 полностью укомплектованных советских батальонов, потеряв при этом лишь небольшой участок местности севернее деревни Зининка. В начале апреля число вражеских атак временно сократилось.

Однако 5 апреля (в Пасхальное воскресенье), подтянув свежие силы, русские повторили и усилили свои атаки, чтобы до начала весенней распутицы соединиться с кавалерийским корпусом Белова. Когда 5 апреля произошло вклинение и на шоссе появились советские танки, пришлось ввести в бой и 41-й моторизованный пехотный полк, состоявший всего лишь из двух батальонов. 6 и 7 апреля в ходе успешно проведенной контратаки у деревни Фомино полк отбросил на юг упорно защищавшегося неприятеля и снова восстановил контроль над шоссе № 1. Русские понесли большие потери убитыми и ранеными, но и потери 41-го моторизованного пехотного полка оказались тяжелыми. Только 7 апреля погибли командир 1-го батальона, капитан Райхардт, командир одной из рот и 36 унтер-офицеров и рядовых. В ходе последующих наступательных и оборонительных боев это Фомино стало символом солдатской доблести бойцов 41-го моторизованного пехотного полка.

12 апреля атака 10-й моторизованной пехотной дивизии натолкнулась не только на две вражеские дивизии, занимавшие позиционную оборону, но и на две свежие сибирские дивизии (146-ю и 298-ю стрелковые) и 11-ю танковую бригаду, уже занявшие исходные позиции для атаки. Успех этого дня был упомянут в сводке вермахта следующими словами:

> «Во время внезапной атаки, проведенной одной из немецких моторизованных пехотных дивизий, противник потерял 650 солдат пленными, тысячу убитыми, 3 танка и 40 пулеметов».

На следующий день, не считаясь с потерями, противник повторил свои атаки. Деревня Зайцева Гора временно была потеряна, однако затем, несмотря на сильную метель, подразделениям 131-й пехотной дивизии и 41-го моторизованного пехотного полка удалось вновь отбить ее у русских и снова восстановить контроль над шоссе № 1.

В то время как на других участках фронта после наступления 18 апреля весенней распутицы крупные боевые операции Советов прекратились, 10-й моторизованной пехотной дивизии пришлось в период с 19 по 22 апреля пережить несколько кризисных моментов. Мощными атаками подтянутой к фронту 58-й стрелковой дивизии и проведенными одновременно с ними атаками боевой группы Белова с севера противник предпринял еще одну отчаянную попытку вырваться из окружения и прорваться к шоссе. Благодаря самоотверженности бойцов и командиров в тесном взаимодействии с пикирующими бомбардировщиками люфтваффе и артиллерией удалось сдержать и этот массированный штурм неприятеля и сохранить контроль над жизненно важной артерией армии.

В своем донесении о боях с середины марта до середины апреля 1942 года командование 4-й армии, в частности, отмечало:

> «Тем временем на восточном участке фронта армии противник предпринял последнее крупномасштабное наступление. Он стремился добиться решающего успеха в зимнем сражении под Москвой еще до начала весенней распутицы… Второй главный удар должен был наноситься в глубину немецких формирований, занимавших оборону у шоссе. Наряду с попыткой перерезать важный для армии путь снабжения советское командование хотело помочь попавшей в трудное положение боевой группе Белова, сформированной из гвардейского кавалерийского корпуса и воздушно-десантного корпуса. В соответствии с этим в последующие недели противник оказывал сильнейшее давление на Угре и в районе деревни Зининка. 23 марта началась атака в районе Зининки. В этот и последующие дни крупные силы противника предприняли здесь массированную атаку узким фронтом при поддержке множества танков. Как удалось выяснить, в этой атаке приняли участие шесть советских стрелковых дивизий и одна танковая бригада…
>
> Своего апогея вражеские атаки достигли 29 и 30 марта… Такими же ожесточенными были и бои на Угре (где с начала апреля был задействован 40-й мотоциклетный батальон)… Между тем с не меньшей ожесточенностью продолжались и бои в районе деревни Зининка. 5 апреля противник снова возобновил свои атаки в том районе, и его танки прорвались до шоссе

№ 1. Но затем они были отброшены назад. Впоследствии здесь разгорелись тяжелейшие бои. 12 апреля атака немецких войск произошла как раз в тот момент, когда две сибирские дивизии подтянутой к фронту свежей армии Советов занимали исходные позиции для наступления. 13 апреля эта армия перешла в наступление широким фронтом, бросив в бой большое количество танков. Как утверждали пленные, Сталин лично потребовал прорваться через шоссе и соединиться с кавалерийским корпусом Белова. Противник ворвался в деревню Зайцева Гора. Тяжелые танки снова вышли к шоссе и блокировали его. В связи с продолжавшимися ожесточенными боями на Угре командование армии считало этот день самым тяжелым за последние несколько месяцев. 14 апреля, развивая наступление, русские танки пересекли шоссе и устремились на север, в то время как с севера им навстречу двигалась группа Белова. При невозможности проведения крупных наступательных операций в период весенней распутицы и доставки предметов снабжения по проселочным дорогам передовые корпуса были бы на несколько недель отрезаны от всякого снабжения, если бы в тот же день не была организована контратака и не отбита расположенная на господствующей высоте деревня Зайцева Гора. Эту контратаку эффективно поддержали пикирующие бомбардировщики, которые сумели взлететь со своих аэродромов, несмотря на сильную метель. Уже началась оттепель. Войска оказались в чистом поле под снегом и дождем без оборудованных позиций. Но и в таких условиях русские попытались в последний момент склонить чашу весов в свою сторону. Вплоть до 18 апреля они продолжали свои атаки, бросая в бой свежие, только что прибывшие на фронт дивизии. Положение еще раз осложнилось до предела. Но немецкая пехота продолжала непоколебимо держаться… Немецкого солдата не смог сломить ни противник, имевший подавляющее численное преимущество и отлично оснащенный для ведения боевых действий в зимних условиях, ни разбушевавшаяся стихия… В ужасе зимних сражений, в саване бескрайних снежных пустынь России сыновья оказались достойны своих отцов, солдат Первой мировой войны».

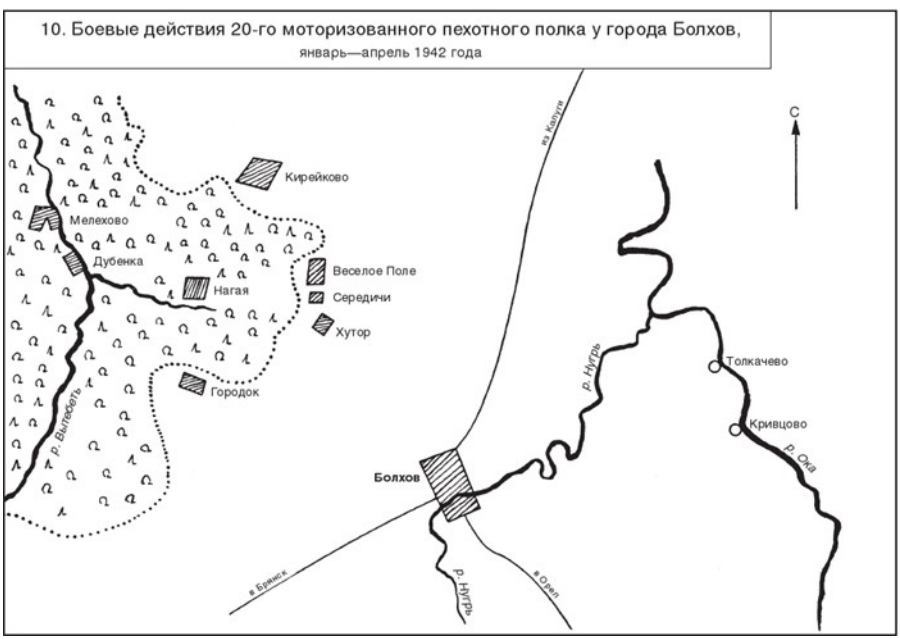
В начале мая 41-й моторизованный пехотный полк,

насчитывавший в своем составе всего лишь 6 офицеров, 20 унтер-офицеров и 137 рядовых, был снят с позиций у деревни Фомино, чтобы несколько дней отдохнуть и продолжить прерванное доукомплектование.

В эти дни уважаемый всеми военнослужащими дивизии командир, генерал-лейтенант Лёпер, получил назначение на другую ответственную должность.

Боевые действия усиленного 20-го моторизованного пехотного полка в районе Болхова с января по апрель 1942 года

Как уже упоминалось выше, главные силы 20-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона и двух третей 13-й роты) под командованием майора Кёнига вместе с 4-й танковой дивизией 31 декабря 1941 года в ходе успешной атаки восточнее Болхова отбросили русских на восток за Оку, а затем силами 1-го батальона (обер-лейтенанта Хадереккера) и 3-го батальона (обер-лейтенанта Херинга) заняли оборону по обе стороны от деревни Кривцово. В распоряжении полка находились следующие артиллерийские части: 10-я рота 86-го артиллерийского полка, 8-я рота 10-го моторизованного артиллерийского полка, 9-я рота 53-го полка реактивных минометов и 6-я рота 119-го артиллерийского полка.



Время до 14 января было посвящено, наряду с отражением многочисленных вражеских атак, инженерному оборудованию позиций. Земля промерзла на полтора метра, и приходилось работать в лютый холод, но, даже несмотря на применение взрывчатки и мин при рытье окопов и установке колючей проволоки, это была чрезвычайно утомительная работа. Солдаты

строили снежные хижины, похожие на эскимосские иглу, чтобы хоть немного защититься от ледяного, пронизывающего ветра и холода. В эти дни подполковник Майдорн вновь взял на себя командование полком. Вместо погибшего 31 декабря обер-лейтенанта фон Вердена новым адъютантом полка был назначен обер-лейтенант Бюргер.

Едва 20-й моторизованный пехотный полк успел кое-как оборудовать свои позиции, как 15 января он был переброшен на новый участок фронта, находившийся в 6 километрах севернее. Здесь пришлось заново оборудовать позиции. К счастью, противник вел себя относительно спокойно, за исключением артиллерийских обстрелов и частых вылазок разведывательных дозоров. Но и на новой позиции полк оставался недолго. Уже 21 января для использования в иных целях из состава полка был выведен 3-й батальон и заменен двумя ротами плохо обученных пехотному искусству артиллеристов 10-го моторизованного артиллерийского полка, орудия которых были выведены из строя. 23 января 258-й пехотный полк сменил и остальные подразделения 20-го моторизованного пехотного полка.

Развитие событий западнее Болхова потребовало введения 20-го моторизованного пехотного полка на так называемом Западном фронте. В последние дни Советам удалось осуществить глубокое вклинение западнее Болхова. Они намеревались двинуться на Орел западнее Болхова, чтобы вызвать обрушение всего фронта южнее Орла. В лютый холод при 35-градусном морозе и пронизывающем северном ветре батальоны 20-го моторизованного пехотного полка двинулись по глубокому снегу через Болхов на северо-запад и заняли позицию на рубеже Веселое Поле (1-й батальон) – Середичи – Хутор (3-й батальон) фронтом на запад. Перед самыми позициями полка раскинулся огромный лесной массив, в глубь которого прорвались соединения русских, наступавшие с севера. Командование 56-й пехотной дивизии, которой теперь был подчинен 20-й моторизованный пехотный полк, приказало 8 февраля атаковать в западном направлении и захватить деревню Нагая, чтобы перерезать вражеский путь подвоза. В ходе атаки 8 февраля был ранен обер-лейтенант Херинг, а затем атака полка окончательно захлебнулась из-за отсутствия артиллерийской поддержки в густом, нашпигованном минами лесу и из-за упорного сопротивления противника. И только к вечеру 10 февраля в ходе ожесточенного боя за каждый дом удалось сначала 3-й роте (обер-лейтенанта Хесселя), а затем и всему 1-му батальону занять северную часть деревни Нагая и удержать ее, отбив ночные контратаки противника. На рассвете 11 февраля в ходе

неожиданной стремительной атаки по сходящимся направлениям (1-й батальон с севера, а 3-й батальон с востока) была захвачена вся деревня.

В этот же день перешли в атаку 56-я пехотная дивизия и отдельные подразделения дивизии «Гроссдойчланд» («Великая Германия»), чтобы снова отбросить противника на север. 20-й моторизованный пехотный полк тоже присоединился к этой атаке, в ходе которой русские были отброшены на рубеж Мелехово (3-й батальон) – Дубенка (1-й батальон). После этого атака застопорилась. Но затем иссякла и наступательная мощь Советов. И обе противоборствующих стороны перешли к обороне. В этот день вместо заболевшего подполковника Майдорна командование 20-м моторизованным пехотным полком взял на себя подполковник Вальтер, который раньше во время боев на шоссе командовал боевой группой, действовавшей в составе 10-й моторизованной пехотной дивизии. Капитан доктор Крегело стал командиром 3-го батальона.

Последующие несколько недель прошли в инженерном оборудовании позиций и в проведении разведывательных поисков. Из-за большой протяженности участка 20-го моторизованного пехотного полка пришлось организовать оборону в виде отдельных опорных пунктов. Протяженные промежутки между отдельными опорными пунктами приходилось контролировать с помощью разведывательных дозоров.

Противник моментально воспользовался этой слабостью немецкого оборонительного рубежа. 15 марта произошло нападение двух русских рот, которые просочились сквозь многочисленные бреши, на деревню Дубенка, в которой находились командный пункт полка и 1-й батальон. Но часовые были начеку и тотчас подняли тревогу. В скоротечном бою Советы были отброшены в поросший лесом овраг и там разбиты огнем батареи 210-мм мортир.

28 марта 1-й батальон был поднят по тревоге и на грузовиках командования армии переброшен на так называемый Восточный фронт, где противнику удалось вклиниться у деревни Толкачево и захватить плацдарм на берегу Оки. Вместе с 112-й пехотной дивизией утром 31 марта четыре батальона, в том числе и 1-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка, неожиданно пошли в атаку. В течение двух часов место вклинения было блокировано, а плацдарм был зачищен и снова перешел в руки немецких войск.

После окончания этого боя 1-й батальон опять вернулся в состав родного полка.

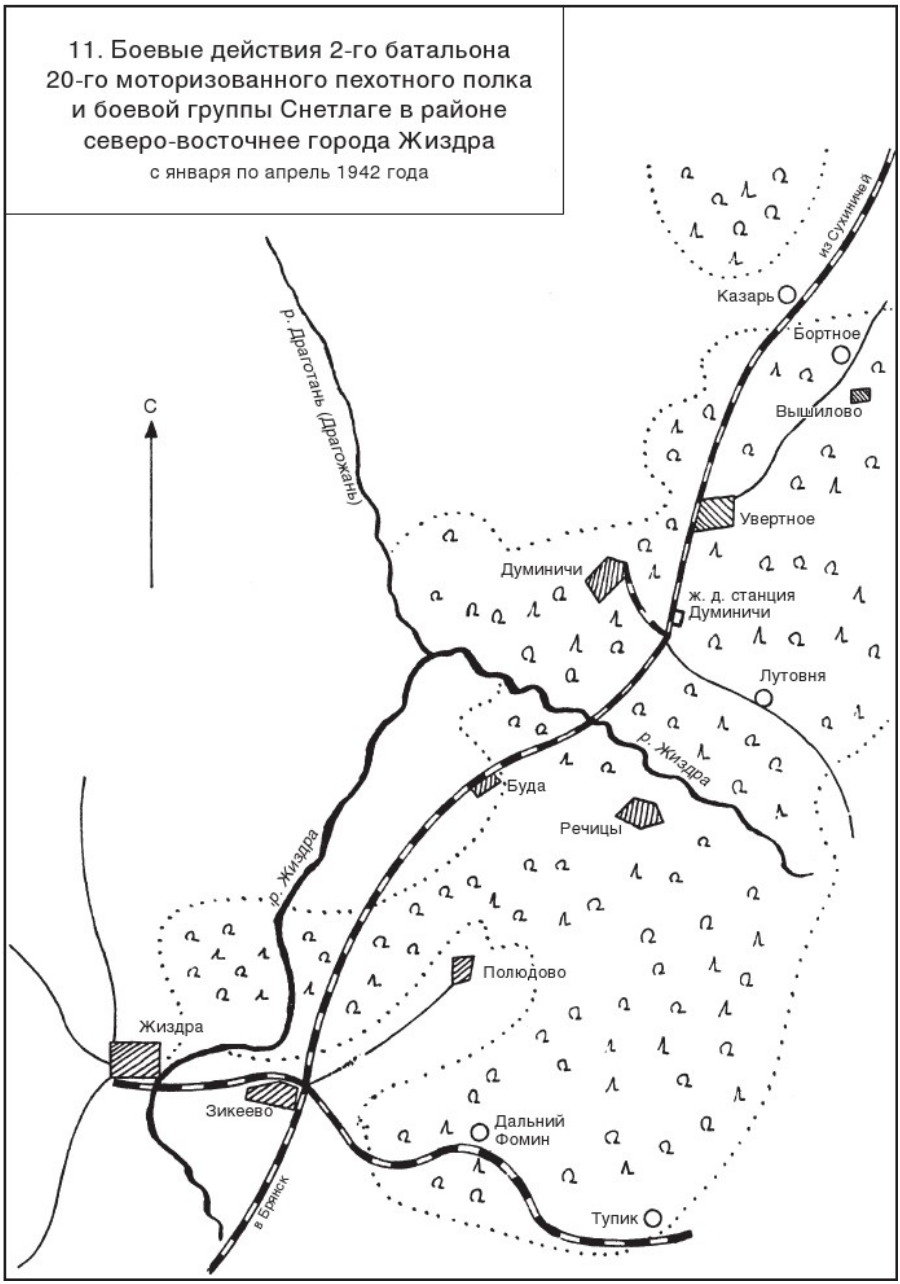
В начале апреля полк был сменен и, к всеобщей радости,

отправлен маршем в расположение 10-й моторизованной пехотной дивизии. Как командующий 2-й танковой армией, так и командир LIII армейского корпуса тепло попрощались с полком и выразили ему свою благодарность и признательность за успехи, достигнутые полком за прошедшие три месяца.

С первыми «прелестями» весенней распутицы полк познакомился еще во время марша по непроезжим дорогам, когда двигался в сторону Орла. В первые майские дни он был переброшен по железной дороге в Рославль, куда прибыл 19 мая. После нескольких дней отдыха полк был выдвинут по заплывшей грязью дороге к передовой, а затем сразу же введен в действие на участке фронта 10-й моторизованной пехотной дивизии.

Боевые действия усиленного 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка под Жиздрой

С конца декабря 1941 года советские соединения, прорвавшиеся с востока между 2-й танковой армией и 4-й армией, продвигались южнее Сухиничей вдоль железной дороги в сторону Брянска. В ночь с 3 на 4 января 1942 года батальоны (2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка и 3-й батальон 691-го пехотного полка), используемые для охраны железной дороги в районе железнодорожной станции Думиничи, были окружены русскими и в ожесточенной борьбе отбивали яростные атаки противника. Для деблокирования этих батальонов командование XXIV танкового корпуса направило 39-й танковый полк (правда, без танков!) под командованием полковника Куно. Полк выступил 5 января и успешно справился с поставленной задачей. Вслед за этим по приказу командования корпуса он отошел в Жиздру. 8 января группа Куно вместе с 2-м батальоном 20-го моторизованного пехотного полка выступила на восток в направлении населенного пункта Зикеево, где попал в окружение 3-й батальон 338-го пехотного полка. И эта операция по деблокированию окруженного батальона прошла успешно. 10 января полковник Куно продолжил наступление на восток, при этом 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка сумел захватить деревню Дальний Фомин.



16 января по приказу командира 208-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Шееле, группа Куно продолжила атаку в северо-восточном направлении. Между тем к группе Куно присоединилась прибывшая тем временем боевая группа Снетлаге 10-й моторизованной пехотной дивизии, сформированная из 10-го разведывательного батальона, отдельных частей 10-го моторизованного саперного батальона и подразделений 10-го

истребительно-противотанкового дивизиона. В последующие дни в ходе временами очень упорных боев был захвачен целый ряд населенных пунктов. Так, например, 18 января 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка занял деревню Полюдово, а 19 января боевая группа Снетлаге захватила деревню Щигры. Сам полковник Куно 17 января наступил на противопехотную мину и потерял правую ногу. Еще во время нахождения на перевязочном пункте он получил из рук генерала танковых войск фон Лангермана Рыцарский крест Железного креста. После войны, вспоминая об этих боях, полковник Куно написал автору: «У противника было около трех дивизий плюс примерно тысяча партизан. Наши войска – это 2-й батальон 337-го пехотного полка и 2-й батальон 338-го пехотного полка, прибывшие с Западного фронта и не имевшие никакого боевого опыта, а также 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка, насчитывавший около 200 бойцов, отлично оснащенный и перевозивший свое тяжелое оружие на санях. Этим батальоном командовал обер-лейтенант Хегерль, на которого всегда можно было положиться».

В последующие дни в ходе постепенно развивавшегося наступления противнику удалось выйти к железнодорожной линии Сухиничи – Брянск. Русские снова и снова пытались захватить эту важную железнодорожную ветку. Особенно тяжелый бой разгорелся за железнодорожную станцию Думиничи, которую захватил и удерживал 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка. Этот батальон, имевший богатый опыт ведения боевых действий на Восточном фронте, служил примером и опорой для необстрелянных батальонов, прибывших из Франции. Бревенчатые дома этой железнодорожной станции были подготовлены к длительной обороне. Раскинувшиеся вокруг огромные леса предоставляли советским войскам и партизанам возможность для внезапного нападения и установки густых минных полей; русские часто использовали мины в деревянном корпусе, на которые не реагировали немецкие миноискатели.

28 января майор Кёниг снова принял командование 2-м батальоном 20-го моторизованного пехотного полка. 29 января 2-й батальон, усиленный артиллерийским дивизионом и батареей реактивных минометов, предпринял успешную атаку на деревню Лутовня и выбил русских из деревни.

5 февраля этот батальон был сменен 1-м батальоном 365-го пехотного полка и приступил к охране железнодорожной станции Увертное, которая, к всеобщему облегчению, находилась на открытом пространстве вдали от леса и которую было легко оборонять.

18 февраля майору Кёнигу было поручено командовать 337-м пехотным полком, находившимся на этом же участке фронта. Капитан Хегерль вновь возглавил 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка.

С 18 по 26 февраля 2-й батальон, усиленный 1-й ротой 10-го разведывательного батальона, 5-й ротой 40-го мотоциклетного батальона, 2-й ротой 338-го пехотного полка и 1-й ротой 337-го пехотного полка, выполнял задания по охранению и вел оборонительные бои в районе населенных пунктов Бортное и Казарь.

Период с 1 по 17 марта прошел в постоянных боях с превосходящими силами противника, вооруженного тяжелыми танками, против которых у немецких войск не было никаких эффективных оборонительных средств. Населенные пункты Казарь и Бортное перешли в руки противника, однако линию фронта удалось удержать.

19 марта противник провел мощную атаку на деревню Вышилово, но при эффективной поддержке артиллерии 5-я рота 40-го мотоциклетного батальона сумела удержать ее.

С 26 марта по 1 апреля в ненастную погоду начался отвод всего участка фронта за реку Жиздру и в район деревни Буда.

4 мая батальон был снят с фронта и отведен в город Жиздра на десятидневный отдых, в котором он после многомесячных боев крайне нуждался.

Вплоть до 6 июня батальон нес охранную службу в районе села Букань, а затем автомобильным транспортом был перевезен в Рославль к своей дивизии. И только после очередного боя против партизан в районе Рославля на реке Присмара 2-й батальон 30 июня вернулся в состав своего 20-го моторизованного пехотного полка, занимавшего участок обороны у деревни Бахмутово.

Успешные боевые действия бойцов батальона и 5-й роты 40-го мотоциклетного батальона были отмечены в многочисленных похвальных грамотах командира 18-й танковой дивизии, генерал-майора фон Тюнгена, и командира 208-й пехотной дивизии, генерал-майора фон Шееле. Исполнявший обязанности командира 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка капитан Хегерль получил за свои образцовые действия в бою за деревню Казарь поощрительную грамоту от самого Гитлера.

Боевые действия 40-го мотоциклетного батальона в составе XIII армейского корпуса на Угранском фронте в апреле 1942 года

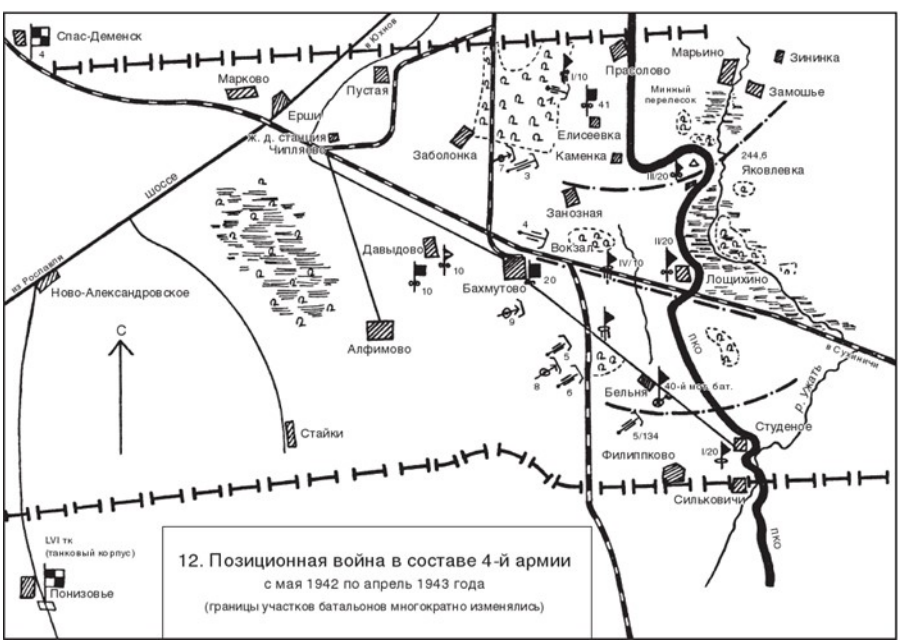
3 апреля дислоцированный в деревне Милятино 40-й мотоциклетный батальон (без своих 3-й и 5-й рот) был поднят по тревоге и переброшен в район позади участка 268-й пехотной дивизии, где со 2 апреля Советы непрерывно атаковали у деревни Красная Горка (20 километров северо-западнее Юхнова) и захватили плацдарм западнее замерзшей Угры.

8 апреля 40-й мотоциклетный батальон действовал по обе стороны от деревни Большое Устье (18 километров северо-западнее Юхнова) и в последующие дни успешно отразил множество атак противника. Эти атаки проводились не только с востока, здесь речь шла и об отчаянных попытках отдельных частей окруженного корпуса Белова прорваться на восток. Из-за начавшейся оттепели река Угра стала непреодолимым препятствием для советских танков.

Стрелковые окопы, траншеи и большинство укрытий тоже наполнились водой, и бойцы были вынуждены неделями не вылезать из сырого обмундирования и носить прохудившиеся сапоги. Все пути подвоза развезло до такой степени, что временами приходилось снабжать боевые части по воздуху. Но из-за весенней распутицы и противник был вынужден прекратить свои атаки. В конце апреля 40-й мотоциклетный батальон вернулся в состав дивизии, которая в начале мая была задействована южнее шоссе № 1 для ведения позиционных боев.

Год позиционной войны в полосе 4-й армии с мая 1942 по апрель 1943 года

25 апреля 1942 года генерал-майор Шмидт, который в качестве командира 20-го пехотного полка относился к командному составу 10-й дивизии еще с января 1939 года и до своего ранения на Десне 27 августа 1941 года, после выздоровления был назначен командиром 10-й моторизованной пехотной дивизии. Во время своей поездки на фронт 2 мая 1942 года он представился главнокомандующему группой армий «Центр», фельдмаршалу фон Клюге, который подробно проинформировал его о положении в целом, а также о положении в 4-й армии (командующий – генерал-полковник Хейнрици) и, в частности, в 10-й моторизованной пехотной дивизии. В ответ на настоятельную просьбу командира дивизии главнокомандующий группой армий, а позднее и командующий 4-й армией обещали вернуть в состав его дивизии все те воинские части, которые в настоящее время сражались на других участках фронта в составе чужих соединений. Одновременно генерал-майор Шмидт был проинформирован о том, что в ближайшие дни планируется передислокация его дивизии на юг.



Вечером 5 мая, после преодоления казавшихся бесконечными

трудностей пути, генерал-майор Шмидт прибыл на командный пункт дивизии в деревне Милятино, где его радостно приветствовали офицеры штаба дивизии, которых он хорошо знал еще с тех времен, когда командовал 20-м пехотным полком.

В свою очередь, исполнявший обязанности командира дивизии полковник Траут был назначен командиром одной из пехотных дивизий.

Последующие дни были посвящены приему воинских частей дивизии, находившихся в окрестностях деревни Милятино, обходу позиций у деревни Фомино и рекогносцировке нового участка фронта дивизии между населенными пунктами Студеное и Прасолово.

Период весенней распутицы был в самом разгаре. Шоссе № 1 утонуло в грязи и трясине и стало намного уже из-за высоких снежных бордюров на обочинах. Даже бревенчатые настилы мало помогали. Пришлось ввести на шоссе одностороннее движение, при котором по четным дням транспорт с большим трудом продвигался к фронту, в то время как по нечетным дням происходила эвакуация раненых в тыл. Как наши, так и советские войска почти не проявляли активности. Боевая деятельность ограничивалась разведывательными операциями местного значения и артиллерийским и минометным огнем.

Полным ходом шла подготовка к передислокации дивизии на новый участок фронта. Началось возвращение в состав дивизии воинских частей, задействованных в других местах.

9 мая 41-й моторизованный пехотный полк был снят с участка фронта у деревни Фомино для краткосрочного отдыха и доукомплектования. Благодаря только что прибывшему пополнению численность подразделений полка удалось довести до более или менее приемлемых значений. Потрясенный до глубины души командир дивизии приветствовал маленькую кучку бойцов, оставшуюся от некогда полноценного полка. Сейчас же перед ним стояли 6 офицеров, 20 унтер-офицеров и 137 рядовых. Но все они были закаленными в боях, стойкими воинами, на которых можно было всегда положиться. Похожим образом обстояло дело с численностью и вооружением и в остальных подразделениях дивизии.

12 мая командный пункт дивизии был перенесен в деревню Марково позади нового участка фронта, который до прибытия остальных соединений, сражавшихся на других участках, дивизия должна была оборонять силами 41-го моторизованного пехотного полка и 557-го и 558-го пехотных полков, а также при поддержке соответствующей артиллерии.

Здесь следует привести подробное описание нового участка

фронта, который дивизия – за исключением небольших изменений – обороняла вплоть до апреля 1943 года. Ширина полосы обороны дивизии составляла около 30 километров, но ввиду малой численности рот это был чрезвычайно протяженный участок. Из оборонительных сооружений здесь имелось лишь несколько сохранившихся после зимних боев долговременных огневых сооружений, которые находились в деревнях, расположенных вдоль линии фронта. Обширные участки местности между этими деревнями, где имелись лишь короткие линии траншей с несколькими блиндажами, приходилось охранять с помощью разведывательных дозоров. Поэтому первоочередной задачей дивизии было сооружение и инженерное оборудование по возможности сплошной передней линии обороны с блиндажами. Затем можно было бы приступать к инженерному оборудованию оборонительного рубежа в глубине. Это был настоящий сизифов труд ввиду малой численности рот и отсутствия каких-либо резервов.

С точки зрения рельефа местности южная половина участка была открытой, поэтому и мы, и противник имели хорошие возможности наблюдения за ближним тылом. В центре участка перед нашими позициями протекала река Ужать, которая в период весенней и осенней распутицы представляла собой надежное противотанковое препятствие.

Северная половина участка с обеих сторон линии фронта была покрыта заболоченными перелесками, поэтому видимость была здесь ограничена и противник не мог наблюдать за перемещениями частей дивизии. В общем и целом здесь позиции были оборудованы гораздо лучше. Правда, в некоторых заболоченных местах они были оборудованы не в земле, а на специальных настилах, и личный состав размещался в бревенчатых избах. Этот участок защищали густые минные поля и засеки.

В трех местах противник располагался совсем близко от немецкой линии обороны: у деревень Лощихино, Яковлевка с высотой 244,6, за которую вскоре разгорелись ожесточенные бои, и Каменка, где противник закрепился в раскинувшихся перед самой деревней трех перелесках. В остальных местах вражеские позиции располагались на расстоянии от 300 до 800 метров от не6 А. Шмидт мецкого переднего края обороны и благодаря благоприятным условиям местности для наблюдения хорошо просматривались.

Особое преимущество для снабжения позиций предоставляла одноколейная железнодорожная ветка, которая проходила от железнодорожной станции Чипляево через станцию Занозная в

юго-восточном направлении в сторону позиций противника. У деревни Лощихино она пересекала линию фронта, а затем на протяжении нескольких сот метров была разобрана. Другая рельсовая нитка поворачивала от Занозной на юг в сторону Кирова и примерно на протяжении трех километров проходила по эту сторону линии фронта вдоль немецких позиций. По ней по ночам можно было доставлять на передовую даже товарные вагоны, а днем бойцы могли добираться на маленькой дрезине почти до передовых позиций у деревни Лощихино. В период весенней и осенней распутицы это было поистине неоценимое преимущество. Правда, железнодорожная станция Занозная довольно часто подвергалась артиллерийским обстрелам со стороны противника.

В середине мая проливные дожди возвестили о наступлении весны. Вскоре все блиндажи затопила вода, а немногие из имевшихся траншей обрушились. Снег исчез буквально за несколько дней. Вместо него вскоре появилась густая зеленая трава, а на заболоченных лугах расцвели тысячи ярко-желтых цветов калужницы болотной. А на Духов день (24 мая) многочисленные березки уже покрылись чудесной, свежей зеленью. Вокруг порхали бабочки и носились певчие птицы. Воздух был наполнен жужжанием миллионов маленьких комаров и мошек, которые с остервенением набрасывались на людей, доставляя им ужасные мучения. Пышная зелень и благоухание природы заставили и людей быстро забыть страдания войны. Во всех укромных местах, скрытых от взора противника, солдаты загорали, раздевшись до пояса, или избавлялись от паразитов, которые в изобилии водились в каждой русской крестьянской избе.

Начиная со второй половины мая начали постепенно прибывать и другие части дивизии: так, например, 16 мая прибыл 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка под командованием майора запаса доктора Крегело, несмотря на свой пожилой возраст, энергичного и строгого офицера; 18 мая появился командир 20-го моторизованного пехотного полка, подполковник Вальтер, со своим штабом; 19 мая из Германии прибыли два запасных батальона под командованием майора Рихтера (41-й моторизованный пехотный полк); 23 мая прибыл 1-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка под командованием капитана Хадереккера; примерно в это же время в расположение дивизии прибыл 40-й мотоциклетный батальон под командованием майора Кёнига, а в начале июня – 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка под командованием капитана Хегерля. К сожалению, всем этим воинским частям было

предоставлено всего лишь несколько дней отдыха. Вскоре им пришлось занять те участки переднего края обороны в полосе дивизии, которые до этого занимали части других дивизий (331, 216 и 267-й пехотных дивизий).

40-й мотоциклетный батальон и 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка сразу же были использованы в операции по уничтожению действовавшей в тыловом районе 4-й армии группы Белова, которая с каждым днем становилась все сплоченнее. 24 мая в сильный ливень пять немецких дивизий пошли в атаку. Во многих местах противник оказывал чрезвычайно упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялись парашютисты-десантники и кавалеристы. Ход операции осложнялся из-за непролазной грязи и вздувшихся рек и речушек. Только 22 июня можно было считать операцию против группы Белова завершенной. Это была борьба против крупной боевой группы постоянного состава с централизованным управлением.

К сожалению, 25 мая полковник Вальтер сломал себе малую берцовую кость и лодыжку и выбыл из строя на несколько месяцев. На это время командование 20-м моторизованным пехотным полком было поручено майору Кёнигу, который еще во время зимних сражений отлично зарекомендовал себя в качестве исполняющего обязанности командира этого полка.

До возвращения 40-го мотоциклетного батальона и 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка приходилось использовать на передовой все батальоны. Каждый полк смог выделить в качестве местного резерва только по одной роте. Позднее удавалось, по меньшей мере хотя бы временно, выделять в резерв попеременно один из батальонов, так что нагрузка на батальоны не была уже такой большой. Этот батальон должен был постоянно находиться в полной боевой готовности и как резерв армии. Для командования и для личного состава это было время некоторого затишья. Правда, и теперь работы было больше чем достаточно.

Наряду с важнейшей задачей по управлению боевыми действиями на долю командования дивизии выпадали следующие обязанности:

организация боевой подготовки личного состава дивизии для ведения позиционной борьбы. Неоценимое значение имело то обстоятельство, что, по крайней мере, командиры полков и некоторых батальонов оказались участниками Первой мировой войны и смогли поделиться с личным составом и с молодыми офицерами своим богатым опытом в области ведения позиционной войны;

оборудование позиций. В ближайшие месяцы предстояло оборудовать не только передний край обороны и установить перед ним заграждения и минные поля, но и создать глубину обороны путем сооружения опорных пунктов различного вида в промежутках между позициями. Позднее должна была быть оборудована и отсечная позиция. Ввиду напряженной службы на позициях, ослабления боевых частей, чрезвычайной протяженности участка и отсутствия более крупных резервов приходилось требовать от каждого бойца максимальной самоотдачи.

Особенно трудной задачей для командования оказалось восстановление дивизии в качестве моторизованного соединения. Как известно, во время зимних сражений вышли из строя почти все транспортные средства. Вся дивизия, за редким исключением, превратилась в пешее соединение, которое с трудом передвигалось на лыжах и санных упряжках. Теперь постепенно, мелкими партиями, начали поступать автомобили, и командование дивизии должно было тщательно продумать, как распределить их среди своих подразделений.

Затем предметом постоянных забот командования дивизии была служба снабжения. Весенняя распутица и частые проливные дожди сделали шоссе, эту жизненно важную артерию 4-й армии, почти непроезжим. Даже объявление его «дорогой с односторонним движением» не принесло большой пользы. При этом как раз позиционная война требовала создания дополнительных запасов боеприпасов, продовольствия, обмундирования и стройматериалов для оборудования позиций, для перевозки которых требовалось большое количество транспортных средств. В том, что все эти потребности дивизии были в достаточной мере удовлетворены, была большая заслуга службы тыла и командира подразделений и частей снабжения, подполковника доктора Райхерта.

Также надо было познакомить личный состав дивизии с методами организации длительной обороны и ведения позиционной войны. Ведь с первого дня войны дивизия в основном наступала и только в последние зимние месяцы вела сковывающие боевые действия, научилась отрываться от противника и поэтапно отступать – часто под сильнейшим давлением со стороны неприятеля. Теперь нужно было привить войскам мысль об удержании позиций любой ценой, в том числе и после сильнейшей вражеской артиллерийской подготовки, познакомить их с применением оружия при обороне и с особенностями позиционной войны. Пополнение, которое получили обескровленные в зимних сражениях подразделения

дивизии, имело недостаточную боевую подготовку. Боеспособность батальонов значительно снизилась. Поэтому, несмотря на напряженную службу на позициях, надо было усиленно заниматься боевой подготовкой. Обучение владению оружием часто происходило прямо на позициях, на передовой. Постепенно снова удалось восстановить боеспособность соединений, и теперь они уже в полной мере отвечали требованиям, предъявляемым войскам во время сражений.

События июня 1942 года

Положение противника. Несмотря на свое численное превосходство, противник не мешал смене немецких соединений, и весь июнь его пехота вела себя – за исключением отдельных рейдов и разведывательных вылазок и двух атак более крупными силами – в общем и целом спокойно. Его боевая деятельность ограничивалась и днем и ночью минометными обстрелами и работой снайперов. Значительно активнее вела себя вражеская артиллерия, которая постоянно обстреливала не только позиции дивизии, но и находившиеся вблизи линии фронта населенные пункты и, прежде всего, железнодорожную станцию Занозная. И советские военно-воздушные силы время от времени были очень активны. Главной целью их налетов были шоссе и железнодорожная станция Чипляево. Советские легкие ночные бомбардировщики, получившие меткое прозвище «шоссейные вороны», которых солдаты не очень опасались, почти каждую ночь сбрасывали свои маленькие бомбы на шоссе, однако они были не в состоянии серьезно нарушить движение автомобильного транспорта.

Положение немецких войск. 10-я моторизованная пехотная дивизия входила в состав 4-й армии (командующий – генерал-полковник Хейнрици) и непосредственно подчинялась LVI танковому корпусу (командир – генерал танковых войск Шааль), командный пункт корпуса находился в деревне Понизовье. В состав этого корпуса также входили (справа налево): 331-я пехотная дивизия (командир – генерал-лейтенант доктор Байер), 131-я пехотная дивизия (командир – генерал-лейтенант Майер-Бюрдорф), 10-я моторизованная пехотная дивизия и 267-я пехотная дивизия (командир – генерал-майор Штефан).

В первые дни июня командующий 4-й армией и командир LVI танкового корпуса снова приехали в дивизию, чтобы познакомиться с личным составом, дать свои указания по ведению боевых действий и получить представление о противнике и рельефе местности.

В ночь с 4 на 5 июня противник предпринял разведывательный поиск силой до роты на участке 3-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка у деревни Елисеевка. Однако эта вылазка неприятеля была отбита заградительным огнем из всех видов оружия, Советы потеряли 25 человек убитыми и 16 пленными.

После нескольких дней привыкания к новому участку фронта и немецкая сторона начала проводить разведывательные поиски.

Целью этих поисков был захват пленных на местности между позициями или в результате прорыва вражеских позиций, чтобы постоянно держать вышестоящие инстанции в курсе дела о положении противника. Как раз в эти месяцы, когда развивалось немецкое наступление на юге, для высшего командования вермахта было чрезвычайно важно знать, снимает ли противник свои воинские части с данного участка фронта, чтобы послать подкрепление на юг. А появление здесь новых соединений могло свидетельствовать также и о том, что противник сам готовится к наступлению.

Ночью 17 июня бойцы 2-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка сбили пулеметным огнем русский самолет, пролетавший низко над позициями батальона, и захватили в плен пилота, советского лейтенанта.

Воскресенье, 21 июня, стало для дивизии хлопотным днем. В первой половине дня перебежавший на немецкую сторону советский пехотный лейтенант сообщил, что должна произойти атака крупных сил русских при поддержке 14 танков на деревню Студеное. В полдень, согласно донесениям наблюдателей, крупные силы противника выдвинулись вперед в долину реки Ужать напротив деревни Яковлевка. Этот выдающийся вперед угол немецких позиций с давних пор был предметом особой заботы командования дивизии. Поэтому оно сразу же приняло все необходимые меры для организации обороны. Особую трудность представляла организация противотанковой обороны, так как при плохом состоянии дорог и сложном рельефе местности требовалось произвести перегруппировку и без того немногочисленного противотанкового оружия.

Сначала советские соединения, занимавшие исходные позиции для атаки, подверглись массированному обстрелу из всех орудий 10-го моторизованного артиллерийского полка и других батарей, подчиненных дивизии. Но и противник открыл на участке фронта у деревни Яковлевка чрезвычайно сильный ответный артиллерийский и минометный огонь, который сровнял с землей немецкие траншеи и разрушил многие блиндажи. Затем два русских полка (120-й и 303-й стрелковые полки 69-й стрелковой дивизии) пошли в атаку на немецкие позиции, которые обороняло не более 150 бойцов. С наступлением темноты под оборонительным огнем из всех видов оружия вражеская атака захлебнулась в 100–200 метрах от переднего края немецкой обороны. В течение ночи оборона была организована заново, были подтянуты свежие резервы, пополнены запасы оружия и боеприпасов. Однако ожидавшаяся на рассвете новая атака русских так и не состоялась. Видимо, упорная немецкая оборона

и понесенные большие потери отбили у Советов охоту продолжать атаку на этом участке фронта. Только непосредственно перед немецкими позициями остались лежать не менее 150 убитых красноармейцев.

Из показаний пленных следовало, что благодаря прицельному огню немецкой артиллерии и пехотных орудий русские понесли большие потери, еще находясь на исходных позициях. 22 июня с немецких наблюдательных пунктов можно было видеть, как русские увозили на автомашинах своих раненых в тыл. Но и наши потери оказались значительными. Принимавшие участие в бою 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка под командованием майора Рихтера и 2-й батальон 558-го пехотного полка под командованием капитана Крашински потеряли вместе 20 бойцов убитыми и 30 ранеными.

А у деревни Студеное в этот день произошла слабая ложная атака, которая без труда была отбита. Русские нигде не вводили в бой свои танки. 22 июня 1942 года, спустя ровно год после того, как 4-я армия пересекла Буг, командующий 4-й армией, генерал полковник Хейнрици, издал приказ по армии, в котором он сначала вспомнил успешные наступательные операции лета 1941 года, в ходе которых 4-я армия вплотную подошла к Москве. Затем он напомнил о тяжелых арьергардных боях и об ожесточенных сражениях за шоссе № 1 в лютую зимнюю стужу. Приказ заканчивался словами:

> «Солдаты 4-й армии! Вы сделали гораздо больше, чем этого требовал ваш долг. Тем самым вы решили судьбу армии. Вы сорвали планы противника похоронить нашу армию в снегу. Это вы не позволили неприятелю прорваться зимой до самой границы Германии. Ваша беспримерная стойкость заложила основу для новых операций.
>
> Теперь зима закончилась. И перед нами будут поставлены новые задачи. Мы ждем их с осознанием нашего не потерянного даже в самые тяжелые часы превосходства над противником и с непоколебимой волей немецкого солдата к победе. Оба этих качества приводили вас до сих пор к успеху. Они же приведут вас к окончательной победе.
>
> Это необходимо для величия и будущего нашего немецкого народа.
>
> За Германию! За фюрера!
>
> Подписано: *Хейнрици*».

События июля 1942 года

2 июля в состав дивизии наконец вернулся 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка и находившаяся в его подчинении батарея 10-го моторизованного артиллерийского полка. Но уже день спустя этому батальону пришлось сменить на передовой подчиненный до сих пор дивизии 2-й батальон 558-го пехотного полка.

В ночь с 4 на 5 июля после удачного разведывательного поиска, проведенного 1-м батальоном 20-го моторизованного пехотного полка, наконец удалось добыть языка, бойца советского 882-го стрелкового полка. В ходе этого поиска без потерь с нашей стороны было уничтожено несколько вражеских блиндажей и убито около десяти красноармейцев. Вообще с этого момента обе стороны лишь усиленно занимались разведывательной деятельностью с целью добычи пленных, контроля ничейной земли и определения точного месторасположения оборонительных сооружений противника. День и ночь продолжалось наблюдение за противником с многочисленных наблюдательных пунктов артиллерии и тяжелого оружия, которые предоставляли командованию дивизии подробную картину поведения противника, передвижений на его позициях и смены воинских частей, что служило основой для принятия соответствующих ответных мер.

Деятельность артиллерии тоже была многообразной. Она подавляла одиночным или массированным огнем обнаруженные цели на позициях или батареях противника, день и ночь вела беспокоящий огонь по дорогам и блиндажам; вела огонь с запасных позиций и из пристрелочных орудий, чтобы не выдать противнику так называемые «боевые огневые позиции». И наконец, она поддерживала свою пехоту во время разведывательных поисков и при отражении вражеских атак.

В течение июля противник через громкоговорители неоднократно призывал немецких солдат переходить на его сторону следующими словами: «Сдавайтесь в плен Красной армии! Переходите к нам с оружием! Красная армия сохранит вам жизнь и после войны обещает отпустить вас на родину!»

Немецким военнопленным, многие годы томившимся в советском плену, пришлось на собственном горьком опыте убедиться в лживости советской пропаганды, обещавшей «хорошее обращение» с военнопленными.

10 июля в сводке вермахта, переданной по радио, упоминался успех, достигнутый 10-й моторизованной пехотной дивизией в

оборонительном бою 21 июня. В ней, в частности, говорилось:

> «После сильнейшей артиллерийской подготовки небольшая боевая группа отразила на центральном участке Восточного фронта атаку четырех советских батальонов на подступах к своим позициям и на позициях. Только непосредственно перед немецкими позициями остались лежать тела двухсот убитых красноармейцев. Из показаний пленных следовало, что еще больше советских солдат погибло от огня немецкой артиллерии».

13 июля после полугодичной разлуки с дивизией в ее состав наконец вернулся 10-й моторизованный саперный батальон, усиленный частями 10-го моторизованного артиллерийского полка. К сожалению, и ему удалось предоставить всего лишь один день отдыха. Уже 14 июля его пришлось использовать на позициях. Примерно в это же время в расположении дивизии появился и 40-й мотоциклетный батальон. В эти дни в него влились остатки 10-го моторизованного разведывательного батальона (штаб и три ослабленные роты). Но он все еще не был предоставлен в распоряжение дивизии. Под командованием своего недавно прибывшего нового командира, капитана Вальдемара Майера, он был задействован для патрулирования по обе стороны от шоссе. И только 28 июля он окончательно вернулся в состав дивизии, а уже 29 июля принял участок обороны у населенного пункта Гореловский, который до сих пор занимал части действовавшей севернее 267-й пехотной дивизии.

События августа 1942 года

В начале августа поступили первые приказы по крайней мере о частичной моторизации 10-й моторизованной пехотной дивизии.

По указанию командования армии в первую очередь должны были быть моторизованы: 40-й мотоциклетный батальон как передовой отряд, 10-й моторизованный артиллерийский полк, 10-й моторизованный истребительно-противотанковый дивизион, одна рота 10-го моторизованного саперного батальона, 10-й моторизованный батальон связи, штаб дивизии и подразделения начальника службы снабжения дивизии. 20-й и 41-й пехотные полки, а также остатки саперного батальона должны были по-прежнему довольствоваться гужевым транспортом. Большие трудности доставляло распределение постепенно поступавших транспортных средств, часть которых прибывала из Германии, а остальные – из других воинских частей, которые, разумеется, отдавали не самые лучшие автомобили. Однако настроение личного состава дивизии значительно улучшилось, так как солдаты надеялись, что в течение нескольких месяцев дивизия снова будет полностью моторизована.

Начавшееся в начале августа наступление Советов под Ржевом вызвало новое раздробление сил дивизии.

В период с 6 по 10 августа с позиций дивизии были сняты 41-й моторизованный пехотный полк и 40-й мотоциклетный батальон и в качестве армейского резерва отведены за линию фронта. За счет передачи этим воинским частям почти всех транспортных средств 20-го моторизованного пехотного полка и других соединений дивизии, оставшихся на позициях, была закончена их моторизация. Участки, которые занимали снятые с позиций подразделения, были приняты 476-й пехотной дивизией, а позднее – легким армейским батальоном под командованием капитана Греслера, укомплектованным солдатами, прошедшими лишь краткосрочную боевую подготовку. Дивизии просто повезло, что и Советы, по показаниям пленных и перебежчиков, снимали свои воинские части с этого участка фронта и, по всей видимости, перебрасывали их под Ржев.

Через несколько дней 40-й мотоциклетный батальон был снова подчинен дивизии и сменил все еще находившийся на позиции 3-й батальон 41-го моторизованного пехотного полка. 12 августа 41-й моторизованный пехотный полк был переброшен по железной дороге в Ржев и там уже в составе 9-й армии (командующий – генерал-полковник Модель) вступил в

тяжелейшие бои севернее Ржева. И только в декабре 1942 года он снова вернулся в состав дивизии. Ниже будет подробно рассказано о его выдающихся достижениях под командованием отважного командира, полковника Вебера.

Уже 17 августа 40-й мотоциклетный батальон был еще раз снят с позиций и в качестве полностью моторизованного резерва армии передислоцирован в деревню Алфимово. После включения в состав 40-го мотоциклетного батальона 10-го разведывательного батальона он состоял теперь из штаба батальона, 1-й роты (разведывательных бронеавтомобилей), 2-й роты на мотоциклах, 3-й и 4-й роты на велосипедах и 5-й (тяжелой) роты. 1-я рота сразу же была задействована для контроля за тыловым районом армии и в борьбе против постоянно появлявшихся партизан. Остаткам 40-го мотоциклетного батальона вменялось в обязанность, наряду с занятиями боевой подготовкой в качестве моторизованного резерва, проведение разведывательных поисков. Кроме того, они привлекались для строительства второй линии обороны, и вообще в последние месяцы весь личный состав дивизии занимался в первую очередь строительством позиций и инженерным оборудованием местности.

В середине августа из советских перебежчиков и пленных, которые добровольно изъявили такое желание, при отделе снабжения дивизии был сформирован рабочий взвод под командованием сдавшегося в плен советского офицера. Он использовался при строительстве позиций, а также для охраны и работы в тыловом районе дивизии и был относительно надежным. Позднее этот взвод был расширен и превратился в роту вспомогательных служащих вермахта, так называемых хиви, которые 14 сентября были приведены к присяге.

На фронте август прошел относительно спокойно, не считая обычных артиллерийских обстрелов и отдельных разведывательных поисков. С момента занятия дивизией новой позиции 15 мая на ее участке на немецкую сторону перебежало 150 красноармейцев, и было захвачено более 50 пленных.

Предметом постоянных забот командования дивизии была господствующая высота 244,6 севернее деревни Яковлевка. Боевые разведывательные группы противника постоянно прощупывали прилегающий к ней район. В последние месяцы путем прокладки потайных туннелей, так называемых сап, неприятель сумел подобраться к немецким позициям на расстояние 60 метров. Если начнется русское наступление, то тогда в полосе обороны дивизии высота 244,6, с которой открывался отличный обзор немецкого ближайшего тыла, без

сомнения станет самой желанной целью вражеской атаки. Поэтому на этом участке были сосредоточены основные оборонительные сооружения дивизии. Чтобы ускорить строительство позиций, командование дивизии сформировало из бойцов штабных подразделений и тыловых служб две рабочие роты.

Уже с середины августа начались работы по уборке урожая и созданию запасов на будущую зиму, ремонту блиндажей, доставке печек и заготовке топлива, подвозу зимнего обмундирования и продовольствия для бойцов и фуража для лошадей. Теперь уже не должно было случиться таких тяжелых срывов и неудач, как в прошлую зиму 1941/42 года.

В конце августа дивизия потеряла вследствие перевода на новую должность своих пятерых опытных офицеров. После возвращения полковника Вальтера командовавший 20-м моторизованным пехотным полком подполковник Кёниг был назначен командиром 15-го гренадерского полка, дислоцированного в Сталинграде. Место квартирмейстера, майора Генерального штаба Редмера, занял капитан Генерального штаба Розевих. Подполковник Райхерт, который входил в состав дивизии с момента ее формирования и в течение трех военных лет стал для нее просто незаменимым в качестве командира подразделений снабжения, был переведен в группу армий «Центр». На его место был назначен майор Рёль. Отлично зарекомендовавший себя в качестве адъютанта 20-го моторизованного пехотного полка, а также в качестве исполняющего обязанности командира батальона капитан Хегерль был командирован на курсы подготовки офицеров службы Генерального штаба. Наконец, адъютант дивизии, майор фон Шелих, который был надежной опорой для командира дивизии, был переведен на родину и зачислен в резерв Главного командования сухопутных войск (ОКХ) в качестве командира полка. На его место был назначен майор Хаус, хорошо зарекомендовавший себя в боях офицер 40-го мотоциклетного батальона.

События сентября 1942 года

10 сентября для оптимизации управления войсками командный пункт дивизии был переведен в деревню Давыдово, расположенную на 8 километров ближе к линии фронта. В этот же день противник силой до одной роты атаковал высоту 244,6. Но плотный заградительный огонь артиллерии и тяжелого оружия подавил эту атаку еще в зародыше. Только в двух местах русские успели выскочить из своих траншей, но, попав под смертоносный пулеметный огонь, тотчас вернулись на исходные позиции.

14 сентября 9-я рота 20-го моторизованного пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Майкслшпергера предприняла удачный разведывательный поиск. Было разрушено несколько вражеских блиндажей, убито 25 красноармейцев и захвачено трое пленных.

15 сентября дивизия была разбужена сильнейшим вражеским артиллерийским огнем, который продолжался более часа. В 5:30 утра Советы численностью примерно в 160 бойцов атаковали 1-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка, занимавшего позицию у деревни Студеное. Благодаря сосредоточенному огню из всех видов оружия находившейся в боевой готовности 3-й роты наступавшие были остановлены еще на дальних подступах к немецким позициям и возвратились в свои траншеи, оставив на поле боя около 30 убитых.

29 сентября 11-й ротой 20-го моторизованного пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Брандса был проведен разведывательный поиск против системы вражеских позиций северо-восточнее Яковлевки. При отличной артиллерийской поддержке ударный взвод под командованием лейтенанта Шенкеля ворвался на вражеские позиции, разрушил связками ручных гранат несколько блиндажей, укрытий и пулеметных гнезд, убил около 30 красноармейцев и, наряду с многочисленными трофеями, захватил пятерых пленных. Взаимодействие с 1, 2, 3, 4 и 7-й батареями 10-го моторизованного артиллерийского полка и тяжелым оружием 20-го моторизованного пехотного полка было образцовым.

Во время проведения всех этих разведывательных поисков выяснилось, что 20-й моторизованный пехотный полк и в позиционной войне не потерял своей наступательной мощи и по своей силе был равен 41-му моторизованному пехотному полку, который вел тяжелые бои под Ржевом. Здесь хотелось бы особо выделить отличное взаимодействие пехоты с артиллерией,

истребительно-противотанковым дивизионом и саперами.

Бои сентября снова показали, что деревня Яковлевка и высота 244,6 были и остаются важнейшим в тактическом отношении пунктом в полосе обороны дивизии. Тяжелое положение могло исправить только выдвижение вперед линии фронта. Поэтому командование дивизии решило – с одобрения командования LVI танкового корпуса – провести на этом участке атаку с ограниченной целью. В последние дни сентября полным ходом шла подготовка к проведению этой операции, проводились разведывательные мероприятия и совещания командного состава дивизии. Операция, получившая кодовое название «Ясменник», должна была начаться 6 октября. Руководить операцией было поручено полковнику Вальтеру, командиру 20-го моторизованного пехотного полка. В его распоряжение были предоставлены следующие воинские части: 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка, резервные роты 1-го и 2-го батальонов 20-го моторизованного пехотного полка, 2-я рота 10-го моторизованного саперного батальона, 3-я рота 40-го мотоциклетного батальона и отдельные подразделения 10-го моторизованного истребительно-противотанкового дивизиона. Атаку должна была поддержать вся имевшаяся в наличии артиллерия. Во время этой атаки должны были быть впервые использованы только что прибывшие тяжелые реактивные установки залпового огня. Это были 300-мм реактивные установки с чрезвычайно мощным разрывным зарядом, снаряженным огнесмесью. Пуски этих ракет производились с простой деревянной рамы, которую можно было быстро и легко установить в любом месте.

События октября 1942 года

Однако Советы опередили нас, не дав провести задуманную атаку! 4 октября в 14 часов усиленный 120-й стрелковый полк противника численностью около 400 бойцов неожиданно атаковал высоту 244,6 и немецкие позиции под Яковлевкой. Русские ворвались на наши боевые позиции, где завязалась ожесточенная и для обеих сторон кровопролитная рукопашная схватка. Противник постоянно подтягивал из глубины своей обороны свежие резервы и поддерживал атаку плотным артиллерийским огнем по тыловым немецким позициям. В результате ответного контрудара взвода 3-й роты 40-го мотоциклетного батальона, а также 10-й и 11-й рот 20-го моторизованного пехотного полка, поддержанного эффективным артиллерийским огнем, противник был взят в клещи и после ожесточенного боя снова выбит с немецких позиций. Обратившиеся в бегство красноармейцы вернулись на свои исходные позиции. В немецких траншеях были обнаружены тела 42 погибших красноармейцев, а 10 солдат противника попали в плен. Из показаний пленных и донесений наших наблюдателей стало известно, что 80 убитых и много раненых советских солдат осталось лежать в русских траншеях и перед немецкими позициями. В качестве трофеев было захвачено много оружия и технического имущества. Правда, и наши потери оказались тяжелыми. Дивизия потеряла 29 человек убитыми, 57 ранеными, и 4 бойца пропали без вести.

5 октября в своем приказе командир дивизии выразил благодарность и свою признательность всем воинским частям, принимавшим участие в этом бою, но прежде всего тем, кто сражался на передовой. Умелым командованием и проявленной храбростью отличились: майор доктор Крегело, обер-лейтенант Брандс, обер-лейтенант Фрёшман, лейтенант Шенкель (20-й моторизованный пехотный полк), лейтенант Блюм и лейтенант Нидермайер (40-й мотоциклетный батальон), а также многие унтер-офицеры и рядовые.

6 октября на солдатском кладбище в деревне Давыдово состоялись торжественные похороны павших товарищей, в том числе лейтенанта Шайбнера из 10-го артиллерийского полка. Благодаря основательной подготовке к операции «Ясменник» дивизия смогла уже 7 октября нанести решающий контрудар, который позволил снять с повестки дня опасность высоте 244,6. В 16:24 был произведен пуск 160 тяжелых ракет по так называемому Минному перелеску, а затем 10-й моторизованный

артиллерийский полк установил огневую завесу позади перелеска и по обе стороны от него. Спустя четыре минуты усиленный 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка стремительно атаковал со своих исходных позиций и в упорной борьбе сумел взять объекты атаки, определенные приказом: восточный ров, высоту «Амберг», «Минный перелесок и лес в пойме реки. С наступлением темноты взятая позиция была полностью в руках бойцов 3-го батальона. Понеся тяжелые потери, противник отступил назад, в некоторых местах красноармейцы были обращены в паническое бегство. Всю ночь повсюду активно велись окопные работы, чтобы к рассвету успеть зарыться в землю. На рассвете Советы действительно пошли в наступление, но все их контратаки были остановлены перед новыми позициями массированным оборонительным огнем.

Захваченные русские позиции оказались оборудованы значительно хуже, чем немецкие. Блиндажей было очень мало, сами транши были неглубокими, в них можно было укрыться только по грудь. В русских траншеях было обнаружено около 150 убитых красноармейцев. В руки к немцам попало 45 пленных, в том числе 4 офицера. Они подтвердили, что 4 октября советские войска должны были окончательно овладеть высотой 244,6. Они сообщили также об ужасном физическом и психологическом воздействии тяжелых ракет на личный состав. В этих боях снова отличились обер-лейтенант Брандс, обер-лейтенант Майкслышпергер и лейтенант Шенкель.

В этом месяце дивизия потеряла еще одного опытного командира 10-го моторизованного артиллерийского полка, полковника Вёснера, которого перевели на другую должность. Его преемником стал пользовавшийся отличной репутацией полковник Аккеман, слава о котором опережала его самого.

Последующие дни были посвящены оборудованию новых позиций. Противник вел себя абсолютно спокойно и не сделал больше ни одной попытки вернуть себе высоту 244,6. Командующий 4-й армией и командир LVI танкового корпуса, которые уже на следующий день обошли захваченные позиции, выразили дивизии свою безграничную признательность.

Для дивизии низкая активность противника была как нельзя кстати, так как все силы были брошены на оборудование новых позиций. Такая спешка была вполне оправданна, так как во второй половине октября уже стоял сильный мороз и земля начинала промерзать, кроме того, частые и сильные ливни возвестили о начале осенней распутицы.

23 октября 1-я (разведывательная) рота на бронеавтомобилях 40-го мотоциклетного батальона была окончательно выведена из

состава дивизии, чтобы быть включенной в состав танковой дивизии.

События ноября 1942 года

Если ноябрь тоже прошел без крупномасштабных боевых столкновений, то тяготы наступившей зимы с метелями, глубоко промерзшей землей и сильными морозами чрезвычайно осложнили жизнь солдат на позициях и при земляных работах. Для оборудования позиций были созданы дежурные подразделения из писарей и бойцов службы тыла и снабжения и задействован направленный сюда штрафной батальон. 40-й мотоциклетный батальон, часть которого использовалась для смены воинских частей, занятых на передовой, а остальные бойцы занимались оборудованием позиций, был приспособлен для передвижения в зимних условиях. Для этого ему постоянно передавались сани вместе с лошадьми, лыжи, лодкообразные финские сани-волокуши, так называемые акьясы, шины для движения по снегу, лыжные шасси для станковых пулеметов и легких пехотных орудий, палатки из фанеры и прочее оборудование для действий в зимних условиях.

10 ноября 20-й моторизованный пехотный полк и личный состав 10-го моторизованного саперного батальона постигло большое несчастье. При установке мин перед своей позицией шальной русский снаряд попал в штабель из 25 мин. Мины взорвались, и это вызвало детонацию целого, только что установленного минного поля из 300 мин. Из-за этого несчастного случая дивизия потеряла 8 человек убитыми, в том числе лейтенанта Нидермайера, и 23 человека ранеными.

События декабря 1942 года

И в декабре в полосе обороны дивизии не было крупных сражений. Два успешных разведывательных поиска принесли богатые трофеи и большое число пленных. Из-за избыточной нагрузки на личный состав 20-го моторизованного пехотного полка при несении службы на позициях пришлось задействовать на передовой и все четыре сформированные дивизией дежурных подразделения; правда, они использовались только на относительно спокойных участках фронта. Конечно, в этом был определенный риск, который командование дивизии было вынуждено брать на себя, пока в состав дивизии не вернулся 41-й моторизованный пехотный полк, все еще сражавшийся под Ржевом.

11 декабря 2-й роте 40-го мотоциклетного батальона, который сменил 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка на его позиции у деревни Студеное, удалось добиться большого успеха. В 0:30 ночи русская разведывательная группа попыталась прорезать проход в проволочном заграждении, установленном перед немецкой позицией, чтобы проникнуть в траншею. Бдительные часовые вовремя подняли тревогу. Стремительной контратакой лейтенант Ноэ в сопровождении всего лишь четырех бойцов отрезал противнику путь к отступлению, а благодаря фланкирующему огню с немецких позиций удалось взять в плен всю разведывательную группу русских со всем их оружием. В этой группе были лейтенант, 2 сержанта и 12 рядовых из состава 2-й роты батальона специального назначения 290-й стрелковой дивизии. Во время допроса выяснилось, что эта разведывательная группа получила задание захватить языка.

Наконец на исходе декабря в состав дивизии снова вернулся 41-й моторизованный пехотный полк, воевавший под Ржевом. Для отдыха, пополнения и переформирования этот полк был расквартирован в нескольких деревнях в ближайшем тылу дивизии. В первый день Рождества командир дивизии смог теплыми словами выразить свою благодарность и признательность маленькой кучке отважных бойцов. 41-й моторизованный пехотный полк в течение пяти месяцев великолепно сражался под Ржевом под командованием своего отважного командира, полковника Вебера. При выбытии из состава 9-й армии он удостоился теплых слов признательности со стороны командующего 9-й армией, генерал-полковника Моделя, и других вышестоящих командных инстанций.

Ниже приводится, к сожалению, далеко не полный отчет о боевых действиях 41-го моторизованного пехотного полка в районе Ржев – Торопец. В основном эти сведения были почерпнуты из офицерского информационного бюллетеня о боевой деятельности 41-го моторизованного пехотного полка и дополнены письменными сообщениями нескольких тогдашних боевых товарищей.

Действия 41-го моторизованного пехотного полка. Август – декабрь 1942 года

В начале августа 41-й моторизованный пехотный полк, сначала без своего 3-го батальона, был снят с позиций и в качестве армейского резерва дислоцировался в полной боевой готовности в районе деревни Утриково. Все очень обрадовались этому, так как полагали, что в качестве ударного резерва армии полк снова сможет вести «моторизованную войну». День и ночь кипела работа, пока 1-й и 2-й батальоны снова не стали полностью моторизованными. В самый разгар этой спокойной жизни пришел боевой приказ для 1-го батальона: «Выдвинуться в направлении Ржева!» Поскольку этот батальон должен был выдвигаться с транспортными средствами на гужевой тяге, то пришлось снова проводить перегруппировку.

Когда 1-й батальон уже был на марше к станции погрузки, пришел боевой приказ уже для всего полка. Еще в ночь с 10 на 11 августа штаб полка, полковые подразделения и 2-й батальон выступили из Утриково. Нашей первой целью была Вязьма. Оттуда через Сычевку нас доставили в Ржев и выгрузили в этом охваченном огнем городе. Вскоре по железной дороге прибыл и наш 3-й батальон. Уже две недели продолжались непрерывные, яростные атаки русских, которые хотели во что бы то ни стало снова взять этот город. Когда первые подразделения полка, подчиненного теперь 129-й пехотной дивизии, вечером 14 августа прибыли в район юго-восточнее Ржева, они оказались там очень кстати, чтобы в самый последний момент сдержать атаку противника. Энергичной атакой с ходу полк отбросил неприятеля и снова занял старый передний край обороны. 18 августа в ходе нескольких атак местного значения положение переднего края обороны было значительно улучшено, что позволило 3-му и 1-му батальонам отбить атаку двух советских пехотных полков, которую поддерживали 15 танков.

Начиная с 15 августа полк вел на этом участке упорные оборонительные бои. Русские изменили свою тактику. Сосредоточив очень крупные силы артиллерии, усиленные минометами и реактивными установками залпового огня, так называемыми «сталинскими орга́нами», они пытались ураганным огнем, продолжавшимся от двух до четырех часов, разрушить наши оборонительные позиции. Затем в атаку поднималась пехота, которую активно поддерживали танки.

22 августа в ходе крупномасштабного наступления трех

пехотных дивизий и трех танковых бригад неприятель попытался прорваться на левом фланге полка. Только в один этот день полк вывел из строя 58 вражеских танков. Унтер-офицер Бец из 7-й роты в одиночку с помощью магнитных подрывных зарядов и дисковых мин уничтожил в этот день шесть советских танков. Подрывая шестой вражеский танк, он погиб смертью героя. Фюрер посмертно наградил этого храброго унтер-офицера, отличившегося в бою за Ржев, Рыцарским крестом Железного креста. Адъютант 1-го батальона, лейтенант Дитль, случайно наткнувшийся на два русских танка, приказал посыльным доставить ему два магнитных подрывных заряда и собственноручно уничтожил оба стальных колосса. Оставшиеся в живых советские танкисты были захвачены в плен. К сожалению, этот отважный офицер погиб 3 сентября вместе с врачом батальона, лейтенантом медицинской службы, доктором Плёснером, у деревни Табаково.

После продолжительных дождей местность на правом фланге полка оказалась до такой степени заболоченной, что бойцы спасались от сырости только с помощью нарезанных кусков дерна, которые они укладывали на дно траншеи и окопов, а также на бруствер, чтобы иметь хоть какое-то укрытие от вражеских пуль и осколков. В такую грязь было невозможно выдвинуть вперед тяжелую противотанковую пушку, которая так хорошо зарекомендовала себя в бою 22 августа. В ходе новой мощной атаки 24 августа русские танки (Т-34 и КВ-1) легко преодолели эти непроходимые для человека заболоченные участки, уничтожили наши позиции и добились локального вклинения. Это произошло прежде всего из-за чрезвычайно больших потерь среди офицерского и унтер-офицерского состава. Только благодаря вмешательству командира полка с его штабом, а также отважному командиру 2-го батальона, капитану Кёнигу, в ходе энергичной контратаки удалось предотвратить прорыв русских.

В период с 15 по 31 августа на участке полка был подбит 101 вражеский танк, из них 21 танк вывели из строя военнослужащие полка.

Даже после тяжелых потерь во время наземных и воздушных боев противник не собирался отказываться от своей цели взять Ржев. 1, 5 и 9 сентября после мощной артиллерийской подготовки русские предприняли целый ряд атак крупными силами. Однако полку удалось удержать передний край обороны. Все атаки противника, прежде всего направленные против левого фланга полка, были отбиты.

18 сентября командир полка принял трудное, но ставшее необходимым решение: 2-й батальон, как боевое подразделение,

был расформирован, а его личный состав был распределен между 1-м и 3-м батальонами. Постепенно боевая активность русских начала спадать. Огромные потери, которые Советы понесли в предыдущих боях, заставили их по меньшей мере хотя бы на время прекратить атаки крупными силами. Теперь можно было заняться оборудованием позиций, однако при этом возникли большие трудности, так как поблизости не было лесов, а все окрестные деревни были сожжены. Водители, сапожники, портные, писари были объединены в рабочий взвод, который занимался земляными работами и доставкой необходимого строительного материала.

Нашему сокровенному желанию, после завершения битвы под Ржевом вернуться в свою родную дивизию, не суждено было исполниться. Крупномасштабные передвижения советских войск в районе города Торопец (150 километров западнее Ржева) означали для полка новый ввод в действие. 95-я пехотная дивизия сменила наш полк на позиции у деревни Векшино, за которую шли ожесточенные бои. Теперь нашему полку предстояло занять новые позиции. По железной дороге, движение по которой часто прерывалось из-за диверсий партизан, полк отправился через Сычевку, Вязьму и Дорогобуж в село Владимирское. Там нас сначала использовали в качестве резерва командования для борьбы с партизанами. 24 октября полк был переброшен еще ближе к линии фронта в направлении города Белый (90 километров юго-западнее Ржева).

Поскольку русские продолжали стратегическое сосредоточение и развертывание крупных сил, полк должен был иметь в виду, что при начале советского наступления его немедленно введут в бой. И действительно, 25 ноября началось крупномасштабное наступление противника. Полку, который в этот день был подтянут еще ближе к месту возможного прорыва, пришлось – так же, как и под Ржевом, – с ходу вступать в бой, чтобы предотвратить прорыв крупных сил вражеской пехоты и танков. В сильнейшую метель полк вел героическую борьбу с превосходящими бронетанковыми силами Советов. Один из пехотинцев с помощью магнитного подрывного заряда уничтожил вражеский Т-34. Один смелый фанен-юнкер запрыгнул на двигавшийся вражеский танк и бросил в башенный люк ручную гранату. Полк упорно защищал каждую пядь земли. Но это была кровопролитная, неравная битва, которую бойцы вели в лютый холод и снегопад. Так наряду с названием города Ржев и название Белый стало символом солдатского мужества бойцов 41-го моторизованного пехотного полка.

Сражение южнее города Торопец продолжалось. Большая

часть прорвавшихся советских танков была уничтожена в глубоком тылу прибывшими в этот район немецкими танковыми дивизиями. Вражеская пехота была окружена. Несмотря на яростные атаки на краеугольный камень немецкой обороны и грозившее окружение, город Белый удалось удержать. Тяжелы были потери, которые полк понес в этой битве. Будучи снова используемы на важнейшем участке фронта, ослабленные подразделения полка отразили все вражеские атаки. Противнику, имевшему подавляющее преимущество в живой силе и технике, так и не удалось окружить полк. Сжимавшееся кольцо окружения было прорвано, и после очередного успеха в обороне полк наконец был снят с передовой. 24 декабря 1942 года он погрузился в воинские эшелоны и после пятимесячного отсутствия снова вернулся в состав своей старой 10-й моторизованной пехотной дивизии. После радостной встречи полк смог в спокойной обстановке отпраздновать Рождество 1942 года. Правда, эта радость была омрачена скорбью о погибших в боях под Ржевом боевых товарищах и сочувствием раненым бойцам полка. Наряду с многочисленными отважными унтер-офицерами и рядовыми за эти пять месяцев погибли 25 офицеров и два офицера медицинской службы 41-го моторизованного пехотного полка.

Таков отчет о битве под Ржевом в офицерском информационном бюллетене 41-го моторизованного пехотного полка.

1943 год

Январь 1943 года

Рождественские праздники прошли на позициях 10-й моторизованной пехотной дивизии довольно спокойно, так что даже войска, задействованные на переднем крае обороны, смогли отметить Рождество в приподнятом настроении. Наряду с 20 ящиками рождественских подарков поступили и многочисленные денежные переводы. Так, обер-бургомистр Регенсбурга прислал 3 тысячи рейхсмарок, районное управление Кельхайм – 5 тысяч рейхсмарок, город Кельхайм – 5 тысяч рейхсмарок, город Швандорф – 3200 рейхсмарок. Эти знаки народной любви существенно помогли поднять настроение в войсках. Правда, радость омрачалась сообщениями о тяжелых боях под Сталинградом и у города Великие Луки.

Как и во время празднования Рождества 1941 года под Москвой, и в этом году оба дивизионных священника провели рождественское богослужение и посетили подразделения на передовой, чтобы объявить им рождественскую весть.

В течение первых месяцев 1943 года продолжалось использование 10-й моторизованной пехотной дивизии в позиционной войне в составе 4-й армии. В начале января расположенный в тыловом районе дивизии 41-й моторизованный пехотный полк был доукомплектован пополнением из Германии, из состава выздоравливающих и рядового состава запасного батальона дивизии, находившегося в деревне Алфимово.

40-й мотоциклетный батальон сменил на позициях 3-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка. Остатки 20-го моторизованного пехотного полка через несколько дней были сменены батальонами Ударной группы полковника Келльнера и в качестве резерва Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) перебазировались в Спас-Деменск, чтобы после года позиционной войны при чрезвычайных нагрузках на офицеров и рядовой состав получить по меньшей мере две недели времени на отдых и доукомплектование.

С начала января противник начал вести себя совершенно иначе. Теперь он необычно часто пускал в ход артиллерию и тяжелое вооружение. Появились у него и тяжелые минометы. Бросалось в глаза, что поведение вражеской пехоты не соответствовало условиям боевой обстановки. Все указывало на то, что противник проводил смену частей. Поэтому для прояснения положения противника было проведено несколько разведывательных поисков.

4 января лейтенант Ноэ с ударной группой 40-го

мотоциклетного батальона смог ворваться на вражеские позиции. Несмотря на завязавшуюся в траншее ожесточенную рукопашную схватку, он вернулся назад без потерь и с захваченным пленным.

В ночь на 9 января на участке фронта «Фолькер» на немецкую сторону перебежал советский командир батальона со своим адъютантом. С собой он прихватил много важных секретных приказов и карт. Из этих документов следовало, что советскую 69-ю стрелковую дивизию сменила 58-я стрелковая дивизия. Благодаря этому отпала необходимость в проведении дальнейших разведывательных поисков.

18 января после интенсивной артиллерийской подготовки произошла атака крупной русской поисковой разведгруппы на участке «Хильдебранд-1», эту атаку поддерживал даже один танк Т-34. В немецкой траншее завязалась ожесточенная рукопашная схватка, которая продолжалась до тех пор, пока взводу 40-го мотоциклетного батальона под командованием энергичного унтер-офицера Хаука не удалось выбить противника из траншеи. Потери противника: 1 убитый и 15 раненых, наши потери: 1 убитый и 8 раненых.

С 20 января Ударную группу полковника Келльнера снова сменил 20-й моторизованный пехотный полк. К концу месяца штаб 41-го моторизованного пехотного полка и его 1-й батальон, а в начале февраля и его еще не до конца сформированный 3-й батальон вынуждены были принять участки обороны у деревень Яковлевка и Прасолово.

В январе по приказу командования 4-й армии в 40-м мотоциклетном батальоне вместо выбывшей осенью 1942 года 1-й роты (разведывательных бронеавтомобилей) был заново сформирован разведывательный взвод на бронеавтомобилях. Кроме того, во всех пехотных ротах были созданы отделения снайперов, вооруженных винтовками с оптическим прицелом, которые уже с самого первого дня стали добиваться хороших успехов.

Февраль 1943 года

После очень холодных дней января, когда морозы достигали 25 градусов, в начале февраля начались бураны и сильные метели. Выпало очень много снега, из-за которого временами все дороги становились непроезжими. Часто снег полностью засыпал траншеи и стрелковые окопы. Сколько же дополнительной работы принесло это войскам, занятым на передовой, и подразделениям службы снабжения!

Но, несмотря на плохую погоду, боевые действия не прекращались. Так, в ночь с 3 на 4 февраля 3-я рота 20-го моторизованного пехотного полка предприняла разведывательный поиск, но оказалось, что противник был готов дать отпор, и поиск, к сожалению, не удался. В самом начале поиска были ранены как командир, лейтенант Унгер, так и командир отделения управления роты, так что артиллерии даже не пришлось открывать отсекающий огонь. Довольно большая группа бойцов этой роты несколько часов была отрезана на вражеских позициях. Они сумели вернуться назад, но потеряли при этом восемь человек убитыми и еще больше ранеными. Кроме того, несколько человек пропали без вести.

И напротив, 5 февраля 41-й моторизованный пехотный полк и 40-й мотоциклетный батальон добились большого успеха в обороне. Под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня противник после пятимесячного перерыва снова атаковал высоту 244,6 силой до двух рот и при поддержке четырех танков. Но, попав под оборонительный огонь из всех видов оружия, атака Советов захлебнулась еще на подступах к немецким позициям. Был захвачен в плен лежавший перед проволочным заграждением раненый сержант лыжного батальона 58-й стрелковой дивизии, который дал ценные показания.

В середине февраля началась подготовка к проведению операции по эвакуации немецких войск из района Ржевского выступа, получившая кодовое название «Бюффельбевегунг» («Движение буйвола»). Одновременно с этим появились признаки предстоящего советского крупномасштабного наступления между Жиздрой и Орлом. 17 февраля 10-й истребительно-противотанковый дивизион был снят с позиций и передислоцирован в район Жиздры. Там же 22 февраля он был использован в разгоравшемся крупном сражении и 24 февраля потерял своего энергичного командира, капитана Лейтерица, который всего лишь несколько недель тому назад принял дивизион от майора Херрнлебена.

18 февраля из состава дивизии был выведен 40-й мотоциклетный батальон, который в качестве резерва армии находился в постоянной боевой готовности за линией фронта. Поэтому командование дивизии было вынуждено вновь задействовать на передовой четыре дежурные роты и свои последние резервы (по одной роте 20-го и 41-го моторизованных пехотных полков). Тем самым занятие передней линии обороны было обеспечено лишь благодаря напряжению всех сил. Вдобавок ко всему, после неблагоприятного завершения битвы за Сталинград в войсках царило крайне подавленное настроение. Единственным просветом в те нелегкие недели был слух о том, что в обозримом будущем дивизию снимут с передовой, чтобы в тыловом районе группы армий «Центр» снова переформировать в полностью моторизованное соединение. Так что командование дивизии смирилось с выводом 20 февраля из ее состава 40-го мотоциклетного батальона. Зато благодаря настойчивым обращениям командира дивизии к командованию армии удалось по меньшей мере уберечь 40-й мотоциклетный батальон от участия в сражении под Жиздрой. К концу февраля 40-й мотоциклетный батальон снова вернулся в состав дивизии.

Приятным отвлечением от напряженной монотонности позиционной войны для большей части личного состава дивизии явился приезд фронтового театра одного из отделений общественной организации «Крафт дурх фройде» – «Сила через радость». Во всех местах расквартирования резервов и воинских частей, отведенных с передовой на отдых, артисты показали свою программу: песни, танцы, исполнение музыкальных произведений и акробатических номеров. Ради выступления перед боевыми частями артисты мирились со всеми фронтовыми лишениями и ютились в бедных крестьянских избах, кишащих клопами. В Бахмутово они даже попали под артиллерийский обстрел. К счастью, никто из них не был ранен, пострадало лишь несколько чемоданов с реквизитом.

До сих пор зима проходила вполне сносно. Благодаря тому, что в этом году зимнее обмундирование было поставлено в дивизию вовремя, имелось лишь несколько случаев обморожения. Правда, в феврале было еще несколько довольно холодных дней и ночей. Но с каждым днем солнце поднималось все выше над горизонтом, и все чаще появлялись первые предвестники приближавшейся весенней распутицы.

Март 1943 года

Март должен был стать для дивизии довольно бурным месяцем. 1 марта в 18 часов началась операция «Бюффельбевегунг», то есть планомерный отвод дивизий 4-й и 9-й армий из удерживаемого до сих пор огромного мешка в районе Спас-Деменск – Юхнов – Гжатск – Ржев – Белый. В течение двух недель немецкие войска должны были поэтапно отойти на заранее подготовленные позиции. В результате этого сокращения линии фронта Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ) смогло высвободить резервы в количестве 20 дивизий, которые были использованы на других участках Восточного фронта.

И хотя 10-я моторизованная пехотная дивизия непосредственно не участвовала в операции «Движение буйвола», но своим левым флангом она образовала южное основное звено всего движения. Были все основания предполагать, что противник постарается атаковать это основное звено, чтобы после нанесения мощного флангового удара выйти в тыл отходившим немецким войскам. Хотя подготовка к такой крупной операции и не могла остаться в тайне для советского командования, но оно не могло точно знать, какова будет ширина и глубина предстоящего отвода немецких вооруженных сил.

Поэтому уже с первых дней марта противник постоянно проводил разведывательные поиски всех видов в полосе обороны дивизии. Перебежчики и пленные, добытые во время проведения бойцами дивизии очередных разведывательных вылазок, подтвердили нахождение перед фронтом дивизии советской 16-й гвардейской стрелковой дивизии, переброшенной сюда из-под Москвы. Кроме того, здесь по-прежнему занимали позиции 290-я и 58-я стрелковые дивизии Советов.

Против дивизий, принимавших непосредственное участие в операции «Движение буйвола», русские предпринимали непрерывные атаки силой до одной дивизии и в некоторых местах очень сильно теснили их. Однако все их атаки успешно отражались.

7 марта разведывательная группа 6-й роты 20-го моторизованного пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Хирля захватила в плен советского офицера и шесть красноармейцев. На допросе они дали показания о том, что части 16-й гвардейской стрелковой дивизии сначала должны были предпринять атаку на высоту 244,6, но потом эта дивизия была переброшена под Жиздру. Впрочем, и там все атаки крупных сил

противника были успешно отражены.

8 марта после интенсивной артиллерийской подготовки противник предпринял атаку силой от одной до двух рот на левом фланге 41-го моторизованного пехотного полка у деревни Прасолово. Но под массированным оборонительным огнем из всех видов оружия эта атака захлебнулась еще на дальних подступах к немецким позициям. В ходе немедленно организованной ответной контратаки 3-й роты 41-го моторизованного пехотного полка в предполье было захвачено 12 пленных и богатые трофеи. Перед немецкими проволочными заграждениями были обнаружены тела 28 погибших красноармейцев.

12 марта в состав дивизии вернулся 10-й истребительно-противотанковый дивизион. К сожалению, в тяжелых боях под Жиздрой он понес большие потери.

14 марта пять разведывательных групп противника одновременно атаковали в различных местах полосы обороны дивизии. Но только под Яковлевкой русским удалось вклиниться в немецкие оборонительные позиции. В ходе ожесточенной рукопашной схватки противник был снова оттеснен назад, при этом на немецких позициях остались лежать 35 мертвых красноармейцев, кроме того, 8 русских солдат попали в плен.

В эту ночь после взрыва блиндажей и оборонительных сооружений 2-й батальон 20-го моторизованного пехотного полка оставил деревню Прасолово, находившуюся в точке поворота отходивших войск.

16 марта планомерный отвод немецких войск завершился. Теперь немецкие войска закрепились на заранее оборудованном оборонительном рубеже «Бюффель» – «Буйвол» (Духовщина–Дорогобуж – Спас-Деменск), который они должны были удержать любой ценой.

18 марта в полосе обороны 267-й и 183-й пехотных дивизий, действовавших левее 10-й моторизованной пехотной дивизии, в течение часа вражеская артиллерия вела ураганный огонь. Затем при поддержке большого количества танков и штурмовиков Советы пошли в атаку у деревни Большая Каменка и села Лазинки. В районе села Лазинки русским удалось вклиниться на 2 километра в немецкую оборону. Шесть советских танков даже сумели прорваться к Спас-Деменску, где находилась штаб-квартира 4-й армии. Но там все танки были подбиты, а их экипажи попали в плен. 40-й мотоциклетный батальон был поднят по тревоге и вместе с 2-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка занял исходные позиции позади участка 267-й пехотной дивизии. После тяжелого

боя 183-й пехотной дивизии при поддержке 2-го дивизиона 10-го моторизованного пехотного полка удалось провести контратаку. Село Большая Каменка несколько раз переходило из рук в руки, но в конце концов немецкие войска закрепились в этом селе и смогли удержать его.

21 марта после сильнейшей артиллерийской подготовки вражеская пехота и танки снова пошли в атаку в районе Большой Каменки.

22 марта 40-й мотоциклетный батальон стремительной атакой при поддержке шести танков снова занял господствующую высоту северо-восточнее Каменки. Тем самым передний край обороны на всем его протяжении снова был в руках 267-й пехотной дивизии.

Во время этих боев шла подготовка к снятию 10-й моторизованной пехотной дивизии с передовой для отдыха и доукомплектования в районе Кричева. На 27 марта было назначено прибытие соединения-сменщика (14-й моторизованной пехотной дивизии). Правда, ожесточенные бои на оборонительном рубеже «Бюффель» и уже постепенно начинавшаяся весенняя распутица могли расстроить все планы. Все дороги вне шоссе уже были непроезжими. Траншеи, окопы и блиндажи постепенно заливались водой и заплывали грязью.

При проведении смены соединений самые большие трудности, как всегда, были связаны с вопросом обеспечения горючим и лошадьми. После долгих переговоров дивизии с командованием 4-й армией было принято решение в пользу дивизии. Все лошади были переданы 14-й моторизованной пехотной дивизии, которая, к огорчению всего ее личного состава, была преобразована в пехотную дивизию. И вопрос с обеспечением горючим удалось решить положительно. Когда уже были решены все вопросы, связанные со сменой дивизии на ее позиции, и когда в расположение дивизии прибыли два батальона 53-го гренадерского полка, русские чуть было не сорвали намеченную смену.

В понедельник, 29 марта, после полуторачасового ураганного огня Советы при поддержке многочисленных танков и штурмовиков снова пошли в атаку на участке 267-й пехотной дивизии, по обе стороны от села Большая Каменка. Противнику опять удалось осуществить вклинение на этом участке немецкой обороны. Тотчас силами 40-го мотоциклетного батальона и 2-го батальона 53-го гренадерского полка была организована контратака, поддержанная несколькими танками, которая увенчалась полным успехом. К 20 часам положение было снова восстановлено. К сожалению, 40-й мотоциклетный батальон

понес существенные потери. Наряду с обер-лейтенантом Шеелером погибло около 40 рядовых. Такими же большими были потери и во 2-м батальоне 53-го гренадерского полка. Была отражена и повторная атака русских, проведенная 31 марта. И в этом успехе решающую роль сыграл 40-й мотоциклетный батальон.

В период с 27 марта по 1 апреля с большими трудностями была произведена смена 10-й моторизованной пехотной дивизии 14-й пехотной дивизией. Установившаяся в последние дни теплая погода ускорила наступление настоящей весенней распутицы. На многих заплывших грязью участках шоссе приходилось буксировать автомобили и другие транспортные средства с помощью тягачей. К тому же чрезвычайную активность проявляли советские летчики, которые многократно бомбили каждую походную колонну, правда не причиняя при этих налетах особого вреда. Создавалось такое впечатление, что этот кусочек русской земли, за который дивизия сражалась почти целый год, хотел удержать ее. Но и дивизия – несмотря на перспективу снова стать полностью моторизованным соединением – покидала этот район с определенным чувством грусти: ведь в течение десяти месяцев она успешно защищала свои позиции и отразила множество вражеских атак, ведь все бойцы дивизии славно потрудились и оборудовали долговременные позиции, стойко перенесли непогоду и теперь были вынуждены оставить на солдатских кладбищах многих боевых товарищей. Но дивизия честно выполнила свой долг. Об этом свидетельствуют следующие прощальные письма командира LVI танкового корпуса, генерала танковых войск Шааля, и командующего 4-й армией, генерал-полковника Хейнрици:

> «Штаб LVI танкового корпуса КП корпуса, 01.04.1943
>
> Командир корпуса Солдатам 10-й моторизованной пехотной дивизии
>
> С этого дня 10-я моторизованная пехотная дивизия выбывает из состава LVI танкового корпуса, в который она входила вот уже почти год.
>
> Тем самым я теряю дивизию, которая отличалась решительным наступательным духом и высочайшей боевой готовностью и которую я могу причислить к лучшим дивизиям, находившимся до сих пор в моем подчинении.
>
> Будучи задействованной в самой горячей точке фронта корпуса по обе стороны от высоты 244,6, дивизия при активной обороне отразила множество атак

противника, хорошо подготовленной и смело проведенной атакой захватила господствующие высоты и в ходе многочисленных и энергично проведенных разведывательных поисков нанесла противнику большие безвозвратные потери. Кроме того, воинские части 10-й моторизованной пехотной дивизии прекрасно зарекомендовали себя в многочисленных боевых действиях вне полосы обороны дивизии, а также в тяжелейших боях в составе 9-й армии.

В этом году во время тяжелых зимних сражений дивизия сыграла решающую роль при обороне жизненно важного шоссе от атак противника.

Дивизия добилась выдающихся успехов при инженерном оборудовании позиций. Позиции, оборудованные вокруг высоты 244,6, превратили эту господствующую высоту в настоящий бастион, который позволит отразить любую вражескую атаку.

Надежное и энергичное руководство командира дивизии, генерал-лейтенанта Шмидта, которому эффективную поддержку оказывали его первый офицер Генерального штаба и его отличные командиры, способствовало тому, что взаимодействие наших штабов приносило нам только радость.

Я благодарю всех офицеров, унтер-офицеров, служащих и рядовых за их неустанное, доблестное участие в боевых действиях и за высокие достижения. Я выражаю дивизии свою полнейшую признательность и желаю ей и в дальнейшем покрыть свои боевые знамена воинской славой и почетом.

Почетное задание по доукомплектованию дивизии и оснащению транспортными средствами позволит ей подтвердить свою славу ударного моторизованного соединения.

Я с глубоким уважением чту память всех тех, кто отдал свою жизнь и пролил кровь, храня верность своей воинской присяге.

Да здравствует наше отечество!

Подписано: *Шааль*».

«Командующий 4-й армией

Штаб-квартира армии, 26.04.43

С выбытием 10-й моторизованной пехотной дивизии из состава 4-й армии закончилось боевое содружество, которое началось в январе 1942 года в тяжелейшие

моменты зимнего сражения и с тех пор непрерывно продолжалось. Тогда, в течение нескольких месяцев в мороз и в метель дивизия, как мобильное соединение 4-й армии, удерживала шоссе на всем протяжении широкого фронта, а при частых вражеских прорывах в ходе энергичных контратак снова и снова возвращала себе контроль над этой жизненно важной коммуникацией. Разгром 75-й русской кавалерийской дивизии под Дубровкой, зимние сражения в долинах рек Пополта и Лидия, бои у деревень Кавказ, Авдеевка и за высоту у деревни Фомино являются бессмертными славными страницами в истории дивизии. Если обеспечение занимавшей передовой рубеж армии по единственному пути подвоза, по шоссе № 1, вообще было возможно, то это в значительной мере произошло только благодаря самоотверженным действиям 10-й моторизованной пехотной дивизии.

Вплоть до апреля 1943 года дивизия непоколебимо удерживала свои позиции на важном участке фронта и как всегда, так и в марте 1943 года оказывала товарищескую помощь при уничтожении противника, прорвавшегося на участке соседней дивизии.

За выдающиеся достижения я выражаю командованию и личному составу дивизии свою благодарность и особую признательность. Ваши дела займут почетное место в истории 4-й армии. И когда сегодня эта испытанная в боях дивизия выбывает из состава 4-й армии, я знаю, что и впредь она с честью выполнит свой долг. Желаю вам всего наилучшего. Пусть вам всегда сопутствует солдатское счастье!

Подписано: *Хейнрици*».

Апрель 1943 года
Отдых и доукомплектование в районе Кричев – Чериков – Климовичи

По ставшим из-за весенней распутицы непроезжими дорогам и тропам, преодолевая большие трудности и с постоянными задержками, 10-я моторизованная пехотная дивизия добиралась до района, предназначенного для отдыха и доукомплектования. После десяти месяцев непрерывных, иногда тяжелейших боев, после суровой зимы дивизию наконец ждал короткий отдых. К 6 апреля все подразделения дивизии прибыли в места своего расквартирования. Штаб дивизии расположился в городе Кричев. Командование распорядилось, чтобы до 11 апреля все военнослужащие дивизии только отдыхали. Их водили в баню, где проводилась дезинсекция и выдавалось новое обмундирование, в это же время приводились в порядок жилые помещения. Какое благотворное действие могут оказать на человека эти несколько дней отдыха, спокойного ночного сна, без артиллерийских и минометных обстрелов, без бомбежек, в сухих, хотя и очень скромно обставленных жилых помещениях… Это может представить себе только тот, кто сам в течение длительного периода принимал участие в непрерывных боях.

К тому же дивизия смогла позволить себе отправить на родину целый эшелон с отпускниками, который доставил в Регенсбург около тысячи бойцов. Короче говоря, солдат снова почувствовал себя человеком. Так что за очень короткое время настроение личного состава дивизии снова поднялось. Этому в значительной мере способствовала также перспектива того, что в обозримом будущем дивизия снова будет преобразована в полностью моторизованное соединение.

После этой короткой передышки командование дивизии и личный состав с удвоенной энергией взялись за работу. К боевой подготовке в составе роты, батальона, полка и дивизии добавились восстановление и ремонт оружия, боевой техники и транспортных средств. Для тыловых служб, и прежде всего для ремонтной роты, пришлось ввести двенадцатичасовые рабочие смены. Однако все офицеры, унтер-офицеры и рядовые с радостью брались за такую работу. Ведь к концу этого периода доукомплектования их родная дивизия должна была превратиться в полностью моторизованную! Необходимая для этого техника, оружие и оснащение поступали непрерывно. Так только в апреле дивизия получила 120 непревзойденных по своей

скорострельности пулеметов MG 42, получивших меткое прозвище «пила Гитлера». 10-й истребительно-противотанковый дивизион был оснащен 39 противотанковыми пушками на самоходных лафетах. Поступали новые орудия и другая военная техника. Вот только обеспечение автомобилями по-прежнему оставалось неудовлетворительным, так как из группы армий «Центр» изредка поступали лишь небольшие партии транспортных средств, да и то это были только бывшие в употреблении автомобили.

18 апреля 1943 года стало для 10-й моторизованной пехотной дивизии памятным днем: в этот день по приказу Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) дивизия была переименована в 10-ю панцер-гренадерскую дивизию. Пехотные полки теперь стали называться гренадерскими. 40-й мотоциклетный батальон теперь назывался 110-м бронированным разведывательным батальоном. Прежняя эмблема дивизии, древнегерманская руна, была заменена изображением вертикально стоящего ключа; эта новая эмблема дивизии была нанесена на все транспортные средства дивизии. В этот же день поступил приказ, что дивизия в срочном порядке переходит в подчинение 9-й армии (командующий – генерал-полковник Модель) и что уже 20 апреля должна начаться отправка немоторизованных частей дивизии в расположение 9-й армии.

Однако эта отправка произошла с большой задержкой, так как партизаны взорвали железнодорожный мост через реку Унеча недалеко от одноименного города. Вообще в последние недели деятельность партизан в нашем тылу резко активизировалась. Временно пришлось использовать против партизан даже части 110-го бронированного разведывательного батальона и 3-й батальон 41-го гренадерского полка. Эшелон с 1-м батальоном 20-го гренадерского полка вскоре после отправки поезда попал под обстрел, паровоз был поврежден снарядом, выпущенным из противотанковой пушки, а сам эшелон обстрелян из пулеметов. В результате этого налета батальон потерял троих бойцов убитыми и 31 ранеными. Кроме того, было убито или ранено 15 лошадей. В ходе немедленно проведенной контратаки было ликвидировано много партизан.

В конце апреля установилась настоящая весенняя погода. По все еще раскисшим дорогам 10-я панцер-гренадерская дивизия прибыла в новый район дислокации примерно в 15 километрах севернее Орла. Штаб дивизии разместился в небольшой роще у деревни Стрелица. 30 апреля в штабе дивизии произошла смена первого офицера Генерального штаба. Подполковник Генерального штаба Инхофер, который с мая 1942 года благодаря

своей неиссякаемой работоспособности, обширным знаниям, темпераменту и неистощимому юмору был для командира дивизии не только ценным сотрудником, но и стал настоящим товарищем, был переведен на новую должность в отдел начальника тыла Верховного командования сухопутных войск (ОКХ). На его место был назначен майор Генерального штаба де Мезьер, о котором благодаря его прежней работе в организационном отделе ОКХ шла отличная слава, справедливость которой была целиком и полностью подтверждена его безупречной работой в течение полутора лет в штабе 10-й панцер-гренадерской дивизии.

В составе 9-й армии с мая по август 1943 года

Уже во время выдвижения в новый район дислокации севернее Орла стало ясно, что здесь речь идет о стратегическом сосредоточении и развертывании крупных немецких сил и о подготовке к крупномасштабным боевым действиям. В ходе клещеобразного наступления группы армий «Центр» и группы армий «Юг» планировалось отрезать выступавший на 100 километров на запад между Белгородом и Орлом изгиб русского фронта и тем самым нанести противнику тяжелый удар. Одновременно благодаря значительному сокращению линии фронта можно было бы высвободить крупные резервы.

На севере командование группы армий «Центр» поручило руководить наступлением генерал-полковнику Моделю – энергичному командующему 9-й армией, отлично зарекомендовавшему себя во многих операциях. Для проведения этой наступательной операции ему были подчинены 9-я армия и 2-я танковая армия, которые насчитывали семь танковых дивизий, две панцер-гренадерские дивизии и девять пехотных дивизий. Примерно такие же силы должны были наступать на Курск с юга, из района Белгорода.

Характер местности, в которой дивизии предстояло теперь сражаться, имел совершенно другой вид и требовал применения иных методов управления боем, чем прежний район боевых действий дивизии в Центральной России. Хотя местность вокруг Орла относится к Центральной России, но по своему характеру она больше похожа на Украину. Это плодородный чернозем, и по своему внешнему виду местность напоминает холмистую степь. Характерной особенностью этой местности является почти полное отсутствие лесов и наличие множества глубоких степных оврагов, называемых балками. Последние предоставляют, с одной стороны, хорошие возможности для укрытия и маскировки, но, с другой стороны, при наступлении являются труднопреодолимыми препятствиями, особенно для танков, и, кроме того, такие балки могут таить для наступающей стороны неприятные сюрпризы.

Во время дождя глинистая почва очень быстро превращает дороги в почти непроезжие пути. Вне дорог местность является для автомобилей совершенно непроезжей. Поэтому во время дождя проведение любой крупной операции становится невозможным, или – если операция уже началась и находится в

самом разгаре – ее пришлось бы остановить.

Уже во время прохода войск через Орел он произвел впечатление большого, сильно разрушенного, некрасивого города. Единственное приятное зрелище представляло собой большое немецкое солдатское кладбище, покрытое молодой зеленью и украшенное к Пасхе цветами и венками. Здесь был погребен и всеми уважаемый бывший командир 10-й дивизии, генерал-лейтенант фон Кохенхаузен, который вел дивизию от победы к победе в Польше и во Франции.

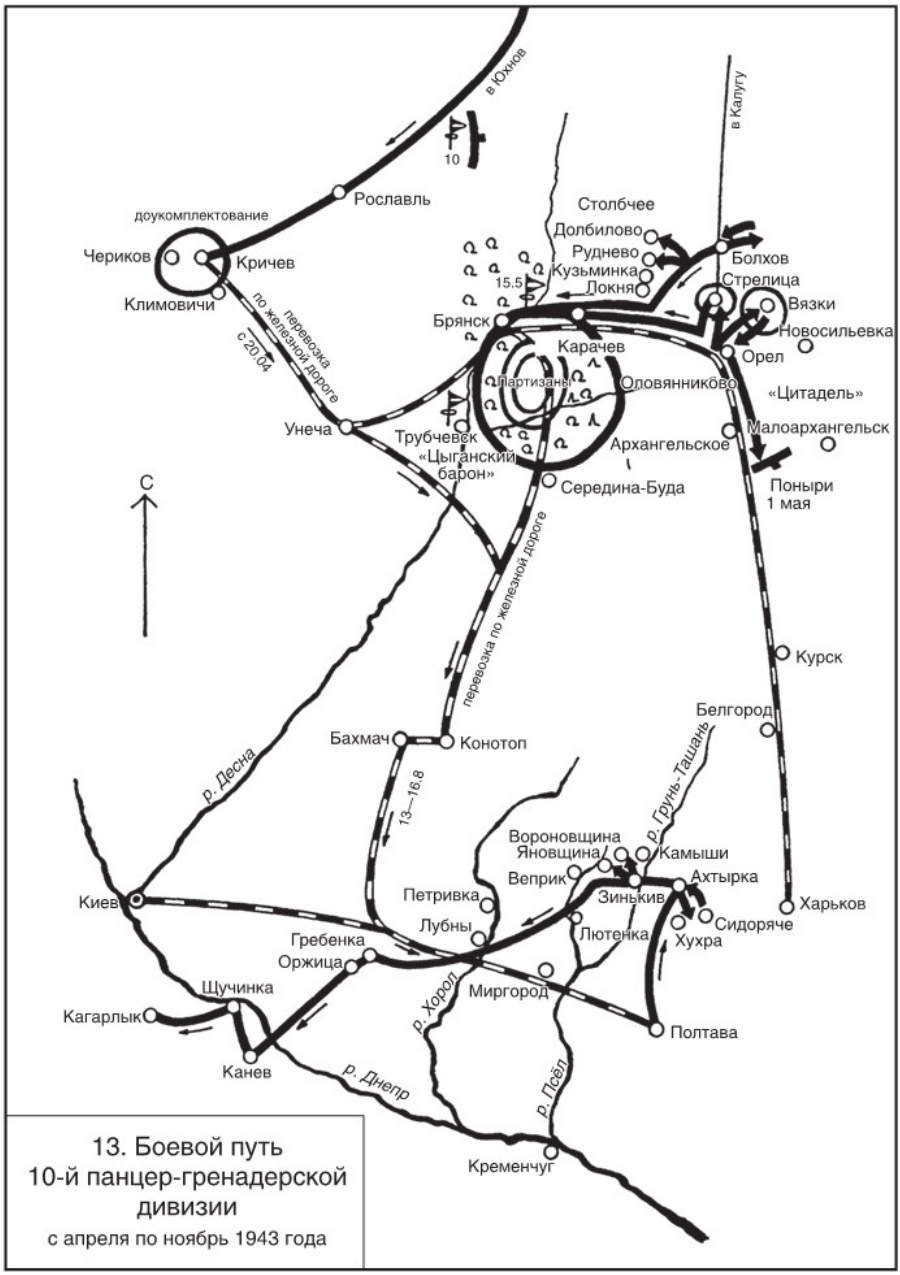
Через несколько дней после обустройства на новом месте дислокации в войсках снова началась основательная боевая подготовка, чтобы подготовить личный состав дивизии к выполнению будущих заданий. Оснащение дивизии вооружением было существенно улучшено. 10-й истребительно-противотанковый дивизион пополнился зенитной ротой 20-мм зенитных пушек на самоходных лафетах, а для пополнения 110-го бронированного разведывательного батальона прибыла бронированная дозорная рота. В течение нескольких последующих недель дивизия была подчинена XXXXI танковому корпусу под командованием генерала танковых войск Харпе. Уже вскоре после прибытия из состава дивизии были выведены отдельные воинские части: так, 3-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка был задействован для усиления казематной артиллерии. 10-й истребительно-противотанковый дивизион был выдвинут к селу Никольское, где находился командный пункт корпуса, в качестве корпусного резерва, а 10-й моторизованный саперный батальон был использован на строительстве дорог.

Во время целого ряда совещаний и штабных учений командиры познакомились с заданиями, которые им предстояло выполнять в самом ближайшем будущем. Однако 9 мая день начала наступления был перенесен, так как до сих пор не прибыла часть новых танков («Тигров» и «Пантер») и подразделений реактивных минометов, которые должны были принять участие в запланированной наступательной операции.

Операция «Цыганский барон»

Эта неожиданно возникшая пауза должна была быть использована для того, чтобы раз и навсегда покончить со становившимся все более опасным партизанским движением в огромных лесных массивах между Брянском на севере и городом Середина-Буда на юге. В этих огромных лесных и болотистых районах, площадь которых составляла около 10 тысяч квадратных километров, бесчинствовали многие тысячи партизан, объединившихся в банды под командованием таких известных партизанских командиров, как Ворошилов, Дука, Ромашин, Понеровский и многие другие. Они нападали на деревни, на небольшие маршевые эшелоны, на отпускников, на воинские и санитарные эшелоны, взрывали железнодорожные мосты и рельсовые пути и тем самым представляли собой серьезную опасность для снабжения 9-й армии.

Уничтожение партизан было поручено командиру XXXXVII танкового корпуса, генералу артиллерии Лемельзену. Для этого кроме уже задействованных в упомянутом районе охранных подразделений (русских восточных соединений, венгерских охранных дивизий, фламандского и французского добровольческих батальонов, одного кавалерийского соединения и других стационарных подразделений) генералу Лемельзену были подчинены 4-я и 18-я танковые дивизии, 10-я панцер-гренадерская дивизия, 7-я и 292-я пехотные дивизии. Стратегическое сосредоточение и развертывание войск вокруг упомянутого района для проведения операции «Цыганский барон» было закончено к 15 мая (см. схему 13).



13. Боевой путь 10-й панцер-гренадерской дивизии с апреля по ноябрь 1943 года

Сама 10-я панцер-гренадерская дивизия охраняла шоссе севернее, и железная дорога днем и ночью подвергалась массированным налетам советской бомбардировочной авиации. Многочисленные болота и первобытные лесные массивы со своим густым подлеском и миллионами комаров превращали прочесывание этой местности в чрезвычайно трудное задание для личного состава дивизии, требующее напряжения всех

физических сил. К этому надо добавить вероломную тактику партизан и минирование всех лесных троп минами в деревянном корпусе, на которые не реагировали немецкие миноискатели.

Операция «Цыганский барон» началась 16 мая в 3:30 утра. Главные силы 10-й панцер-гренадерской дивизии двинулись от шоссе в юго-западном направлении в следующем боевом порядке, справа налево: 2-й батальон 20-го гренадерского полка, 41-й гренадерский полк, 110-й бронированный разведывательный батальон. Штаб 20-го гренадерского полка и другие подразделения этого полка были подчинены действовавшей левее 18-й танковой дивизии. Таким образом, 10-я панцер-гренадерская дивизия снова была разделена на три части. Артиллерия была подчинена отдельным боевым группам для непосредственной поддержки в бою. Каждый день ставилась своя задача дня, которая – пусть и с большими трудностями из-за непроезжих дорог – всегда выполнялась. В некоторые дни не удавалось подвезти ни продовольствие, ни боеприпасы. Боевые столкновения с партизанами происходили довольно редко. Но, к сожалению, уже с первого дня и все последующее время наши войска несли потери из-за подрывов на минах. Если на минах подрывались пехотинцы, то обычно ранения были очень тяжелыми, что приводило к ампутации ноги или к смерти солдата. В тех же случаях, когда на мины наезжали транспортные средства, то обычно они получали только серьезные повреждения. Так, наряду с несколькими рядовыми дивизия потеряла в первый же день прочесывания лесов энергичного командира 1-й роты 110-го бронированного разведывательного батальона, обер-лейтенанта барона фон Кёница.

Первое крупное боевое столкновение произошло 17 мая у коммуны Гигант, где 2-й батальон 41-го гренадерского полка был внезапно атакован большим партизанским отрядом. Но чаще всего при наших энергичных действиях партизаны быстро отходили назад, не вступая в бой. Их жестокость в обращении с пленными стала очевидной, когда 110-й бронированный разведывательный батальон обнаружил в деревне Верхополье изуродованные до неузнаваемости тела шести немецких солдат. Офицер штаба дивизии, обер-лейтенант фон Браун, подвергся однажды нападению, когда с тремя своими людьми выполнял задание по установлению связи с соседней дивизией. Он сам и один из его бойцов были ранены, еще один боец был убит; третий добрался до штаба дивизии только несколько часов спустя.

Во время проведения операции «Цыганский барон» часто шли сильные дожди, тогда по лесным дорогам и тропам могли передвигаться только пешие солдаты и транспортные средства на

гусеничном ходу. Управление отдельными подразделениями осуществлялось только по радио, причем рации приходилось возить на небольших деревянных повозках.

К 24 мая главные силы дивизии справились с полученным боевым заданием. Дивизия прочесала весь район боевых действий. Было уничтожено около 150 партизан. 1500 человек, включая перебежчиков, было захвачено в плен, среди них оказались женщины и даже дети. Основные силы 20-го гренадерского полка еще несколько дней оставались в подчинении 7-й пехотной дивизии, которая продолжала операцию против партизан. А 110-й бронированный разведывательный батальон остался в подчинении полкового штаба «Десна».

К 5 июня партизанские отряды, действовавшие в лесах восточнее и юго-восточнее города Трубчевск, были оттеснены на небольшой пятачок в долине между реками Нерусса и Десна и там уничтожены. При этом отмечались очень странные методы ведения боя партизанами. Например, в заболоченной местности они передвигались по деревянным мосткам, проложенным под водой. Или они стояли в болоте в воде, доходившей им до подбородка, замаскировав голову камышом. При появлении немецких солдат они полностью погружались в воду и дышали через трубочку из тростника.

Для главных сил дивизии наступили спокойные дни. Дивизия была задействована на западном берегу Десны, на участке от Брянска до впадения в Десну речки Навля, чтобы воспрепятствовать просачиванию партизан на запад. В эти дни штаб дивизии размещался в саду рядом с деревней Дубровка. Поскольку партизаны отошли на юг, у личного состава дивизии появилось время, чтобы отдохнуть от невероятного физического напряжения последних дней.

5 июня операция «Цыганский барон» была завершена. 5 и 6 июня, совершив два ночных перехода, дивизия вновь вернулась в район севернее Орла, чтобы занять исходные позиции перед крупномасштабным наступлением в районе Орла и Курска. Командный пункт дивизии находился в роще северо-восточнее деревни Вязки. И другие танковые дивизии, принимавшие участие в операции «Цыганский барон», вернулись в свои прежние районы дислокации севернее Орла. Однако и Советы не бездействовали на участке фронта между Белгородом и Орлом. И они сосредоточили в районе Курска крупные силы (артиллерию, танки, реактивные установки залпового огня, авиационные эскадры бомбардировочной и штурмовой авиации). Правда, было неясно, предназначались ли эти крупные силы для обороны, или

русские хотели мощным ударом в направлении Днепропетровска вернуть себе свою главную житницу, Украину.

До сих пор все еще не был назначен день начала немецкого наступления. Капитуляция в Тунисе и связанная с этим неопределенность относительно момента высадки западных держав в Европе, а также то обстоятельство, что немецкое командование еще не закончило подготовку к наступлению, привели к перенесению срока начала наступления. Поэтому последующие недели были использованы для занятий боевой подготовкой с личным составом дивизии, чтобы дивизия была в состоянии выполнить любое задание вышестоящего командования. Поскольку 10-я панцер-гренадерская дивизия считалась «ударной дивизией», командирам подразделений предстояло провести тщательную рекогносцировку местности для успешного выполнения предстоящих заданий. Поставка вооружения и военной техники, прежде всего автомобилей, продолжалась, так что к концу июня дивизию с полным правом можно было называть полностью моторизованной и «готовой к битве».

Между тем боевая активность на фронте постепенно возрастала. Каждую ночь крупные авиационные соединения люфтваффе направлялись в советский тыл. Их главным объектом атаки был город Горький. Но и советские бомбардировщики почти каждую ночь бомбили Орел, Карачев или Брянск, чтобы по мере сил помешать снабжению немецких войск. Все это указывало на то, что день наступления приближался. И действительно, 27 июня поступил приказ о проведении операции «Цитадель». Решающая битва этого лета должна была начаться 5 июля. Мощные германские группировки с самыми современными средствами нападения заняли исходные позиции: самолеты, тяжелые танки типа «Тигр» и «Пантера», тяжелая артиллерия, штурмовые орудия, полк реактивных минометов и новейшее оружие – небольшие танкетки без экипажа с дистанционным управлением, несущие мощный заряд взрывчатого вещества. И 10-я панцер-гренадерская дивизия ожидала начала сражения в полной уверенности в своих силах.

Сначала дивизия была определена в резерв группы армий «Центр», вместе с другими танковыми дивизиями ее должны были подтянуть в качестве третьего эшелона наступающих войск. Прорыв вражеского оборонительного рубежа должны были осуществить пехотные дивизии, занимавшие позицию на передовой.

После удачного прорыва целый ряд танковых дивизий, стоявших позади них, наступал в направлении Курска. Затем

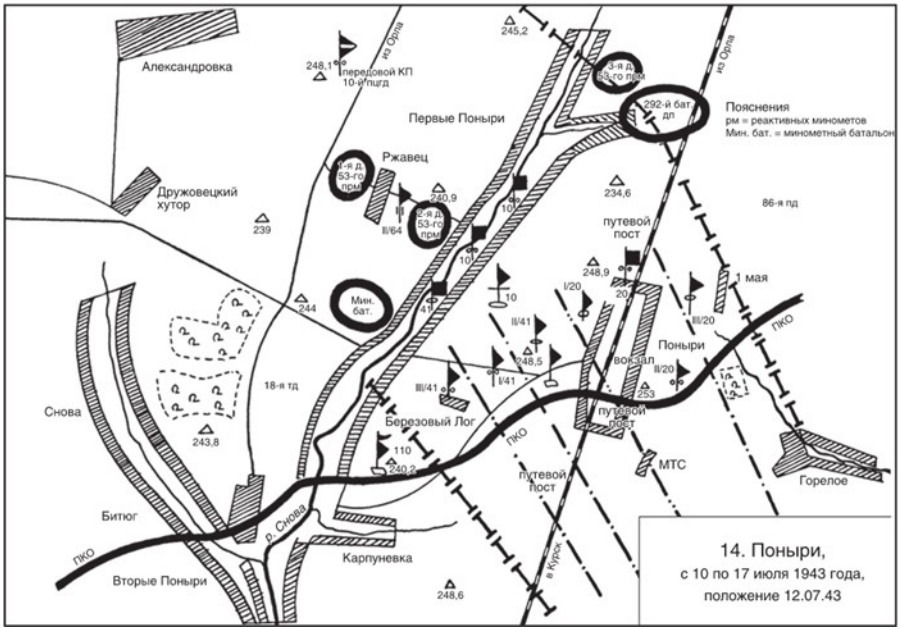
третий эшелон наступающих войск должен был добиться соединения с ударной группой, наступающей на Курск с юга из района Белгорода. Но при большой концентрации советских сил принималось в расчет, что третий эшелон мог быть использован и для отражения вражеских контратак.

Операция «Цитадель»

Для усиления казематной артиллерии еще 28 июня 10-й моторизованный артиллерийский полк был переброшен на участок XXXXI танкового корпуса (командир – генерал-полковник Харпе), которому на время предстоящего наступления была подчинена и вся 10-я панцер-гренадерская дивизия. В ночь с 4 на 5 июля дивизия была выдвинута в район южнее Орла. Выдвижение происходило беспрепятственно по предварительно разведанному и обозначенному маршруту № 2 и без каких-либо помех со стороны противника. Командный пункт дивизии находился в деревне Оловянниково.

Наступил день X, оказавшийся чудесным летним днем. На рассвете крупные немецкие авиационные соединения бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием истребителей потянулись на юг. Показалось, что советские военно-воздушные силы были полностью выведены из строя. О начавшейся битве свидетельствовал только глухой грохот орудий. Само собой разумеется, что с передовой поступали весьма редкие донесения. Тем не менее к вечеру 5 июля стало известно, что по обе стороны от железной дороги Орел – Курск немецкие войска в ходе крайне ожесточенного кровопролитного боя сумели вклиниться во вражеские оборонительные позиции на участке шириной около 40 километров на глубину от 5 до 7 километров. Особую трудность для наступающих войск представляли многочисленные минные заграждения. Тяжелый бой шел за лес у деревни Озерки. Несмотря на использование нескольких эскадрилий пикирующих бомбардировщиков, занять этот лес так и не удалось.

6 июля германские люфтваффе возобновили свою деятельность уже в 2:30 ночи. Соединениями по 50 тяжелых бомбардировщиков или пикирующих бомбардировщиков они устремились на юг, чтобы нанести как можно более чувствительные потери спешащим в район сражения советским танковым резервам (от двух до трех танковых корпусов) еще до их вступления в бой.



И в этот день дивизии, действовавшие на переднем крае, вели чрезвычайно тяжелые бои. Русские оказались особенно сильны в артиллерии, минометах и реактивных установках залпового огня. В этот второй день сражения удалось добиться следующего результата: XXXXVII танковый корпус (командир – генерал танковых войск Лемельзен) снова продвинулся вперед примерно на 5 километров, в то время как примыкавший к нему справа XXXXVI танковый корпус (командир – генерал пехоты Цорн) из-за более слабой поддержки отстал от него на 5 километров, так что здесь мог возникнуть открытый фланг. XXXXI танковый корпус (Харпе) вел очень тяжелые бои за несколько населенных пунктов в районе поселка Поныри, и ему пришлось отражать целый ряд мощных атак противника. Слева XXIII армейский корпус (командир – генерал-лейтенант Фриснер) не смог продвинуться вперед ни на шаг из-за яростных контратак неприятеля. Тем не менее достигнутый до сих пор успех можно было считать вполне удовлетворительным. К этому моменту в районе Белгород – Орел было сбито 663 вражеских самолета. Немецкое командование ожидало, что на третий день битвы произойдут крупные танковые сражения.

7 июля сложилось следующее положение: XXXXVI танковый корпус не смог продвинуться вперед. В свою очередь XXXXVII танковый корпус опять продвинулся на 4 километра и окончательно прорвал оборонительный рубеж русских. Несмотря на мощные контратаки советских танков, корпус Харпе тоже

продвинулся вперед еще на 3 километра. Выдвижение к городу Малоархангельск советского танкового корпуса позволило сделать вывод, что русские собираются прорваться на примыкающем слева к Орлу юго-восточном участке фронта, чтобы нанести мощный удар по глубокому восточному флангу наступающих немецких войск.

По этой причине вечером 7 июля 10-я панцер-гренадерская дивизия получила приказ одной усиленной полковой группой выдвинуться в район поселка Змиёвка, а другой усиленной полковой группой в район западнее поселка Глазуновка. Штаб дивизии было приказано передислоцировать в район поселка Змиёвка. Так дивизии снова – как это уже часто случалось – грозил раскол на пять боевых групп: усиленный 20-й гренадерский полк находился на участке фронта восточнее Орла позади 78-й штурмовой дивизии (Траут); усиленный 41-й гренадерский полк стоял позади дивизии фон Гильза также на участке фронта восточнее Орла; 110-й бронированный разведывательный батальон, 10-й моторизованный саперный батальон, запасной батальон дивизии, а также подразделения и части снабжения находились южнее Орла; остатки подразделений и частей снабжения располагались севернее Орла.

Можно себе представить, каким было настроение у командования дивизии после получения этого приказа.

В ночь с 7 на 8 июля подразделения дивизии выступили в предназначенные им районы. Сам штаб дивизии отправился в село Цуканы.

Однако поскольку 8 июля танковые корпуса Советов не перешли в ожидавшееся наступление на участке фронта, расположенном южнее Орла, а, по всей видимости, передислоцировались в район поселка Поныри, то отдельные боевые группы дивизии так и не были введены в действие. Вечером 9 июля на командном пункте XXXXI танкового корпуса у села Архангельское командиру дивизии было объявлено, что он сам вместе со своим штабом должен немедленно принять командование 292-й пехотной дивизией, дислоцированной в районе поселка Поныри. Оказалось, что командир 292-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант фон Клюге, брат фельдмаршала, пострадал от несчастного случая (перелом лодыжки). В ночь с 9 на 10 июля 10-я панцер-гренадерская дивизия должна была сменить 292-ю пехотную дивизию. Тем самым дивизия оказалась на направлении одного из главных ударов немецкого наступления.

Еще 9 июля командиры полков были введены в курс дела относительно предполагаемых заданий в полосе 292-й пехотной

дивизии. 10 июля командир дивизии принял командование 292-й пехотной дивизией на передовом командном пункте на высоте 248,1 северо-западнее села Первые Поныри. Вследствие тяжелых боев предыдущих дней и постоянных атак противника при танковой поддержке и без нее боеспособность 292-й пехотной дивизии была сильно ослаблена, и в течение всего дня 10 июля постоянно возникали кризисные ситуации, с которыми, однако, удалось справиться.

Смена 292-й пехотной дивизии 10-й панцер-гренадерской дивизией в ночь с 10 на 11 июля прошла в основном спокойно. С передового наблюдательного пункта на высоте 248,1 открывался отличный обзор большей части полосы дивизии. На схеме отражено положение, сложившееся 11 июля. Дивизия располагала очень сильной артиллерией: в ее распоряжении находились семь артиллерийских дивизионов под командованием полковника Аккемана, полк реактивных минометов «Небельверфер», один тяжелый минометный батальон и один дивизион штурмовых орудий.

В течение дня постоянно происходили атаки противника при поддержке многочисленных танков; прежде всего, русские атаковали железнодорожную станцию Поныри. Все эти атаки были отбиты с помощью танков, артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, так что, несмотря на большое преимущество Советов в танках и артиллерии, к вечеру 11 июля дивизия прочно удерживала в своих руках передний край обороны на всем его протяжении.

Тем временем Советы провели новую мощную атаку по обе стороны от деревни Новосильевка, во время которой им, по всей видимости, удалось осуществить несколько глубоких вклинений. Поэтому дивизии пришлось направить в этот находящийся под угрозой район несколько автомобильных колонн, оставленных для перевозки пехотной дивизии.

Вплоть до 16 июля пришлось перейти к обороне и на участке XXXXI танкового корпуса. И только 17 июля планировалось возобновить наступление на этом участке фронта, для чего 10-й панцер-гренадерской дивизии были переподчинены отдельные воинские части 18-й танковой дивизии.

12 июля противник пытался как ночью, так и во время трех дневных атак ворваться на позиции дивизии, но повсюду его атаки были отбиты еще на дальних подступах к немецкому переднему краю. Большую роль в отражении этих вражеских атак сыграл прицельный огонь нашей артиллерии.

В этот же день крупные силы Советов перешли в наступление на участке фронта севернее Орла и добились значительного

успеха. Командованию 9-й армии пришлось направить на север форсированным маршем все имевшиеся у него резервы.

Несколько атак Советов, проведенных 13 и 14 июля в южной части поселка Поныри, потерпели неудачу, несмотря на поддержку танков. Один из перебежчиков заявил, что на 15 июля намечена мощная атака в полосе обороны дивизии. И действительно, атака началась в 4:15 утра после интенсивной артиллерийской подготовки. Однако перед фронтом дивизии атака была остановлена. За три часа боя только один 10-й истребительно-противотанковый дивизион уничтожил 15 советских танков. Унтер-офицер Шуллер из этого дивизиона в одиночку подбил из своей противотанковой пушки семь вражеских танков. Позднее он был награжден за этот геройский поступок Рыцарским крестом Железного креста. Во второй половине дня русские снова пошли в атаку, бросив в бой крупные танковые силы. Но и на этот раз их атаки были отбиты на всем протяжении фронта дивизии. Находившийся на правом фланге дивизии 110-й бронированный разведывательный батальон был атакован даже русской кавалерией. В течение дня в полосе обороны дивизии всего было подбито 49 вражеских танков.

Вследствие новых мощных атак Советов восточнее и севернее Орла немецкое наступление южнее Орла пришлось остановить. В течение трех ночей было приказано вернуться на старый передний край обороны у села Архангельское. Исполняя этот приказ, в ночь с 15 на 16 июля дивизия оторвалась от неприятеля и заняла оборонительный рубеж, проходивший в 4 километрах севернее. Противник не сразу заметил отход дивизии. Но уже на рассвете русские начали сильно теснить дивизию, и 16 июля они снова атаковали 41-й гренадерский полк, прикрывавший отход дивизии, однако все их атаки были отбиты.

Тем временем у Болхова сложилось такое угрожающее положение, что там пришлось ввести в бой 10-ю панцер-гренадерскую дивизию в полном составе. 17 июля командиру дивизии было приказано прибыть в Болхов на легком самолете «Физилер-Шторьх», где генерал-полковник Модель объяснил ему, в чем заключалась новаая задача. Еще в ночь с 16 на 17 июля 41-й гренадерский полк и 110-й бронированный разведывательный батальон были сняты с участка фронта южнее Орла и весь день 17 июля двигались через Орел в направлении Болхова, подвергаясь при этом постоянным атакам вражеской авиации.

В этот день 20-му гренадерскому полку пришлось выдержать очень тяжелый бой южнее села Архангельское. Он был атакован крупными силами вражеской пехоты, которую поддерживали около сорока танков. Нескольким танкам удалось прорваться

через позиции измотанного в предыдущих боях полка, но они были подбиты в ближайшем тылу. Вражеская пехота, ворвавшаяся на позиции 20-го гренадерского полка, будучи отрезанной от своих танков, не сумела оказать достойного сопротивления и после кровопролитной рукопашной схватки была выбита с позиций полка.

В ночь с 18 на 19 июля и 20-й гренадерский полк был снят с позиций у поселка Поныри и передислоцирован через Орел на север, где его ожидали новые тяжелые бои.

17 июля произошло три массированных налета советской бомбардировочной авиации, в которых приняли участие около 200 машин, на тыловой район дивизии. Во время третьей бомбардировки, под которую попал и командный пункт дивизии, была повреждена командирская машина начальника штаба дивизии и радиостанция системы управления авиацией, а также целый ряд других радиостанций.

Оборонительные бои между Болховом и Брянском в ходе эвакуации из Орловской дуги с 17 июля по 12 августа 1943 года

По приказу генерал-полковника Моделя 10-я панцер-гренадерская дивизия была переподчинена XXXXI танковому корпусу и, находясь в его распоряжении, должна была занять исходные позиции на второй линии обороны северо-восточнее Болхова. 18 июля командир дивизии приказал прибывшему в район севернее Орла 41-му гренадерскому полку, усиленному частями 110-го бронированного разведывательного батальона и 10-го моторизованного артиллерийского полка, занять оборону позади ведущего тяжелый бой LVII армейского корпуса (командир – генерал пехоты Голльвитцер) на уже разведанной позиции по обе стороны от деревни Будолбино, расположенной северо-восточнее Болхова. Во второй половине дня усиленный 41-й гренадерский полк выдвинулся на этот оборонительный рубеж. 110-й бронированный разведывательный батальон был подчинен непосредственно XXXXI танковому корпусу и по приказу командования корпуса подтянулся в район населенного пункта Кобылино (10 километров юго-восточнее Болхова).

Но уже 19 июля пришлось снять 41-й гренадерский полк с позиции под Болховом и направить через Болхов в район поселка Клягинский, так как западнее Болхова Советам также удалось осуществить глубокое вклинение. В этом районе русские ввели в бой три танковых корпуса, которые продвинулись к железнодорожной линии Орел – Брянск. В течение дня боевая группа 41-го гренадерского полка наступала в западном направлении через поселок Клягинский, взяла деревни Калинино и Зурянино и после тяжелого боя подошла к деревне Руднево. Однако в этот день так и не удалось занять группу высот западнее деревни Руднево, так как противник хорошо окопался на этих господствующих высотах, а многочисленные вражеские танки значительно осложняли продвижение вперед.

110-й бронированный разведывательный батальон, усиленный 2-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка и частями 10-го моторизованного саперного батальона, был использован для прикрытия левого фланга боевой группы 41-го гренадерского полка и с боем взял деревни Кузьминки и Коротеево.

На рассвете 20 июля сюда же подтянулись и главные силы 20-го гренадерского полка с остальными частями 10-го

моторизованного артиллерийского полка, так что теперь в атаке на группу высот западнее деревни Руднево могли быть задействованы основные силы дивизии. Дивизия заняла исходные позиции для атаки у деревни Руднево и к югу от нее, причем 41-й гренадерский полк расположился справа, а 20-й гренадерский полк занял исходную позицию слева. В это же время 110-й бронированный разведывательный батальон должен был прикрывать левый фланг дивизии на рубеже реки Цкань. Ближе к вечеру после тяжелого боя, проходившего с переменным успехом, при отличной поддержке 10-го моторизованного артиллерийского полка, пехоте удалось занять группу высот в районе деревень Горки – Долбилово.

21 июля дивизия должна была захватить группу высот у деревень Столбчее и Корентяево. Однако рано утром крупные силы Советов прорвались на правом фланге 9-й танковой дивизии, и их танки с пехотой на броне появились совсем рядом с командным пунктом 20-го гренадерского полка. Командиру дивизии, который в этот момент находился на полковом командном пункте, удалось поднять по тревоге танковый батальон 9-й танковой дивизии, дислоцированный в деревне Корентяево. С помощью этого батальона вражеское вклинение удалось ликвидировать. У командного пункта 10-й панцер-гренадерской дивизии неожиданно появился вражеский танк, но и он был уничтожен одним из орудий 10-го моторизованного артиллерийского полка, открывшим по нему огонь прямой наводкой.

Намеченная атака на группу высот у деревень Столбчее и Корентяево из-за критического положения, сложившегося на левом фланге дивизии, и нехватки снарядов у артиллеристов в этот день так и не была проведена. Дивизия заняла оборону на достигнутом рубеже. Брешь, возникшая между 10-й панцер-гренадерской дивизией и 9-й танковой дивизией, контролировалась с помощью разведывательных бронеавтомобилей обеих дивизий.

22 июля, едва начало светать, как в селе Большая Чернь, где находился командный пункт дивизии, появился советский Т-34. Однако с помощью противотанковой пушки он был вскоре подбит. На рассвете в полосе обороны дивизии начались мощные вражеские атаки при поддержке более двадцати танков и штурмовой авиации, и прежде всего на участке 41-го гренадерского полка. К 8 часам утра отважный полк сумел уничтожить в ближнем бою шесть вражеских танков. Наша пехота, как на учениях, позволила русским танкам проехать над своими траншеями, а затем удержала передний край обороны,

отбив атаку советской пехоты. Большая часть прорвавшихся вражеских танков была позднее уничтожена в ближайшем тылу дивизии с помощью противотанкового оружия, 88-мм зениток и артиллерии. Как и во время боев южнее Орла, и в этом бою отлично зарекомендовали себя только что поступившие на вооружение противотанковые пушки на самоходном лафете.

В течение дня противник предпринял еще три атаки, пытаясь прорвать позиции дивизии. Все эти атаки были отбиты, в том числе и в ходе ответных контратак. Вечером дивизия прочно удерживала в своих руках передний край обороны на всем его протяжении. В полосе обороны дивизии остались 16 горящих танков 4-го советского ударного танкового полка. Безвозвратные потери противника оказались в последние дни очень большими, о чем свидетельствовали многочисленные тела мертвых красноармейцев, обнаруженные на захваченной дивизией территории. Но и потери дивизии оказались весьма чувствительными. В период с 1 и по 22 июля дивизия потеряла: 20 офицеров убитыми и 38 ранеными, а также 407 убитых и около 1800 раненых унтер-офицеров и рядовых.

И 23 июля противник продолжил атаковать позиции дивизии крупными силами своей пехоты при поддержке многочисленных танков. Но и в этот день Советам не удалось добиться успеха. Снова перед позициями дивизии замерли шесть подбитых советских танков. В ночь на 24 июля с разрешения командования корпуса и с учетом характера местности 41-й гренадерский полк отошел примерно на 1 километр назад.

24 и 25 июля серьезных боевых столкновений не было. Эта короткая передышка была крайне необходима совершенно измотанным бойцам, которые с 11 июля не выходили из боя. На всем протяжении оборонительного рубежа активно велись работы по оборудованию позиций.

На рассвете 26 июля у деревни Столбчее и к западу от нее было обнаружено скопление крупных танковых сил противника, уже приведенных в боевую готовность, и сосредоточение советских пехотных соединений. Речь шла о сосредоточении на участке дивизии около ста вражеских танков Т-34 и Т-70.

Советскому наступлению предшествовал ураганный артиллерийский огонь, затем последовала крупномасштабная танковая атака, поддержанная штурмовой авиацией. Это были тяжелые часы для командиров всех уровней, но прежде всего для нашей отважно сражавшейся пехоты. На многих участках фронта то и дело возникали вклинения и складывалось критическое положение. Но к вечеру все атаки противника были отбиты. 10-я панцер-гренадерская дивизия непоколебимо стояла на своих

позициях. В полосе обороны дивизии дымилось около 60 танков переброшенного сюда свежего советского танкового корпуса. 39 из них дивизия уничтожила имевшимся у нее противотанковым оружием. Обер-ефрейтор Виллингер из 2-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона в течение всего лишь 15 минут подбил из своей противотанковой пушки восемь вражеских танков. За этот подвиг он был награжден похвальной грамотой главнокомандующего сухопутными войсками. Остальные советские танки были подбиты частично немецкими танками, частично 88-мм зенитками. За период с 11 по 26 июля дивизия уничтожила собственными средствами 135 вражеских танков.

«Ввиду подавляющего преимущества русских армий, мощь которых в разгар битвы возросла до 82 стрелковых дивизий, 12 артиллерийских дивизий и большого числа отдельных танковых соединений, обе немецкие армии на Орловской дуге были вынуждены в конце июля отойти на хордовую позицию, которая проходила восточнее Брянска вплотную к этому городу. В результате сокращения линии фронта и перехода к обороне для нужд Верховного командования было высвобождено восемь пехотных дивизий, три панцер-гренадерские дивизии и шесть танковых дивизий» (*Типпельскирх К. фон.* История Второй мировой войны).

Правда, стоит отметить, что в ходе предыдущих тяжелых боев все эти дивизии были сильно ослаблены и понесли большие потери, как в живой силе, так и в боевой технике.

В ходе реализации этой операции по отводу немецких войск в ночь с 28 на 29 июля и 10-я панцер-гренадерская дивизия отошла на новый оборонительный рубеж по обе стороны от деревни Кузьминки. Развернув свой правый фланг, она заняла оборону фронтом на север. К сожалению, из состава дивизии был выведен тяжелый 3-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка. В преддверии ожидавшихся тяжелых боев это была особенно чувствительная потеря. Дивизион отправился в Карачев, чтобы вступить в бой в составе панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд».

Противник продолжал наседать. Уже в 8 часов утра 29 июля полки доложили о скоплении пехоты и танков противника в долине реки Цкань севернее деревни Кузьминки. К полудню наблюдатели насчитали уже около сорока вражеских танков, и вскоре после этого Советы пошли в атаку, бросив в бой крупные пехотные соединения и танки. В этот день дивизии пришлось нести основную тяжесть боя. Запрошенная командованием дивизии авиационная поддержка так и не появилась. Отсутствие

тяжелого артиллерийского дивизиона, неблагоприятный для использования противотанковых пушек рельеф местности, а также постоянные прорывы вражеских танков к нашему переднему краю обороны, во время которых они утюжили одиночные стрелковые окопы, давя своими гусеницами наших бойцов, привели к большим потерям. При мощной поддержке танков Советам удалось осуществить несколько глубоких вклинений. Тем не менее и в этот день противнику не удалось окончательно прорвать нашу оборону.

И 30 июля продолжались упорные бои. У села Большая Чернь неприятелю удалось вклиниться в наш передний край обороны.

Но при поддержке танкового батальона в ходе стремительной контратаки нам снова удалось ликвидировать это вклинение.

Из показаний пленных следовало, что 31 июля перед полосой обороны дивизии Советы сосредоточили танковый корпус и гвардейскую стрелковую дивизию. Вражеские штурмовики и бомбардировочные эскадры с утра до вечера принимали активнейшее участие в наземных боях. Но и на этот раз русской пехоте так и не удалось добиться успеха.

После этих тяжелых, кровопролитных боев в ночь с 31 июля на 1 августа в ходе дальнейшего планомерного отхода германских войск дивизия была отведена назад. 20-й гренадерский полк, который в этот период был переподчинен 18-й танковой дивизии, занял позицию в районе села Локно, а усиленный 41-й гренадерский полк занял оборону по обе стороны от села Черное. 110-й бронированный разведывательный батальон и 10-й моторизованный саперный батальон отошли в район Карачева, где они перешли в подчинение XXIII армейского корпуса.

Следующей ночью планировалось снять 10-ю панцер-гренадерскую дивизию с фронта и передислоцировать ее в Карачев. Однако вследствие глубоких вклинений противника в полосе 25-й панцер-гренадерской дивизии запланированная смена так и не была проведена, и дивизия продолжала участвовать в тяжелых арьергардных боях. Так, например, 2 августа во время отражения атаки пехоты и танков противника на село Селихово бойцы 41-го гренадерского полка сумели подбить два вражеских танка. Вечером 3 августа двенадцать советских танков вклинились на участке 20-го гренадерского полка. После того как были выведены из строя три вражеских танка, в ходе стремительной контратаки вклинение было ликвидировано. В первые ночные часы 3 августа 20-й гренадерский полк был снят с передовой и передислоцирован в село Здимеров (северо-восточнее Карачева). И 4 августа 41-й гренадерский полк

продолжал действовать в составе 18-й танковой дивизии, в то время как 20-й гренадерский полк отправился в поселок Хотынец, где в ближайшие дни дивизии предстояло сменить панцер-гренадерскую дивизию «Гроссдойчланд». Так дивизия снова была разделена на четыре части: 41-й гренадерский полк сражался у села Селихово, 20-й гренадерский полк находился на марше, 110-й бронированный разведывательный батальон был занят на охране железной дороги и шоссе, а 10-й моторизованный саперный батальон занимался оборудованием позиций под Карачевом.

5 августа командный пункт дивизии был перенесен в деревню Малое Нарышкино (северо-восточнее Карачева). В ночь с 5 на 6 августа 10-я панцер-гренадерская дивизия вместе с воинскими частями двух других дивизий сменила панцер-гренадерскую дивизию «Гроссдойчланд», которая была отправлена по железной дороге в Белгород. На этой позиции дивизия держала оборону вплоть до 11 августа, отражая слабые атаки противника.

Днем 12 августа поступил приказ, в котором сообщалось, что в ночь с 12 на 13 августа дивизия снимается с позиции и передается в группу армий «Юг». После завершения смены дивизия собралась со всеми своими боевыми частями северо-восточнее Карачева. Штаб дивизии был перенесен в деревню Косторовка, расположенную в 10 километрах юго-западнее Брянска, чтобы подготовить отправку дивизии по железной дороге.

С отправкой в группу армий «Юг» 10-я панцер-гренадерская дивизия выбывала из состава группы армий «Центр», в которую она входила в течение более двух лет. Выдающиеся достижения командования и личного состава дивизии лучше всего продемонстрирует собственноручное письмо главнокомандующего группой армий «Центр» командиру 10-й панцер-гренадерской дивизии, которое приведено ниже:

> «Главнокомандующий группой армий «Центр» Штаб-квартира, 15 августа 1943 г.
>
> Дорогой Шмидт!
>
> Выражаю Вам лично и Вашей отважной дивизии свою особую благодарность и высочайшую признательность. С самого начала войны дивизия входила в группу армий «Центр» и, будучи задействованной на самых решающих участках, внесла весомый вклад в славные победы группы армий «Центр». Дивизия всегда отличалась образцовым командованием и храбростью личного состава.

Сегодня, в день Вашего отбытия из расположения группы армий «Центр», я рад и одновременно обязан подчеркнуть, что Вы и дивизия до конца выполнили свой долг и навеки прославили боевое знамя дивизии. Я убежден, что и на новом месте дивизия не ударит в грязь лицом и добьется такого же успеха.

Желаю дивизии всего наилучшего в ее дальнейшем боевом пути.

Подписано: *фон Клюге*».

В сводке вермахта от 3 сентября 1943 года, в которой сообщается об отводе германских войск из района Орловской дуги, вновь упоминается 10-я панцер-гренадерская дивизия. В ней, в частности, говорится:

«В этом крупном оборонительном сражении особо отличились… 10-я панцер-гренадерская дивизия, укомплектованная уроженцами Нижней Баварии и Верхнего Пфальца».

Битва под Ахтыркой и отход к Днепру (с 18.08 по 24.09.1943)

«После прекращения немецких атак Советы перешли в наступление крупными силами и южнее Курска. Эта операция выполнялась силами русского Воронежского фронта, наступавшего в направлении Белгород – Харьков. Наступление развивалось стремительно, и уже 4 августа советские войска достигли пригородов Харькова. Немецкие силы, которые были высвобождены при отходе из Орловской дуги, пришлось сразу же снова использовать, чтобы остановить это наступление русских» (*Типпельскирх К. фон.* Вторая мировая война).

Среди этих сил находилась и 10-я панцер-гренадерская дивизия. 13 августа она была посажена в несколько эшелонов в Брянске, которые 14, 15 и 16 августа отправились через Почеп, Унечу, Конотоп и Бахмач в Миргород, где дивизия была выгружена. Здесь в памяти ветеранов дивизии сразу же ожили воспоминания о победоносных летних сражениях 1941 года!

В чудесную погоду дивизия двигалась по Украине. Какое же резкое отличие от Центральной России! Повсюду огромные плодородные поля пшеницы и подсолнечника, делянки, усеянные спелыми дынями. Большие села с побеленными известью хатками производили приятное впечатление. На железнодорожных станциях к воинским эшелонам спешили опрятно одетые женщины и продавали деревенские продукты, выращенные на своих огородах, правда по неслыханно высоким ценам. Тем не менее торговля шла бойко, так как у солдат были деньги, к тому же после небогатого ассортимента в маркитанских лавках свежие овощи, фрукты и яйца были вдвойне желанны. А вообще-то почти всю дорогу бойцы дивизии спали и отдыхали, приходя в себя после нечеловеческого напряжения последних недель битвы на Орловской дуге.

Положение, сложившееся под Полтавой, оказалось довольно неприятным. Командование 4-й танковой армии (генерал-полковник Гот) и XXIV танкового корпуса (генерал танковых войск Неринг), которым теперь подчинялась дивизия, считало, что уже в ближайшие дни русские будут прорываться к Полтаве. В качестве ответной меры было запланировано силами боевой группы СС нанести удар из района западнее Харькова на северо-запад. Одновременно с этим XXIV танковый корпус, состоявший из 10-й панцер-гренадерской дивизии, 7-й танковой дивизии и панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд», должен был

наступать из района Ахтырки на юго-восток. Соединение этих двух группировок позволило бы отрезать наступавшего на Полтаву противника, окружить его и уничтожить. Кроме того, это позволило бы значительно сократить линию фронта.

К 16 августа все подразделения дивизии выгрузились из эшелонов и сосредоточились в районе западнее Ахтырки. 110-й бронированный разведывательный батальон обеспечивал охрану этого сосредоточения с востока на рубеже реки Ворскла.

18 августа XXIV танковый корпус перешел в наступление с плацдарма под Ахтыркой, нанося удар в юго-восточном направлении, чтобы соединиться с дивизиями СС, наступавшими со стороны поселка Коломак. Для предстоящей атаки 10-й панцер-гренадерской дивизии, которая действовала на правом фланге корпуса, впервые был подчинен 239-й дивизион штурмовых орудий, который оказался ценным соратником и в последующих боях. К сожалению, этот дивизион прибыл только поздно вечером 18 августа, так что в первый день пришлось наступать без этого превосходного вида вооружения. При сравнении оснащения вооружением панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» с ее новейшими танками, штурмовыми орудиями, реактивными минометами, противотанковыми пушками и мощной артиллерией с оснащением 10-й панцер-гренадерской дивизии сразу бросалось в глаза, какими же «бедняками» мы были. Тем выше следует оценить отличные достижения дивизии во всех предыдущих боевых действиях.

После занятия исходного положения на южной окраине Ахтырки и при огневой поддержке 10-го моторизованного артиллерийского полка в 7 часов утра дивизия пошла в атаку. Действовавший справа 41-й гренадерский полк получил в качестве объекта атаки село Хухра, а наступавший слева 20-й гренадерский полк – село Мошенка. Слева пошла в атаку панцер-гренадерская дивизия «Гроссдойчланд», а слева от нее атаковала 7-я танковая дивизия. Из-за того, что атака 20-го гренадерского полка проходила на открытой местности, а также из-за наличия у противника большого числа танков она развивалась очень тяжело, тем более что еще не прибыл 239-й дивизион штурмовых орудий. В течение дня 20-му гренадерскому полку так и не удалось взять Мошенку, а 41-й гренадерский полк не сумел овладеть селом Хухра. И только когда уже начало смеркаться, 20-й гренадерский полк взял село штурмом. Противник в панике отступил, оставив полку богатые трофеи, в том числе три исправных Т-34 и два склада боеприпасов, а также много пленных.

Поздно вечером прибыл наконец и долгожданный 239-й

дивизион штурмовых орудий, так что 19 августа наступление можно было продолжать при мощной бронетанковой поддержке. На западном берегу Ворсклы у села Куземин и к северу от него как 110-й бронированный разведывательный батальон, так и части 10-го моторизованного саперного батальона вели бой с более слабыми силами неприятеля, которые форсировали Ворсклу и прорвались на запад.

19 августа при эффективной поддержке 239-го дивизиона штурмовых орудий и главных сил 10-го моторизованного артиллерийского полка 20-й гренадерский полк продолжил наступление на юг. По мере развития атаки и дальнейшего продвижения на юг штаб дивизии сменил позицию и передислоцировался в село Мошенка. К полудню после ожесточенного боя с советскими танками удалось захватить плацдарм за небольшой речушкой у села Новоивановка. Еще в этот же день полку удалось продвинуться дальше на юг и к вечеру захватить плацдарм на берегу речки Котелка у села Сидоряче. В этот день на участке 20-го гренадерского полка было подбито 18 вражеских танков и захвачены богатые трофеи и много пленных. К сожалению, атака 41-го гренадерского полка на село Хухра и на лес, расположенный южнее этого села, снова потерпела неудачу. Вечером командный пункт дивизии был перенесен в село Новоивановка.

Между тем в районе реки Ворскла сложилось угрожающее положение, так как противник форсировал реку и прорвался на запад. 110-й бронированный разведывательный батальон, усиленный 3-м батальоном 20-го гренадерского полка, 3-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка, 2-й ротой 239-го дивизиона штурмовых орудий и одним взводом 4-й (зенитной) роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, провел успешную атаку, отбросил противника назад и восстановил передний край обороны.

20 августа в первой половине дня в полосе наступления дивизии сначала была проведена разведка боем по всем направлениям. Наступавшей накануне на юго-восток панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» также пришлось отражать мощные фланговые атаки противника в районе южнее большого села Михайловка. Чтобы помочь 41-му гренадерскому полку продвинуться вперед, где-то около полудня 20-й гренадерский полк начал фланговую атаку в направлении сел Хухра и Михайловка. К вечеру, после упорного боя, в котором было подбито 11 вражеских танков, оба села были взяты.

В этот день усиленный 110-й бронированный разведывательный батальон продолжал вести бой на берегах

Ворсклы.

В то время как 21 августа панцер-гренадерская дивизия «Гроссдойчланд» и 7-я танковая дивизия продолжали наступление на юг, чтобы соединиться с дивизиями СС, наступавшими с юга, 10-я панцер-гренадерская дивизия в первой половине дня проводила зачистку местности южнее села Хухра. Отдельные части 20-го гренадерского полка пришлось развернуть на восток, чтобы отразить атаку Советов во фланг панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд».

Тем временем советские войска перешли в атаку и северо-западнее Ахтырки и осуществили несколько вклинений в полосе обороны позиционных дивизий. Поэтому 10-я панцер-гренадерская дивизия была снята с участка фронта восточнее Ворсклы, и во второй половине дня 21 августа ее основные силы двинулись через Ахтырку на запад, чтобы принять участие в блокировании вражеского прорыва между городами Ахтырка и Сумы. И только боевая группа Вальтера (штаб, 1-й и 2-й батальоны 20-го гренадерского полка и 3-й батальон 41-го гренадерского полка) оставалась по-прежнему в подчинении панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд», которой 22 августа пришлось вступить в крайне ожесточенный бой с противником.

В этот же самый день дивизия (без боевой группы Вальтера) приняла на себя охранение корпуса с северо-запада на участке реки Грунь-Ташань с плацдармами у сел Комыш и Зинькив. Перед фронтом дивизии находились главным образом части одного из советских танковых корпусов, которые постоянно пытались ликвидировать плацдармы, захваченные там ранее усиленным 110-м бронированным разведывательным батальоном. Во время этих боев в руки бойцов 110-го бронированного разведывательного батальона попали два исправных советских Т-34. В эти танки были посажены немецкие экипажи, и теперь они использовались для ведения разведки. Два других вражеских танка были подбиты.

В ночь с 21 на 22 августа участки охранения на реке Грунь-Ташань были распределены заново. Усиленный 110-й бронированный разведывательный батальон взял на себя охрану плацдарма у села Комыш, а усиленный 41-й гренадерский полк охранял плацдарм у села Зинькив.

В ночь с 22 на 23 августа по приказу командования корпуса усиленный 110-й бронированный разведывательный батальон оставил плацдарм у села Комыш. И, напротив, в результате выдвижения вперед постов боевого охранения плацдарм у села Зинькив был расширен, так как с этого плацдарма планировалось

вскоре начать атаку. В ходе проведенной разведывательной вылазки удалось выяснить, что населенные пункты Тарасивка и Бобровник заняты крупными силами противника. 24 августа Советы атаковали крупными силами только на участке 110-го бронированного разведывательного батальона, но все их атаки были отбиты. Во второй половине дня части дивизии, располагавшиеся у села Зинькив, сменила 34-я пехотная дивизия (командир – генерал-лейтенант Хохбаум). Ночью советские бомбардировщики нанесли мощные бомбовые удары по обоим плацдармам.

Обращенный на север фронт XXXXVII танкового корпуса был отведен на рубеж севернее села Зинькив, при этом было выставлено сильное боевое охранение.

В течение 25 августа в район села Грунь прибыла и боевая группа Вальтера, действовавшая в составе панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд». Командование XXIV танкового корпуса планировало 26 августа силами 10-й панцер-гренадерской дивизии и панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» начать наступление на север с плацдарма у села Зинькив. Именно поэтому по приказу командования корпуса 110-й бронированный разведывательный батальон был выведен с плацдарма у села Комыш и сначала выдвинут в район юго-восточнее села Бобровник. Батальон должен был прикрывать левый фланг дивизии на высотах южнее села Веприк. Но у села Теплое батальон вступил в тяжелый бой с разведывательным батальоном противника, однако ему удалось выбить неприятеля из села и захватить много пленных. Кроме того, наши разведчики захватили два разведывательных бронеавтомобиля и целую колонну грузовиков с американской тушенкой. При этом особенно тяжелый бой пришлось вести 2-й роте, которая временами бывала полностью отрезана от основных сил своего батальона.

Сама дивизия (командный пункт дивизии располагался южнее села Бобровник) в 6 часов утра пошла в атаку на север силами 41-го гренадерского полка справа и 20-го гренадерского полка слева. При эффективной огневой поддержке 10-го моторизованного артиллерийского полка и 239-го дивизиона штурмовых орудий атака развивалась успешно, так что уже к полудню удалось выйти к группе высот севернее села Левченки. Но затем сопротивление противника значительно усилилось. Позже выяснилось, что дивизия атаковала группировку русских, уже занявшую исходные позиции для наступления, и при этом ей удалось разгромить целый советский полк. В полосе наступления дивизии остались лежать 13 горящих вражеских танков. Были

захвачены три разведывательных бронеавтомобиля и много пленных. Этот день оказался для дивизии очень успешным, что было отмечено и командующим 4-й танковой армией, генерал-полковником Готом, который прибыл вечером на командный пункт дивизии в селе Тарасивка.

И 27 августа наступление в северном направлении было продолжено. До полудня наступление развивалось успешно. В плен попало около 350 красноармейцев. Но затем произошло несколько налетов советской бомбардировочной авиации и – при эффективной поддержке артиллерии, реактивных установок залпового огня и минометов – начались постоянные яростные атаки русской пехоты и танков на позиции дивизии. При отражении этих атак было подбито семь вражеских танков.

С наступлением ночи 10-я панцер-гренадерская дивизия была вынуждена перейти к обороне, так как справа 34-я пехотная дивизия не выдержала темпа наступления и отстала, в результате чего возникла серьезная угроза с фланга. Кроме того, безвозвратные потери 10-й панцер-гренадерской дивизии были значительными. Среди прочих был ранен и отличный командир 41-го гренадерского полка, полковник Вебер. Командование полком взял на себя подполковник фон Тайн, командир 3-го батальона 41-го гренадерского полка. 110-й бронированный разведывательный батальон сменил понесший сильные потери 2-й батальон 20-го гренадерского полка, а 10-й моторизованный саперный батальон был использован для закрытия бреши в стыке с 34-й пехотной дивизией. Командный пункт дивизии был переброшен к самой передовой и разместился в животноводческом колхозе северо-западнее села Левченки.

И 28 августа немецкое наступление продолжалось. К 14 часам 41-му гренадерскому полку удалось после тяжелого уличного боя и кровопролитных рукопашных схваток занять село Вороновщина и удержать его, отразив пять атак неприятеля. Но затем, после вывода из строя еще четырех вражеских танков силы дивизии иссякли.

Ночью только что снятый с позиций 1-й батальон 20-го гренадерского полка снова сменил на передовой 110-й бронированный разведывательный батальон. Последний был использован для прикрытия левого фланга дивизии в районе села Косяки.

29 августа дивизия была вынуждена на всем протяжении своего фронта отбивать мощные атаки вражеской пехоты и танков. Весь день происходили воздушные налеты советской штурмовой и бомбардировочной авиации на передний край обороны и на ближайший тыл дивизии. Одна из таких

бомбардировок командного пункта дивизии случилась как раз в тот момент, когда там происходила постановка боевой задачи командиром дивизии. Правда, за исключением нескольких легкораненых, других потерь не было.

В ходе этих боев боевая численность воинских частей дивизии существенно сократилась. Например, 41-й гренадерский полк насчитывал в своих рядах только 320 бойцов. Похожим образом обстояли дела в 20-м гренадерском полку и в 110-м бронированном разведывательном батальоне, хотя во всех соединениях уже давно забрали из обозов и тыловых подразделений последних бойцов, без которых те могли обойтись.

В ночь с 29 на 30 августа неожиданно поступил приказ на отход по всему фронту. Позже стало известно, что для этого имелась веская причина, так как в конце августа советские Степной, Воронежский и Центральный фронты начали крупномасштабное наступление на позиции группы армий «Юг» и действовавшей севернее 2-й армии группы армий «Центр». Это наступление русских в полосе 2-й армии началось еще 26 августа и привело к быстрому оперативному прорыву противника, который серьезно угрожал глубокому северному флангу 4-й танковой армии, поэтому 4-я танковая армия и 8-я армия были вынуждены отойти.

Плацдарм под Ахтыркой, который был захвачен в ходе тяжелых боев, пришлось постепенно оставить. Во время этого отступления 10-я панцер-гренадерская дивизия развернулась фронтом на северо-восток от села Левченки до совхоза «Холодный». 31 августа 1943 года 10-й истребительно-противотанковый дивизион подбил с момента ввода в действие 10 июля свой сотый вражеский танк.

В этот день после мощной огневой подготовки, в которой приняли участие артиллерия, «сталинские орга́ны» и минометы, Советы перешли в наступление на всем протяжении фронта дивизии, поддержанные штурмовой и бомбардировочной авиацией и танками. У совхоза «Холодный» в и без того слабо охраняемом стыке между 20-м гренадерским полком и действовавшей левее 112-й пехотной дивизией противник сумел осуществить глубокое вклинение. Одновременно крупные танковые соединения русских атаковали в южном и юго-западном направлениях. Тем не менее ограниченные резервы дивизии позволили ликвидировать некоторые вклинения. Ближе к вечеру поступило донесение, что противник глубоко вклинился в левый фланг дивизии. Для командования дивизии это был очень тяжелый день, к тому же постоянные налеты вражеской авиации существенно мешали эффективному управлению войсками в бою.

В период с 1 по 10 сентября продолжались тяжелые бои с переменным успехом, как в полосе 10-й панцер-гренадерской дивизии, так и на участке соседней справа 34-й пехотной дивизии, а также занимавшей участок слева 112-й пехотной дивизии. Постепенно терявшим свою боеспособность из-за больших потерь в живой силе и технике немецким дивизиям, оборонявшимся по системе опорных пунктов, противник противопоставил массированное применение пехоты, танков, артиллерии, «сталинских орга́нов» и своей боевой авиации. Бойцы всех родов войск, от пехотинцев до обозников, демонстрировали чудеса мужества, отваги и стойкости. Командиры всех уровней сражались плечом к плечу со своими солдатами, оказываясь перед решением все более сложных задач. В рамках данной книги невозможно подробно описать эту героическую борьбу горстки храбрецов против имевшего многократное преимущество противника. Пусть же описание хотя бы отдельных эпизодов этой героической борьбы поможет воздать должное достижениям немецкого солдата в эти неслыханно тяжелые недели войны.

1 сентября после сильнейшей артиллерийской подготовки Советы атаковали по всему фронту дивизии уже в 4:30 утра. На направлении главного удара русских находился левый фланг дивизии, где они в ходе повторных атак пытались ворваться в село Яновщина, являвшееся краеугольным камнем всей немецкой обороны. В течение дня этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки, пока в ходе вечерней атаки 20-й гренадерский полк окончательно не завладел им. В ходе этого боя, продолжавшегося целый день, из 26 вражеских танков 16 были выведены из строя.

По истечении двух относительно спокойных дней 4 сентября снова состоялось крупное сражение. После ураганного артиллерийского огня, продолжавшегося около часа, которому подвергся не только передний край обороны, но и ближайший тыл дивизии, противник атаковал фронт дивизии на всем его протяжении. И опять наиболее ожесточенный бой разгорелся главным образом на левом фланге 20-го гренадерского полка у поселка Червоный. Нескольким вражеским танкам удалось прорваться сквозь передний край обороны, но затем они были выведены из строя в ближайшем тылу дивизии. На отдельных участках завязались тяжелые бои местного значения, во время которых было подбито или уничтожено 14 вражеских танков, шесть из которых сумели вывести из строя бойцы 239-го дивизиона штурмовых орудий, а один танк в ближнем бою подбил отважный командир 1-го батальона 20-го гренадерского

полка, майор Хадереккер.

В ночь с 4 на 5 сентября в полосе обороны корпуса произошел отвод войск на новый оборонительный рубеж. В 14 часов новая позиция дивизии подверглась мощной атаке на всем ее протяжении. В ней приняли участие крупные танковые соединения Советов с пехотой на броне. Снова разгорелись упорные бои на передовой и в ближайшем тылу. Семь советских Т-34 с пехотой на броне прорвались до огневых позиций 1-го дивизиона 10-го моторизованного артиллерийского полка, но там они были уничтожены огнем прямой наводкой или подорваны в ближнем бою связками гранат, а оставшаяся в ближнем тылу дивизии без танковой поддержки малочисленная вражеская пехота была быстро рассеяна или уничтожена.

6 сентября после отражения нескольких довольно слабых атак Советов по приказу командования корпуса ночью передний край обороны был снова перенесен на 1–2 километра назад. Теперь фронт дивизии проходил восточнее дороги Зинькив – Казачье.

7 и 8 сентября яростные вражеские атаки продолжались по всему фронту дивизии. На этот раз они были направлены в первую очередь против действовавшего на правом фланге 41-го гренадерского полка и соседствовавшей справа 34-й пехотной дивизии. Тем не менее в тяжелых боях удалось удержать передний край обороны на всем его протяжении, при этом было подбито 13 вражеских танков. В 20:00, выполняя приказ командования корпуса, полки отошли в северную половину плацдарма восточнее реки Псёл по обе стороны от села Лютенка.

9 сентября противник снова перешел в атаку широким фронтом уже в 5 часов утра. В ходе ожесточенных боев, проходивших с переменным успехом, имевшему подавляющее преимущество в живой силе и боевой технике противнику удалось вклиниться на редких оборонительных линиях 2-го батальона 20-го гренадерского полка. В этот период характерным для ведения боевых действий противником было массовое применение танков с пехотой на броне, которые неудержимой лавиной накатывались на немецкий передний край обороны. После прорыва переднего оборонительного рубежа противник сразу же бросал в эту брешь крупные силы своей пехоты, что приводило к глубокому вклинению.

Личный состав дивизии был совершенно измотан из-за тяжелых боев, продолжавшихся уже несколько недель. Все подразделения понесли тяжелые потери в живой силе и боевой технике. За один день, 9 сентября, только 20-й гренадерский полк потерял в результате ранений трех исполнявших обязанности

командира батальона: капитана Хадереккера, капитана Бюргера и капитана Хербольцхаймера. Один из храбрейших офицеров полка, кавалер Рыцарского креста лейтенант Акстман, получил тяжелое ранение и вскоре скончался. Тяжело ранен был и еще один кавалер Рыцарского креста, капитан Шварц из 10-го истребительно-противотанкового дивизиона.

О подавляющем преимуществе русских в живой силе и технике свидетельствовала и разведывательная сводка о противнике 4-й танковой армии. В ней, в частности, говорилось, что в районе города Зинькив нескольким измотанным немецким дивизиям противостояли советские 10-й и 11-й танковые корпуса, один механизированный корпус и от шести до семи стрелковых дивизий, в том числе 29, 100, 206 и 337-я стрелковые дивизии.

10 сентября бои в районе западнее Ахтырки для 10-й панцер-гренадерской дивизии закончились. В результате глубоких вклинений Советов в полосе 2-й армии на правом фланге группы армий «Центр» новая опасность грозила теперь 4-й танковой армии в глубине ее северного фланга. Поэтому уже 10 сентября 10-я панцер-гренадерская дивизия была снята с участка фронта на реке Псёл и отведена на запад, на рубеж реки Хорол. Между северным флангом 4-й танковой армии и южным флангом группы армий «Центр» (который занимал VII армейский корпус) образовалась брешь шириной около 30 километров, в которую через Хорол на запад устремились советские танки и пехота. Атакуя в южном направлении, они пытались выйти в тыл XXIV танкового корпуса. Усиленный 41-й гренадерский полк должен был сначала занять группу высот северо-западнее села Петривка и восточнее реки Хорол, чтобы 57-я и 112-я пехотные дивизии вообще смогли отойти с рубежа на реке Псёл у села Лютенка. Усиленный 110-й бронированный разведывательный батальон был выдвинут на запад. Он перешел Хорол у села Петривка, чтобы позволить дивизии провести запланированную на 12 сентября атаку с целью закрыть брешь, возникшую между XXIV танковым корпусом и VII армейским корпусом. В это же время усиленный 20-й гренадерский полк в ходе ожесточенного боя сумел захватить переправы через Хорол у села Петривка и к северу от него.

В ночь с 11 на 12 сентября шесть советских танков ворвались на позиции усиленного 110-го бронированного разведывательного батальона у села Коновалово. Несмотря на проливной дождь, 6-й роте 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием обер-лейтенанта Баргфельда удалось уничтожить огнем прямой наводкой два русских Т-34. Один вражеский танк был подбит в ближнем бою

бойцами 5-й роты, а еще один танк попал в руки бойцов батальона в исправном состоянии. Оставшиеся два танка повернули назад, предпочтя отступить. Находчивым телефонистам этого батальона удалось подключиться к телефонному кабелю русских и с помощью переводчика подслушать важные разговоры противника.

Из-за тяжелого положения, сложившегося в районе между реками Псёл и Хорол, атака дивизии на север так и не состоялась. Крупные силы 41-го гренадерского полка были подчинены 57-й пехотной дивизии и использованы на ее левом фланге для отражения мощной танковой атаки русских. В полдень 14 вражеских танков с пехотой на броне неожиданно атаковали Петривку, в которой находился штаб дивизии, и ворвались в это село. С помощью двух штурмовых орудий удалось подбить семь танков противника и рассеять его пехоту. При отражении этой атаки погиб отлично проявивший себя во многих боях капитан Браун из 20-го гренадерского полка. Командир 10-го моторизованного саперного батальона, майор Бопст, был тяжело ранен.

В ночь с 13 на 14 сентября 10-я панцер-гренадерская дивизия была передислоцирована в юго-западном направлении. Ее новый передний край обороны проходил вдоль железнодорожной линии Петривка – Лохвица фронтом на север. Из-за большой протяженности фронта дивизии и малочисленности рот оборона была организована по системе отдельных опорных пунктов. В течение всего дня пехота противника проводила мощные атаки при поддержке танков, штурмовой авиации и артиллерии. Центральная усадьба совхоза Яромовщина несколько раз переходила из рук в руки, но в конце концов она осталась в руках противника.

110-й бронированный разведывательный батальон обнаружил усиленное передвижение воинских частей неприятеля на дорогах, ведущих из Лохвицы на запад и на юго-запад. Не было никаких сомнений в том, что Советы по-прежнему пытались прорваться за левый фланг 4-й танковой армии и XXIV танкового корпуса.

В течение двух последующих ночей – с 14 на 15 и с 15 на 16 сентября – XXIV танковый корпус продолжил отход на запад. Днем происходили ожесточенные бои с наседавшим противником, причем за эти два дня было подбито 16 вражеских танков.

Сильный фронтальный натиск противника и обход с фланга на севере вынудили высшее германское командование отдать приказ о более значительном отходе на запад в ночь с 16 на 17 сентября – сразу на 60 километров. Этот отход проходил под

проливным дождем и в неописуемых дорожных условиях. Уже началась осенняя распутица. Тем не менее все эти отходы проходили организованно. По крайней мере, 10-я панцер-гренадерская дивизия не оставила противнику ни одного исправного орудия или транспортного средства. При отступлении саперы взрывали все мосты и железнодорожные сооружения. По распоряжению высшего германского командования специальные автоколонны вывозили все запасы сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также сырья. Тем не менее потеря плодородной Украины и Донецкого бассейна восточнее Днепра явилась невосполнимой утратой.

Вследствие плохих дорожных условий и постоянных задержек движения из-за огромных пробок дивизия продвигалась на запад очень медленно. Только к вечеру она прибыла в предназначенный ей район северо-западнее города Лубны, где ей предстояло взять на себя охранение и контроль участка реки Удай. В ночь с 17 на 18 сентября 1-й и 2-й батальоны 20-го гренадерского полка были атакованы крупными танковыми силами противника в лесу севернее села Вильшанка. Но под прикрытием леса батальоны сумели без особых потерь оторваться от неприятеля, тем более что русские не стали углубляться в лес.

110-му бронированному разведывательному батальону пришлось выдержать мощную атаку крупного танкового соединения противника на новом оборонительном рубеже западнее села Новаки. В этом бою батальон был поддержан всеми огневыми средствами дивизии, а поздним вечером – и частями 57-й пехотной дивизии.

В ночь с 18 на 19 сентября после отражения танковой атаки, во время которой были подбиты шесть вражеских танков, дивизия была отведена за реку Оржица, чтобы принять на себя охранение этого рубежа у города Гребенка. На 110-й бронированный разведывательный батальон была возложена охрана фланга дивизии северо-западнее Гребенки.

Отход за реку Сухая Оржица, протекающую западнее Гребенки, прошел по плану. Разведка установила, что по железнодорожной линии Гребенка – Киев на запад сплошным потоком движутся советские воинские эшелоны. Очевидно, русские стремились добраться до Днепра и с ходу форсировать его, прежде чем немецкие войска успеют занять оборону на западном берегу реки. При этом каждый немецкий солдат надеялся найти западнее Днепра оборудованный оборонительный рубеж, который наконец позволил бы ему хотя бы несколько дней отдохнуть и не вступать в бой с наседавшим противником.

Чем ближе немецкие войска приближались к Днепру, тем

очевиднее становилось, что отвод немецких войск и преследование их имевшими подавляющее преимущество советскими войсками превращаются в соперничество за переправы через эту великую реку. Можно было не сомневаться в том, что в конце концов эту гонку выиграют русские. Поскольку, несмотря на неоднократные настойчивые предложения Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) и командующих группами армий, Гитлер запретил сооружение Восточного вала на западном берегу этой огромной водной преграды. Это привело к тому, что при отсутствии сплошной линии фронта и при небольшом числе имевшихся немецких дивизий, которые были к тому же совершенно измотаны, Советы могли в любом месте выйти к Днепру и с ходу форсировать его. Это привело также к тому, что русские устремились к немногим уцелевшим мостам через Днепр, чтобы отрезать немецким дивизиям путь к отступлению и уничтожить их, не позволив переправиться на западный берег реки.

Это намерение четко прослеживалось и в действиях русских, преследовавших XXIV танковый корпус. Этот корпус должен был перейти через Днепр по вновь восстановленному железнодорожному мосту у города Канев. На эту переправу были ориентированы 112-я пехотная дивизия, 34-я пехотная дивизия и 10-я панцер-гренадерская дивизия, которые концентрически приближались к этому мосту. В то время как Советы наступали фронтально очень нерешительно, их крупные танковые соединения стремительно продвигались с северо-востока к этому мосту у Канева. 10-я панцер-гренадерская танковая дивизия, получившая от командования задание прикрывать северный фланг корпуса, была вынуждена постоянно вступать в бой с танковыми подразделениями русских.

Так, 22 сентября 2-й батальон 20-го гренадерского полка был неожиданно атакован вражескими танками и рассеян. Полковник Вальтер, командир 20-го гренадерского полка, был ранен. Тогда командование этим полком принял на себя кавалер Рыцарского креста майор Кёниг (41-й гренадерский полк). В этот же день крупное танковое соединение противника атаковало и 110-й бронированный разведывательный батальон, который понес существенные потери. Дело в том, что в ходе затяжных боев, продолжавшихся неделями, и из-за поломок во время утомительных ночных маршей по неописуемым разбитым дорогам противотанковые средства дивизии сильно сократились. Так, например, 22 сентября дивизия располагала только двумя боеспособными штурмовыми орудиями и двумя тяжелыми противотанковыми пушками на самоходных лафетах.

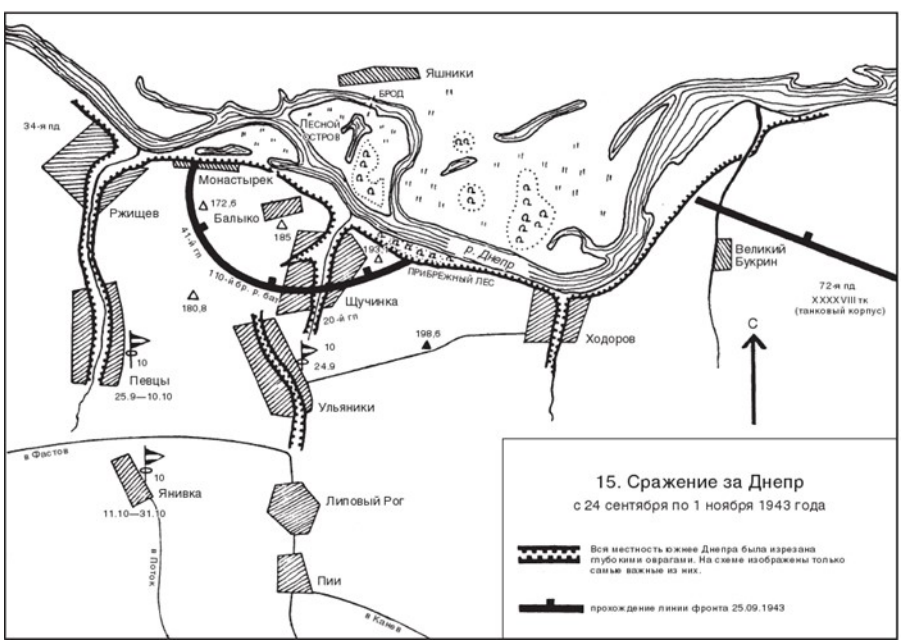
В течение дня 23 сентября 10-я панцер-гренадерская дивизия вышла на плацдарм, командовать на котором было поручено командиру дивизии и площадь которого с каждым днем неуклонно уменьшалась. Под защитой поэтапно отходившей с боями 10-й панцер-гренадерской дивизии 34-я и 112-я пехотные дивизии переправились через Днепр. К 23 часам 10-я панцер-гренадерская дивизия сосредоточилась на маленьком пятачке перед мостом. Первым высвободился 41-й гренадерский полк, который одним броском перебрался по мосту на другой берег Днепра. В 3:30 ночи 24 сентября начался переход по мосту главных сил дивизии. И уже через час, в 4:30, все подразделения дивизии переправились по мосту, что ярко свидетельствовало о том, как сильно сократилась численность дивизии. В 5 часов утра мост длиной полтора километра был взорван саперами 10-й панцер-гренадерской дивизии и полностью разрушился. Еще некоторое время на восточном берегу Днепра оставались лишь малочисленные посты боевого охранения, пока последние боевые части дивизии не отправились маршем на запад. Затем и они сели в надувные лодки и десантные катера и переправились на западный берег Днепра.

Продолжавшиеся несколько недель тяжелые бои на пути от Ахтырки до Днепра остались позади. За эти недели командование и личный состав дивизии совершили почти невозможное. И если Советам, несмотря на все их подавляющее преимущество в живой силе и технике, так и не удалось добиться решающего прорыва и пришлось довольствоваться лишь «простым» преследованием 10-й панцер-гренадерской дивизии, то в первую очередь в этом была заслуга каждого отдельного солдата дивизии, проявившего отвагу и несгибаемый боевой дух, а также каждого офицера и унтер-офицера, демонстрировавших образец самоотверженности в каждом бою. 10-я панцер-гренадерская дивизия по праву может гордиться и этим периодом войны с Советским Союзом.

Сражение за Днепр (24.09–30.1 1.1943)

Сразу же после перехода через Днепр по мосту под Каневом 10-я панцер-гренадерская дивизия получила от командования XXIV танкового корпуса, которому она по-прежнему подчинялась, новый боевой приказ. Как и во многих других местах, оттеснив слабые части 19-й танковой дивизии и штрафной роты, русские сумели захватить плацдарм на западном берегу Днепра у села Балыко.

В первой половине дня 24 сентября высланный вперед квартирмейстер дивизии майор Генерального штаба Хегерль силами прибывших первыми подразделений (110-го бронированного разведывательного батальона, 2-го дивизиона 10-го моторизованного артиллерийского полка, а также так называемой Восточной роты и штрафной роты) организовал атаку на село Балыко под общим командованием командира 110-го бронированного разведывательного батальона, чтобы как можно быстрее отвлечь силы противника и сорвать атаку Советов на позиции ослабленных подразделений 19-й танковой дивизии.



С передового командного пункта дивизии в селе Ульяники командир дивизии направлял постепенно прибывавшие подразделения в сторону села Балыко для поддержки наступления на плацдарм. И хотя к вечеру площадь русского

плацдарма значительно уменьшилась, но окончательно выбить русских с плацдарма и отбросить их на восточный берег Днепра так и не удалось. Во время этих боев особо отличился 10-й моторизованный саперный батальон под командованием своего опытного командира, а после его ранения под командованием обер-лейтенанта Хайгля, которому удалось взять высоту «Ветряная мельница».

Тем не менее русские смогли закрепиться в многочисленных, глубоких оврагах (балках), лесных массивах и селах. Высокий западный берег Днепра круто обрывался вниз. На берегу реки у самой воды находилась узкая полоска земли, которая не просматривалась сверху, с высокого западного берега. Русские могли беспрепятственно доставлять на эту полоску земли свои подкрепления с восточного берега, покрытого огромными, густыми лесами.

Рано утром 25 сентября противник снова пошел в атаку, бросив в бой свежие резервы, и сумел захватить высоту 193,1 и большое село Щучинка. Целый день продолжались тяжелые бои, атаки сменялись контратаками. Пришлось бросить в бой даже штабные подразделения, обозников и бойцов ремонтной роты. К 18 часам в ходе очередной контратаки через высоту 193,1 20-му гренадерскому полку и 110-му бронированному разведывательному батальону удалось выйти на берег Днепра и захватить господствующие высоты восточнее Щучинки. В этот и последующие дни подразделения 110-го бронированного разведывательного батальона, и прежде всего дозорная рота, очень успешно сражались против советских парашютистов-десантников, действовавших в тылу дивизии, которые были или уничтожены, или захвачены в плен.

72-я пехотная дивизия, действовавшая восточнее 10-й панцер-гренадерской дивизии, оказалась втянута в такой тяжелый бой, что для ее поддержки пришлось направить даже 2-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка.

В этот день наконец-то прибыло долгожданное пополнение. Это были около тысячи бойцов панцер-гренадерской дивизии «Фельдхеррнхалле» и 3-й батальон 670-го гренадерского полка. Оба батальона – прошедшие недостаточную боевую подготовку и плохо вооруженные – прибыли из Ниццы и из Бретани и совершенно не отвечали требованиям жестокой войны в российских условиях! Их участие в бою привело к большим потерям и неудачам. Немецкому Верховному командованию ни в коем случае не следовало направлять на Восточный фронт войска, избалованные мягким климатом и спокойной службой во Франции!

На этот раз командный пункт дивизии был перенесен в село Певцы, где он находился с 25 сентября по 10 октября 1943 года.

26 сентября немецкая атака, начавшаяся в 6 часов утра, натолкнулась на мощные контратаки Советов, в которых кроме уже знакомой нам 309-й стрелковой дивизии принимала участие только что переброшенная в этот район 68-я гвардейская стрелковая дивизия. В этом бою 20-й гренадерский полк в общем и целом смог удержать свои позиции, в то время как на участке 41-го гренадерского полка у села Монастырек русским сначала удалось осуществить несколько вклинений, которые, впрочем, в ходе контратаки вскоре были ликвидированы.

Концентрические немецкие атаки, проведенные 27 сентября, из-за мощной обороны противника так и не привели к успеху. Зато из-за недостаточной боевой подготовки прибывшего пополнения, о чем уже говорилось выше, дивизия понесла большие потери и теперь была уже не в состоянии собственными силами ликвидировать вражеский плацдарм на западном берегу Днепра. Вечером погиб отважный командир 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, капитан доктор Керстен.

28 сентября произошел ожесточенный бой за село Монастырек, в ходе которого погиб командир 3-го батальона 41-го гренадерского полка. Понесший большие потери 10-й моторизованный саперный батальон пришлось объединить в одну роту, которая в качестве последнего резерва дивизии дислоцировалась в селе Ульяники.

29 сентября командир 1-го батальона 20-го гренадерского полка капитан Хадереккер, получивший ранение еще 9 сентября, вновь возглавил свой батальон. Однако одновременно с этим дивизия потеряла опытного командира 110-го бронированного разведывательного батальона, майора Вальдемара Майера, которого перевели на другую должность. Командование 110-м бронированным разведывательным батальоном принял на себя обер-лейтенант Назер. В этот день противник провел несколько мощных атак, но все они были отбиты. И 30 сентября русские продолжали яростно атаковать. Неглубокие местные вклинения на участке фронта 41-го гренадерского полка к вечеру были ликвидированы силами отдельных частей танкового разведывательного батальона дивизии СС «Дас Райх», 7-го танкового разведывательного батальона и последних жалких резервов самой дивизии. Непрекравшаяся переброска крупных сил противника на западный берег Днепра, а также строительство причалов и постоянное наращивание численности советских войск, находившихся на плацдарме, свидетельствовали о подготовке новых атак с целью расширения занятого русскими

плацдарма. К такому же выводу пришло и командование соседней справа 72-й пехотной дивизии, а также соседней слева 34-й пехотной дивизии. Поэтому командование 10-й панцер-гренадерской дивизии с большой тревогой ожидало начала предстоящих в ближайшие дни боев. Потери в дивизии были пугающе большими. 30 сентября в составе каждого из двух гренадерских полков оставалось в строю только по восемь офицеров.

Октябрь 1943 года

1 октября было отбито несколько разных по силе атак противника. В месте переправы через Днепр было замечено оживленное движение. Русские начали переправлять на южный берег свои войска с помощью канатного парома. Кроме того, они складировали на берегу понтоны, что свидетельствовало о подготовке к наведению в ближайшие дни понтонного моста.

Тем не менее работы по наведению моста продолжались в ускоренном темпе. К 4 октября на рукаве Днепра шириной около 250 метров русские саперы уже успели установить опоры для настила моста длиной около 130 метров.

В это время для усиления дивизии ей были подчинены: штрафная рота под командованием обер-лейтенанта Хаупта, 3-й дивизион 76-го артиллерийского полка и 1-й минометный полк. Из противотанкового оружия в начале октября дивизия располагала только двумя штурмовыми орудиями и шестью тяжелыми противотанковыми пушками на самоходных лафетах.

5 октября в 9 часов утра во время налета немецких пикирующих бомбардировщиков были сильно повреждены уже построенные русскими мостовые опоры на обоих берегах Днепра. Состоявшийся 7 октября новый налет наших пикирующих бомбардировщиков на мостовые переправы и вражескую зенитную батарею принес хорошие плоды. В первые дни октября противник ограничивался лишь отдельными атаками малыми силами, но все они были без особого труда отбиты. В ходе зачистки тылового района дивизии было уничтожено или взято в плен около 120 советских парашютистов-десантников.

9 октября прошло под знаком нашей собственной атаки, проведенной 20-м гренадерским полком, усиленным танковым разведывательным батальоном дивизии СС «Дас Райх». В этот же день и 41-й гренадерский полк успешно отразил несколько вражеских атак. Однако, несмотря на эффективную поддержку артиллерии и самолетов люфтваффе, 20-й гренадерский полк так и не сумел выбить русских из села Щучинка и из глубоких балок.

В этот день в расположение дивизии прибыл новый только что назначенный командир 110-го бронированного разведывательного батальона, капитан фон Массов. Командир дивизии был вынужден уйти в отпуск по болезни, который затянулся на несколько недель. На это время командование дивизией принял на себя кавалер дубовых листьев к Рыцарскому кресту полковник Микош.

10 октября в излучине Днепра севернее Канева Советы

переправили через реку около 350 танков. 12 октября они начали наступление крупными силами на позиции располагавшегося справа XXXXVIII танкового корпуса, добились крупного успеха и ворвались в село Ходоров на левом фланге корпуса. В полосе обороны 10-й панцер-гренадерской дивизии также начались ожесточенные боевые действия, причем так называемая Снайперская высота, находившаяся на участке 20-го гренадерского полка, дважды переходила из рук в руки, но в конце концов 20-й гренадерский полк сумел удержать ее. Противник провел несколько атак при поддержке шести танков и на участках 110-го бронированного разведывательного батальона и 41-го гренадерского полка, при этом было выведено из строя три советских танка. Весь день советские штурмовики волнами атаковали немецкие позиции. Как показали пленные, целью атак русских было село Ульяники.

Вследствие тяжелых боев в полосе обороны соседа справа, несмотря на растущие потери, 12 октября участок 20-го гренадерского полка был продлен вправо почти до самого села Ходоров. Из-за угрожающего положения, сложившегося на правом фланге, пришлось снять с передовой и 110-й бронированный разведывательный батальон, перешедший теперь в распоряжение командования дивизии. Его участок фронта принял 1-й батальон 41-го гренадерского полка.

13 октября вражеская артиллерия открыла ураганный огонь уже в 6 часов утра. Начавшуюся затем атаку поддерживали налетавшие волнами советские штурмовики. На участке фронта у села Ходоров было отражено более пяти вражеских атак. Но и в этот день противник не сумел ни на метр продвинуться вперед.

14 октября участок 3-го батальона 41-го гренадерского полка был принят 2-м батальоном 107-го пехотного полка действовавшей слева 34-й пехотной дивизии. Благодаря этому 10-я панцер-гренадерская дивизия смогла создать небольшой резерв.

15 октября после часовой ураганной артиллерийской подготовки противник снова пошел в атаку на позиции 20-го гренадерского полка со стороны села Ходоров. Атаки и контратаки продолжались, сменяя друг друга, в течение всего дня. Лейтенант Купка (20-й гренадерский полк), который в последние дни в бою за Снайперскую высоту отличился особой храбростью, был тяжело ранен и в этот же день умер от полученного ранения. Он совсем немного не дожил до вручения ему Рыцарского креста Железного креста. Но и в этот вечер дивизия не уступила яростно атаковавшему противнику ни пяди земли. Справа дивизия СС «Дас Райх» за два дня подбила около 130 вражеских танков.

До 20 октября все было относительно спокойно. Крайне измотанные войска смогли по меньшей мере хоть немного прийти в себя. Боевая численность подразделений сильно уменьшилась. Так в составе 20-го гренадерского полка теперь насчитывалось только 67 бойцов. В самый последний момент, 16 октября, прибыл эшелон с пополнением – 750 унтер-офицеров и рядовых.

Уже 20 октября после ураганной артиллерийской подготовки, продолжавшейся полтора часа, крупные силы пехоты противника при поддержке танков пошли в атаку на запад со стороны села Ходоров. Эту атаку Советов эффективно поддерживали налетавшие волнами многочисленные эскадрильи советской штурмовой и бомбардировочной авиации. Одновременно противник атаковал позиции дивизии в восточном и южном направлении со стороны села Щучинка, намереваясь объединить оба своих плацдарма у сел Ходоров и Щучинка. Отдельным советским танкам удалось прорваться по дороге, ведущей от села Ходоров до села Ульяники, и выйти в район высоты 198,6. Для прикрытия тыла дивизии 1-й батальон 20-го гренадерского полка при поддержке нескольких штурмовых орудий предпринял атаку в восточном направлении, во время которой было выведено из строя восемь вражеских танков. До вечера дивизия выдержала семь мощных атак неприятеля и сумела создать прочный оборонительный рубеж восточнее высоты 193,1. Наконец и этот чрезвычайно тяжелый день боя завершился. Такого успеха в обороне удалось добиться только благодаря выдающейся храбрости и самоотверженности всех без исключения офицеров, унтер-офицеров и рядовых дивизии.

О том, как тяжело приходилось дивизии в борьбе с бесчисленными советскими танками, свидетельствует тот факт, что, согласно имеющимся в распоряжении автора суточным донесениям с конца сентября, каждый день в распоряжении командования дивизии находилось только от трех до семи готовых к бою штурмовых орудий и от шести до десяти исправных тяжелых противотанковых пушек.

На этом мощь советских атак крупными силами на ближайшее время была исчерпана. И хотя на отдельных участках полосы обороны дивизии русские и в дальнейшем предпринимали отдельные атаки местного значения, но все они потерпели неудачу.

20 октября командир 41-го гренадерского полка, полковник Вебер, был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Этой высокой награды он был удостоен за подтвержденное энергичное руководство полком во многих боях, за личную храбрость и за отличные достижения его полка во многих сражениях.

Ноябрь 1943 года

1 ноября 1-й и 3-й батальоны 20-го гренадерского полка из-за их малой боевой численности пришлось объединить в один 1-й батальон 20-го гренадерского полка. В общем и целом в первой декаде ноября происходили лишь оборонительные бои местного значения. Зато на участке фронта соседа справа русские продолжали атаковать крупными силами. Немецкие войска в большой излучине Днепра восточнее села Ходоров были вынуждены отступить на 4 километра.

В начале ноября наметился новый русский прорыв на левом фланге XXIV танкового корпуса со стороны города Ржищев на Житомир. Поэтому 6 ноября 1-я (дозорная) рота 110-го бронированного разведывательного батальона перешла в распоряжение командования корпуса и выступила маршем в город Кагарлык (схема 16).

9 ноября, выполняя полученный приказ на отход, 10-я панцер-гренадерская дивизия отступила сначала на запад, на новую отсечную позицию. 10 и 11 ноября дивизии пришлось с боем прокладывать себе путь дальше на запад, так как противник сумел прорваться западнее отсечной позиции дивизии. Силами 41-го гренадерского полка, усиленного 3-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка и 239-м дивизионом штурмовых орудий, дивизия захватила населенные пункты Новоселки, Черняхово и Жуковцы (все они находились в 5–8 километрах западнее села Пии). Вражеские силы, отступившие на север и северо-запад, были окружены нашими танками, захвачены в плен или уничтожены.

12 ноября зачистка этого района продолжилась, было захвачено много пленных и богатые трофеи. 110-му бронированному разведывательному батальону, усиленному 1-м дивизионом 10-го моторизованного артиллерийского полка, пришлось вести ожесточенные бои с подразделениями противника, находившимися по эту сторону Днепра.

Затем 10-я панцер-гренадерская дивизия заняла оборону на достигнутом рубеже. До конца ноября серьезных боевых столкновений уже не было.

В конце ноября сражение за Днепр закончилось. Это сражение снова потребовало от бойцов дивизии напряжения всех их физических и моральных сил. Незначительное продвижение на запад имевшего подавляющее преимущество противника не шло ни в какое сравнение с его огромными потерями. Несомненно, 10-я панцер-гренадерская дивизия могла бы еще долго удерживать

свои позиции, если бы изменившееся общее положение не потребовало бы отвода всего фронта на запад. В этом году осенней распутицы почти не было. Это обстоятельство позволяло Советам постоянно перебрасывать из тыловых районов страны все новые и новые подкрепления для своих наступавших армий. Надежде на «генерала Грязь», на осеннюю распутицу, которая могла бы позволить немецкому командованию и войскам создать мощный оборонительный рубеж на западном берегу Днепра для длительной обороны, так и не суждено было осуществиться. С момента отхода от Орла немецкие войска так и не получили ни одного дня передышки после непрекращавшихся тяжелых арьергардных боев.

Оборонительное сражение под Кировоградом (декабрь 1943 года – 17.01.1944)

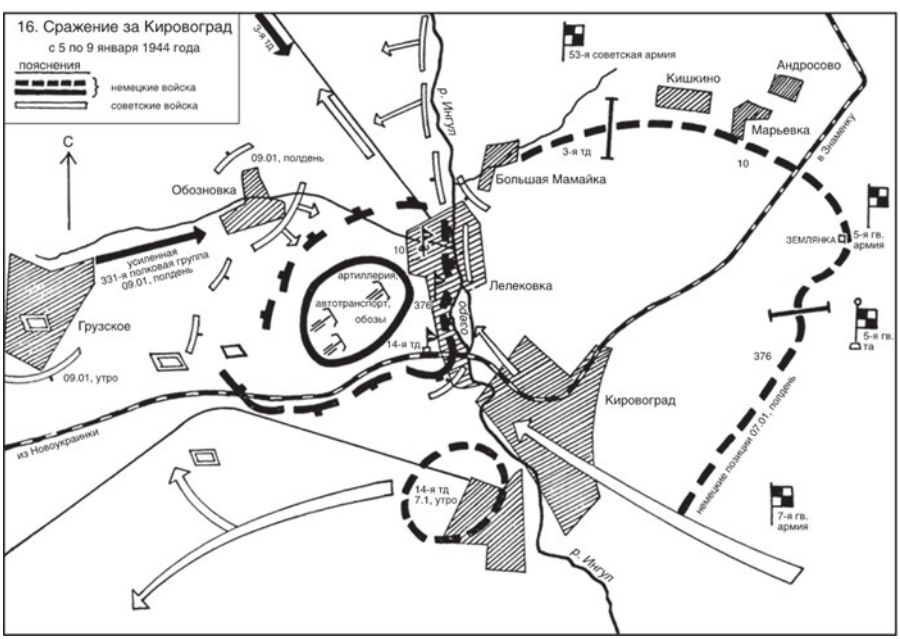
Развертывание крупных сил противника северо-западнее Кировограда напротив 8-й армии (командующий – генерал пехоты Вёлер) сделало необходимым усиление этой немецкой армии. Так 10-я панцер-гренадерская дивизия была снята с занимаемого до сих пор участка фронта северо-западнее города Кагарлык и переброшена по железной дороге через Кировоград в район города Знаменка (30 километров северо-восточнее Кировограда), где 4 декабря и произошла выгрузка дивизии из воинских эшелонов. Уже 5 декабря дивизия находилась под Знаменкой фронтом на северо-восток, а именно:

20-й гренадерский полк (справа) – на участке Васовка;

110-й гренадерский полк (подчиненный) – Знаменка, северо-восток;

110-й бронированный разведывательный батальон – Знаменка, северо-запад;

41-й гренадерский полк – Хировка.



7 декабря для усиления 10-й панцер-гренадерской дивизии ей был подчинен 7-й танковый батальон, включенный в состав

дивизии. К сожалению, батальон располагал только семью танками. Хорошо зарекомендовавший себя во многих сражениях 239-й дивизион штурмовых орудий остался в составе XXIV танкового корпуса.

10-й моторизованный артиллерийский полк со всеми своими подразделениями использовался в полосе дивизии, а 10-й моторизованный саперный батальон был занят инженерным оборудованием позиций.

Уже 6 декабря противник предпринял несколько атак крупными силами пехоты и танковых соединений. Эти крайне ожесточенные бои продолжались вплоть до 14 декабря. За этот период в полосе обороны дивизии было уничтожено 55 вражеских танков, 20 из них – собственными противотанковыми средствами дивизии. Так, только один 10-й моторизованный артиллерийский полк подбил пять танков.

С согласия командования XI армейского корпуса (командир – генерал артиллерии Штеммерман), которому подчинялась дивизия, 11 декабря она отошла на новый оборонительный рубеж по обе стороны от села Субботцы (примерно 25 километров северо-восточнее Кировограда). Во время этого отхода дивизии 20-му гренадерскому полку, следовавшему в арьергарде, пришлось выдержать тяжелый бой. Он должен был в течение 24 часов удерживать Знаменку, чтобы дивизия, а также подразделения и части снабжения смогли организованно отойти на новый оборонительный рубеж. На этой оборонительной позиции командный пункт дивизии разместился в селе Андросово. Этот рубеж дивизия удерживала до начала крупномасштабного советского наступления на Кировоградском участке фронта 5 января 1944 года. В течение этих трех недель отражение яростных атак противника сменялось собственными успешными контрударами.

В первую очередь здесь хотелось бы отметить следующие события.

12 декабря: отражение вражеской атаки на село Треповка, во время которого особо отличилась 3-я рота 110-го бронированного разведывательного батальона под командованием лейтенанта Рикелеса.

15 декабря: отражение мощных атак противника на позиции 41-го гренадерского полка, 110-го бронированного разведывательного батальона и 10-го моторизованного саперного батальона, причем 10-й моторизованный артиллерийский полк и боевая группа зенитной артиллерии Вебера отлично поддержали пехоту, как во время обороны, так и при проведении контратаки. В этот день вернувшийся из отпуска по болезни командир

дивизии снова принял на себя командование 10-й панцер-гренадерской дивизией.

19 декабря вылечившийся после ранения и вернувшийся на фронт полковник Вальтер снова взял на себя командование 20-м гренадерским полком.

22 декабря атака с ограниченной целью действовавшей на левом фланге дивизии боевой группы Брезе из 14-й танковой дивизии привела к полному успеху.

В эти дни XI армейский корпус обменялся командной властью с XXXXVII танковым корпусом (командир – генерал танковых войск фон Форман), которому отныне подчинялась 10-я панцер-гренадерская дивизия.

24 декабря в ясную морозную погоду подразделения дивизии смогли в основном без помех со стороны противника отпраздновать Рождество. Еще за несколько дней до праздника из Германии были доставлены многочисленные подарки. Вот только без рождественских елок пришлось обойтись, так как в этой местности совсем не было лесов.

В период с 27 по 31 декабря в результате атаки трех танковых дивизий (11, 3 и 14-й) была закрыта брешь между XXXXVII танковым корпусом и соседним слева XI армейским корпусом. В этой атаке принимала участие и 10-я панцер-гренадерская дивизия. После упорных боев левая половина полосы дивизии была передвинута вперед примерно на 10 километров, при этом были заняты села Треповка, Донино, Мажаровка, Копани и Кучеровка. На занятой территории было обнаружено много убитых красноармейцев, а также большое количество брошенного оружия, минометов и боеприпасов. В этих боях особо отличился 2-й батальон 41-го гренадерского полка под командованием кавалера Рыцарского креста капитана Кёнига, который ударом во фланг захватил укрепленную вражескую позицию на железнодорожной насыпи южнее села Кучеровка. Только на одной этой позиции у противника было установлено 25 станковых пулеметов. Участвовавшие в бою штурмовые орудия 7-го танкового батальона также добились большого успеха. Последний день 1943 года прошел относительно спокойно. Очевидно, в этот день каждый военнослужащий дивизии еще раз вспомнил самые яркие события прошедшего года. И в этом году дивизия могла с гордостью оглянуться на достигнутые результаты. Будь то в позиционной войне, в период наступления или во время самоотверженной борьбы при отступлении – везде 10-я панцер-гренадерская дивизия с честью выполнила свой воинский долг.

1944 год

Январь 1944 года

Январь 1944 года стал для 10-й панцер-гренадерской дивизии одним из самых тяжелых месяцев за все годы войны. Для понимания положения, сложившегося в полосе 8-й армии, ниже часто будут приводиться выдержки из сводки 8-й армии, которую командование армии направило 11 февраля 1944 года командирам дивизий под заголовком: «Оборонительное сражение в районе Кировограда, 05–17.01.1944. Записки».

«Положение противника в полосе 8-й армии в январе 1944: подготовка новых участков для нанесения главного удара перед восточным фронтом армии, около 14 вражеских дивизий. Крупные танковые соединения в районе наступления.

Собственное положение перед началом атаки: в результате боев в период с 27 по 31.12.1943 удалось закрыть брешь на линии фронта между XXXXVII танковым корпусом и XI армейским корпусом… Обстановка на фронте была напряжена до предела, в распоряжении командования армии не осталось никаких резервов. Для обеспечения единого командования был подчинен VII армейский корпус.

Поэтому командование армии с большой тревогой ожидало начала сражения за Кировоград, тем более что расположенный напротив участка главного удара юго-западнее Знаменки передний край обороны был занят в ходе атаки только 31 декабря, то есть еще не был оборудован. Здесь занимали позиции гренадеры 10-й панцер-гренадерской дивизии, вынужденные окапываться в чистом поле, промерзшем на большую глубину.

Направленное ранее повторное предложение об отводе фронта и создании в результате сокращения линии фронта резервов снова не имело шансов на успех. (Ход последующих боевых действий только подтвердил целесообразность такой меры.)

В расположении 10-й панцер-гренадерской дивизии день 5 января прошел следующим образом.

После неслыханно мощного ураганного артиллерийского огня, продолжавшегося более часа, противник перешел в наступление на всем протяжении полосы обороны дивизии, бросив в атаку крупные пехотные силы при поддержке около 60 танков. Поскольку после такой артиллерийской подготовки все линии связи оказались нарушены, командование дивизии получило более или менее точное представление о сложившемся положении только к 10 часам утра. Из-за такого мощного огня большие безвозвратные потери понесли не только пехотные

подразделения, занимавшие позиции на переднем крае обороны, но и расчеты расставленного по всему фронту дивизии тяжелого оружия и противотанковых пушек. Часть этого вооружения была засыпана землей или уничтожена. Атаковав редко занятый малочисленными силами оборонительный рубеж дивизии, протянувшийся более чем на 20 километров, Советы добились во многих местах глубоких вклинений. Уцелевшие очаги сопротивления были обойдены с тыла и позднее уничтожены подтянувшимися войсками противника. Приданный 20-му гренадерскому полку в качестве усиления 110-й бронированный разведывательный батальон, а также 10-й моторизованный саперный батальон и дежурная рота, приданные 41-му гренадерскому полку, не смогли предотвратить многочисленных прорывов. Многие командиры подразделений, в том числе и отважный командир 110-го бронированного разведывательного батальона, капитан фон Массов, были ранены. Остатки отдельных батальонов были рассеяны вражескими танками и пехотой, так что осуществление единого командования стало невозможным. Командиры самоотверженно пытались вновь взять в руки командование своими полками и батальонами. Действительно, к полудню удалось создать новый, хотя и занятый малочисленными силами оборонительный рубеж по обе стороны от села Казарка. Но и эту оборонительную линию невозможно было удерживать в течение длительного времени. Поэтому с согласия командира XXXXVII танкового корпуса генерала танковых войск фон Формана к вечеру был создан новый оборонительный рубеж по обе стороны от села Андросово, на котором наступление противника было в конце концов остановлено. При этом дивизия расположилась в следующем боевом порядке (справа налево): 20-й гренадерский полк, 110-й бронированный разведывательный батальон, 41-й гренадерский полк. В течение этого дня дивизией было выведено из строя 28 вражеских танков.

Приведем еще несколько выдержек из сводки командования 8-й армии:

> «Осуществленный 5 января в 6 часов утра прорыв Советов в районе Кировограда можно разбить на следующие фазы:
>
> пробитие брешей в обороне с помощью разрушительного ураганного огня из всех видов оружия, включая штурмовую авиацию, затем массированная атака пехоты при поддержке танков;
>
> расширение вклинений на флангах;
>
> прорыв мобильных соединений через реку Ингул до

пригородов Кировограда…

Из-за ураганного огня еще больше сократилась численность всех родов войск (в 10-й панцер-гренадерской дивизии осталось 3692 бойцов)… Вклинения на северном участке наступления Советов шириной около 15 и глубиной до 20 километров…

Собственные потери достигли угрожающих размеров. Так, только одна 10-я панцер-гренадерская дивизия потеряла 620 бойцов.

Соотношение пехотных сил 8:1.

620 советских танков против 58 немецких.

Число русских самоходных артиллерийских установок не удалось определить, немецкая сторона располагала 109 штурмовыми орудиями».

6 января на оборонительном рубеже по обе стороны от села Андросово было отбито несколько мощных атак противника. В этот день особенно неприятными были налеты вражеской штурмовой авиации, как на передний край обороны, так и на ближайший тыл дивизии. 6 января фронт корпуса был отведен на оборонительный рубеж вокруг Кировограда. Командный пункт дивизии разместился на аэродроме, расположенном в северной части города.

Во время этого отвода войск 14-я танковая дивизия была снята с фронта. Теперь 10-я панцер-гренадерская дивизия примыкала своим правым флангом к 376-й пехотной дивизии. Ее соседом слева стала 3-я танковая дивизия.

Ночью противнику удалось ворваться в южную часть Кировограда и овладеть имевшимся там мостом через Ингул. 10-я панцер-гренадерская дивизия приняла на себя охранение с юга по железнодорожной линии, сформировав для этого боевую группу под командованием командира 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, майора Райхенбаха. В эту боевую группу кроме бойцов истребительно-противотанкового дивизиона вошли подразделения 10-го моторизованного саперного батальона и части обоза. Для обеспечения единого командования командир 376-й пехотной дивизии генерал-майор Шварц на время битвы за Кировоград подчинился командиру 10-й панцер-гренадерской дивизии.

Тем самым 376-я пехотная дивизия, 10-я панцер-гренадерская дивизия и подразделения 3-й танковой дивизии теперь могли воспользоваться только одним оставшимся в их распоряжении мостом через Ингул, находившимся на северной окраине села Лелековка. Поскольку противник уже перешел в наступление с

целью охватывающим маневром окружить Кировоград и разгромить находившиеся там немецкие дивизии, а телефонная и радиосвязь со штабом корпуса была прервана с самого раннего утра (штаб корпуса был вынужден оставить свой прежний командный пункт и производил смену позиций), командир 10-й панцер-гренадерской дивизии, после тщательной оценки сложившегося положения, принял решение с наступлением темноты обеими дивизиями отойти за Ингул и в 12:30 сообщил о своем решении командованию корпуса.

Незадолго до этого 3-я танковая дивизия получила от командования корпуса приказ выступить из Лелековки в атаку на северо-запад, а затем, повернув на юг, прикрыть с тыла дивизии, находящиеся в Кировограде.

В 16:30 самостоятельно принятое решение командира 10-й панцер-гренадерской дивизии было одобрено радиограммой из штаба корпуса.

К счастью, в этот день Советы вели себя на участке фронта дивизии относительно спокойно. В 17:30 начался отвод войск на западный берег Ингула. К полуночи чрезвычайно сложный маневр был завершен. По мосту на северной окраине Лелековки, находившемуся под постоянным артиллерийским обстрелом противника, на запад были переправлены все транспортные средства. На западном берегу Ингула сначала только силами 110-го бронированного разведывательного батальона, а затем и гренадерских полков был создан довольно редкий оборонительный рубеж фронтом на восток.

В 22 часа из штаба корпуса поступил приказ, в котором говорилось о запланированной атаке панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» с юго-западного направления на Кировоград, а 14-й танковой дивизии предписывалось с боем освободить пути подвоза. 8 января противник, заметивший выдвижение 3-й танковой дивизии, уже в 2 часа ночи атаковал Лелековку с севера и с запада. Стоявший там 41-й гренадерский полк – так же как и 20-й гренадерский полк – насчитывал в своих рядах не более ста бойцов и не мог помешать противнику ворваться в Лелековку. Офицеры и унтер-офицеры штаба дивизии, собрав всех способных держать в руках оружие, организовали на северо-западной окраине Лелековки редкую оборонительную линию. После ввода в бой последних четырех штурмовых орудий в самый последний момент удалось остановить атаку Советов. В этот же день и на участке 20-го гренадерского полка завязался ожесточенный бой. Высота, на которой стояла церковь, несколько раз переходила из рук в руки, но в конце концов она осталась в руках бойцов 20-го

гренадерского полка.

В 15:15 командование дивизии доложило в штаб корпуса:

> «Удержать Лелековку не представляется возможным, так как крупные силы противника обходят село с севера и с запада. Жду приказа для 10-й панцер-гренадерской дивизии, 376-й пехотной дивизии и 14-й танковой дивизии.
>
> Подписано: *Шмидт*».

В течение всего дня 20-й и 41-й гренадерские полки вели ожесточенный бой за свои позиции в Лелековке. Командование дивизии попросило обеспечить снабжение боеприпасами и продовольствием по воздуху, что действительно вскоре было выполнено, правда в ограниченных объемах.

В течение дня командир 14-й танковой дивизии добровольно подчинился старшему по званию командиру 10-й панцер-гренадерской дивизии. Поддержка и взаимодействие с обеими дивизиями были просто великолепными. Штабы всех дивизий находились теперь в самом центре боевых действий. При сложившемся положении эта мера оказалась чрезвычайно целесообразной.

В 23 часа командование XXXXVII танкового корпуса сообщило, что 9 января 331-й гренадерский полк начнет атаку с запада, чтобы отвлечь силы противника от дивизий, окруженных в Лелековке. 9 января танковому конвою удалось доставить в Лелековку боеприпасы. Вражеское кольцо окружения вокруг Лелековки сжималось все сильнее. По всему фронту постоянно происходили мощные атаки, прежде всего в направлении самой Лелековки и высоты, на которой стояла церковь. Их удавалось отражать, напрягая последние силы. В течение дня противник подвергал массированному артиллерийскому обстрелу саму Лелековку и глубокие балки западнее этого села, где стояла артиллерия окруженных дивизий и их обозы. Одновременно Лелековка подвергалась мощнейшим бомбардировкам с воздуха. Только в течение двух часов прилетавшие волнами советские бомбардировщики совершили 14 воздушных налетов. По мнению немецких наблюдателей, аэродром Кировограда уже находился в руках противника. 9 января скудное снабжение окруженных в Лелековке дивизий осуществлялось по воздуху. В 13 часов командование дивизии отправило в штаб корпуса следующую радиограмму:

> «На основании оценки сложившегося положения командирами трех дивизий выдвигается следующее

предложение по закрытию бреши между панцер-гренадерской дивизией «Гроссдойчланд» и 3-й танковой дивизией: сегодня вечером отвод войск на рубеж Антоновка – Грузское – Алексеевка. Унрайн и Шварц придерживаются того же мнения.

Подписано: *Шмидт*».

В радиограмме, полученной в 16 часов, командование корпуса разрешило отвод войск на предложенный рубеж.

После нескольких локальных атак, проведенных для маскировки отвода войск, в ночь с 9 на 10 января удалось скрытно и без потерь вывести все три дивизии из котла в Лелековке. Поскольку в распоряжении дивизий имелась только одна занесенная снегом и покрытая льдом дорога, эта операция должна была проходить в точно установленное время. Атака панцер-гренадерской дивизии «Гроссдойчланд» и 3-й танковой дивизии отвлекла на себя значительные силы противника. Лишь отдельные вражеские танки тщетно пытались помешать выходу окруженных дивизий из Лелековки. 10-я панцер-гренадерская дивизия смогла вывезти всех своих раненых. Противнику не досталось ни одного орудия, ни одной исправной единицы боевой техники. По всей видимости, точно так же действовали и две другие дивизии.

Вот еще несколько отрывков из сводки командования 8-й армии, в которых идет речь о битве за Кировоград:

«Находившиеся в Кировограде 10-я панцер-гренадерская и 376-я пехотная дивизии в ночь с 7 на 8 января вели бой на ограниченной территории, на позиции «Ястреб» (Ингул), севернее железнодорожной линии, будучи атакованными крупными силами противника с трех сторон и сначала полагаясь только на свои собственные силы. Благодаря решительным атакующим действиям 14-й танковой дивизии удалось соединиться с боевой группой в Лелековке… Попытка остановить наступление противника на рубеже реки Ингул (позиция «Ястреб») закончилась неудачей. Но боевая группа в Лелековке продолжала держаться, будучи последним краеугольным камнем немецкой обороны в районе Кировограда, сковывая крупные силы неприятеля и препятствуя объединению обоих районов вклинения… В ночь с 8 на 9 января мощная бронетанковая группа советского 8-го механизированного корпуса прорвалась до города Малая Виска, разгромила находившийся там командный пункт

XXXXVII танкового корпуса и создала серьезную угрозу тыловым коммуникациям…

Тем временем положение боевой группы в Лелековке заметно обострилось. При неослабевающей мощи непрерывных вражеских атак, поддержанных налетавшими волнами соединениями советской штурмовой авиации, исход неравной борьбы не вызывал сомнений… В качестве последней попытки спасти положение в районе села Большая Виска была сформирована смешанная боевая группа (усиленный гренадерский батальон), которая с боем прорвалась до села Обозновка. Воспользовавшись отвлечением сил противника на отражение этой смело проведенной атаки, боевая группа, окруженная в Лелековке, сумела в ночь с 9 на 10 января осуществить прорыв в район западнее села Грузское. Героическая оборона боевой группы в Лелековке задержала прорыв противника на запад!»

Утром 10 января силами 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, усиленного 20-мм зенитками на самоходном лафете, дивизия смогла создать на восточной окраине села Грузское линию охранения, так что совершенно измотанным пехотинцам удалось дать короткую передышку. Затем силами 20-го гренадерского полка (справа) и 41-го гренадерского полка (слева) была создана редкая линия охранения на высотах западнее села Грузское (схема 17). В течение дня стоявшие восточнее посты боевого охранения 10-го истребительно-противотанкового дивизиона были оттеснены на так называемый импровизированный «передний край обороны». Командный пункт дивизии располагался в селе Благодатное.

Наверняка ожидавшееся 11 января наступление противника началось около 10 часов утра по всему фронту дивизии. Мощной атакой пятнадцати вражеских танков с пехотой на броне 41-й гренадерский полк был выбит из находившегося на его левом фланге села Овсянниковка и изрядно потрепан.

12 января 20-й гренадерский полк был сменен частями 376-й пехотной дивизии. Усиленный танковой группой и 110-м бронированным разведывательным батальоном 20-й гренадерский полк был задействован на левом фланге дивизии и в ходе стремительной атаки взял села Кульпанка и Алексеевка. В этот день погиб испытанный в боях капитан Хердель, исполнявший обязанности командира 2-го батальона 20-го гренадерского полка.

13 января в 11:30 дивизия выдвинулась из сел Андреевка и

Кульпанка для атаки на село Овсянниковка и на высоту 216,6. После упорного боя дивизия взяла эту высоту и захватила много пленных и богатые трофеи. При выдвижении из Кульпанки в 13 часов дня погиб отличный командир 41-го гренадерского полка, кавалер Рыцарского креста полковник Герхард Вебер. Он командовал полком во многих боях – с коротким перерывом из-за ранения – с апреля 1942 года, и 41-й гренадерский полк навсегда будет отмечен в нашей памяти печатью его сильной личности. Большими успехами в боях под Ржевом и в составе дивизии полк был во многом обязан своему отважному командиру. В лице полковника Вебера дивизия потеряла одного из лучших своих командиров. Находившийся вместе с ним его адъютант, лейтенант Фрич, получил настолько тяжелое ранение, что врачи оказались бессильны, и на следующий день он скончался.

14 января с новой силой разгорелся ожесточенный бой за Андреевку. В эти тяжелые дни артиллерия снова проявила себя как верный помощник пехоты. Часто атаки противника отбивались одним только артиллерийским огнем; подчас, когда неприятель оказывался в 100 метрах от орудий, артиллеристам приходилось вести огонь прямой наводкой, чтобы остановить плотные цепи наступавших красноармейцев. Отлично зарекомендовали себя штурмовые орудия 905-го дивизиона штурмовых орудий и танки 7-го танкового батальона; эти подразделения были временно прикомандированы к 10-й панцер-гренадерской дивизии.

15 января после ураганного огня, который продолжался около 40 минут, противник пошел в наступление по всему фронту дивизии, бросив в бой 20 танков с крупными пехотными силами на броне. Несмотря на уничтожение девяти вражеских танков, Овсянниковку и Кульпанку пришлось оставить. И здесь артиллерия и штурмовые орудия снова были становым хребтом обороны. Редкие цепи пехотинцев являлись теперь всего лишь боевым охранением для тяжелого вооружения.

И 16 января Советы снова пошли в атаку на Андреевку крупными пехотными силами при поддержке более полутора десятков танков. Однако и на этот раз их атака была отбита, при этом было уничтожено 15 вражеских танков.

В радиограмме, направленной генерал-лейтенанту Шмидту, командующий 8-й армией выразил свою признательность 10-й панцер-гренадерской дивизии следующими словами:

> «Моя особая признательность Вашей сильно ослабленной дивизии.
>
> Подписано: *Вёлер*».

В этот день командир 10-й панцер-гренадерской дивизии вместе со своим штабом принял командование «группой Шмидта», сформированной из 14-й танковой дивизии, 376-й пехотной дивизии, 3-й танковой дивизии СС «Тотенкопф» («Мертвая голова») и 10-й панцер-гренадерской дивизии. Командовать последней было поручено полковнику Вальтеру, командиру 20-го гренадерского полка.

Вечером 16 января полковник Вальтер доложил командиру «группы Шмидта»:

> «Андреевка снова в наших руках. Подбито восемь вражеских танков. Пехота дивизии и все расчеты тяжелого вооружения поддержки продемонстрировали в бою за Андреевку чудеса героизма. В бою против противника, имевшего подавляющее преимущество, они в очередной раз в контратаке отбили Андреевку, имевшую для противника чрезвычайно большое значение в качестве исходной позиции для дальнейшего наступления, и удержали ее, несмотря на постоянные потери в своих рядах».

Ввиду высоких потерь командованию дивизии пришлось решиться на то, чтобы свести остатки 20-го и 41-го гренадерских полков в слабый 20-й батальон и такой же слабый 41-й батальон, которым было дополнительно придано тяжелое вооружение. Из-за больших потерь пришлось заново переформировать и 110-й бронированный разведывательный батальон и временно расформировать его 3-ю и 5-ю роты. Похожим образом обстояли дела и в остальных воинских частях дивизии.

17 января дивизия отразила мощную атаку противника на Андреевку и уничтожила при этом десять вражеских танков. В период с 14 по 17 января лейтенант Козар подбил из своего штурмового орудия 30 советских танков, причем 16 из них он уничтожил лично.

18 января 1944 года 10-я панцер-гренадерская дивизия в третий раз упоминалась в сводке вермахта:

> «Во время оборонительных боев на южном участке Восточного фронта своей непоколебимой стойкостью отлично зарекомендовала себя баварская 10-я панцер-гренадерская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Шмидта».

В этот день вернулся из отпуска начальник штаба дивизии подполковник Генерального штаба де Мезьер. В тяжелые недели

сражения за Кировоград его успешно заменял квартирмейстер дивизии, майор Генерального штаба Хегерль.

Вот сводка 10-й панцер-гренадерской дивизии о персональном составе, дающая также представление о больших потерях, понесенных дивизией в последних боях:

20-й гренадерский полк: 20 офицеров, 22 унтер-офицера, 120 рядовых;

41-й гренадерский полк: 8 офицеров, 27 унтер-офицеров, 118 рядовых;

110-й бронированный разведывательный батальон: 1 офицер, 13 унтер-офицеров, 59 рядовых.

10-й моторизованный артиллерийский полк располагал только семью батареями. С 19 января вражеские атаки на участке фронта, обороняемом «группой Шмидта», резко пошли на убыль. Русские передислоцировали значительную часть своих сил на север (что привело позднее к окружению немецких войск под Черкассами и возникновению там котла).

23 января командир 10-й панцер-гренадерской дивизии генерал-лейтенант Август Шмидт был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту Железного креста. Он оказался 371-м солдатом германского вермахта, получившим такую высокую награду.

Следующая интересная вражеская листовка, найденная бойцами 320-й пехотной дивизии и переданная в штаб 10-й панцер-гренадерской дивизии, доказывает лживость советских военных сводок:

> «УНИЧТОЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ СЕВЕРНЕЕ КИРОВОГРАДА
>
> Согласно сообщению Верховного главнокомандования германских вооруженных сил (ОКВ), немецкие войска прорвали северный фронт кольца окружения и отошли в северном направлении. В действительности события развивались следующим образом: отходившие из Кировограда на север остатки трех разгромленных немецких дивизий, танковой, моторизованной и пехотной, 9 января были полностью окружены.
>
> Чтобы избежать ненужного кровопролития, командование Красной армии обратилось к командованию немецких войск с предложением немедленно сложить оружие. Но поскольку это предложение о капитуляции было отвергнуто немецкой стороной, советские войска были вынуждены перейти к

штурму, жертвой которого стала большая часть немецких войск.

На поле боя осталось более 15 тысяч трупов немецких офицеров и солдат.

Русские уничтожили или захватили в качестве трофеев: 443 танка, 484 орудия, в том числе 40 штурмовых орудий, 363 миномета, 874 пулемета, 226 разведывательных бронеавтомобилей, 2982 автомобиля, 19 складов боеприпасов и продовольствия».

К этому следует лишь добавить, что общая численность всех трех дивизий составляла немногим более 15 тысяч человек. Если бы немецкие дивизии располагали хотя бы четвертью якобы уничтоженных или захваченных танков, то они бы никогда не попали в окружение и им не пришлось бы отступать.

28 января 10-я панцер-гренадерская дивизия приняла участок фронта 320-й пехотной дивизии у села Мироновка (8 километров севернее Андреевки). В то время как на участках 376-й пехотной дивизии и 10-й панцер-гренадерской дивизии было относительно спокойно, южнее, в полосе обороны 282-й пехотной дивизии и 3-й танковой дивизии СС «Тотенкопф», после часовой ураганной артиллерийской подготовки начались тяжелейшие бои, и немецкие войска были вынуждены даже немного отойти назад. Передний край обороны корпуса пришлось на левом фланге тоже немного отвести назад. Это было связано с глубоким вклинением Советов севернее позиций XXXXVII танкового корпуса. Панцер-гренадерская дивизия «Гроссдойчланд» сменила на передовой сильно измотанную 376-ю пехотную дивизию.

В полосе 10-й панцер-гренадерской дивизии до конца января крупных боевых столкновений больше не было.

На этом закончился месяц, потребовавший от каждого бойца дивизии напряжения всех его сил. Дивизия показала, что, несмотря на постоянное участие в тяжелых боях с июня 1943 года, она с честью выполнила свой долг, как в наступлении, так и в обороне. Ее стойкость нашла свое отражение в упоминании в сводке вермахта и в награждении командира дивизии дубовыми листьями к Рыцарскому кресту Железного креста.

Следует сказать еще несколько слов о русской зиме. Зима на Украине оказалась далеко не такой суровой, как в Центральной России. Правда, как раз во время сражения за Кировоград, когда войска занимали позиции в чистом поле, стояла морозная погода и бушевали метели. Но в конце января время от времени уже бывали оттепели. Во время начинавшейся распутицы многие дороги сразу же раскисали и становились почти непроезжими.

Вот что, в частности, говорилось в сводке командования 8-й армии о прорывах Советов западнее Кировограда в период с 11 по 16 января:

«После подтягивания крупных пехотных соединений и планомерного развертывания артиллерии усиления 11 января перешел в новую атаку из района Грузское – Владимировка.

Ему удалось на широком фронте прорвать нашу слабую отсечную позицию…

15 января, после мощной артиллерийской подготовки 11 стрелковых дивизий противника при сопровождении танков еще раз перешли в наступление на направлении главного удара между железнодорожной веткой на Новоукраинку и шоссе Новый Миргород – Лелековка. Противнику удалось прорвать фронт между дорогой Большая Виска – Кировоград и Владимировкой на участке шириной 12 километров и продвинуться на глубину до 5 километров. В ходе ожесточенных боев 376-я пехотная дивизия, 10-я панцер-гренадерская дивизия и 282-я пехотная дивизия были расколоты на отдельные боевые группы. Тем не менее, стойко обороняясь, они сумели закрепиться на своих позициях в важнейших точках района вклинения и тем самым позволили 3-й танковой дивизии СС «Тотенкопф» в ходе стремительной атаки закрыть возникшую брешь.

16 января после очередного сосредоточения своих сил и при чрезвычайно мощной поддержке штурмовой авиации противник перешел в наступление в районе Грузское – Владимировка, однако еще в момент выгрузки своих войск он был атакован 3-й танковой дивизией СС «Тотенкопф», 276-й пехотной дивизией и 10-й панцер-гренадерской дивизией и в ходе ожесточенных боев отброшен на исходные позиции.

Тем самым наступательная мощь Советов была сломлена, а брешь закрыта.

Большую роль в достижении решающего успеха в обороне сыграл I авиационный корпус люфтваффе благодаря образцовой поддержке ведущих тяжелый бой наземных войск, и прежде всего благодаря великолепной работе штурмовиков – этих грозных истребителей танков.

Вывод. Второе зимнее наступление 2-го Украинского фронта… не достигло своей цели… Неудавшийся советский прорыв означает, что сражение под Кировоградом было большим успехом 8-й армии в обороне…

Вражеские попытки прорыва были сорваны в первую очередь благодаря несравненной стойкости и самоотверженности личного состава всех соединений и благодаря высокому боевому духу их командования».

Февраль 1944 года

В феврале 1944 года «группа Шмидта», а тем самым и 10-я панцер-гренадерская дивизия оказались избавлены от участия в крупных сражениях. Советы сняли часть своих войск с этого участка фронта и перебросили их на север и на юг для проведения других операций.

Для 10-й панцер-гренадерской дивизии наступил период своего рода позиционной войны. Правда, боевая деятельность никогда полностью не прекращалась. Неоднократно с успехом отражались атаки мелких подразделений противника. В ходе проведения разведывательных поисков удавалось захватывать пленных. Зато прекращение активной боевой деятельности позволяло поочередно снимать с передовой отдельные батальоны, которые получали возможность хотя бы немного передохнуть. И русские и немцы занимались инженерным оборудованием своих позиций. Для командования дивизии это был верный признак того, что в ближайшее время не стоит ожидать проведения крупномасштабных операций как со стороны Советов, так и со стороны немецкого командования.

Даже сама погода вынуждала обе стороны ограничить свою боевую деятельность. Заморозки и метели сменялись оттепелью и хорошей солнечной погодой. В такие дни траншеи, ходы сообщения и окопы сразу же наполнялись талой водой. Многочисленные глубокие балки превращались в водопады, дороги становились непроезжими. Вязкая, глубокая грязь препятствовала движению колесного транспорта, делая его иногда совершенно невозможным. По таким «дорогам» могли проехать только мощные тягачи и транспортные средства на гусеничном ходу, а также низкорослые местные лошадки со своими легкими телегами.

После прибытия в середине февраля пополнения в количестве 500 человек удалось по меньшей мере хотя бы в некоторой степени компенсировать большие потери, понесенные дивизией в январе, и укрепить передний край обороны, занятый чрезвычайно малыми силами.

19 февраля вместо погибшего полковника Вебера прибыл назначенный Верховного командованием сухопутных войск (ОКХ) новый командир 41-го гренадерского полка, полковник Шеффель.

24 февраля отличный командир 20-го гренадерского полка, полковник Вальтер, был переведен в танковую школу Берген. Тем самым с начала года дивизия потеряла уже своего второго командира полка. Полковник Вальтер командовал 20-м

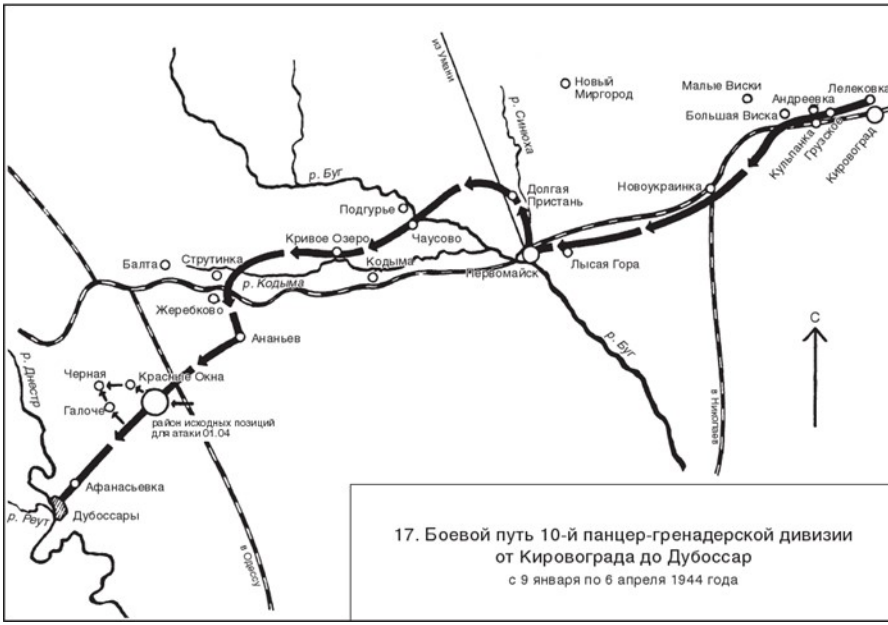
гренадерским полком с февраля 1942 года и, так же как и полковник Вебер, зарекомендовал себя великолепным командиром, на которого командование дивизии всегда могло положиться. По ходатайству командования дивизии Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) назначило новым командиром 20-го гренадерского полка майора Хадереккера. Он служил в составе этого полка с 1934 года и с первого дня войны отличился во многих сражениях.

26 февраля участок фронта «группы Шмидта» был принят XXXX танковым корпусом (командир – генерал танковых войск фон Кнобельсдорф). Генерал-лейтенант Шмидт вместе со своим штабом снова возглавил 10-ю панцер-гренадерскую дивизию.

Отступление за Днестр

Начиная с 1 марта подразделения дивизии постепенно снимались с фронта и перебрасывались в район города Кодыма (расположенного примерно в 150 километрах западнее Первомайска) для краткосрочного отдыха и доукомплектования. 6 марта, после долгой поездки по неописуемым из-за весенней распутицы дорогам, проходившим по территории, находившейся в сфере влияния Румынии, оперативная группа штаба дивизии прибыла на железнодорожный вокзал города Кодыма. Там их ожидал приказ командования 8-й армии, согласно которому из-за плохих дорожных условий и нехватки помещений для расквартирования личного состава дивизия должна была передислоцироваться в район между городами Новоукраинка и Первомайск. Оставленному в городе Малые Виски временному пункту сбора донесений под командованием квартирмейстера дивизии было поручено оповестить об этом изменении воинские части, находившиеся на марше или остававшиеся на позиции, а также перенаправить в новый район дислокации находившийся в пути железнодорожный транспорт.

После неразберихи, возникшей из-за внезапного изменения района доукомплектования, постепенно удалось направить все воинские части в нужное место. Вот только боевая группа Хадереккера (20-й гренадерский полк, 110-й бронированный разведывательный батальон и отдельные части 10-го моторизованного артиллерийского полка) все еще продолжала действовать в полосе XXXX танкового корпуса. Только 10 марта боевая группа Хадереккера была снята с передовой на участке фронта XXXX танкового корпуса и направлена маршем в район дислокации дивизии.



Генерал-лейтенанту Шмидту было приказано 2 марта явиться в Оберзальцберг, в резиденцию Гитлера Бергхоф, для получения дубовых листьев к Рыцарскому кресту. Командование дивизией временно принял на себя командир 10-го моторизованного артиллерийского полка полковник Аккеман.

Уже вечером 11 марта из штаба 8-й армии поступил приказ:

> «10-я панцер-гренадерская дивизия (боевая группа Хадереккера и воинские части, находящиеся на доукомплектовании) должна быть немедленно брошена для охраны переправы через Буг на рубеже Ольшанка – Долгая Пристань. Воинские части, дислоцированные в районе Лысой Горы, включая штаб дивизии, с этого момента переходят в подчинение XXXX танкового корпуса».

Так опять сорвалась короткая передышка 10-й панцер-гренадерской дивизии. Измотанным в предыдущих боях и в утомительных переходах по раскисшим дорогам воинским частям пришлось приготовиться к новым боям.

12 марта 1-я (дозорная) рота 110-го бронированного разведывательного батальона была брошена для разведки в районе севернее и северо-западнее Первомайска. Под ее прикрытием на север выдвинулись штаб 41-го гренадерского полка вместе со своим 3-м батальоном (передвигавшимся пешим маршем), 2-й батальон 20-го гренадерского полка (также

передвигавшийся пешим маршем) и 1-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона. Смененная наконец боевая группа Хадереккера двигалась маршем через Новоукраинку в расположение дивизии.

14 марта все воинские части дивизии получили новые приказы. В какой мере они могли быть выполнены в установленное время, целиком и полностью зависело при катастрофических дорожных условиях от погоды. В этот день 3-й батальон 41-го гренадерского полка и отдельные подразделения 10-го моторизованного артиллерийского полка были задействованы у села Долгая Пристань и смогли выставить боевое охранение севернее и северо-западнее этого села. 2-й батальон 20-го гренадерского полка находился уже на подходе к этому селу. Главные силы дивизии пробивались вперед сквозь непролазную дорожную грязь восточнее Первомайска. Штаб дивизии все еще оставался без средств связи и располагал только одной-единственной дозорной машиной с рацией на своем командном пункте в селе Лысая Гора.

15 марта для 110-го бронированного разведывательного батальона прибыло пополнение в количестве 250 человек. Теперь можно было заново сформировать 3-ю роту и существенно доукомплектовать остальные роты этого батальона.

Для лучшего понимания обстановки необходимо дать краткое описание общего положения, сложившегося на данном участке Восточного фронта:

«В начале марта 1944 года русские перешли в наступление. 1-й Украинский фронт под командованием маршала Жукова стремительно наступал вперед по обе стороны от Шепетовки (примерно 100 километров западнее Житомира) и после двухдневных боев пробил глубокие бреши во фронте обороны группы армий «Юг», которые вскоре превратились в настоящий прорыв, глубиной до 50 километров…

6 марта 2-й Украинский фронт маршала Конева перешел в наступление из района Звенигородки в направлении Гайсина и Умани. Эта атака пришлась на полосу 8-й немецкой армии, которая еще не успела оправиться после тяжелых потерь под Черкассами, и ее фронт был прорван. 10 марта Умань пришлось оставить. Конев не давал ослабленной 8-й армии ни дня передышки. 13 марта его армии прорвались до Буга, через который тотчас переправились их передовые отряды. Прежде чем 8-я армия сумела занять оборону на берегу Буга, русские форсировали Буг по обе стороны от Гайворона на участке шириной около 100 километров и захватили несколько плацдармов глубиной от 20 до 30 километров» (*Типпельскирх К.*

фон. История Второй мировой войны).

15 марта три батальона 10-й панцер-гренадерской дивизии и один слабый дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка занимали позиции на западном берегу Синюхи севернее Первомайска. Все остальные боевые части дивизии все еще торчали в дорожной грязи восточнее Первомайска.

В последующие два дня дивизия – выполняя приказ – поэтапно отошла за Буг в районе села Чаусово. Здесь большая часть местного населения уже говорила по-румынски.

18 марта русские атаковали небольшой плацдарм, созданный дивизией на восточном берегу Буга. Однако силами 10-го саперного батальона и 1-й (дозорной) роты 110-го бронированного разведывательного батальона их атака была отбита. Однако дальше к северу в районе села Подгурье противнику удалось захватить небольшой плацдарм. В ходе контратаки 2-го батальона 41-го гренадерского полка, частей 10-го моторизованного саперного батальона и отдельных воинских частей 376-й пехотной дивизии удалось несколько уменьшить площадь этого плацдарма, однако он так и не был полностью ликвидирован. Тяжелые бои за этот плацдарм продолжались 19, 20 и 21 марта.

22 марта новый плацдарм, захваченный Советами у села Осиповка, был ликвидирован в ходе стремительной атаки двух батальонов 376-й пехотной дивизии и 4-й горнострелковой дивизии, поддержанной штурмовыми орудиями.

23, 24 и 25 марта прошли относительно спокойно. В ночь с 25 на 26 марта, выполняя приказ, дивизия отошла на юго-запад в район поселка Кривое Озеро на реке Кодыма, чтобы прикрыть с севера фланг 8-й армии. Но уже 28 марта дивизии было приказано отойти в район села Жеребково, где сложилось угрожающее положение. На рассвете противник прорвался к этому селу с севера и вызвал сильную панику среди дислоцированных там этапных служб. Благодаря четкой организации и объединению квартирмейстером дивизии всех находившихся в Жеребково воинских частей, в том числе и ослабленных, только что прибывших подразделений 20-го гренадерского полка и 10-го моторизованного артиллерийского полка, удалось отразить эту атаку и отбросить ворвавшегося в село противника на северо-запад. При этом особо отличилась 10-я рота 20-го гренадерского полка под командованием одного из унтер-офицеров.

После прибытия остальных подразделений дивизии 110-й бронированный разведывательный батальон и 2-й батальон 41-го гренадерского полка (под командованием обер-лейтенанта

Райнфурта) пошли в атаку на село Струтинка под общим командованием командира 20-го гренадерского полка. Эта атака прошла успешно, и тем самым была закрыта брешь между 3-м батальоном 20-го гренадерского полка и 849-м гренадерским полком. Штаб дивизии разместился в городе Ананьев.

29 и 30 марта дивизия была снова отведена на юго-запад, так как там опять произошло вклинение противника. 31 марта Советы расширили свое вклинение восточнее Днепра в южном направлении уже до села Черная. Поэтому командованием XXXX танкового корпуса была снова сформирована «группа Шмидта», состоявшая из 10-й панцер-гренадерской дивизии, корпусного батальона «Ф» (под командованием генерал-майора фон Троньера) и 46-й пехотной дивизии (командир – генерал-лейтенант Рёпке). В этот же день, 31 марта, «группа Шмидта» была сосредоточена в районе юго-восточнее села Красные Окна. Она получила приказ:

> «1 апреля выдвинуться из района села Красные Окна, нанести удар по глубокому флангу продвигавшегося на юг противника, уничтожить прорвавшиеся на юг вражеские части и тем самым закрыть брешь, возникшую между 106-й пехотной дивизией и VII армейским корпусом».

1 апреля в 10 часов утра «группа Шмидта» пошла в атаку из района села Черная в следующем боевом порядке: справа 10-я панцер-гренадерская дивизия; в центре корпусной батальон «Ф»; слева 46-я пехотная дивизия. Командный пункт «группы Шмидта» находился в населенном пункте Софиенталь.

Следует отметить, что местность севернее Дубоссар уже давно населяли выходцы из Германии, швабы, которые еще сохранили свой язык и чьи деревни и дома своей чистотой приятно отличались от грязных русско-румынских поселений. Правда, сейчас здесь проживали только очень пожилые люди.

Поначалу очень цепкая оборона противника была все-таки сломлена в ходе мощной атаки. После ввода в бой нескольких штурмовых орудий противник обратился в бегство и оставил на поле боя множество убитых и богатые трофеи, а около ста красноармейцев попали в плен. К вечеру была достигнута цель атаки, поставленная командованием корпуса. Снова подтвердилось мнение, что русские – если на них насесть как следует – не выдержат немецкой атаки и в 1944 году.

3 апреля от командования 8-й армии поступила следующая радиограмма:

«1 апреля 1944 года благодаря успешной атаке «группы Шмидта» боевая группа фон Кнобельсдорфа помешала прорыву противника к Дубоссарам и нанесла ему большие потери. Несмотря на все трудности, командование боевых групп и воинские части и здесь снова добились огромного успеха. За это выражаю им свою полную признательность и особую благодарность!

Подписано: *Вёлер*».

3 апреля 10-я панцер-гренадерская дивизия уже собиралась сосредоточиться в районе Дубоссар, как неожиданно возникла угроза нового прорыва неприятеля к этому городу. По тревоге были подняты воинские части дивизии, находившиеся поблизости, и вместе с корпусным батальоном «Ф» брошены в атаку через Афанасьевку в северо-восточном направлении. К атаковавшему в первом эшелоне 3-му батальону 41-го гренадерского полка с шестью еще боеспособными штурмовыми орудиями присоединился 20-й гренадерский полк, а вскоре после этого – и остатки 41-го гренадерского полка с шестью орудиями 10-го моторизованного артиллерийского полка. В ожесточенном бою был отбит старый передний край обороны и тем самым обеспечен отвод немецких войск через Днестр (или Ниструл, как называют эту реку румыны).

Вечером 6 апреля 10-я панцер-гренадерская дивизия была снята с передовой и в качестве резерва группы армий «Южная Украина» передислоцирована на западный берег Днестра в район севернее реки Реут.

На этом закончилось один из самых утомительных маршей дивизии. С момента прорыва из котла под Кировоградом, и прежде всего с момента оставления с позиций под Кульпанкой и Андреевкой, дивизии приходилось почти каждый день, и в снег, и в дождь, и в мороз, и в оттепель вести тяжелые бои, а по ночам совершать длительные переходы. Пехотинцев нигде не ждали заранее подготовленные позиции. После утомительных ночных переходов им приходилось каждый раз заново зарываться в мерзлую землю. Промерзшие до костей, промокшие до нитки и голодные, они весь день отбивали атаки превосходящих сил противника, а следующей ночью снова шагали на запад, нагруженные оружием и боеприпасами.

В эти дни майор Генерального штаба Хегерль, который находился в составе дивизии с 1934 года и который отлично зарекомендовал себя как на фронте, так и в качестве офицера Генерального штаба, был переведен на новую должность. Его преемником стал капитан Генерального штаба Альтмайер.

Позиционные бои на реке Реут севернее Кишинева (07.04–16.06.1944)

Имевшийся в виду оборонительный рубеж должен был отрезать выступающую на юг излучину Днестра в месте впадения в него реки Реут и в районе села Маркэуць и обеспечить стык с находившейся справа 282-й пехотной дивизии, действовавшей на западном берегу Днестра. Однако из-за вражеского вклинения в эту излучину пришлось уже 8 апреля начать атаку в северном направлении. Для проведения этой атаки в распоряжении командования дивизии кроме нескольких штурмовых орудий были только 41-й гренадерский полк и 110-й бронированный разведывательный батальон с незначительными артиллерийскими силами. Атака, проведенная из района села Маркэуць в северо-западном направлении, завершилась полным успехом, брешь между 282-й пехотной дивизией (справа) и 3-й танковой дивизией (слева) была закрыта. В эти дни командный пункт дивизии находился в селе Маркэуць.

9 апреля (в пасхальное воскресенье) противник снова вклинился на стыке между 282-й пехотной дивизией и 10-й панцер-гренадерской дивизией. На рассвете в ходе быстрой контратаки 20-й гренадерский полк снова отбросил противника назад на исходные позиции. Уже к полудню брешь была закрыта и восстановлен сплошной передний край обороны. Предпосылкой проведения этой атаки было обладание высотой 224,7 северо-западнее села Маркэуць. В течение ночи части 110-го бронированного разведывательного батальона и штабы 41-го гренадерского полка и пехотных полков «Кайзер» и «Эдер» 282-й пехотной дивизии отразили все атаки противника и удержали эту высоту. Для закрытия бреши решающее значение имела атака частей 849-го пехотного полка 282-й пехотной дивизии, проведенная с юго-востока. Противник, оказывавший поначалу упорное сопротивление в уличных боях, позднее в панике бежал на север и северо-запад, оставив тела своих убитых товарищей, оружие и боевую технику и бросив на произвол судьбы раненых.

К 13 апреля, выполняя приказ, 10-я панцер-гренадерская дивизия за два ночных перехода оставила излучину Днестра и перенесла свой передний край обороны за Реут. 282-я пехотная дивизия (справа) получила участок фронта, проходивший от Днестра через село Ракулешты до церкви в селе Маркэуць; 10-я панцер-гренадерская дивизия – от церкви в селе Маркэуць до восточной окраины села Фурчены (включительно). При этом по

тактическим соображениям передний край обороны по обе стороны от села Требужены был выдвинут на господствующие высоты севернее Реута.

Здесь следует сказать несколько слов о характере местности. Реут своими отвесными скалистыми берегами и виноградниками, а также многочисленными излучинами и извилинами, своим течением в глубоких ущельях и множеством мелких притоков очень напоминал Мозель. Отвесные берега в полосе обороны дивизии отлично подходили для сооружения подземных галерей. С другой стороны, выдвинутый на северный берег передний край обороны прямо-таки манил русских, словно призывая атаковать его. Деревни со своими домами, окруженными кирпичными стенами, также напоминали немецкие деревушки на Мозеле. Местное население представляло собой пеструю смесь из русских, румын и цыган, которое в общем и целом относилось к немецким войскам приветливо. Артиллерийские позиции располагались в многочис7 А. Шмидт ленных оврагах и укрывались перелесками. Повсюду имелось достаточно много удобных позиций для противотанковых пушек. Поэтому дивизия ожидала начала позиционной войны со вполне оправданным оптимизмом.

Уже в первый же день противник попытался в ходе нескольких мощных атак отбить у 20-го гренадерского полка господствующие высоты на северном берегу Реута и отбросить полк за реку. Однако благодаря энергичным контратакам он был отброшен на исходные позиции. На поле боя осталось много убитых красноармейцев, оружия и боевой техники, даже удалось захватить нескольких пленных. Этому успеху в значительной мере способствовало энергичное руководство полком и личный пример командира полка майора Хадереккера, а также беспримерная храбрость, которую проявил фельдфебель Кастль.

Из-за бурного таяния снегов вода в Реуте постоянно поднималась, и это создавало серьезную опасность жизненно важным для 20-го гренадерского полка мостам в селах Требужены и Бутучаны. Разрушенный в конце концов паводком мост в селе Требужены был позднее восстановлен только в виде пешеходного мостика.

Последующие два месяца принесли дивизии такую спокойную обстановку, с какой она еще никогда не сталкивалась с самого начала войны. Положение позволяло производить частую смену батальонов и поочередно отводить их на резервную позицию, где войска получали необходимый им отдых. К тому же вскоре началась весна. Солдаты могли загорать и купаться. Благодаря этому удалось окончательно избавиться от клопов и вшей, иногда мучивших солдат зимой. Созревшие уже в мае

овощи внесли долгожданное разнообразие в рацион питания, так же как и рыба, которой оказался очень богат Реут. Порой даже удавалось вывозить личный состав поротно в Кишинев в кино, в театр или в баню. Так личный состав дивизии очень быстро отдохнул от тягот прошедших месяцев. Снова начали поступать пополнение, новое оружие, боевая техника и новые автомобили, так что вскоре дивизия опять обрела солидную боевую мощь.

Но даже при нахождении на довольно спокойной позиции бои местного значения никогда полностью не прекращались. Разведывательные поиски с обеих сторон постоянно сопровождались, к сожалению, потерями, так же как и никогда не прекращавшиеся артиллерийские и минометные обстрелы. Мощные атаки противника на участках фронта соседних дивизий часто приводили к тому, что там приходилось использовать и отдельные воинские части дивизии.

В начале мая противник восемь раз атаковал в полосе соседней справа 282-й пехотной дивизии, но все эти атаки были успешно отражены с большими потерями для нападавших.

Во время одного из разведывательных поисков 3-го батальона 41-го гренадерского полка при зачистке вражеских жилых блиндажей было захвачено 11 пленных и 8 пулеметов и насчитано около 50 убитых красноармейцев.

7 мая отлично зарекомендовавший себя во многих боях командир 20-го гренадерского полка, майор Хадереккер, входивший в состав дивизии с момента ее формирования, был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Одновременно с этим командир дивизии смог вручить такие же высокие награды фельдфебелю Кастлю из 11-й роты 20-го гренадерского полка, проявившему исключительную храбрость во время боя за господствующую высоту севернее села Требужены, а также унтер-офицеру Боймлеру из 11-й роты 41-го гренадерского полка, подбившему несколько вражеских танков.

В ночь с 13 на 14 мая, после ураганного огня, продолжавшегося больше часа, крупные силы Советов при поддержке танков пошли в крупномасштабное наступление в районе большой излучины Днестра южнее Дубоссар. Прорвав оборону частей 4-й горнострелковой дивизии, противник продвинулся почти до южной оконечности излучины Днестра. Продолжали стойко держаться только несколько небольших плацдармов. Командование XXXXIV армейского корпуса (командир – генерал артиллерии де Ангелис) срочно подняло по тревоге все имевшиеся у него резервы.

2-й батальон 41-го гренадерского полка (капитан Райнфурт), 3-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка

(капитан Бушмайер) и 110-й бронированный разведывательный батальон (капитан Назер) были приданы корпусному батальону «Ф», который держал оборону на западном берегу Днестра в районе большой излучины.

15 мая 110-й бронированный разведывательный батальон осуществлял охранение на западном берегу Днестра в районе южной оконечности большой излучины по обе стороны от города Вадуллуй-Водэ и силами одного взвода 3-й роты под командованием лейтенанта Фёрча захватил небольшой плацдарм на северном берегу Днестра. Несмотря на мощную поддержку советских военно-воздушных сил, представленных в основном американскими самолетами, многократные атаки крупных сил противника на этот плацдарм потерпели неудачу.

Вечером 15 мая было решено оставить этот плацдарм, так как командование армии решило двусторонним охватом с плацдарма северо-восточнее Кошницы отрезать советские войска, находившиеся в большой излучине Днестра, а затем уничтожить их. На этом плацдарме 16 мая находились: один батальон 4-й горнострелковой дивизии фронтом на юг, слева от него – 4-я рота 110-го бронированного разведывательного батальона, затем – 2-й батальон 41-го гренадерского полка, 3-я рота 110-го бронированного разведывательного батальона и 110-й гренадерский полк 14-й танковой дивизии под командованием полковника Грессера. Время атаки пришлось передвинуть на один день, так как 17, 18 и 19 мая противник предпринял несколько атак при поддержке танков на этот плацдарм, однако все они были отбиты.

Немецкая атака была проведена 20 и 21 мая. Она завершилась полным успехом: большая излучина Днестра была зачищена от противника, 2,6 тысячи красноармейцев попали в плен, в качестве трофеев было захвачено 190 орудий всех калибров, 227 противотанковых пушек и 334 пулемета. Было обнаружено множество убитых солдат противника. Участвовавшие в зачистке воинские части 10-й панцер-гренадерской дивизии внесли свой весомый вклад в успех этой операции, но, к сожалению, и они понесли болезненные потери.

В полосе самой дивизии эти дни прошли относительно спокойно, за исключением нескольких атак малыми силами с целью сковать противника.

23 мая подразделения дивизии, принимавшие участие в боях в большой излучине Днестра, вернулись в расположение дивизии.

3 июня по приказу командования корпуса впервые был проведен так называемый «день земляных работ» с 17-часовым рабочим временем. Из тыловых частей дивизии была

сформирована команда землекопов в количестве 1500 человек, которые с большим энтузиазмом принялись за инженерное оборудование тыловых позиций. Такой же «день земляных работ» с большим успехом был повторен и 12 июня.

6 июня стало известно о вторжении союзников в Нормандии. И хотя тогда все считали, что вторжение потерпит неудачу, сам факт вторжения и связанные с этим тяжелые бои во Франции настроили офицеров и рядовых на серьезный лад, так как, скорее всего, теперь следовало ожидать ослабления Восточного фронта и оставить надежду на поставку должного количества вооружения и свежего пополнения.

8 июня при проведении разведывательного поиска из вражеских окопов не вернулся лейтенант Лаут из 20-го гренадерского полка.

16 июня в расположение дивизии прибыл прежний командир 10-го артиллерийского полка, полковник Херольд. Он был хорошо известен и отлично зарекомендовал себя как командир 10-го артиллерийского полка еще во время боев во Франции в 1940 году и в России в 1941 году. Он был назначен Верховным командованием сухопутных войск (ОКХ) командиром 20-го гренадерского полка сроком на три месяца, чтобы приобрести навыки, необходимые для назначения в дальнейшем на должность командира дивизии. К сожалению, одновременно с этим дивизия потеряла майора Хадереккера, который был переведен в резерв фюрера при Верховном командовании сухопутных войск (ОКХ).

С 13 июня 258-я пехотная дивизия сменила 10-ю панцер-гренадерскую дивизию, которая была переведена в резерв армии и передислоцирована для отдыха и доукомплектования в район городка Калараш-Тарг, расположенного позади левого фланга армии. При этом дивизия была подчинена VII армейскому корпусу (командир – генерал артиллерии Хелль).

Отдых и доукомплектование в прифронтовом районе западнее Кишинева (17.06–19.08.1944)

Воинские части дивизии в виде усиленных полковых групп были расквартированы в окрестностях городка Калараш-Тарг. Штаб дивизии находился в городе Новачи, расположенном юго-западнее города Калараш-Тарг.

Это была живописная, плодородная местность с приятными селами, окруженными садами и виноградниками. Красивые долины, которые пересекали многочисленные речушки и ручьи с кристально чистой водой, сменялись холмами, высота которых достигала 600 метров. Поля пшеницы и подсолнечника чередовались с тучными пастбищами и тенистыми лиственными лесами. Эта местность напоминала немецким солдатам баварский лес или предгорья Альп.

Как и во время отдыха и доукомплектования в районе Кричева в апреле 1943 года, всем военнослужащим дивизии в первые дни был предоставлен такой необходимый им отдых. Проживание в домах в человеческих условиях и прежде всего непрерывный ночной сон, которого так долго всем не хватало, позволили всем быстро восстановить силы и сразу же подняли настроение личного состава дивизии. Предпринимались все доступные меры по оздоровлению военнослужащих, а также по ремонту оружия, боевой техники и починке обмундирования.

Вскоре в полном объеме продолжилась боевая подготовка, чтобы подразделения дивизии были полностью готовы к предстоящим в скором будущем тяжелым боям. Это было тем более необходимо, что в течение нескольких последующих недель прибыло пополнение в количестве 2500 человек, а также поступило оружие и новая боевая техника. Вот только поставки транспортных средств, к сожалению, были, как и прежде, недостаточными.

Отдельные батальоны дивизии неоднократно привлекались для борьбы с партизанами, например, 31 мая и 26 июня – 110-й бронированный разведывательный батальон, 4 июля – отдельные части 41-го гренадерского полка, а несколько дней спустя – подразделения 20-го гренадерского полка.

В период с 1 по 18 июля и с 5 по 11 августа дивизия из тактических соображений передислоцировалась в район, непосредственно примыкавший с запада к Кишиневу. Штаб дивизии размещался в селе Гидигич. Некоторым подразделений

дивизии пришлось жить в палатках, что в чудесную, жаркую летнюю погоду только приветствовалось бойцами.

14 июля под Кишиневом состоялись крупные танковые учения с боевыми стрельбами, в которых принимал участие и румынский генерал-полковник Думитреску.

23 июля штаб дивизии потерял своего отлично зарекомендовавшего себя с августа 1942 года адъютанта, майора Хауса, который был переведен в рейх. Его преемником стал майор Каст, офицер 41-го гренадерского полка, который уже неоднократно отличался во время боевых действий.

25 июля вместо генерала артиллерии де Ангелиса командование 6-й армией принял генерал артиллерии Фреттер-Пико. В этот же день генерал-полковник Фриснер стал главнокомандующим группой армий «Южная Украина».

В июле состоялись крупномасштабные 24-часовые учения 10-го моторизованного артиллерийского полка с одновременным введением в действие в полосе румынской 14-й пехотной дивизии. Внешне румынские солдаты производили хорошее впечатление, и дисциплина в дивизии была на должном уровне. Однако, как оказалось, они не отвечали высоким требованиям, предъявляемым к военнослужащим в боевой обстановке, в чем, к сожалению, мы очень скоро сами убедились. Что же касается питания и размещения, то румынские солдаты жили в очень скромных условиях, в отличие от румынских офицеров. Дистанция между офицерами и рядовыми была огромной. По всей видимости, между офицерским и рядовым составом в румынской армии не было тесных, товарищеских отношений. Внешне румынские офицеры постоянно подчеркивали свою верность Германскому рейху. События, произошедшие вскоре после этого, показали истинную цену их верности.

В июле обер-лейтенант Грюттнер, занимавший в течение нескольких лет пост офицера-ординарца штаба дивизии, был переведен в другую дивизию на должность квартирмейстера. Он был надежным соратником командира дивизии, как в штабе 20-го пехотного полка, так и в штабе 10-й панцер-гренадерской дивизии. В его лице из штаба дивизии выбыл боевой товарищ, которого все очень ценили. К сожалению, позднее он пал смертью храбрых на поле боя.

С 24 июля по 5 августа 20-й гренадерский полк и отдельные подразделения 10-го моторизованного артиллерийского полка неоднократно временно сменяли на передовой части других дивизий.

В эти недели произошли события, которым было суждено сыграть решающую роль в будущей судьбе Германии. На Западе

немецким войскам так и не удалось остановить вторжение. Союзники продвигались все дальше и дальше по территории Франции. И в Италии они захватывали все новые и новые регионы. 22 июня 1944 года началось крупномасштабное наступление Советов против группы армий «Центр», которое вскоре приведет к разгрому этой группы армий и прорыву Красной армии к восточной границе Польши. 20 июля произошло покушение на Гитлера.

Очевидно, что каждый из нас с большой тревогой смотрел в будущее. Тем не менее немецкому солдату не оставалось другого выбора, кроме как продолжать сражаться. Ведь наши противники неоднократно заявляли, что уничтожат Германию, кто бы ни стоял во главе ее руководства.

В начале августа 1944 года и на участке фронта группы армий «Южная Украина» появились признаки того, что Советы готовят большое наступление. Поэтому 10-я панцер-гренадерская дивизия была приведена в состояние полной боевой готовности, чтобы быть в состоянии в любой момент выступить маршем в указанный район боевых действий. Уже через несколько дней и здесь разгорится крупное сражение. Что же касается укомплектованности личным составом и боевой техникой, то 10-я панцер-гренадерская дивизия была хорошо подготовлена к предстоящей битве и располагала, кроме прочего, 7-м танковым батальоном, оснащенным штурмовыми орудиями.

16 августа дивизия была передислоцирована на западный берег Прута в район города Яссы и вновь подчинена 8-й армии (командующий – генерал пехоты Вёлер), командование которой считало, что на этом участке фронта в ближайшее время начнется советское наступление крупными силами.

18 августа дивизия заняла исходное положение позади 79-й пехотной дивизии (командир – генерал пехоты Мит) южнее реки Бахлуй у города Яссы.

Развал Румынского фронта. Жертвенный путь 10-й панцер-гренадерской дивизии во время отступления к Дунаю в период 20.08–01.09.1944

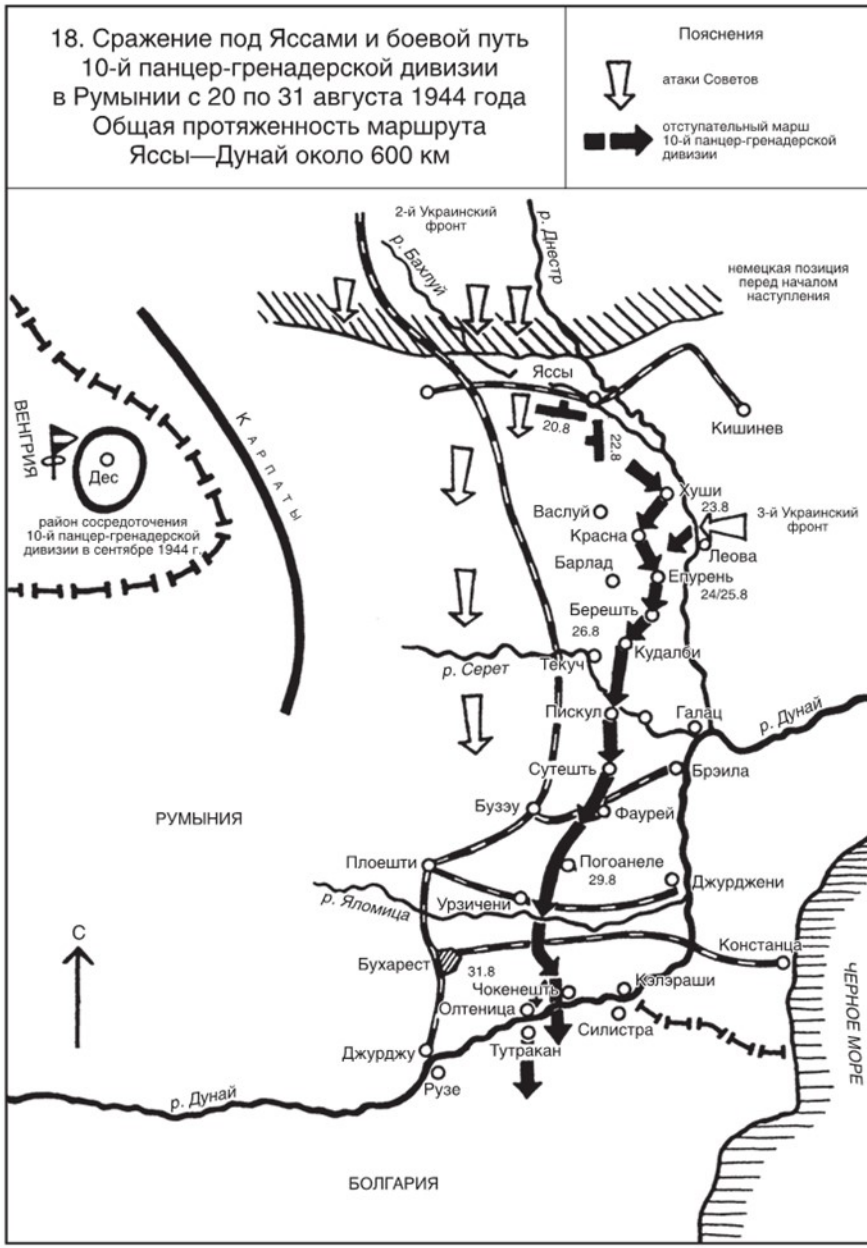
Общее положение

Группа армий «Южная Украина» под командой генерал-полковника Фриснера занимала полосу, состоявшую из восточного участка фронта и северного участка. Линия восточного участка фронта проходила по западному берегу Днестра от его впадения в Черное море до Дубоссар. Восточный участок занимала армейская группа Думитреску, состоявшая из румынской 3-й армии и немецкой 6-й армии, под командованием генерала артиллерии Фреттер-Пико. Ей противостоял 3-й Украинский фронт маршала Толбухина, которому уже удалось захватить плацдарм под Тирасполем (юго-восточнее Кишинева). Линия северного участка фронта (армейская группа Вёлера) проходила от Дубоссар до восточных предгорий Карпат, затем поворачивала на север и в районе поселка Куты примыкала к участку фронта группы армий «Северная Украина». Занимавшая северный участок фронта армейская группа Вёлера состояла из немецкой 8-й армии (Вёлер) и румынской 4-й армии под командованием генерала Раковица. Армейской группе Вёлера противостоял 2-й Украинский фронт под командованием маршала Малиновского. Перед началом советского наступления соотношение сил было следующим: 21 немецкая и 22 румынские дивизии против 90 советских дивизий, одна немецкая и одна румынская танковые дивизии, а также 10-я панцер-гренадерская дивизия – против семи советских танковых корпусов.

Генерал-полковник Фриснер пишет в своей книге «Проигранные сражения» о начале битвы за Румынию:

«В воскресенье, 20 августа, начинается ожидавшееся наступление крупных сил противника… После полуторачасовой сильнейшей артиллерийской подготовки крупные соединения советской пехоты, поддержанные танками и штурмовой авиацией, переходят в наступление… Огромный расход живой силы и техники позволяет Советам на многих участках прорвать наш фронт. Однако причиной такого относительно быстрого успеха было не только численное превосходство противника, но и, прежде всего… неожиданно недостаточная стойкость и ненадежность различных румынских соединений. Бросается в

глаза, что атаки Советов были направлены преимущественно против тех участков фронта, которые обороняли румынские соединения.



В полосе обороны армейской группы Думитреску атака русских развивалась по обе стороны от стыка между 3-й румынской и 6-й немецкой армиями…

На участке фронта армейской группы Вёлера русские наступали между населенными пунктами Редиу и Эрбичени. Они сумели неожиданно быстро глубоко вклиниться в полосе обороны 7-й румынской и 5-й румынской пехотных дивизий, которые без боя покинули свои позиции, в то время как немецкие соединения, особенно попавшие в крайне трудное положение 76-я и 79-я немецкие пехотные дивизии, покинутые справа и слева своими румынскими соседями, продолжали отважно сражаться и удерживать свои позиции… Резервы группы Мита еще смогли в ходе контратаки создать оборонительный рубеж для защиты остававшихся на своих позициях 11-й румынской и 79-й немецкой пехотных дивизий.

Вследствие нестойкости 3-й румынской пехотной дивизии… противник смог с северо-запада ворваться в Яссы, где завязались кровопролитные уличные бои. Часть сил неприятеля прорвалась к южному берегу реки Бахлуй, где вступила в бой с подразделениями подтянутой в тот район 10-й панцер-гренадерской дивизии. Еще дальше к западу, на участке VI румынского армейского корпуса вследствие неустойчивости 5-й румынской пехотной дивизии противник очень быстро прорвался через Бахлуй вплоть до района Паусешти – Думешти…

Стоявшая между 7-й и 5-й румынскими пехотными дивизиями 76-я немецкая пехотная дивизия, вследствие двустороннего охвата флангов, была вынуждена отойти на высоты южнее села Лецкань и создала там новый оборонительный рубеж…»

20 августа, около полудня, подчиненная IV армейскому корпусу под командованием генерала пехоты Мита (командный пункт в селе Бучитани) 10-я панцер-гренадерская дивизия получила задание прикрыть западный фланг Ясс от удара русских войск, уже прорвавшихся западнее Ясс через Бахлуй и продвигавшихся на юг. В это время в самих Яссах уже шли ожесточенные уличные бои. Выполняя этот приказ, дивизия под прикрытием 10-го моторизованного артиллерийского полка и другого тяжелого вооружения, а также 7-го танкового батальона сначала заняла исходную позицию юго-западнее Ясс. Затем, где-то в 16 часов, перешла в атаку в северо-западном направлении, чтобы овладеть высотами южнее реки Бахлуй, которые, впрочем, не являлись препятствием для советских танков, и тем самым закрыть брешь между немецкими 79-й и 76-й пехотными дивизиями. От действовавших между этими двумя немецкими дивизиями 7-й и 5-й румынских дивизий остались лишь отдельные жалкие группки готовых сражаться бойцов, которые были включены во фронт 10-й панцер-гренадерской дивизии. Уже

в момент выдвижения в район исходных позиций и, особенно, во время самой атаки все передвижения дивизии находились под плотным артиллерийским огнем противника, который привел к значительным потерям среди личного состава.

Уже поздно вечером начались атаки крупных сил противника на позиции дивизии.

День 21 августа стал черным днем для 10-й панцер-гренадерской дивизии. В предрассветных сумерках на западе, в полосе румынского VI армейского корпуса можно было наблюдать, как Советы (пехота, танки, артиллерия и обозы) плотными колоннами двигались на юг. Около 8 часов утра после мощной артиллерийской подготовки крупные силы русских пошли в атаку на позиции дивизии. Только в полосе дивизии в атаке принимали участие более 60 советских танков с пехотой на броне, а также с пехотой, идущей в атаку перед танками. Остававшиеся в боевых порядках дивизии румыны в панике оставили свои позиции и бежали с поля боя. Немецкие солдаты отбирали у румын оружие и боеприпасы, так как снабжение полностью прекратилось. Во многих местах фронт дивизии был продавлен. На участке 41-го гренадерского полка произошло вклинение, в результате которого подразделения одного из батальонов были оттеснены на запад. (Позже выяснится, что это была единственная боевая единица дивизии, которой удался отход через Карпаты.) Ценой огромных потерь атаку противника удалось остановить, при этом было подбито около 40 вражеских танков. Однако у дивизии не было соприкосновения ни с соседом справа, ни с соседом слева. Все линии связи с тылом и внутри полков были нарушены. Русские уже готовились нанести удар дивизии в спину из района Ясс, что грозило ей полным окружением.

В этом безвыходном положении командование дивизии решило прорываться на юго-восток. Но поскольку противоборствующие стороны уже сцепились в смертельной схватке, этот отход можно было осуществить, только оторвавшись от противника. Для этого командование дивизии ввело в бой свои последние резервы и 7-й танковый батальон. И это действительно помогло еще раз отбросить русских в долину Бахлуя, а затем отойти на юго-восток. При этом удалось вывезти и всех раненых, разместив их на броне штурмовых орудий.

Вечером 21 августа дивизия уже стояла более или менее упорядоченно на отсечной позиции в 5 километрах южнее Ясс фронтом на запад позади речки Николина, по обе стороны от городка Лунка-Четецуй. Для дивизии это был очень тяжелый день, стоивший ей, к сожалению, больших потерь в живой силе и

технике.

И 22 августа можно было наблюдать, как на западе Советы двигались плотными колоннами на юг. В результате этого советского наступления дивизия оказалась отрезанной от своего отдела квартирмейстера, большей части полевых кухонь, медико-санитарных подразделений, складов боеприпасов и продовольствия. Позднее эти подразделения пробивались через Карпаты вместе с уже упомянутым батальоном 41-го гренадерского полка.

Вечером 22 августа 258-я пехотная дивизия сменила 10-ю панцер-гренадерскую дивизию на этой отсечной позиции, чтобы она могла быть использована на другом участке фронта. Погрузившись на оставшиеся транспортные средства и на грузовики, предоставленные командованием армии, дивизия отбыла в район городка Поень. Ночь с 22 на 23 августа дивизия провела в лесу восточнее города Поень. Во время передислокации в этот район из штаба армии поступила радиограмма следующего содержания:

> «Оперативной группе штаба и моторизованным подразделениям 10-й панцер-гренадерской дивизии выдвинуться вперед в район города Васлуй для принятия решительных контрмер».

22 августа в 23 часа командир дивизии и его начальник штаба явились на командный пункт «группы Мита» в лесу юго-восточнее города Поень. Там от генерала Мита они получили приказ немедленно продвинуться со всеми имевшимися в их распоряжении силами по долине реки Васлуй в направлении города Васлуй, чтобы получить там приказ о дальнейших действиях. Командир дивизии и его начальник штаба, подполковник Генерального штаба де Мезьер, выразили мнение, что долина реки Васлуй наверняка уже заблокирована вражескими танковыми соединениями. Однако, принимая во внимание, что быстрое выдвижение к городу Васлуй имеет решающее значение для принятия ответных контрмер, они предложили генералу Миту, используя автотранспорт и другие моторизованные транспортные средства, обойти противника с юга и через города Хуши и Красна выйти к Васлую. Однако это предложение было отклонено, и командир дивизии получил приказ «двигаться к Васлую по кратчайшему пути и прорваться через все возможные преграды». Повторное предложение командира дивизии выполнить задание путем обхода противника через города Хуши и Красна не было принято во внимание.

После короткой передышки в лесу у города Поень, которая

была использована для приведения измотанных соединений в порядок, в 2 часа ночи 23 августа дивизия, выполняя приказ, начала выдвижение на юг по долине реки Васлуй.

Генерал-полковник Фриснер в своей книге «Проигранные сражения» так описывает развитие положения в армейской группе Вёлера в период до 28 августа:

«Северный участок фронта был атакован двадцатью семью русскими стрелковыми дивизиями (причем пятнадцать из них сначала находились в резерве), двумя-тремя танковыми корпусами и отдельными соединениями 6-й гвардейской танковой армии. Атака была направлена… против левого фланга группы Мита, IV и VI румынских корпусов и правого фланга группы Кирхнера.

На левом фланге армейской группы Вёлера занимала оборону боевая группа Кирхнера. В центре речь шла об обороне позиции «Траян», которую занимали румынские соединения. 22 августа и эта позиция была прорвана противником. Его танковые соединения устремились к городу Васлуй. В результате открылся широкий коридор между реками Прут и Серет для прорыва в южном направлении. Для армейской группы Думитреску возникла угроза полного окружения.

22 августа Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) наконец разрешило отвести фронт группы армий. Однако уже было слишком поздно!.. Вечером 23 августа в королевском дворце в Бухаресте по приказу короля Михая был арестован маршал Антонеску. В этот же день, примерно в 22 часа, принимая во внимание перемирие с Советами, король отдал по радио приказ всем румынским войскам прекратить сопротивление…

По-видимому, еще никогда в истории войн злой рок не срывал так жестоко планы военачальника, построенные на верности заключенному союзу, как здесь, в Румынии!..

Теперь нашим отважным солдатам предстояло вести борьбу сразу по трем направлениям: против Советов на разваливающемся фронте, против сложных условий местности в Карпатах и против нового противника – Румынии. Главная задача командования группы армий заключалась в том, чтобы постараться спасти хотя бы часть личного состава и боевой техники, отдельными боевыми группами отойти через карпатские перевалы на венгерскую территорию и создать там новый оборонительный рубеж. И это удалось сделать!..

О планомерном, упорядоченном руководстве войсками в таких совершенно ненормальных условиях, конечно, не могло быть и речи… Теперь на передний план выступал сам человек, настоящий боец, подлинная личность. Приходилось принимать

такие исключительные меры, которые невозможно найти ни в одном уставе. В этих беспорядочных, арьергардных боях выделялись те бойцы, которые не теряли голову даже в самых отчаянных ситуациях и действовали самостоятельно и целеустремленно ради выполнения общей задачи… Они сражались в составе мелких боевых групп, постоянно попадая в окружение и снова с боем вырываясь из него, ведя бой и днем и ночью, без пищи и сна, в палящий зной при неописуемом напряжении всех сил… Именно здесь проявлялся настоящий героизм».

В первые предрассветные часы 23 августа передовой отряд дивизии вышел в район населенного пункта Солешти. Однако сама долина и поднимавшиеся по обе стороны от нее высоты с отвесными склонами уже были заняты моторизованными и танковыми частями русских. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого было подбито несколько вражеских танков. Однако прорваться через этот заградительный рубеж не удалось. К тому же из боковой долины, ведущей с северо-запада, можно было увидеть советские моторизованные колонны, двигавшиеся сплошным потоком по главной дороге на Васлуй.

Следовательно, тогдашнее предложение командования дивизии выйти к Васлую через Хуши с юга было правильным. Поэтому командир дивизии принял решение прекратить бой в этом районе и направиться через населенные пункты Хуши и Красна к Васлую, чтобы снова попытаться преградить противнику путь на юг. Правда, теперь шансы на успех уже не были такими очевидными, как накануне, так как уже был потерян почти целый день. К тому же подвижность дивизии значительно уменьшилась. В ходе боев и в результате налетов вражеской авиации на походную колонну в узкой долине, в которой было невозможно нигде укрыться, значительное число транспортных средств вышло из строя. А о ремонте в этих условиях нечего было и думать.

Дивизии удалось благополучно выйти из боя. По проселочным дорогам, через высоты и по долинам она направилась в город Хуши, куда прибыла уже ближе к вечеру и обнаружила, что город не занят противником. Начальник штаба дивизии, подполковник Генерального штаба де Мезьер, который еще до полудня выехал в штаб IV армейского корпуса, передал приказ генерала Мита: «Двигаясь через Хуши, наступать в сторону города Красна». Таким образом, предложение командования дивизии, сделанное еще ночью 22 августа, наконец было одобрено.

Во время отдыха дивизии в районе города Хуши, который был использован для поиска горючего и продовольствия, несколько

отдельных танков противника попытались атаковать с северо-западного направления, но эти атаки были отбиты. Где-то в 21 час дивизия продолжила свое движение в сторону города Красна.

24 августа в 4 часа утра 41-й гренадерский полк, двигавшийся в авангарде дивизии, вышел в район севернее города Красна. Здесь полк снова натолкнулся на мощную оборону противника в долине и на высотах по обе стороны от долины. В то время как штурмовые орудия и 41-й гренадерский полк начали наступление на город Красна, двигавшиеся позади них остальные подразделения дивизии были обстреляны из тяжелого оружия и противотанковых пушек с близлежащих высот.

Поскольку разведка выяснила, что по дороге Красна – Барлад уже по меньшей мере сутки движутся советские танки и моторизованные части, командир дивизии приказал прорываться на юго-восток. 1-й батальон 20-го гренадерского полка под командованием Херинга вместе с подчиненными ему штурмовыми орудиями получил задание разведать маршрут продвижения через поселок Вуткани в сторону деревни Епурень, а при необходимости с боем овладеть этой дорогой. Дивизия последовала за передовым отрядом Херинга. Преодолевая огромные трудности из-за прошедшего ночью ливня и очень крутых подъемов, дивизия сумела совершить марш по ставшим почти непроезжими дорогам до Вуткани, а затем и до Епурени. При этом двигавшиеся в арьергарде 10-й моторизованный саперный батальон и один из дивизионов 10-го моторизованного артиллерийского полка подвергались постоянным атакам следовавшего по пятам противника и понесли значительные потери.

Передовой отряд добрался до Вуткани примерно в 11 часов утра и в стычке с противником подбил три вражеских танка. При продолжении марша в сторону Епурени 7-й танковый батальон был вынужден взорвать последние из еще остававшихся штурмовых орудий, так как у некоторых из них были настолько серьезные повреждения, что уже невозможно было устранить их в полевых условиях. Другие штурмовые орудия были взорваны при подъезде к взорванному мосту, поскольку объехать это место было невозможно и их пришлось бы все равно бросить. Кроме того, эти штурмовые орудия уже не имели никакой боевой ценности, так как у них не осталось снарядов, а о подвозе боеприпасов можно было забыть. Во время этого марша пропал без вести отважный командир 7-го танкового батальона, барон фон Витингхоф, судьба которого остается неизвестной до сих пор.

К 17 часам 10-я панцер-гренадерская дивизия вышла в район южнее деревни Епурень, через которую проходит дорога, ведущая

из села Кания (восточнее Прута) через мост у села Богданешты в город Барлад. Эта дорога могла иметь решающее значение для отвода соединений армейской группы Думитреску. Выставив вокруг усиленные посты боевого охранения, дивизия разбила бивак в лесу на высотах южнее Епурени. Для бойцов дивизии это был первый более или менее продолжительный отдых с 20 августа. Они уже буквально падали с ног от усталости. Из-за отсутствия обозов и большей части полевых кухонь питание было более чем скромным. Хорошо еще, что на окрестных полях было полно спелых дынь. В палящий зной они хотя бы в какой-то степени заменяли воду, так как из-за нехватки времени кипятить воду было некогда, да и не было такой возможности. Большая часть транспортных средств вышла из строя. Бензина и боеприпасов почти не осталось. Потери прошедших дней были просто ужасающими. С большой озабоченностью командование дивизии ожидало, что же принесет с собой завтрашний день.

25 августа, во исполнение приказа командования IV армейского корпуса, дивизия перешла в наступление в северо-восточном направлении. Она должна была снова выдвинуться в район поселка Вуткани, чтобы помочь 13-й танковой дивизии (командир – генерал-лейтенант Трёгер), которая вела тяжелый бой за переправу через Днестр у города Леова. Однако, поскольку 13-я танковая дивизия уже потеряла этот плацдарм, а крупные силы Советов прорвались в том районе на запад и поскольку отдельные подразделения 13-й танковой дивизии (в том числе и сам генерал-лейтенант Трёгер) уже вошли в соприкосновение с 10-й панцер-гренадерской дивизией, ближе к полудню дивизия получила от командования IV армейского корпуса приказ прервать бой, во взаимодействии с подразделениями 13-й танковой дивизии прорываться к городу Берешть (15 километров южнее Епурени) и там перейти под командование XXIV армейского корпуса. Прибытие частей 13-й танковой дивизии задержалось до 21 часа вечера. Кольцо окружения вокруг 10-й панцер-гренадерской дивизии смыкалось все теснее. Поэтому дивизия заняла круговую оборону и выставила со всех сторон усиленное боевое охранение.

Вечером командир дивизии провел еще одно совещание со всеми своими командирами. Он поблагодарил всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых за храбрость и верность своему долгу, проявленную в последние дни, и дал указание пробиваться на запад отдельными группами, если в этом аду дивизия будет расколота на несколько частей, как это уже случилось со многими немецкими дивизиями.

Перед выступлением большая часть транспортных средств

была взорвана, чтобы иметь достаточно горючего хотя бы для перевозки орудий и другой боевой техники. Вопреки всем опасениям, прорыв к городу Берешть удался. В темную, безлунную ночь двигавшийся в авангарде батальон (1-й батальон 20-го гренадерского полка) нашел брешь, через которую дивизия смогла выскользнуть из котла без соприкосновения с противником. Совсем поблизости от маршрута движения дивизии, как к востоку, так и к западу от нее, всю ночь двигались на юг колонны советской военной техники с фарами, включенными в режиме дальнего света, – совсем не обнадеживающее зрелище!

На рассвете 26 августа дивизия подошла к городу Берешть. Командир дивизии связался с командованием XXIV армейского корпуса (командир – генерал кавалерии барон Гейр фон Швеппенбург) и получил приказ выдвинуться в район, расположенный в 10 километрах южнее Берешти, где расположиться на отдых. Но еще в момент выдвижения в предназначенный для отдыха район дивизия была обстреляна с юга, с прилегающих к долине высот вражескими танками, прорвавшимися в расположенные там населенные пункты.

Получив ближе к полудню новый приказ командования корпуса, дивизия двинулась дальше на юг, чтобы захватить переправу через реку Серет у населенного пункта Нэнешть. Из-за того, что выход из долины был заблокирован советскими танками и противотанковыми пушками, которым дивизия ничего не могла противопоставить, она повернула на юго-запад и двинулась через высоты. Но и эти высоты находились под постоянным плотным обстрелом советских танков и противотанковых пушек, поэтому дивизия понесла чувствительные потери. К вечеру дивизия подошла к большому селу Вирлезь, где вследствие крайнего переутомления личного состава была вынуждена задержаться на четырехчасовой отдых, выставив со всех сторон усиленное боевое охранение.

Из-за выхода из строя многих моторизованных транспортных средств командование дивизии было вынуждено предусмотреть с этого момента формирование моторизованного маршевого эшелона под командованием командира дивизии и пешей маршевой группы под командованием командира 20-го гренадерского полка, полковника Херольда.

В моторизованный маршевый эшелон предполагалось включить: штаб дивизии, большую часть 10-го батальона связи, один батальон 41-го гренадерского полка, остатки 10-го моторизованного артиллерийского полка (шесть легких полевых гаубиц), остатки 10-го истребительно-противотанкового

дивизиона (четыре моторизованные противотанковые пушки, две 20-мм зенитки и одну противотанковую пушку на самоходном лафете), остатки 110-го бронированного разведывательного батальона, остатки 10-го моторизованного саперного батальона.

Пешая маршевая группа должна была формироваться из остатков 20-го гренадерского полка, отдельных частей 10-го батальона связи и из тех подразделений дивизии, которые из-за отсутствия транспортных средств уже не могли перевозиться автотранспортом.

Большая часть транспортабельных раненых перевозилась вместе с моторизованным маршевым эшелоном, а нетранспортабельные раненые и больные передавались румынским местным властям для размещения в церквях и других общественных учреждениях.

Уже в 22 часа марш в направлении города Нэнешть был продолжен через село Кудалби. Из-за непрекращающихся боев, чрезвычайно утомительных дневных и ночных переходов, невозможности устроить длительный привал, выхода из строя многих полевых кухонь и нехватки продовольствия личный состав дивизии совершенно выбился из сил. Только стремление ни при каких обстоятельствах не попасть в руки к русским снова и снова гнало их вперед. Достижения дивизии в эти дни были выше всяких похвал. У артиллеристов оставалось на каждое орудие только по нескольку снарядов; все оставшиеся боеприпасы пехотинцы несли в своих ранцах; кроме своего ручного пулемета пулеметчик был вынужден день и ночь таскать с собой две пулеметные ленты. Из-за нехватки горючего приходилось ежедневно уничтожать все новые и новые моторизованные транспортные средства, а это существенно снижало скорость движения дивизии на марше. Солдаты, отставшие от других воинских частей, постоянно присоединялись к пешей маршевой группе дивизии, так как здесь они видели управляемое командирами воинское соединение. Но, с другой стороны, они представляли для дивизии во всех отношениях большую обузу.

Во время короткого привала в селе Кудалби вражеские танки и советская мотопехота атаковали находившиеся в арьергарде моторизованного маршевого эшелона части 41-го гренадерского полка и 110-го бронированного разведывательного батальона, обеспечивавшие охранение с севера. Однако эти атаки были отбиты, и дивизия продолжила движение при эшелонированном построении арьергардов. Разведка выяснила, что мост у города Нэнешть уже находится в руках противника, зато у села Пискул был обнаружен еще один мост грузоподъемностью около 5 тонн. Во второй половине дня 27 августа после утомительного марша

дивизия подошла к этому мосту. Для обеспечения беспрепятственного перехода через Серет был создан плацдарм, который вечером был атакован малочисленными силами противника со стороны города Галац, лежащего на Дунае, и города Пекя, административного центра одноименной коммуны. Однако эти слабые атаки были без труда отражены. Основным силам дивизии удалось предоставить непродолжительный отдых на южном берегу Серета.

Надежде командования дивизии во взаимодействии с другими соединениями создать оборонительный рубеж на западном берегу Серета не суждено было сбыться. Советы уже во многих местах форсировали эту реку и продолжали двигаться на запад. Западнее Серета, между этой рекой и Карпатами на юг продвигались многочисленные советские колонны всех родов войск и – как и предполагалось – 31 августа заняли Бухарест.

Согласно приказу командования корпуса, переданному по радио, дивизия должна была как можно быстрее прорваться на запад между городами Бузэу и Урзичени, чтобы заблокировать проход к карпатским перевалам. Поэтому во время очередного привала командир дивизии с тяжелым сердцем приказал разбиться, как уже было запланировано раньше, на два маршевых эшелона – на моторизованный маршевый эшелон и пешую маршевую группу. Постоянная связь между обоими маршевыми эшелонами должна была поддерживаться по радио.

Марш моторизованной группы проходил по плану, если не считать перестрелки с отдельными румынскими бандами. В 17 часов моторизованная маршевая группа прибыла в село Сутешть. Через несколько часов сюда подошла и пешая группа.

В час ночи 29 августа моторизованная маршевая группа продолжила движение в район юго-восточнее города Бузэу. На рассвете она добралась до железнодорожной станции Чилибия, где должен был находиться командный пункт корпуса. Однако он уже передислоцировался в другое место и не оставил здесь ни временного пункта сбора донесений, ни подразделений прикрытия. На станции находился румынский склад горючего. Румынские солдаты были разоружены. После этого удалось заправить все транспортные средства дивизии.

Из имевшихся данных о противнике следовало: города Бузэу, Урзичени, Бухарест, Галац и Брэила уже заняты противником. Наблюдалось оживленное движение моторизованного транспорта в Бухарест и из столицы Румынии.

В это же время поступила последняя радиограмма из штаба XXIV армейского корпуса, в которой сообщалось примерно следующее:

«13-я танковая дивизия и группа Брауна имеют право проведения своих воинских подразделений между Плоешти и Бухарестом. 10-й панцер-гренадерской дивизии следует попытаться прорваться. Штаб корпуса и штурмовые орудия сделают то же самое».

Получив эту радиограмму, командование дивизии решило сначала продвинуться в район восточнее города Урзичени, чтобы уже оттуда прорываться на запад. Однако на северной окраине города Погоанеле произошла ожесточенная перестрелка с румынами, которые окопались здесь широким фронтом и хотели воспрепятствовать продвижению дивизии на юг. Бой продолжался около часа. При этом тяжело был ранен командир 10-го моторизованного артиллерийского полка, полковник Аккеман. В его лице из дивизии выбыл отличный артиллерист и пользовавшийся всеобщей любовью верный товарищ и образцовый офицер. Командир дивизии потерял боевого товарища, с которым его связывали, особенно после войны, тесные узы дружбы, пока в 1959 году полковник Аккеман не был призван к праотцам, скончавшись от последствий более чем десятилетнего пребывания в советском плену. Вместе с ним был ранен и начальник штаба дивизии, подполковник Генерального штаба де Мезьер.

Вскоре после этого появился начальник штаба 4-й горнострелковой румынской дивизии, чтобы вступить в переговоры с командованием 10-й панцер-гренадерской дивизии. Принятое поначалу решение разоружить нового противника было ввиду его силы бесперспективным. Тогда командир 10-й панцер-гренадерской дивизии решил встретиться с командиром румынской дивизии и договорился с ним о том, что обеим маршевым группам дивизии будет предоставлено право беспрепятственно проследовать на юг по территории, занятой румынскими войсками. Была достигнута договоренность о помещении полковника Аккемана в румынский военный госпиталь, что и было позднее исполнено. Но как показали дальнейшие события, право проследовать по чужой территории было исполнено только в отношении моторизованной группы.

В ходе разведки дороги Бузэу – Урзичени выяснилось, что по ней в обоих направлениях постоянно движутся советские танки и транспортные колонны и что все проходы на запад блокированы. Такая же картина наблюдалась и на шоссе Бузэу – Плоешти – Бухарест. По рассказам румынских жителей, все дороги в районе городов Брэила и Кэлэраши были забиты советскими войсками, двигавшимися на запад.

Поэтому попытка прорыва на запад слабыми силами, имевшимися в распоряжении командования дивизии, была совершенно бесперспективной. Всякая радиосвязь со штабом корпуса или с какими-нибудь другими вышестоящими командными инстанциями была окончательно прервана. Поэтому после обстоятельного совещания со своим начальником штаба командир дивизии решил продолжать движение на юг и переправиться через Яломицу, намереваясь, в зависимости от развития обстановки, или прорываться на запад между Бухарестом и Джурджу, или – если этот путь окажется окончательно заблокированным – переправиться через Дунай в (тогда еще) дружественную Болгарию. В этом командование дивизии видело последнюю возможность спасти немногих оставшихся в живых бойцов от советского плена. Было ясно, что перед тем, как переправиться через Дунай, придется уничтожить все транспортные средства и боевую технику.

Во время привала были получены результаты разведки в районе реки Яломица. Они подтвердили предположение, что города Урзичени и Слобозия уже заняты крупными силами противника, а также что между этими двумя городами наблюдается интенсивное перемещение советских войск. Оказалось, что намеченный для переправы мост у деревни Войкина разрушен. Зато был обнаружен только что восстановленный мост южнее села Гриндаши (примерно 16 километров восточнее деревни Войкина). Во время марша в этот район был взят в плен офицер одного из румынских батальонов связи, который подтвердил сведения о противнике, добытые разведкой дивизии. Кроме того, он рассказал, что в город Кэлэраши на Дунае прибыли крупные советские соединения и что противник продвигается от Бухареста к городу Олтеница на Дунае. Разведывательная группа, направленная командованием дивизии к железнодорожной линии Констанца – Бухарест, установила, что все железнодорожные станции, лежащие в полосе продвижения дивизии, заняты румынскими войсками. Отдельные разведывательные группы дивизии под командованием офицеров были взяты румынами в плен. Среди них оказался и всеми уважаемый капитан доктор Цайс из штаба дивизии, который вскоре после этого скончался от полученных в бою ран.

Результаты всех этих разведывательных вылазок свидетельствовали о том, что у дивизии, боеспособность которой значительно упала, оставалась одна-единственная возможность избежать советского плена – это путь через Дунай в Болгарию. В пешую маршевую группу была отправлена радиограмма:

«Прорыв на запад невозможен. Проводится разведка в южном

направлении. Херольду ждать результатов разведки. Для получения приказа немедленно отправить офицера связи в город Погоанеле на дивизионный пункт сбора донесений. *10-я панцер-гренадерская дивизия*».

30 августа, прихватив с собой нескольких местных жителей, хорошо знавших дорогу, 10-я панцер-гренадерская дивизия продолжила марш на юг. К 15 часам моторизованная маршевая группа вошла в большой лес у крупного железнодорожного узла Варешти (расположенного примерно в 15 километрах севернее Дуная). Здесь в течение четырех часов были выведены из строя все оставшиеся орудия и радиостанции и сожжены все документы с грифом «Секретно». В 18:30 в штаб XXIV армейского корпуса была отправлена радиограмма следующего содержания:

> «30.08.1944 10-я панцер-гренадерская дивизия переправляется через Дунай у села Локанешть в Болгарию».

Однако, несмотря на многократный повтор, штаб корпуса так и не подтвердил получение этой радиограммы. Такая же радиограмма была отправлена в адрес пешей маршевой группы Херольда, которая еще раньше радиограммой сообщила, что она объединилась с боевой группой Гёрреса и также попытается прорваться на юг.

В последние два дня было очень трудно руководить моторизованной группой, так как на всех имелась одна-единственная карта, да и та с масштабом 1:300 000. Карта находилась у командира дивизии. Поэтому ему приходилось постоянно ехать в передовой группе. Только так можно было вести за собой дивизию в нужном направлении. С командирами отдельных подразделений дивизии (полковником Шеффелем, командиром 41-го гренадерского полка, капитаном Биндеманом, командиром 10-го моторизованного саперного батальона, майором Райхенбахом, командиром 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, капитаном Штефаном, командиром 110-го бронированного разведывательного батальона) связь поддерживалась через посыльных, а с пешей маршевой группой Херольда вплоть до ночи 30 августа поддерживалась радиосвязь.

Вечером 30 августа на командном пункте дивизии состоялось совещание командиров моторизованной группы, на котором еще раз подробно обсуждалось запланированное форсирование Дуная. По дороге, ведущей к реке, группа должна была добраться моторизованным маршем до Дуная. Командир дивизии распорядился использовать для переправы все подходящие средства: надувные лодки, резиновые камеры, пустые бочки из-

под бензина, а также все обнаруженные на берегу рыбацкие лодки, баржи, плоты, паромы и другие плавсредства.

Как только стемнело, моторизованные части выступили из леса и продолжили марш к Дунаю, как было запланировано на совещании. При прохождении через лежащий в 5 километрах от Дуная населенный пункт Чокенешть авангард механизированной группы был обстрелян одиночными румынскими стрелками, но это никак не помешало продвижению колонны. Примерно в 21 час передовой отряд, в котором находились командир дивизии, раненый начальник штаба, подполковник де Мезьер, а также исполняющий его обязанности майор Каст, добрался до берега Дуная. Находившаяся там румынская пограничная застава была разоружена, и началась подготовка к переправе через эту могучую реку.

Поздним вечером поднялся ураганный ветер, и пошел сильный дождь, что сделало полноводный Дунай, ширина которого достигала в этом месте около тысячи метров, почти непреодолимым. К тому же было так темно, хоть глаз выколи. Подошедшие к Дунаю подразделения моторизованной группы рассредоточились широким фронтом на поросшем густым лесом берегу, где было полно стариц со стоячей водой. Все были заняты поисками подходящих средств для организации переправы. Поэтому единое командование было в этих условиях совершенно невозможно. Но каждый боец и без того знал, о чем здесь шла речь лично для него.

Во время подготовки передового отряда к переправе командиру дивизии поступило донесение, что моторизованная группа оказалась разорванной на части и что отставший от основной группы арьергард оказался втянут в перестрелку в селе Чокенешть. Поэтому командир дивизии послал под командованием майора Каста последнюю имевшуюся в группе самоходную противотанковую пушку, а также командирский бронетранспортер и 20-мм зенитку на самоходном лафете, чтобы – если, конечно, возможно – оказать помощь отставшим частям. Однако майор Каст вскоре вернулся с сообщением, что мост на дороге от села Чокенешть к Дунаю оказался разрушен и что поэтому он не смог установить связь с батальоном Шеффеля.

Тем временем находившиеся на берегу Дуная подразделения дивизии начали переправляться на южный берег реки. После того как начальник штаба дивизии был ранен и не мог помочь командиру дивизии и после того как, со слов местных румын, стало известно, что болгары открывают огонь по всем, кто пытается переправиться через Дунай, и, наконец, после того как единое командование на северном берегу Дуная стало

невозможным, после возвращения майора Каста командир дивизии вместе с капитаном Бушмайером из 10-го моторизованного артиллерийского полка переправился на плавающем автомобиле повышенной проходимости на южный берег Дуная. Он собирался предупредить болгар о том, что немецкие войска будут переправляться через реку, и хотел попросить у них переправочные средства. Несмотря на обстрел плывущего с включенными фарами автомобиля с румынского монитора, стоявшего на якоре выше по течению, и на высокое волнение, переправа прошла успешно. К полуночи на южный берег Дуная прибыл и раненый начальник штаба дивизии, подполковник де Мезьер. Он доложил, что, по рассказам тех бойцов дивизии, которые сумели пробиться к берегу, по всей видимости, отставшие части моторизованной колонны попали в плен.

На южном берегу Дуная командир дивизии попрощался со своим начальником штаба, которому срочно требовалась врачебная помощь. Это было прощание двух боевых товарищей после полутора лет совместной дружной работы в тяжелейший период войны. Подполковник де Мезьер был прекрасным офицером Генерального штаба, который в любой ситуации мог дать своему командиру ценный совет. Кроме того, благодаря своему уравновешенному характеру и дружелюбной, товарищеской манере общения он пользовался у всех военнослужащих дивизии особым уважением. Обоим офицерам расставание в эти судьбоносные часы далось одинаково тяжело.

В сопровождении обер-лейтенанта Клебе подполковник Генерального штаба де Мезьер выехал в одну из больниц болгарского города Силистра, где ему была оказана квалифицированная медицинская помощь. В этой больнице он встретил около пятидесяти немецких солдат, в том числе и военнослужащих 10-й панцер-гренадерской дивизии, которым также посчастливилось переправиться через Дунай. Здесь следует сказать, что несколько дней спустя командиру дивизии удалось с помощью германской военной миссии при болгарском правительстве организовать отправку самолетом раненого подполковника де Мезьера на родину, благодаря чему он избежал русского плена.

Утром 31 августа на болгарском пограничном посту, на котором находился командир дивизии, собралось около ста бойцов 10-й панцер-гренадерской дивизии с несколькими офицерами, которым удалось добраться до болгарского берега, несмотря на сильный шторм и огонь двух румынских мониторов, плававших под советским флагом. Все бойцы совершенно

выбились из сил. У многих из них не было даже самых необходимых предметов одежды, чтобы прикрыть нагое тело. Все они были так измотаны, что у них было только одно желание – спать.

Как выяснилось позднее, и другим военнослужащим дивизии удалось спастись на южном берегу Дуная. Отдельные группы пристали к берегу – из-за паводка и высокого волнения отнесенные вниз по течению – в самых разных местах и только в течение дня собрались на различных болгарских пограничных постах. Всего почти двести бойцов дивизии сумели благополучно добраться до болгарского берега. Все болгары относились к ним очень приветливо. Болгарские пограничники не знали, что же им теперь делать с немецкими солдатами.

Поэтому командир дивизии в сопровождении нескольких офицеров отправился сначала в город Тутракан, чтобы там связаться с вышестоящими военными инстанциями и договориться с ними относительно обращения с немецкими солдатами. Однако, поскольку в Тутракане удалось отыскать лишь какого-то молоденького болгарского лейтенанта, командир дивизии выехал по совету этого лейтенанта в город Рузе, где находился штаб болгарской дивизии и немецкое консульство. Согласно указаниям, полученным командиром болгарской дивизии в чине полковника от своих вышестоящих командных инстанций, немецких солдат, переправившихся через Дунай, следовало разоружить и отправить в приемный лагерь. Впрочем – по признанию болгарского полковника – как раз в этот день происходила реорганизация болгарского правительства, которое еще только должно было принять окончательное решение относительно обращения с немецкими солдатами.

Немецкий консул, герр Болль, и его супруга также были озабочены судьбой немецких солдат, оказавшихся в Болгарии. Они тоже слышали о реорганизации болгарского правительства и опасались самого худшего. Как болгарский полковник, так и немецкий консул посоветовали командиру дивизии выехать в Софию и обратиться в германскую военную миссию при болгарском правительстве (которую возглавлял генерал Шнеккенбургер) и уже от нее добиваться решения судьбы немецких солдат. 1 сентября 1944 года генерал-лейтенант Шмидт в сопровождении майора Каста и офицера для поручений из штаба дивизии, обер-лейтенанта Шаттенфро, снова отправился в путь.

Находившаяся ранее в Софии германская военная миссия переехала в одну из здравниц в пригороде болгарской столицы. Она была окружена штурмовыми орудиями, которые

первоначально планировалось передать болгарской армии. Все опасались враждебных действий со стороны болгар. То, что Болгария под давлением Советов, которые уже, как стало известно позже, захватили несколько плацдармов на южном берегу Дуная у городов Силистра, Тутракан и Рузе и сосредоточили два своих механизированных корпуса на границе с Болгарией, в скором будущем объявит войну Германии, было, к сожалению, более чем вероятно. Несмотря на неоднократные настойчивые попытки, начальник штаба германской военной миссии (генерал-майор Гаэде) так и не смог добиться четкого ответа от болгарского военного министра Попова. Якобы немецкие солдаты, переправившиеся через Дунай, должны быть разоружены и помещены в специальные приемные лагеря. Говорили, что еще не решено, будут ли они отправлены из этих лагерей в Германию, или и в дальнейшем с ними будут обращаться как с интернированными лицами. Германская военная миссия видела свою задачу в том, чтобы или добиться отправки этих немецких солдат, находившихся в приемных лагерях, в Германию, или в том, чтобы настоятельно рекомендовать им самостоятельно пробиваться на запад.

В пешей маршевой группе Херольда положение с 29 августа развивалось следующим образом (приводится по записям в личном дневнике командира 13-й роты 20-го гренадерского полка обер-лейтенанта Фихтнера и командира 1-го батальона 20-го гренадерского полка майора Херинга).

29 августа в 7 часов утра группа выступила из села Сутешть. Часть румынских войск, которые целыми полками устремились на юг, заняла по отношению к немцам враждебную позицию. В полдень из штаба дивизии пришла уже упомянутая радиограмма о том, что прорыв на запад невозможен и что проводится разведка в южном направлении.

Для получения приказа маршевая группа Херольда отправила обер-лейтенанта Фихтнера из 20-го гренадерского полка. Вот записи из его личного дневника, любезно предоставленные в распоряжение автора: «Перед городом Погоанеле я встретил на дивизионном пункте сбора донесений ротмистра Фюрста Кастелля. Он сообщил мне, что между румынской дивизией и моторизованной группой 10-й панцер-гренадерской дивизии был бой и что в ходе переговоров командиру дивизии удалось договориться о пропуске дивизии на юг через территорию, занятую румынскими соединениями, и что румыны обещали пропустить и остальные подразделения дивизии, следующие пешим ходом. После того как я связался с командованием румынской дивизии, ротмистр Фюрст Кастелль попрощался и

заверил, что как только он доберется до моторизованной маршевой группы, так сразу же распорядится об уведомлении пешей маршевой группы о дальнейшем маршруте».

Это была последняя информация о ротмистре Фюрсте Кастелль-Рюденхаузене, начальнике разведки 10-й панцер-гренадерской дивизии. Фюрст Кастелль был отличным солдатом, пользовавшимся заслуженным уважением, как среди офицеров, так и рядовых. Командир дивизии принял его потерю особенно близко к сердцу, так как в течение нескольких лет Кастелль постоянно сопровождал его во время поездок в воинские части и благодаря своему скромному, выдержанному характеру стал для него настоящим близким другом. С этого момента ротмистр Фюрст Кастелль и сопровождавшие его солдаты считаются пропавшими без вести. Однако из того факта, что он так и не отправил ни одной радиограммы, приходится делать вывод, что он и сопровождавшие его солдаты стали жертвой внезапного, вероломного нападения румын.

Продолжим цитирование дневника обер-лейтенанта Фихтнера.

«После заверения в полной безопасности один из румынских штабных офицеров поехал вместе со мной к группе Херольда, куда мы прибыли ближе к вечеру. После коротких переговоров было определено, что группа Херольда должна двигаться на юг через город Погоанеле.

Получив необходимые гарантии, я вернулся с румынским подполковником в штаб румынской дивизии, чтобы там дождаться подхода группы Херольда. Вскоре после нашего прибытия командир румынской дивизии заявил мне, что Германия и Румыния находятся в состоянии войны и что я должен считать себя военнопленным. По его словам, по приказу вышестоящего командования его дивизия должна преградить путь немецким соединениям на юг, разоружить их, а затем отправить в Венгрию. Для этого немецких солдат будут собирать в специальных приемных лагерях, охраняемых румынскими солдатами. Затем командир этой румынской дивизии заявил мне, что уже многие немецкие соединения в полном составе и под командованием высокопоставленных офицеров сложили оружие и теперь находятся под защитой румынской армии.

В качестве последнего действия мне разрешили под охраной румынских солдат ждать на окраине города подхода группы Херольда, чтобы проинформировать ее о решении командования румынской дивизии. На окраине города занимали позиции румынские соединения, были здесь и легкие танки. На эти позиции наскочил передовой отряд под командованием

лейтенанта Домена. Вместе с уже знакомым мне румынским подполковником я выехал к командиру маршевой группы, капитану Крамеру из 20-го гренадерского полка и проинформировал его об изменении положения. Затем я сказал, что считаю свое задание, полученное от группы Херольда, выполненным и не собираюсь вместе со своей ротой сдаваться в плен румынам. Пусть теперь капитан Крамер, как командир маршевой группы, ведет дальнейшие переговоры с румынами.

После того как я отыскал остатки своей 13-й роты, вместе с примерно сорока бойцами я развернулся и попытался, обойдя Погоанеле, пробраться на юг. Благодаря поддержке румын, настроенных дружественно к немцам, и большой доле везения нам действительно удалось добраться до Дуная. С помощью единственного оставшегося у нас плавающего автомобиля мы все смогли переправиться через реку. После вступления на болгарскую землю о нас позаботилось местное население, настроенное очень дружественно к немцам. Местные жители перевозили на конных повозках около ста немецких солдат от деревни к деревне, пока мы не оказались в приемном лагере Расград. Однажды ночью охрана лагеря сменилась, и лагерь оказался под контролем русских, которые к тому времени вошли в Болгарию. Теперь начинался наш путь в русский плен. Из лагеря Расград в руки к Советам попало около тысячи солдат, в том числе и около 150 военнослужащих 10-й панцер-гренадерской дивизии».

А теперь приведем выдержки из записей в дневнике майора Херинга, командира 1-го батальона 20-го гренадерского полка:

«29 августа во второй половине дня в расположении дивизии появляется румынский подполковник и сообщает нам, что командир 10-й панцер-гренадерской дивизии договорился о беспрепятственном проезде через город Погоанеле. По тем временам это было немало! Мы отказываемся от плана добраться до Дуная в районе города Кэлэраши через Слобозию. Полковник Херольд принимает решение сосредоточить все оставшиеся транспортные средства в передовом отряде под моим командованием в качестве охранения. Цель: город Погоанеле. Капитан Крамер из 20-го гренадерского полка подтянется позднее с пешими подразделениями. В городе Караджеле мы встречаем моторизованные и пешие части школы боевого применения 6-й армии под командованием ее командира, майора Гёрреса (служившего ранее в 20-м гренадерском полку). Новый план: марш в направлении Сурти и там объединение с группой Гёрреса, которая располагает четырьмя батальонами и двумя штурмовыми орудиями. Совместными усилиями прорыв на запад через

Флорику.

Ночь с 29 на 30 августа. Передовой отряд под командованием Херинга отправляется в Сурти к группе Гёрреса и пребывает туда на рассвете. Лейтенант Шандль из 1-го батальона 20-го гренадерского полка передает приказ пешей маршевой группе Крамера немедленно выступить в направлении Флорики. Лейтенант Шандль, капитан Крамер и пешая маршевая группа – как было установлено позже – будут считаться с этого момента пропавшими без вести. Румынская дивизия не сдержала слово, данное командиру 10-й панцер-гренадерской дивизии, и не пропустила пешую маршевую группу. Вместо этого румыны разоружили все немецкие части, прибывшие в город Погоанеле. Тем самым пешая маршевая группа Херольда состоит теперь только из ослабленных частей 1-го батальона 20-го гренадерского полка (без одной роты) и штабных подразделений этого же полка.

30 августа. Вместе с группой Гёрреса мы выступаем в направлении Флорики и вскоре вступаем в бой с советскими частями. Впервые в этой войне я вижу перед собой русского парламентера, который передает нам следующее предложение: «Вы окружены! Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь и сложите оружие! Мы гарантируем вам работу, питание и возвращение после войны на родину. Перемирие действует до 12 часов. После этого выбрасывайте белый флаг и сдавайтесь!»

Два пеших батальона группы Гёрреса в ходе предыдущего боя оказываются отрезанными от общей группы. В этот момент поступает радиограмма от нашей моторизованной группы:

«29/30 августа моторизованная группа переходит через Яломицу. Пытаемся пробиться к Дунаю, чтобы перейти на территорию Болгарии. Желаю удачи! *Шмидт*».

Мы отказываемся от первоначального плана прорваться на запад и также решаемся на прорыв к Дунаю. Пользуясь объявленным часовым перемирием, мы оставляем слабое боевое охранение и незаметно отрываемся от русских. Полковник Херольд, который к этому моменту еще ничего не знает о судьбе группы Крамера, выезжает в Погоанеле, чтобы проинформировать Крамера о новом решении. Но вскоре он возвращается назад. Группа Крамера бесследно исчезла. Город Погоанеле горит. И он уже занят русскими. 4-я румынская дивизия отходит на юг. Мы шагаем рядом с ней по той же самой дороге. Наши карабины заряжены, но румыны не отваживаются атаковать нас. Видимо, от этого их удерживают два наших штурмовых орудия (без снарядов!).

Южнее Погоанеле мы встречаем лейтенанта Майера и лейтенанта Домена из 20-го гренадерского полка, которые

рассказывают нам о судьбе группы Крамера. После разоружения румыны разрешили расформированным ротам пробиваться на юг отдельными мелкими группами… Мы продолжаем движение в сторону Дуная. Во время пересечения шоссе между городами Урзичени и Слобозия мы сталкиваемся с русской колонной, что приводит к короткой перестрелке. Воспользовавшись бродом, мы форсируем Яломицу, ширина которой составляет в этом месте около 60 метров. Там нас настигает последняя радиограмма моторизованной группы нашей дивизии:

«Ночью 30 августа моторизованная группа переправляется через Дунай в районе села Чокенешть».

31 августа. Ночью мы продолжаем движение, наша новая цель – село Чокенешть. Около 9 часов утра мы подходим к обширным старицам Дуная, находящимся в 10 километрах к северу от реки. В 9:30 мы выходим на идущую вдоль Дуная дорогу Кэлэраши – Олте-ница. Там расположились лагерем несколько вооруженных румынских дивизий. Переговорив с румынским полковником, мы добиваемся разрешения проследовать до Олтеницы, но там мы должны будем разоружиться. Во время поездки от села Чокенешть к Олтенице теряется обер-лейтенант Райхингер с остатками 2-й роты, с ними был и военный фельдшер Штауденраус (вероятно, поломка автомобиля и интернирование румынами). Теперь моя группа насчитывает только около 70 бойцов, численность группы Гёрреса составляет около 400 бойцов. В 14 часов возвращается полковник Херольд с ультиматумом от румынского военного коменданта Олтеницы: немедленно сложить оружие, затем – интернирование и отправка в Венгрию. Дальнейшие переговоры терпят неудачу. В нашу сторону выдвигается румынский артиллерийский дивизион. Однако румыны так и не решаются атаковать нас. Наш план заключается в том, чтобы сдержать противника до наступления ночи, а потом под покровом темноты попытаться переправиться в Болгарию.

В 20 часов появляется еще один румынский офицер из Олтеницы и сообщает следующее: «Мне поручено передать вам последнее и окончательное решение коменданта города. Принимая во внимание наше трехлетнее верное братство по оружию и глубокое уважение, которое мы питаем по отношению к немецким солдатам, мы предоставляем немецким боевым товарищам последний шанс после разоружения в порту переправиться на нашем пароме в Болгарию, в порт Тутракан. Мы требуем, чтобы немецкие солдаты, следуя нашим указаниям, проезжали через Олтеницу в порт небольшими группами».

Ночь с 31 августа на 1 сентября. Мы опасаемся ловушки. Но у

нас не остается другого выбора. Полковник Херольд и майор Гёррес выезжают к парому с первой группой бойцов. Я обеспечиваю охранение на одной из высот до отъезда последней группы. В 23 часа я выезжаю в порт с остатками нашей группы. Раненых, которые все еще остаются с нами, мы сдаем в румынский госпиталь. Полковник Херольд, генерал-лейтенант Трёгер, командир 13-й танковой дивизии, и паром с 40 солдатами уже находятся на болгарском берегу Дуная. Мы сдаем оружие, так как кажется, что все проходит гладко. Неожиданно в порт возвращается второй, полностью загруженный паром. Опасаясь дипломатических осложнений, болгары отказываются принять паром и позволяют сойти на берег только единицам. В порту Олтеницы возникает суматоха. Все бросаются к немногим лодкам, пришвартованным в порту. Румыны открывают огонь. Некоторые солдаты бросаются в Дунай в полном обмундировании или почти голые и пытаются вплавь добраться до болгарского берега, находящегося на расстоянии около тысячи метров от румынского порта. К сожалению, для многих солдат эта затея заканчивается весьма печально. Мне, лейтенанту Райхелю и двум бойцам повезло – постоянно вычерпывая воду – переправиться через реку в утлой, дырявой лодчонке. Но и мне не удается заставить болгар снова отправить лодки к румынскому берегу. Тогда я решаю вернуться назад, но болгары меня не отпускают. В течение ночи к берегу постоянно подплывают немецкие солдаты, которым посчастливилось вплавь переправиться через Дунай. К утру я собираю около шестидесяти человек. В Тутракане я встречаю полковника Херольда и генерал-лейтенанта Трёгера.

1 сентября. Поскольку, несмотря на дружеское отношение к нам местного населения, мы опасаемся, что нас могут интернировать прямо на берегу, мы решаем отправиться пешком в город Рузе. В этот момент появляется один из офицеров для поручений из штаба нашей дивизии и сообщает нам, что генералу Шмидту, нескольким офицерам и целому ряду солдат тоже посчастливилось переправиться через Дунай. По его словам, генерал Шмидт выехал в Рузе, чтобы договориться об отправке немецких солдат, нашедших спасение на болгарском берегу. В то время как генерал-лейтенант Трёгер, лейтенант Райхель и собравшиеся в Тутракане солдаты отправляются в Рузе, я вместе с полковником Херольдом, капитаном Буггертом и обер-лейтенантом Беером тоже выезжаю туда на плавающем автомобиле. Прибыв в город Рузе, мы узнаем в немецком консульстве, что генерал Шмидт уже уехал в Софию. Нам посоветовали поспешить, так как в Болгарии складывается очень острая политическая ситуация. Мы еще добиваемся, чтобы для

немцев, идущих в Рузе из Тутракана, предоставили два железнодорожных вагона, чтобы выехать в Софию. К сожалению, посыльный, отправленный в Тутракан, вскоре возвращается и докладывает, что доехал до самого города, но нигде никого не обнаружил. (Уже после войны выяснилось, что лейтенант Райхель присоединился к другой колонне немецких солдат, отклонился от обусловленного маршрута и вместе с остальными солдатами был интернирован, а позднее попал в русский плен. – *Авт.*)

Так мы были лишены последней возможности помочь своим солдатам и теперь могли думать только о спасении собственной свободы».

Таковы записи в личных дневниках обер-лейтенанта Фихтнера и майора Херинга. Они еще раз доказывают, что многие командиры делали все, что было в их силах, чтобы спасти своих солдат от советского плена.

Автор посчитал нужным так подробно описать жертвенный путь немецких солдат и особенно 10-й панцер-гренадерской дивизии во время крушения Румынского фронта, с одной стороны, потому, что в мемуарах многих участников войны так мало говорится об этих трагических неделях, а с другой стороны – чтобы еще раз подчеркнуть правильность приведенных выше слов генерал-полковника Фриснера о немецком солдате.

1 сентября 1944 года в Болгарии было образовано коммунистическое правительство. 5 сентября 1944 года Советский Союз объявил войну Болгарии, а вскоре за этим событием последовало объявление Болгарией войны Германии. Тем самым были обречены на неудачу все усилия германской военной миссии добиться отправки немецких солдат из Болгарии в Германию. Немецкие солдаты были объявлены военнопленными и вскоре после этого выданы Советам. Только немногим офицерам и солдатам, избежавшим интернирования, удалось – часто с невероятными приключениями – ускользнуть из Болгарии на запад через Югославию. Тот факт, что эти солдаты старались как можно быстрее вернуться в свои воинские части, является ярким доказательством ответственности, свойственной немецкому солдату.

Посоветовавшись с главой германской военной миссии в Болгарии, генералом пехоты Шнеккенбургером, генерал-лейтенант Шмидт вынужден был признать, что больше ничем не сможет помочь солдатам своей дивизии, интернированным в Болгарии. С тяжелым сердцем он решил покинуть Болгарию на самолете вместе с германской военной миссией. Невозможно описать моральное состояние, в котором находился командир 10-й панцер-гренадерской дивизии, когда он покидал территорию

Болгарии. Все попытки командования дивизии уберечь личный состав своей дивизии от советского плена оказались безуспешными. На этот раз судьба оказалась сильнее, чем воля одного человека. Теперь командир дивизии видел свою главную задачу в том, чтобы как можно быстрее отправиться в группу армий «Южная Украина», чтобы собрать другие части своей дивизии, в первую очередь подразделения и части снабжения, которые могли пробиться из румынского котла на запад через Карпаты.

Во время недолгого пребывания в Белграде в штабе группы армий «Ф» (командующий – фельдмаршал барон фон Вейхс) к генерал-лейтенанту Шмидту обратились около 25 офицеров, унтер-офицеров и рядовых его дивизии, которым посчастливилось вырваться из Румынии и которые, несмотря на тяжелейшие условия, добрались до Белграда через сербский город Ниш.

9 сентября 1944 года командир дивизии уже смог доложить о своем прибытии командующему группой армий «Южная Украина», генерал-полковнику Фриснеру, и, к своей радости, узнал от него, что многие подразделения и части снабжения под командованием подполковника Плашке, подразделения одного из батальонов 41-го гренадерского полка и отдельные подразделения 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием капитана Бушмайера, а также остатки некоторых других подразделений 10-й панцер-гренадерской дивизии сумели с боями и по разным горным дорогам пробиться из Румынии на запад. Подразделения 10-го моторизованного саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Хайгля сумели добраться до Венгрии через город Фокшаны и Карпаты. По приказу начальника инженерной службы армии они подготовили к взрыву большое число мостов и узких горных проходов и после проезда по ним последних своих автомобилей взорвали их и тем самым значительно замедлили продвижение наседавшего противника. Все эти части и подразделения 10-й панцер-гренадерской дивизии были сосредоточены а районе венгерского населенного пункта Дес-Альпарет (50 километров северо-восточнее Клаузенбурга (*венг.* Колошвара).

Командование группы армий заверило генерал-лейтенанта Шмидта в том, что 10-я панцер-гренадерская дивизия будет сформирована заново, и сообщило, что ему самому будет предложена другая должность. Тогда в качестве своего преемника он предложил полковника Херольда, а в качестве командира 20-го гренадерского полка – подполковника Хадереккера, который в это время находился на родине на курсах по подготовке

командиров полков.

В последующие недели сентября в Дес-Альпарет постоянно прибывали мелкие группы и отдельные бойцы 10-й панцер-гренадерской дивизии, которые – часто невероятным образом – сумели избежать советского плена и пробились через Болгарию и Югославию.

25 сентября генерал-лейтенант Шмидт, которому было поручено командовать LXXII армейским корпусом и командный пункт которого находился неподалеку, еще раз приехал в 10-ю панцер-гренадерскую дивизию, чтобы попрощаться с ней. Остатки отдельных воинских частей (какие же маленькие кучки бойцов!) были разбросаны по разным окрестным деревням и городкам. Здесь находились: штаб дивизии под командованием майора Каста, остатки 20-го гренадерского полка под командованием майора Херинга, 41-го гренадерского полка под командованием капитана Оберндорфера, 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием капитана Бушмайера, 110-го брониро10 А. Шмидт ванного разведывательного батальона под командованием обер-лейтенанта Хеппнера, 7-го танкового батальона под командованием лейтенанта Козара, 10-го истребительно-противотанкового дивизиона под командованием лейтенанта Дауба, 10-го моторизованного саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Хайгля, 10-го батальона связи под командованием лейтенанта Менхорна, а также остатки подразделений службы тыла и снабжения под командованием майора фон Рёля и медико-санитарных служб под командованием майора медицинской службы доктора Зипли. Всего здесь собралось около 80 офицеров и 800 унтер-офицеров и рядовых, которым удалось вырваться из румынского ада и которые, как испытанные в боях бойцы, должны были стать основой для заново формируемой 10-й панцер-гренадерской дивизии.

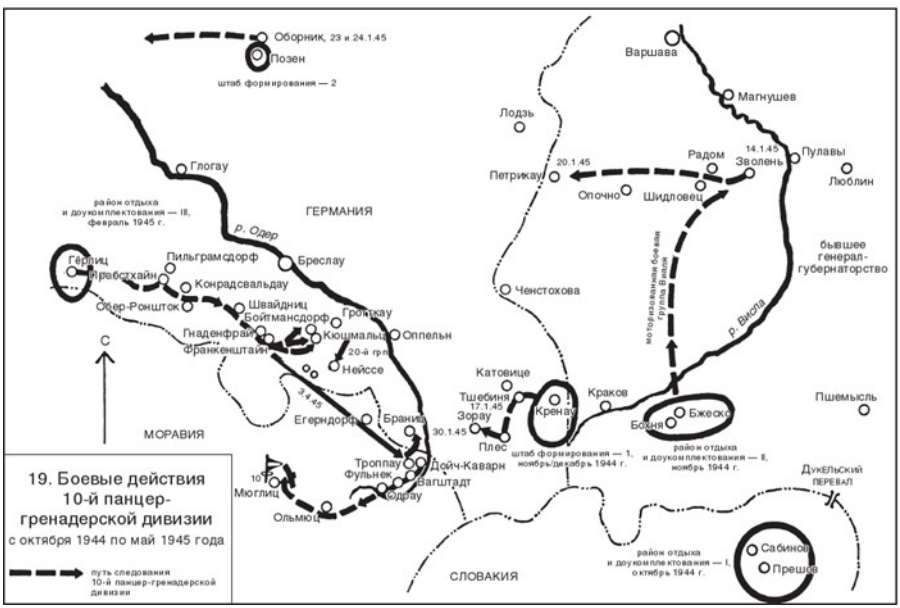
Теплыми, идущими от сердца словами генерал-лейтенант Шмидт попрощался с каждым подразделением своей испытанной во многих боях дивизии, с которой в течение двух с половиной лет он делил и радость и горе. Он пожелал своим бойцам солдатского счастья в грядущие, наверняка тяжелые времена и заверил всех военнослужащих дивизии, что и в будущем его будут связывать с каждым из них узы верного боевого товарищества.

Уже 26 сентября, погрузившись в несколько воинских эшелонов, дивизия отправилась на запад в направлении Будапешта. Под Будапештом был выгружен 3-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием капитана Бушмайера, так как немецкое командование опасалось

объявления войны Германии и со стороны Венгрии. Здесь этот дивизион получил новые 150-мм гаубицы. Остальные эшелоны продолжили движение в рамках транспортной операции «Айсбэр» («Белый медведь») через город Кашау (*словацк.* Кошице) в район Сабинов – Прешов (Словакия), где было продолжено формирование дивизии и куда постоянно прибывало свежее пополнение и новое вооружение. Несколько дней спустя в район дислокации дивизии прибыл и выгруженный под Будапештом 3-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка, который там так и не пригодился.

Октябрь 1944 года

В начале октября полковник Херольд принял командование 10-й панцер-гренадерской дивизией, а подполковник Хадереккер стал командиром 20-го гренадерского полка. Должность начальника штаба дивизии занял майор Генерального штаба Шалль.



Несмотря на довольно активную деятельность партизан, дивизия смогла провести несколько спокойных недель в районе городов Сабинов и Прешов. Это время было использовано для формирования дивизии и боевой подготовки личного состава. Она прерывалась только на время использования боевой группы дивизии под командованием полковника Эдера на Дукельском перевале – на горной дороге, ведущей из Венгрии через Карпаты в Чехословакию (примерно в 80 километрах северо-восточнее Сабинова), для охраны этого перевала от Советов, уже наступавших на запад через польский город Пшемысль. Эта боевая группа была сформирована из двух неполных батальонов 20-го и 41-го гренадерских полков, нескольких штурмовых орудий, саперных и других мелких подразделений. Ей пришлось участвовать в нескольких кровопролитных боях.

В этом же месяце в районе городов Сабинов и Прешов пришлось ввести вторую боевую группу под командованием подполковника Хадереккера. Обширная неконтролируемая

лесистая местность юго-восточнее Прешова служила для ставших очень активными партизан в качестве своеобразного коридора для проникновения в Центральную Словакию, которая уже почти полностью контролировалась партизанами. Однако эта крупномасштабная операция, в которой кроме боевой группы Хадереккера (110-й бронированный разведывательный батальон и один батальон 20-го гренадерского полка) принимали участие и многочисленные дежурные подразделения, сформированные из тыловых частей, потерпела неудачу из-за отличной работы партизанской разведки. При прочесывании этого огромного лесного района на недавнее присутствие партизан указывали лишь несколько обнаруженных минных заграждений. Как часто случалось в борьбе с партизанами, пташка уже упорхнула из гнезда.

Ноябрь 1944 года

В первой половине ноября началась передислокация дивизии несколькими воинскими эшелонами на юго-запад Польши, в район городов Брешов и Бохня. К середине ноября туда была переброшена уже вся дивизия, которая продолжила доукомплектование и боевую подготовку.

К сожалению, в самый разгар этого формирования, проходившего в спокойной обстановке, почти как в мирные времена, дивизию постигла тяжелая утрата. 28 ноября во время поездки к месту дислокации 110-го бронированного разведывательного батальона пропали без вести полковник Херольд и сопровождавший его офицер, лейтенант Креч. Силами 110-го бронированного разведывательного батальона и подразделений 20-го гренадерского полка был немедленно организован поиск пропавших офицеров. На следующий день удалось пролить свет на случившееся. Во время этой поездки полковник Херольд был застрелен партизанами. Фельдфебель Бальцер из 110-го бронированного разведывательного батальона нашел слегка прикрытое ветвями и листьями тело командира дивизии в лесу. Его останки были погребены на церковном кладбище в городе Бохня со всеми воинскими почестями. О лейтенанте Кречe с этого дня ничего больше не известно. Возможно, партизаны увели его с собой в качестве пленного.

В лице полковника Херольда дивизия потеряла отличного офицера, прекрасно зарекомендовавшего себя как в мирное, так и в военное время. Уже в 1941 году, будучи командиром 10-го моторизованного артиллерийского полка, он был награжден Рыцарским крестом Железного креста.

В этом же месяце из состава дивизии были выведены главные силы 10-го истребительно-противотанкового дивизиона и передислоцированы в Юго-Восточную Пруссию. В составе дивизии осталась только 3-я рота этого дивизиона. Капитан Шварц, тогдашний командир 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, сообщает об этом следующее:

«В ноябре 1944 года мой дивизион без 3-й роты был передислоцирован в Юго-Восточную Пруссию. Формирование дивизиона было еще не закончено, когда русские внезапно атаковали полигон. В течение нескольких дней мы были находились в круговой обороне и понесли при этом лишь незначительные потери. После оставления полигона я получил задание отвести свой дивизион вместе с несколькими группами специалистов танкового дела через Алленштайн в Эльбинг.

Мы ушли за день до того, как русские замкнули кольцо окружения Восточной Пруссии под Эльбингом. Ночью мы перебрались через реку Ногат и Вислу и через неделю были в течение десяти дней передислоцированы по железной дороге в объезд города Шнайдемюль в район Бранденбурга-на-Хафеле. Там мы стали ждать, пока поступит наше вооружение, противотанковые пушки на самоходном лафете.

Когда американцы форсировали Эльбу под Магдебургом и встреча русских и американцев была уже не за горами, дивизион был передислоцирован в Чехию, где продолжилось его формирование. Детали для оснащения своих орудий дивизиону пришлось выискивать в разбомбленных эшелонах. Но дивизиону так больше и не пришлось вести боевые действия. 5 мая 1945 года капитан Шварц, не имевший никакой связи с вышестоящими командными инстанциями, капитулировал со всем своим дивизионом и сдался в плен американцам в районе чешского города Пльзень.

Ввиду перехода этого района Чехии под контроль русских большую часть солдат и унтер-офицеров дивизиона американцы отпустили из плена и даже отвезли их на своих военных грузовиках в западную часть Германии, а затем развезли по разным городкам. Через четыре недели таким же образом были отпущены и офицеры».

Таков рассказ капитана Шварца, последнего командира 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, о судьбе своего подразделения.

Декабрь 1944 года

В начале декабря командование дивизией принял на себя полковник Виаль. В это время дивизия была разделена на моторизованную боевую группу и два штаба формирования.

Моторизованная боевая группа под командованием полковника Виаля была переброшена в район города Шидловец, расположенного юго-западнее Родома. Эта группа состояла из штаба дивизии, 20-го гренадерского полка (без 1-го батальона) под командованием подполковника Хадереккера, шести рот сильного 110-го бронированного разведывательного батальона под командованием ротмистра Конрада, одного дивизиона 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием капитана Бушмайера, одной роты 10-го саперного батальона, 7-го танкового батальона, одной роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона, двух рот 10-го батальона связи, медико-санитарных подразделений и служб тыла и снабжения.

Сначала формирование и доукомплектование этой моторизованной боевой группы проходило по плану. Из Германии прибывали офицеры, унтер-офицеры и рядовые, поступали вооружение и транспортные средства. Костяк ветеранов и многочисленные военнослужащие дивизии, вернувшиеся в строй после выздоровления, помогли возродить прежний боевой дух, свойственный 10-й панцер-гренадерской дивизии. Для гренадеров были поставлены замечательные новейшие штурмовые орудия. Только один 7-й танковый батальон получил 45 новых штурмовых орудий.

В начале декабря штаб формирования – 1 под командованием майора Каста (41-й гренадерский полк) был передислоцирован в Верхнюю Силезию в город Кренау (*польск.* Хшанув), расположенный в 40 километрах восточнее Катовице. Он состоял из одного батальона 41-го гренадерского полка, нескольких подразделений 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием майора Айххорна, 10-го моторизованного саперного батальона под командованием майора Габлера и подразделений 10-го батальона связи.

Штаб формирования – 2 под командованием майора Херинга был передислоцирован в начале декабря в учебный лагерь на реке Варта в район города Позен (*польск.* Познань). Он состоял из ветеранов 1-го батальона 20-го гренадерского полка под командованием капитана Хесселя и кадровых военных одного из батальонов 41-го гренадерского полка.

Во всех трех группах продолжалась интенсивная боевая

подготовка. В моторизованной боевой группе продолжение поставок новейшего вооружения и боевой техники, а также прибытие свежего пополнения привело к существенному повышению боевой готовности. В то же время поставка вооружения в оба штаба формирования происходила со значительными задержками.

Было известно, что Советы сосредоточили крупные танковые и механизированные соединения на трех своих плацдармах у городов Баранув, Пулавы и Магнушев, расположенных на Висле. Тем не менее все ожидали начала советского наступления с известной долей оптимизма и уверенности в своих силах. Имевшиеся в угрожаемом районе немецкие резервы (четыре танковые и две моторизованные дивизии) считались достаточно сильными, чтобы сдержать советское наступление крупными силами, даже если соотношение сил было 14:1. К этому надо добавить, что проводившееся в это время на западе наступление в Арденнах еще больше укрепило веру немецких солдат в собственные силы. Поэтому солдаты смогли в спокойной обстановке отметить Рождество с думой о родных, которые подвергались тяжким испытаниям из-за непрекращающихся вражеских воздушных налетов. Для многих солдат и офицеров 10-й панцер-гренадерской дивизии это было последнее Рождество в их жизни.

1945 год

В начале нового года все указывало на то, что вскоре начнется крупномасштабное наступление Советов. В связи с огромным оперативным прорывом русских на Висле, 12 января, после многочасовой, массированной артиллерийской подготовки началось советское наступление и с плацдарма у города Баранув. Немецкие дивизии на этом участке фронта были разгромлены. Советские танковые соединения неудержимо устремились на запад и уже вечером первого дня наступления втянули в ожесточенные бои немецкие резервы, занимавшие исходные позиции. Вопреки мнению высших военачальников, по приказу Гитлера эти резервы располагались слишком близко к передовой. Они не смогли воспользоваться своей мобильностью, не использовались для контратак на самом удобном с тактической точки зрения участке фронта и были втянуты в губительный водоворот, уже увлекший дивизии первого эшелона.

В ночь с 12 на 13 января моторизованная боевая группа Виаля, которую поначалу не затронуло советское наступление, выдвинулась в район города Зволень (западнее Пулавского плацдарма), так как ожидалось наступление противника и с плацдармов, расположенных севернее. 14 января и здесь началась вражеская артиллерийская подготовка невиданной прежде мощи, которая продолжалась более трех часов. Потом противник прорвал разрушенные ураганным огнем немецкие позиции юго-восточнее города Зволень и устремился на запад.

Моторизованная боевая группа Виаля – уже несколько часов находившаяся в полной боевой готовности – в 10 часов утра пошла в контратаку в следующем боевом порядке: два батальона 20-го гренадерского полка в первом эшелоне, за ними, в качестве второго эшелона, – 7-й танковый батальон; справа – эшелонированные в глубину роты 10-го моторизованного саперного батальона; слева, прикрывая фланг, эшелонированный в глубину 110-й бронированный разведывательный батальон. После доукомплектования все подразделения с честью выдержали боевое крещение. Но и они не могли изменить общего хода событий. Советы, имевшие подавляющее преимущество в живой силе и технике, продолжили свое наступление на запад, обойдя с флангов проводившую контратаку боевую группу Виаля, подчиненную LVI танковому корпусу (командир – генерал Йоханнес Блок). Для боевой группы возникла серьезная опасность окружения. И только благодаря энергичному и умелому командованию и дисциплинированности солдат удалось в самую

последнюю минуту избежать неминуемого окружения. Правда, из-за непрекращавшихся мощных атак советских танков не удалось предотвратить раскол боевой группы на несколько более мелких групп, которые, однако, смогли в этой суматохе пробиться на запад, преодолев около 80 километров. На севере и на юге, а кое-где и между этими боевыми группами неудержимо двигались на запад колонны советских танков и моторизованных частей, оставляя разрозненные немецкие части далеко позади себя.

15 января во второй половине дня потерявшая значительную часть своего личного состава и военной техники боевая группа Виаля, в которой находился и штаб дивизии, заняла оборонительный рубеж юго-восточнее Радома. На этой местности с многочисленными высотами и хорошим обзором можно было бы, по меньшей мере днем, организовать хорошую оборону. Уже вскоре сразу с трех сторон противник пошел в атаку, которая грозила боевой группе новым окружением. Поскольку со штабом корпуса не было никакой связи, вечером боевая группа отошла на запад несколькими походными колоннами. Командир группы намеревался занять новый оборонительный рубеж в районе юго-западнее Радома.

При пересечении шоссе, ведущего в Радом с юго-востока, по которому плотными колоннами двигались советские военные грузовики с зажженными фарами, авангард моторизованной походной колонны группы Виаля во главе со штабом дивизии попал в интенсивную перестрелку с находившимся на привале советским танковым соединением. Попытка прорваться через шоссе на моторизованных транспортных средствах потерпела неудачу. Только экипажам самых первых автомобилей, в которых находился штаб дивизии, и штабу 20-го гренадерского полка удалось пробиться в пешем строю. При этом они оказались полностью отрезанными от следовавшей за ними колонны. Утром 16 января после утомительного ночного марша полковнику Виалю, его начальнику штаба, майору Генерального штаба Шаллю, и нескольким бойцам удалось догнать другие подразделения боевой группы. Характерным для царившей вокруг неразберихи было то обстоятельство, что этими подразделениями оказались части снабжения и службы квартирмейстера 10-й панцер-гренадерской дивизии.

На пути к своему 20-му гренадерскому полку подполковник Хадереккер и его штаб опять наскочили на передовой отряд советских танковых частей и попали в советский плен, из которого сам Хадереккер вернулся только в 1955 году. Судьба капитана Кушмирца и капитана Буггерта – адъютанта 20-го гренадерского полка – до сих пор остается неизвестной.

17 января полковник Виаль и его начальник штаба, не имевшие никакой связи с собственными воинскими частями, получили от командования корпуса задание разведать новый оборонительный рубеж на реке Пилица, на который могли бы отойти разгромленные и отступающие соединения корпуса.

К Пилице, самому длинному левому притоку Вислы, устремились многочисленные разгромленные немецкие соединения, самые разные подразделения и части снабжения, бесконечные автоколонны и колонны моторизованных подразделений в надежде найти хоть какую-то брешь, через которую они смогли бы вырваться из советского кольца окружения и прорваться к немецким войскам. Но все эти надежды оказались напрасными. 20 января и для полковника Виаля, и для его начальника штаба, майора Шалля, а также для сопровождавших их бойцов пробил горький час советского плена. Совершенно обессилев от голода и падая с ног от усталости, они спрятались днем в стоге соломы, чтобы ночью продолжить свой путь на запад. Неожиданно разбуженные на рассвете, они увидели направленные на них русские автоматы. Так для них начался путь в советский плен, из которого и им было суждено вернуться на родину только в 1955 году. Оказалось, что польский крестьянин, у которого они накануне попросили еды, выдал их русским.

Еще одна из таких малочисленных боевых групп, в которую входил и 2-й дивизион 10-го моторизованного артиллерийского полка под командованием капитана Бушмайера, 13 января была задействована XXIV армейским корпусом под городом Опочно (западнее Радома) для прикрытия северного фланга этого корпуса. Когда утром 14 января выяснилось, что ночью XXIV армейский корпус отошел на запад, не поставив об этом в известность боевую группу, и что с севера и с юга группу Бушмайера уже обошли советские войска, прорвавшиеся далеко вперед, то и эта боевая группа отошла на запад, чтобы избежать окружения. Вступая в постоянные стычки с малочисленными передовыми отрядами Советов, 16 января эта боевая группа, отходившая через Петрикау (*польск.* Петриков) и Калиш, подошла к Одеру в районе крепости Глогау (*польск.* Глогув). Комендантом крепости был полковник фон дер Шуленбург. Почти все офицеры боевой группы Бушмайера были оставлены для организации обороны крепости. Только специалисты со своим специальным оружием и специальной аппаратурой были отправлены маршем в Бад-Зальцбрунн, где находилось командование группы армий Шёрнера. 31 января генерал-полковник Шёрнер разрешил заново сформировать дивизию. Для этого остатки дивизии должны были сосредоточиться в районе Гёрлица.

Не удалось избежать тяжелых боев и штабу формирования – 1. Вот что рассказал об этом его командир, майор Каст из 41-го гренадерского полка:

«Начиная с 10 января 1945 года через наш район дислокации в Кренау на запад сплошным потоком шли обозы, штабы и солдаты, отбившиеся от своих частей. Это было верным признаком того, что русские прорвались широким фронтом под Кракау (*польск.* Краков). 13 января 1945 года была сформирована моторизованная боевая группа под командованием майора Рихтера, которой были переданы немногие оставшиеся транспортные средства для перевозки личного состава. В эту боевую группу вошли: штаб 41-го гренадерского полка, 3-й батальон этого же полка под командованием майора Хойса, один артиллерийский дивизион, один взвод связи и один саперный взвод. Вечером этого же дня боевая группа выдвинулась в северном направлении для введения в бой.

Спустя три недели в расположение дивизии явился майор Хойс – единственный представитель этой боевой группы. Он рассказал, что уже в первую же ночь группа была разгромлена прорвавшимися советскими танками, так и не успев занять оборону. По его словам, боевая группа была расколота на несколько мелких групп и только совсем немногим бойцам удалось избежать русского плена.

Для остальных воинских частей штаба формирования – 1 (I батальона 41-го гренадерского полка под командованием Оберндорфера, 10-го моторизованного саперного батальона (без одной роты) под командованием майора Габлера, 10-го моторизованного артиллерийского полка со штабом и одним дивизионом под командованием майора Айххорна и подразделений 10-го батальона связи) бои начались только 17 января. Хотя эти воинские части штаба формирования – 1 и не располагали транспортными средствами для перевозки личного состава, однако они были хорошо вооружены и полностью укомплектованы как офицерским, так и рядовым составом. Будучи объединенным в боевую группу, штаб формирования – 1 был использован в составе 371-й пехотной дивизии (командир – генерал-лейтенант Нихоф, будущий защитник Бреслау) для обороны города Тшебиня (расположенного на шоссе Краков–Катовице). Здесь отважно сражавшемуся 1-му батальон 41-го гренадерского полка под командованием майора Оберндорфера удалось в течение двух дней сдерживать непрерывные атаки Советов, поддерживаемые танками и артиллерией. Эти бои были даже особо отмечены в сводке вермахта.

В ночь с 18 на 19 января боевой группе пришлось оставить

город, чтобы избежать грозившего ей окружения. Оставаясь по-прежнему в составе 371-й пехотной дивизии, боевая группа заняла новый оборонительный рубеж на западном берегу реки Пшемши, притока Вислы, по обе стороны от города Елень, где она обнаружила оборудованные полевые позиции. Едва боевая группа, сильно ослабленная еще в ходе предыдущих боев, заняла эти позиции, как Советы уже снова пошли в атаку. Поскольку боевая группа больше не располагала противотанковым оружием, ей пришлось оставить выдвинутый на восточный берег реки плацдарм у города Елень. На оборудованных позициях на западном берегу Пшемши можно было в течение длительного времени сдерживать атакующего при мощной артиллерийской поддержке противника.

В последующие дни понесшая большие потери в предыдущих боях боевая группа была предоставлена самой себе. С боями она пробила себе путь на запад, следуя через населенные пункты Берун (*польск.* Берунь), Плесс (*польск.* Пщина), Штауде и Зорау (*польск.* Жоры). В иногда очень ожесточенных лесных боях, как это имело место у городков Имелин, Лендцин и Берун, ей удавалось остановить передовые отряды русских. Последний бой боевой группы произошел 30 января восточнее Зорау, к тому времени в ее рядах насчитывалось всего лишь около пятидесяти бойцов.

После двухнедельных, почти непрерывных боев остатки боевой группы были отведены в тыл и в начале февраля передислоцированы по железной дороге в Гёрлиц, где происходило новое формирование 10-й панцер-гренадерской дивизии. Однако измотанным бойцам так и не удалось получить хотя бы короткую передышку, так как при прибытии в Гёрлиц первые уже сформированные подразделения дивизии снова отправлялись на фронт».

Штабу формирования – 2, который, как известно, в начале декабря был передислоцирован в учебный лагерь на Варте в районе города Позен, также пришлось принимать участие в тяжелых боях и в последующие два месяца совершать утомительные переходы. Командир штаба формирования – 2, майор Херинг (20-й гренадерский полк), подробно записал в свой дневник события, связанные с этой боевой группой, и ее боевые действия вплоть до воссоединения с 10-й панцер-гренадерской дивизией 9 февраля 1945 года в районе города Гёрлиц. Вот некоторые выдержки из этих записей:

«Доукомплектование в учебном лагере на Варте проходило в тесном взаимодействии с Верховным командованием сухопутных войск (ОКХ). К 20 января батальоны были почти полностью

укомплектованы личным составом. Правда, младшие командиры имели недостаточно хорошую пехотную боевую подготовку, так как они прибыли из подразделений люфтваффе. Тяжелое вооружение пока еще полностью отсутствовало.

Начавшееся 12 января 1945 года советское наступление крупными силами с Барановского плацдарма, которое так сильно затронуло моторизованную боевую группу Виаля, продолжало развиваться в направлении главного удара на Берлин, и советские войска уже приближались к крепости Позен. Штаб формирования – 2 был подчинен генералу Шереру и должен был со своими недостаточно обученными батальонами и почти без всякого тяжелого вооружения помешать советскому ударному клину переправиться через Варту в районе города Оборник (*польск.* Оборники), находящегося в 50 километрах севернее города Позен. Уже 23 и 24 января начались тяжелые бои за город, в ходе которых Оборник несколько раз переходил из рук в руки. С помощью фаустпатронов было уничтожено более двадцати советских танков. Но потом имевший подавляющее преимущество в живой силе и боевой технике противник прорвался между городами Позен и Оборник и отрезал боевую группу от крепости Позен. Взяв на себя ответственность, генерал Шерер разрешил группе отойти на запад, чтобы спасти ее от окружения и уничтожения. После взрыва моста через Варту боевая группа в лютый холод в течение нескольких последующих дней проследовала через города Замтер (*польск.* Шамотулы) и Бирке на северо-запад. После изнурительного марша протяженностью около 110 километров в пургу и под пронизывающим ветром 28 января 1945 года боевая группа снова встретила первые немецкие войска у города Бирнбаум (*польск.* Мендзыхуд) на реке Нотець.

Здесь майор Херинг, которому был подчинен еще один батальон, получил от начальника управления строительных работ, находившегося в городке Дризен, генерал-майора Хаушульца, задание занять оборону на рубеже Лаухштедт – Вольденберг и помешать продвижению русских по большому шоссе, ведущему из Шнайдемюля в Ландсберг. Едва боевая группа успела занять оборону в указанном районе, как Советы уже начали атаку широким фронтом. Через два часа положение боевой группы, не имевшей соприкосновения с другими немецкими соединениям ни слева, ни справа, стало безнадежным. Управление строительных работ поспешно отступило, не оставив боевой группе никаких приказов или указаний. В этой ситуации и для боевой группы Херинга оставался только один выход: отступить.

30 января майор Херинг принял решение, двигаясь по лесным

и проселочным дорогам и не вступая в бой с противником, отойти с остатками своей боевой группы к Одеру и попытаться переправиться через реку. Колонны беженцев двигались в том же самом направлении, что вызывало постоянные заторы на дорогах. Бедственное положение этих людей глубоко трогало каждого бойца, тем более что они не могли ничем им помочь. Постоянно происходили стычки с вырвавшимися далеко вперед советскими танками. 30 и 31 января путь следования боевой группы проходил через населенные пункты Лихтенов и Браунсфельде в местечко Гросс-Фаленвердер. Затем группа проследовала дальше через городок Розенталь и севернее Ландсберга. До Одера оставалось всего лишь 30 километров! Какова обстановка там? Вышел ли противник к Одеру, а может быть, он уже форсировал его? Возможна ли переправа через Одер без моста? Эти мысли не давали покоя командиру боевой группы.

После невероятно утомительного перехода через населенные пункты Рингенвальде, Бервальде и Зеллин, падая с ног от усталости и голода, бойцы боевой группы вышли к низменной заболоченной равнине Одербрух в районе городка Гюстебизе (30 километров северо-западнее Кюстрина). Но и здесь русские уже засели на плацдарме. На этот раз группе помогло счастливое стечение обстоятельств: один из фельдфебелей люфтваффе, который был родом из этих мест и хорошо знал окрестности, в ночь с 2 на 3 февраля провел группу через Одербрух и по уже хрупкому льду реки. Из почти 2 тысяч бойцов, которые боевая группа насчитывала в районе города Лаухштедт, около 800 бойцов, двигаясь змейкой и соблюдая дистанцию, смогли перейти по хрупкому льду через Одер и добраться до занятых малыми силами немецких оборонительных рубежей на западном берегу реки в районе городка Ной-Вустров. Так этот фельдфебель из люфтваффе спас остатки боевой группы! С большим трудом смертельно уставшие бойцы дотащились до своего места дислокации в имении Альт-Ранфт у городка Бад-Фрайенвальде.

Здесь в течение шести дней, с 3 по 8 февраля, рядовой состав боевой группы Херинга смог отоспаться и отдохнуть. Действительно, бойцы крайне нуждались в этом отдыхе. Военный комендант города Бад-Фрайенвальде хотел немедленно использовать боевую группу в рядах пехоты, но командир группы сумел воспрепятствовать этому, сославшись на то, что сам генерал-полковник Гудериан запретил использовать танкистов как обычных пехотинцев.

8 февраля боевая группа Херинга была переброшена по железной дороге в район нового формирования 10-й панцер-гренадерской дивизии у города Гёрлиц. Она прибыла туда 9

февраля, и оба батальона 20-го и 41-го гренадерских полков смогли наконец вернуться в свои полки».

После того как командованием группы армий в районе Гёрлица были сосредоточены также и остатки моторизованной боевой группы, которые пробились на запад через территорию, уже занятую русскими, и смогли переправиться через Пилицу, следовало бы довести до конца переформирование 10-й панцер-гренадерской дивизии. Однако Восточный фронт трещал по всем швам, поэтому уже через несколько дней пришлось бросить в бой более или менее боеспособные части 10-й панцер-гренадерской дивизии под командованием нового, только что назначенного командира дивизии, полковника Коссмана. К счастью, 7-й танковый батальон получил сорок новых штурмовых орудий. Впоследствии эти орудия стали главной ударной силой дивизии.

Боевые действия дивизии в Нижней Силезии

Незадолго до полуночи 12 февраля 1945 года по приказу командования 4-й танковой армии боевая группа Коссмана выдвинулась из своего района формирования в местечке Нидер-Шёнбрунн и, проследовав через Лаубан, Лёвенберг и Лен, к вечеру 13 февраля прибыла в деревню Пробстхайн, где она поступила в распоряжение LVII танкового корпуса (командир – генерал танковых войск Кирхнер) и была расквартирована в этой деревне в качестве дежурного подразделения.

Поскольку у единственного гренадерского батальона боевой группы не было своих транспортных средств, он был посажен на штурмовые орудия 7-го танкового батальона и переподчинен его командиру, капитану Конделю.

Перед самым рассветом 14 февраля из штаба корпуса поступил приказ зачистить от противника соседнюю деревню Пильграмсдорф, которую Советы захватили этой ночью. Для выполнения этого задания был задействован 7-й танковый батальон, усиленный гренадерским батальоном. Он блестяще справился с задачей за каких-то полчаса, так как русские не выдержали стремительной атаки закаленных в боях танкистов и предпочли спасаться бегством. 10-й моторизованный саперный батальон, который теперь состоял только из 1-й и 3-й рот, а также роты снабжения, прикрывал во время этого боя правый фланг 7-го танкового батальона, а затем принял участие в зачистке крестьянских дворов.

Командир боевой группы, внимательно наблюдавший за ходом этого боя, убедился в том, что взаимодействие между экипажами штурмовых орудий и гренадерами было таким, словно они уже давно сражались вместе. Прибывший на поле боя командир корпуса тоже похвалил танкистов за быстрое выполнение задачи.

Уже в полдень боевая группа выдвинулась согласно приказу в небольшой силезский городок Болькенхайн, где она в полной боевой готовности расположилась на ночь.

15 февраля в 7:30 утра боевая группа, имея соседом слева 8-ю танковую дивизию, пошла в атаку на занятые Советами высоты у деревни Хеслихт, расположенную северо-восточнее деревни Обер-Ронштоk. Во время этой атаки LVII танковый корпус подчинялся 17-й армии (командующий – генерал пехоты Шульц). Деревня Хеслихт находилась на господствующей высоте. Усиленный 7-й

танковый батальон был разбит на две группы. Слева наступали гренадеры, а справа – 7-й танковый батальон с приданной ему в качестве постоянного сопровождения одной гренадерской ротой.

Преодолев открытое пространство шириной около 600 метров, гренадерская рота сопровождения подошла к склону, поросшему низким, густым кустарником. Она должна была атаковать параллельно боевой группе, наступавшей слева. Занимавший исходную позицию 7-й танковый батальон следил за ротой сопровождения, преодолевавшей открытое пространство, чтобы затем, обеспечив фланговым огнем прикрытие левого фланга, стремительным броском захватить расположенный сбоку выезд из деревни. Несколько обстоятельств замедлили темп атаки. Раскисшая пашня оказалась непроезжей, и это привело к тому, что штурмовые орудия роты, прикрывавшей фланги, потеряли гусеницы. Передовой взвод батальона доложил, что обнаружил поперечный ров с раскисшими откосами, заполненный водой, который невозможно было преодолеть. К тому же в самой деревне Хеслихт позицию занимала сверхтяжелая русская противотанковая пушка, которая вела прицельный огонь по батальону. Поэтому рота, которая обеспечивала фланговое прикрытие, осталась на занятых позициях, чтобы сначала постараться вывести из строя русскую противотанковую пушку, в то время как остальные подразделения танкового батальона продолжили стремительное движение. На довольно крутой деревенской улице один танк подорвался на мине, но потом деревню удалось отбить, не потеряв больше ни одной машины.

Командир боевой группы присоединился к той половине батальона, которая атаковала исправительно-трудовую колонию «Химмель» («Небо»). Когда штурмовые орудия проезжали через рабочий поселок колонии «Химмель», из домов выбежали сотни юных девушек с радостными криками: «Немецкие солдаты! Немецкие солдаты!» В каменоломне исправительно-трудовой колонии «Химмель» в руки наступавших попала сверхтяжелая русская противотанковая пушка (американская модель, впервые обнаруженная на Восточном фронте) вместе с мощным тягачом с прицепом для перевозки боеприпасов. Сразу после полудня были заняты округлые вершины гор Гансберг и Куберг.

На рассвете 16 февраля 7-й танковый батальон подбил пять танков одного из советских танковых соединений, не потеряв при этом ни одного штурмового орудия. В этот же день бойцы 10-го моторизованного саперного батальона обезвредили большое количество мин в деревянном корпусе, дополнительно подорвали подбитые советские Т-34 и эвакуировали захваченную сверхтяжелую противотанковую пушку.

Командир корпуса, посетивший в этот же день поле боя, с удивлением и одновременно с радостью отметил, что господствующие высоты были захвачены с минимальными потерями, лишь несколько гренадеров получили легкие ранения.

В это время боевая группа получила существенное подкрепление в лице двух полковых штабов и одного артиллерийского дивизиона. 18 февраля из района доукомплектования в Нидер-Шёнбрунн прибыл заново сформированный штаб 20-го панцер-гренадерского полка (новый командир – подполковник Хаббель), а 19 февраля прибыл штаб 10-го бронированного артиллерийского полка (командир – майор Айххорн) с 1-м дивизионом (капитан Бушмайер). Штабы обоих полков оборудовали свои командные пункты в деревне Хеслихт. Вблизи этой деревни занял позицию и 1-й дивизион 10-го бронированного артиллерийского полка.

Вследствие этого усиления командование корпуса ходатайствовало перед командованием 17-й армии о переименовании боевой группы Коссмана в 10-ю панцер-гренадерскую дивизию.

В течение двух последующих недель после немецкой атаки противник не проявлял никакой активности.

25 февраля на командный пункт боевой группы Коссмана в деревне Обер-Ронштоk прибыли передовые команды 208-й пехотной дивизии для подготовки смены. С 26 февраля боевая группа Коссмана переподчинялась XXXXVII танковому корпусу (командир корпуса – генерал танковых войск барон фон Эдельсхайм).

От командования этого корпуса 10-я панцер-гренадерская дивизия (по решению командования 17-й армии боевая группа Коссмана могла так называться с 26 февраля 1945 года) получила задачу снова отбить занятую Советами деревню Конрадсвальдау. Дежурное подразделение одного из силезских унтер-офицерских училищ удерживало только несколько домов на окраине этой деревни. В последующие два дня, 27 и 28 февраля, из района деревни Хеслихт прибыли смененные 208-й пехотной дивизией подразделения 10-й панцер-гренадерской дивизии под командованием начальника штаба дивизии, майора Генерального штаба Беркеля. В это же время из района доукомплектования в Нидер-Шёнбрунн прибыли: подразделение квартирмейстерства штаба дивизии; 1-й батальон 41-го панцер-гренадерского полка под командованием майора Оберндорфера; 110-й бронированный разведывательный батальон под командованием ротмистра Конрада; 2-й дивизион 10-го бронированного артиллерийского полка под командованием капитана Риккенберга; 3-й (тяжелый)

дивизион 10-го бронированного артиллерийского полка под командованием капитана Рауха, а также оставшиеся подразделения 2-й роты 10-го моторизованного саперного батальона. Последние были распределены между 1-й и 3-й ротами 10-го моторизованного саперного батальона.

Тем самым дивизия наконец обрела достойную боевую мощь.

Штаб 20-го панцер-гренадерского полка разместился в восточной части деревни Конрадсвальдау и силами своего 1-го батальона отбросил русских до центра деревни. При попытке выбить противника и из западной части деревни был тяжело ранен командир этого батальона майор Хойс.

1 марта 1-й батальон 41-го панцер-гренадерского полка под командованием майора Оберндорфера вместе с подчиненной ему 3-й ротой 10-го моторизованного саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Табора пошел в атаку из деревни Хермансвальдау на западную окраину деревни Конрадсвальдау, которую все еще удерживали русские. При этом командир батальона по собственной инициативе взял находившуюся за пределами полосы атаки дивизии гору Зарг-Берг, высотой 430 метров, которая до этого находилась в руках противника и очень мешала окончательно овладеть деревней Конрадсвальдау. (Во время Освободительной войны 1813 года маршал Блюхер отбросил французов с горы Зарг-Берг за полноводную тогда реку Кацбах в противоположном направлении.)

Примерно в это же самое время в состав XXXXVII танкового корпуса была введена свежая дивизия, только что сформированная из так называемых фольксдойче старших возрастов (этнических немцев, не проживавших ранее на территории Германии), имевших недостаточную боевую подготовку. Эта дивизия была введена в бой слева от 10-й панцер-гренадерской дивизии, а следовательно, под ее контроль перешла и гора Зарг-Берг. Уже 5 марта русские снова сидели на вершине этой горы. Поскольку командование корпуса не могло доверить повторный захват горы Зарг-Берг только что сформированной и не имевшей боевого опыта дивизии, а смененного ею 1-го батальона 41-го панцер-гренадерского полка не было поблизости, 10-я панцер-гренадерская дивизия получила приказ во второй раз отбить у противника гору. После непродолжительного, но мощного огневого удара, нанесенного по позициям русских 2-м и 3-м дивизионами 10-го бронированного артиллерийского полка, испытанным в боях гренадерам снова удалось захватить гору Зарг-Берг. До того как была произведена очередная смена, саперы 10-го моторизованного саперного батальона установили

проволочные заграждения перед позициями на горе Зарг-Берг.

Однако уже 6 марта на запрос дивизии из штаба корпуса ответили, что, согласно донесению 20-го панцер-гренадерского полка, гора Зарг-Берг снова находится в руках противника, но что небольшая группа бойцов из соседней дивизии еще держится на своих позициях у самой вершины горы. И снова 10-я панцер-гренадерская дивизия получила задачу отвоевать у Советов эту господствующую высоту. По оценке командования дивизии, на этот раз задание оказалось особенно трудным, так как артиллерийскую подготовку надо было проводить с особой точностью, чтобы не поразить своих собственных солдат, окопавшихся недалеко от вершины горы. Поэтому 1-й батальон 41-го панцер-гренадерского полка сначала получил задачу с помощью боеспособного разведывательного дозора выяснить точное расположение продолжавшего держаться батальона соседней дивизии.

Проведение этой разведывательной вылазки было поручено дозорной группе под командованием ефрейтора Лорея из 5-й роты 41-го панцер-гренадерского полка. Во время проведения этой вылазки Лорей и его группа неожиданно наткнулись на занятых окопными работами красноармейцев. Забросав русских ручными гранатами, Лорей и его люди решительно устремились вперед. Оставшиеся в живых красноармейцы бросились бежать. Так господствующая высота Зарг-Берг снова оказалась в руках немцев. Эта дерзкая разведывательная вылазка избавила дивизию от необходимости штурмовать высоту, что неизбежно привело бы к большим потерям. Поскольку по распоряжению Главного командования сухопутных войск (ОКХ) представления унтер-офицеров и рядовых к награждению Рыцарским крестом могли подаваться в ОКХ по телеграфу, командир дивизии воспользовался этой возможностью и уже через час перед строем 1-го батальона он смог вручить ефрейтору Лорею заслуженную награду – Рыцарский крест.

Во время боев за высоту Зарг-Берг особо отличились также 10-й саперный батальон под командованием капитана Хайгля и 3-я саперная рота под командованием обер-лейтенанта Табора.

После введения в бой 110-го бронированного разведывательного батальона в деревне Вилльмансдорф удалось закрыть брешь на восточной окраине деревни Конрадсвальдау, возникшую на стыке между 10-й панцер-гренадерской дивизией и соседней дивизией справа.

В ночь с 11 на 12 марта 10-я панцер-гренадерская дивизия была сменена двумя соседними дивизиями и 13 марта передислоцировалась в район Швайнс, а затем – в Хеннерсдорф

(восточнее Швейдница).

Тяжелые бои в районе городов Гротткау и Нейссе (16.03–02.04.1945)

16 марта командирам 19-й танковой дивизии и 10-й панцер-гренадерской дивизии было приказано явиться на совещание в город Гнаденфрай (*польск.* Пилава-Гурна) в штаб-квартиру VIII армейского корпуса. Там генерал Хартман сообщил о намерении прорвать русское кольцо окружения вокруг Бреслау. Но поскольку воздушная разведка обнаружила прибытие в район Гротткау советской артиллерийской дивизии, а, исходя из прежнего опыта, это был верный признак предстоящего вскоре нового наступления противника, генерал Хартман подчеркнул, что дата немецкой атаки пока не может быть определена. По словам генерала Хартмана, сначала нужно подождать развития событий под Гротткау. Еще 15 марта дивизия получила от командования корпуса приказ немедленно выдвинуться через Франкенштайн в городок Мюнстерберг. Уже вечером дивизия прибыла туда и была расквартирована в самом Мюнстерберге и его окрестностях.

На рассвете 16 марта ураганный огонь советской артиллерии возвестил о начале ожидавшегося вражеского наступления. 10-я панцер-гренадерская дивизия получила приказ от командования VIII армейского корпуса занять вспомогательный рубеж позади 45-й народно-гренадерской дивизии по складке местности, проходящей от деревни Кюшмальц на север, и выделить один полк в качестве ударного резерва.

На этой вспомогательной позиции 110-й бронированный разведывательный батальон располагался справа, а 1-й батальон 41-го панцер-гренадерского полка – слева. 10-й моторизованный саперный батальон занимался оборудованием позиции. Позади них в качестве ударного резерва находился 7-й танковый батальон. Командный пункт дивизии был перенесен в деревню Клезендорф.

Едва дивизия успела занять этот рубеж, как ей пришлось отражать мощные атаки Советов. При этом она понесла тяжелые безвозвратные потери. В том числе в седьмой раз за эту войну был ранен командир 1-го батальона 41-го панцер-гренадерского полка, майор Оберндорфер, который был вынужден покинуть войска. В его лице дивизия потеряла энергичного, опытного командира, прекрасно зарекомендовавшего себя во многих боях.

В этот же день поздно вечером произошла ожесточенная схватка с прорвавшимися русскими в деревне Кляйн-Циндель, расположенной перед самой вспомогательной позицией. Во время

этого боя 7-й танковый батальон потерял несколько танков из-за повреждения гусениц, но экипажам этих машин удалось отремонтировать свои танки прямо на поле боя, так как гренадеры из роты сопровождения надежно прикрывали их. И в обороне гренадерская рота сопровождения доказала, что является неоценимым помощником танкового батальона.

20-му панцер-гренадерскому полку так и не пришлось вступить в бой в составе дивизии на этом участке фронта, так как по приказу командования VIII армейского корпуса в этот же день он был отправлен в район городка Нейссе для поддержки 35-й народно-гренадерской дивизии, которой он и был переподчинен.

18 марта танковые подразделения 19-й танковой дивизии и 10-й панцер-гренадерской дивизии (то есть усиленный 7-й танковый батальон) пошли в совместную атаку на скопление советских танков в районе южнее деревни Бойтмансдорф. Завязались тяжелые встречные танковые бои, в ходе которых был подбит целый ряд советских Т-34 и тяжелых танков «Иосиф Сталин». Правда, и немецкие танковые соединения потеряли немало танков и штурмовых орудий. Во всяком случае, эта немецкая танковая атака оказалась настолько успешной, что Советы прекратили свои атаки в западном направлении на этом участке фронта. Так что в этом районе больше не было никаких крупных сражений. Напротив, в последующие дни русские усилили натиск в направлении города Нейссе. По сообщению штаба 35-й народно-гренадерской дивизии, после многочасовой интенсивной артиллерийской подготовки противник атаковал несколькими эшелонами позиции 20-го панцер-гренадерского полка. Завязались тяжелые, кровопролитные бои. После этих сражений считается пропавшим без вести и командир 20-го панцер-гренадерского полка, подполковник Хаббель. По рассказу одного из солдат, совсем недавно вернувшегося на родину из советского плена, во время одной из разведывательных поездок автомобиль Хаббеля попал под артиллерийский обстрел противника, и подполковник погиб.

27 марта сообщили, что в ночь с 30 на 31 марта дивизию сменят две соседние дивизии (100-я егерская дивизия – справа и 19-я танковая дивизия – слева).

28 марта командир VIII армейского корпуса, генерал Визе, вручил командиру дивизии, полковнику Коссману, Рыцарский крест Железного креста, которым он был награжден приказом от 23 марта.

Смена дивизии в ночь с 30 на 31 марта прошла без помех со стороны противника. В эту же ночь в состав дивизии вернулся и 20-й панцер-гренадерский полк. Вместо подполковника Хаббеля

его командиром был назначен майор Херинг, который входил в состав 20-го пехотного полка, как в довоенное время, так и в военные годы.

В Страстную субботу (31 марта) подразделения дивизии находились на марше в район Франкенштайн – Райхенбах – Лангенбилау, чтобы оставаться там в боевой готовности в качестве резерва 17-й армии. В чудесную весеннюю погоду, расквартировавшись в хороших условиях, дивизия смогла после тяжелейших недель оборонительных боев отметить 1 и 2 апреля 1945 года Пасху и насладиться заслуженным отдыхом.

В пасхальный понедельник пришел приказ группы армий «Центр» (главнокомандующий – генерал-полковник Шёрнер) о том, что 10-я панцер-гренадерская дивизия переводится в состав 1-й танковой армии (командующий – генерал танковых войск Неринг). Переброска по железной дороге началась уже 3 апреля. В качестве станции назначения был указан город Троппау (*чеш.* Опава) в Судетах.

В 1-й танковой армии с 3 апреля 1945 года и до конца войны

После выгрузки из воинских эшелонов в районе города Троппау дивизия была подчинена XXIV танковому корпусу (командир – генерал-лейтенант Келльнер). Ее первой боевой задачей была смена Дивизии сопровождения фюрера (командир – генерал-майор Ремер) на участке фронта Туркау – Браниц. Тем самым дивизия еще раз вступила на территорию Силезии, так как эти позиции находились на узком краешке верхнесилезского района Леобшюц. На этой относительно спокойной позиции, на которой боевая деятельность ограничивалась налетами разведывательных групп и деятельностью разведывательных дозоров, дивизия смогла завершить очередное переформирование. С прочим пополнением из Кренау прибыл вновь сформированный 2-й батальон 41-го гренадерского полка, в результате чего потребовалось заново сформировать штаб полка. Некоторое время этот штаб возглавлял майор Каст, пока из Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) в дивизию не был направлен новый командир полка, майор Петри.

Правда, несмотря на пополнение живой силой, вооружением и боевой техникой, боеспособность дивизии была невысока. Пополнение состояло главным образом из прошедших лишь краткосрочную боевую подготовку юношей или же из призывников, не полностью годных по здоровью к строевой службе в военное время. Они были не в состоянии справляться с трудностями боев в условиях Восточного фронта. Их поведение, не соответствовавшее условиям боевой обстановки, часто приводило к большим потерям, чему способствовало и массовое использование противником артиллерии и минометов. К тому же в немецких частях ощущалась острая нехватка боеприпасов, так как в ходе воздушной войны, которая велась против Германии, были разрушены многие коммуникации и снабжение войск было почти полностью парализовано. На передовой от командиров всех уровней требовалась особая самоотверженность, они должны были создать в своих воинских частях особую атмосферу доверия между командным и рядовым составом, чтобы их подразделения смогли выполнять поставленные перед ними задачи. И сейчас можно констатировать: за очень редким исключением, каждый военнослужащий 10-й панцер-гренадерской дивизии до конца с честью выполнил свой воинский долг.

18 апреля дивизия была выведена из состава XXIV танкового

корпуса, так как армия передвинула границу корпуса справа на север на ширину полосы дивизии. Теперь дивизия перешла в подчинение XI армейского корпуса (командир – генерал-майор танковых войск фон Меллентин). В этот же день дивизия получила от командования корпуса приказ в ночь с 19 на 20 апреля сменить входившую в состав корпуса 17-ю танковую дивизию на рубеже Дойч-Каварн – Гросс-Хошюц. 20 апреля, когда смена еще продолжалась, началось наступление русских крупными силами на Троппау. На направлении главного удара Советов находилась Прага. Уже в первый день этого крупномасштабного наступления город Троппау оказался в руках русских. В обороне города принимали участие следующие части дивизии: подразделения 41-го панцер-гренадерского полка, 110-й бронированный разведывательный батальон и отдельные части 7-го танкового батальона под командованием майора Каста. В эти тяжелые дни они были переподчинены 17-й танковой дивизии, а позднее перешли в подчинение лыжной егерской дивизии. В ходе боев эти соединения 10-й панцер-гренадерской дивизии понесли тяжелые потери.

20 апреля полковник Коссман, командир 10-й панцер-гренадерской дивизии, был произведен в генерал-майоры.

Только 26 апреля была закончена смена дивизии на позиции у городка Радун и к востоку от него, которую она занимала по приказу командования армии. Но уже 28 апреля командование армии было вынуждено отдать приказ отступить еще дальше. Причиной этого отступления оказалось стремительное продвижение 4-го Украинского фронта в направлении Брюнна (*чеш.* Брно), что грозило 1-й танковой армии окружением с юга. Поэтому в ночь с 28 на 29 апреля 10-я панцер-гренадерская дивизия заняла промежуточную позицию I по обе стороны от города Вагштадт, причем ей приходилось отражать мощные атаки Советов не только с востока, но и, прежде всего, с юга.

30 апреля лишь в самый последний момент дивизии удалось избежать окружения и занять промежуточную позицию II по обе стороны от города Фульнек. И на этой промежуточной позиции дивизии пришлось сдерживать мощные атаки противника.

Благодаря приближению с запада американцев коридор между двумя фронтами становился с каждым днем все у́же. С момента занятия второй промежуточной позиции у города Фульнек все чаще случалось, что фронтовые части сражались против Советов, в то время как подразделения и части снабжения вышестоящих командных инстанций уже вступили в соприкосновение с американцами. Вдобавок к этим трудностям с каждым днем росла активность чешских партизан, действовавших

за линией фронта. В результате почти полностью нарушилась связь с Германией. Видимо, именно этим обстоятельством можно объяснить то, что некоторые представления командования дивизии на награждение офицеров и солдат, направленные в Верховное командование сухопутных войск (ОКХ), так и не были удовлетворены. Такие испытанные в боях офицеры, как, например, майор Оберндорфер или майор Херинг, представленные к награждению Рыцарским крестом, так и не получили заслуженных наград.

Психическая нагрузка на каждого отдельного бойца в этот последний период войны была особенно велика. Общая обстановка, политическое положение после самоубийства Гитлера, стремительное продвижение американцев в самое сердце родины, заботы о судьбе близких, отсутствие почты, подавляющее преимущество Советов, страх попасть в руки к русским – все это не способствовало повышению боеспособности и укреплению боевого духа. С другой стороны, бедственное положение бегущих от русских судетских немцев, желание избавить родину от такой же судьбы, взаимная привязанность, возникшая в ходе многолетнего фронтового товарищества, и полное доверие между всеми военнослужащими дивизии придавали им силы для продолжения борьбы и принесения ради этого новых жертв.

4 мая дивизия заняла третью промежуточную позицию у городка Одрау. В этот же день дивизия была переподчинена LIX армейскому корпусу (командир – генерал-лейтенант Зилер). При занятии этого рубежа бойцы 10-го саперного батальона разрушили все остававшиеся пешеходные мостки через Одер.

Краткий обзор общего положения на Восточном фронте позволит лучше понять, в каком отчаянном положении находилась группа армий «Центр».

В то время как в Мекленбурге и на Эльбе боевые действия почти что закончились и немецкие армии, зажатые между русскими и англо-американскими фронтами, благодаря благоразумию западных противников, большей частью смогли избежать русского плена, группа армий «Центр» все еще находилась в глубине территории Богемии. Должно было пройти немало дней, прежде чем в ходе организованного отхода группа армий «Центр» смогла достичь уже занятой американцами демаркационной линии Будвайз (*чеш.* Ческе-Будеёвице) – Пильзен (*чеш.* Пльзень) – Карлсбад (*чеш.* Карловы Вары). (Впрочем, в то время боевым частям ничего не было известно об этом соглашении.)

3 мая начальник штаба Шёрнера, генерал фон Нацмер,

вылетел во Фленсбург к Дёницу, преемнику Гитлера, чтобы получить указания относительно дальнейших действий группы армий «Центр». Дёниц надеялся, что во время начавшихся переговоров с Эйзенхауэром удастся достигнуть договоренности об отходе на запад насчитывающей около 2 миллионов бойцов группы армий «Центр» и бесчисленных колонн немецких беженцев. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, так как Эйзенхауэр в ультимативной форме настаивал на безоговорочной капитуляции всех фронтов. Она должна была вступить в силу в полночь с 8 на 9 мая 1945 года. С этого момента были запрещены не только все боевые действия, но и любые передвижения войск.

Сегодня из американских публикаций уже известно, что на Ялтинской конференции (февраль 1945 года) американский президент Рузвельт согласился удовлетворить требование своего «друга» Сталина предоставить Красной армии право взять Берлин и Прагу и что уже давно с Советами была согласована политическая демаркационная линия, которая – независимо от военных успехов той или иной стороны – должна была проходить в 150 километрах западнее Берлина, и что, наконец, согласно условиям договора о перемирии все немецкие военнослужащие, находившиеся на Восточном фронте, должны были быть переданы Советам как военнопленные.

Однако вернемся к 10-й панцер-гренадерской дивизии. 6 мая после очередного отхода и продолжительного марша южнее города Ольмюц она заняла четвертую, и последнюю, промежуточную позицию на западном берегу верхнего течения реки Марх (*чеш.* Морава) у деревни Мюглиц и к северу от нее. Эту позицию дивизия удерживала и 8 мая, когда в полдень по радио передали сообщение о прекращении огня, вступившем в силу в полночь этого же дня. Надежда на скорый подход американцев не оправдалась.

Теперь дивизия должна была сама позаботиться о себе, если не хотела попасть в советский плен. Единое командование было в таких условиях невозможно. После уничтожения тяжелого вооружения, сверхтабельного снаряжения и транспортных средств полки, батальоны и роты частично «на колесах», частично пешком должны были попытаться пробиться к американским войскам или через них к себе на родину, в Баварию. Вскоре выяснилось, с какими трудностями было связано осуществление этого намерения.

Советы всеми имевшимися в их распоряжении силами стремительно продвигались на запад по всем ведущим туда дорогам. Немецкие войска могли двигаться на запад лишь по

проселочным дорогам, по лесам и только ночью. Но потом и их обгоняли советские моторизованные части или танки, окружали и вынуждали капитулировать. Во время этого отступления часто происходили стычки с восставшими чехами, которые открыли беспощадную «охоту на немцев».

У города Цвиттау (*чеш.* Свитавы) и военнослужащих 10-й панцер-гренадерской дивизии ожидала печальная судьба пленения советскими войсками. Только совсем немногим подразделениям дивизии удалось, двигаясь по ночам, окольными путями добраться до демаркационной линии. Они были взяты в плен американцами, но несколько недель спустя переданы Советам, у которых некоторые из них пробыли в плену, часто в нечеловеческих условиях, до 11 лет. Только совсем немногим военнослужащим дивизии – как правило, в гражданской одежде и с большими приключениями – удалось пробраться в Баварию и избежать плена.

Война была проиграна! 10-я панцер-гренадерская дивизия прекратила свое существование!

Но навсегда сохранится добрая память о военнослужащих дивизии, которые в течение семи лет до последнего дня войны на Востоке и на Западе до конца выполнили свой солдатский долг. Навсегда сохранится память о павших боевых товарищах, и пусть их смерть будет наказом и поручением живым действовать в интересах мира. И наконец, навсегда сохранится дух товарищества, который и сегодня объединяет всех военнослужащих дивизии, свято хранящих память о совместно пережитом и о жертвах этой войны.

Заключительное слово

Посвящается боевым товарищам из 10-й дивизии, которым было не суждено вернуться домой

«История 10-й пехотной дивизии» в первую очередь посвящена памяти павших, пропавших без вести и забытых боевых товарищей. В конце этой книги читатель может еще раз вспомнить о тех, кому судьбой было не суждено вернуться домой. Для солдата, который отдал свою жизнь, до конца выполнив свой солдатский долг, не имеет значения, что политики или историки напишут задним числом о правоте той или иной стороны в той или иной войне. Их интерпретации смерти солдата не умаляют величия этой жертвы, перед которой мы с глубоким почтением склоняем голову.

Правдивость песни о «Хорошем товарище» ярче всего проявилась в той любви, с которой во время войны оставшиеся в живых провожали в последний путь своих павших боевых товарищей. Где бы это ни происходило, всегда находилось время для пусть даже и скромной панихиды с приглашением священника. Даже во время тяжелых боев всегда старались похоронить погибших. При этом нередко солдатам приходилось даже рисковать своей жизнью под вражеским огнем.

Могилы солдат 10-й дивизии лежат как на Западе, так и далеко на Востоке. Но какая же огромная разница существует в уходе за солдатскими могилами между этими двумя театрами военных действий!

На Западе, в свободном мире, близкие сегодня снова могут посещать то место, где их дорогой умерший родственник нашел свое последнее упокоение. Если сначала это были скромные солдатские могилы, принявшие павших на поле боя, то уже через несколько лет после окончания войны правительства западных стран заключили соглашения, на основе которых удалось оборудовать достойные последние пристанища и немецким павшим солдатам. Прежде всего, это произошло благодаря успешному содействию Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями.

И как же совсем иначе обстоит дело с солдатскими кладбищами на Востоке! И здесь во время войны павших военнослужащих 10-й дивизии хоронили с большой любовью.

Но что могло остаться ото всех этих, с такой любовью обустроенных солдатских кладбищ и от простых мест погребения в лагерях для военнопленных? Возможно, над ними уже прошел

плуг, а может быть, над ними постоянно веет степной ветер, а ближе к северу большую часть года они покрыты льдом и снегом! Сегодня мы почти что ничего не знаем об этом. Только мысленно мы можем посетить те места, где покоятся наши боевые товарищи, и вспомнить, как они выглядели при жизни. Ведь тогда, стоя у их могил, мы обещали:

Мы никогда не забудем вас!
Без креста, без венка
Покоится на Востоке наш брат:
Он навсегда останется в наших сердцах!

В 1959 году автор совершил поездку во Францию, по местам боев лета 1940 года. Останки наших боевых товарищей, павших в районе боевых действий на реке Эна, в последние годы были перезахоронены на ухоженное солдатское кладбище, расположенное в живописном месте у деревни Фо. На этом деревенском кладбище покоятся около 1700 павших немецких солдат. С территории кладбища открывается вид на долину Эны, в боях за которую наши товарищи отдали тогда свою жизнь.

Все немецкие солдатские кладбища в свободном мире оборудуются, поддерживаются в надлежащем состоянии и опекаются Народным союзом Германии по уходу за военными захоронениями. Во Франции за ними ухаживает французский смотритель, который внимательно выслушает каждого посетителя и с помощью поименного списка укажет, где находится разыскиваемая могила. Многочисленные посетители из Германии украшают многие могилы цветами. Нередко и французы возлагают на них цветы и венки. Наши павшие товарищи из 10-й дивизии были заново перезахоронены на большом немецком солдатском кладбище в городке Нуайе-Пон-Можи (5 километров южнее Седана). Кладбище находится на вершине горы, с которой открывается чудесный вид на долину реки Маас. Там покоятся останки 13 500 немецких солдат, павших в Первую мировую войну, и останки 13 300 воинов, погибших во время Второй мировой войны. Это солдатское кладбище должно быть торжественно открыто и освящено в 1964 году.

Приложения

Пояснения к структурам 10-й дивизии военного времени

(Составлено на основании собственных материалов, книги Кайлига «Германские сухопутные войска 1939–1945», книги Мюллер-Хиллебранда «Сухопутные войска 1933–1945», сообщений Федерального архива в Кобленце (Военного архива) и военно-исторического ведомства Фрайбурга.

Последним двум ведомствам особая благодарность за их поддержку.)

Приложение 1а
Структура 10-й дивизии военного времени. 1939 и 1940 годы

Общая численность:

534 офицера, 102 военных чиновника, 2711 унтер-офицеров, 14 397 рядовых, 4842 лошади, 919 конных повозок, 394 легковых автомобиля, 615 грузовых автомобилей, 728 мотоциклов (включая мотоциклы с коляской), 3 бронированных транспортных средства.

Приложение 1б
Структура 10-й моторизованной пехотной дивизии военного времени. 1940–1943 годы

Зимой 1940/1941 года 10-я дивизия была преобразована в 10-ю моторизованную пехотную дивизию. При этом из ее состава выбыли:

– 85-й пехотный полк. Он стал 85-м горно-егерским полком;

– 1-й эскадрон 10-го разведывательного батальона. Эскадрон вошел в состав 134-й пехотной дивизии в качестве 1-й роты 134-го разведывательного батальона;

– 3-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона вновь возвращается в 47-й пулеметный батальон в качестве зенитной роты;

– 3-й дивизион 10-го артиллерийского полка переводится в качестве 3-го дивизиона в 95-й горнострелковый полк;

– 1-й дивизион 46-го артиллерийского полка расформировывается и преобразуется в 4-й дивизион и 10-ю батарею 82-го артиллерийского полка, а также в 10-ю и 11-ю батареи 87-го артиллерийского полка.

Вместо них в состав 10-й моторизованной пехотной дивизии вошли:

– тяжелые роты 20-го и 41-го моторизованных пехотных полков.

Были заново сформированы:

– 2-й и 3-й эскадроны 10-го моторизованного разведывательного батальона, последний – из 1-го эскадрона учебного разведывательного батальона. Бывший 1-й эскадрон становится 2-м эскадроном;

– 3-я рота 10-го истребительно-противотанкового дивизиона формируется заново как противотанковая рота. Летом 1942 года противотанковые роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона получили по три русских 76,2-мм противотанковых пушки каждая, так как немецкие 37-мм противотанковые пушки оказались неэффективными в борьбе с тяжелыми советскими танками; – 40-й мотоциклетный батальон. Сформирован из 6-го пулеметного батальона;

– штабная батарея 10-го моторизованного артиллерийского полка;

– 3-й дивизион 649-го тяжелого артиллерийского полка

переводится в 10-й моторизованный артиллерийский полк в качестве тяжелого дивизиона;

– 10-й полевой запасный батальон;

– Восточная рота. В августе 1942 года из русских добровольцев был сформирован рабочий взвод, который позднее разросся, превратившись в Восточную роту. В июне 1944 года эта Восточная рота была расформирована.

Общая численность:

492 офицера, 133 военных чиновника, 2456 унтер-офицеров, 13 364 рядовых, 989 легковых автомобилей, 1687 грузовых автомобилей, 30 бронированных транспортных средств, 1323 мотоцикла, 621 мотоцикл с коляской.

Приложение 1в
Структура 10-й панцер-гренадерской дивизии военного времени. 1943–1945 годы

18 апреля 1943 года 10-я моторизованная пехотная дивизия была переименована в 10-ю панцер-гренадерскую дивизию.

Пехотные полки получили название «гренадерские полки».

40-й мотоциклетный батальон теперь назывался 110-м бронированным разведывательным батальоном.

10-й батальон связи преобразован в 10-й панцер-гренадерский батальон связи.

В августе 1943 года в состав дивизии был введен 239-й дивизион штурмовых орудий. Он сражался в составе дивизии до конца ноября 1943 года.

В декабре 1943 года дивизии переподчиняется 7-й танковый батальон. Этот танковый батальон, оснащенный штурмовыми орудиями, был заново сформирован вместо разгромленного в Тунисе 7-го танкового полка.

В июле 1944 года 14-е роты 20-го и 41-го гренадерских полков были расформированы. Вместо них оба полка получили по саперной роте.

В ноябре 1944 года дивизия, действовавшая с июня в составе 6-й армии на Южной Украине, была расформирована.

Вслед за этим 10-я панцер-гренадерская дивизия была сформирована заново. Гренадерские полки были переименованы в панцер-гренадерские полки, а 10-й моторизованный артиллерийский полк – в 10-й бронированный артиллерийский полк.

С февраля 1945 года 257-й дивизион войсковой зенитной артиллерии сражался вместе с 10-й панцер-гренадерской дивизией. В Гёрлице дивизион был оснащен новым вооружением и боевой техникой и состоял из: штаба дивизиона, штабной батареи и четырех батарей. 1-я и 2-я батареи были оснащены 88-мм зенитками, 3-я батарея была вооружена 30-мм зенитными орудиями на самоходных лафетах, на вооружении 4-й батареи находились 20-мм зенитные пулеметы.

Приложение 2
Замещение офицерских должностей в воинских частях 10-й дивизии

Предварительное замечание: информация о замещении должностей неполная, поэтому могли вкрасться ошибки, так как многие официальные документы отсутствуют.

Штаб 10-й пехотной дивизии

Должность	На 01.09.1939 (Польская кампания)	На 10.05.1940 (Французская кампания)
Командир дивизии	Генерал-лейтенант фон Кохенхаузен	Генерал-лейтенант фон Кохенхаузен
Ia (начальник штаба)	Подполковник Генерального штаба Гласль	Капитан Генерального штаба Войте
Ib (квартирмейстер)	Капитан Генерального штаба В. Шмидт	Капитан Генерального штаба Рефиор
Ic (начальник разведки)	Капитан Бернардис	?
IIa (адъютант)	Майор Шперлинг	Майор Шперлинг
Офицер-ординарец	Капитан Шульц	Капитан Шёнайх
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Руц	Капитан Хааке
Офицер-ординарец	Капитан Вильхельм	?
III (военный судья)	Тюттинг	Тюттинг
IVa (интендант)	Советник интендантской службы доктор Клессе	Советник интендантской службы доктор Клессе
IVb (врач дивизии)	Генерал-майор медицинской службы доктор Хубер	Подполковник медицинской службы доктор Лампрехт
IVb (адъютант врача дивизии)	Капитан медицинской службы доктор Рихтер	Капитан медицинской службы доктор Брукнер
IVc (ветеринар дивизии)	Полковник ветеринарной службы доктор Хорнунг	Майор ветеринарной службы доктор Брюгге
IVc (адъютант ветеринара дивизии)	Обер-лейтенант ветеринарной службы доктор Шумахер	Обер-лейтенант ветеринарной службы доктор Шумахер
IVd (католический священник дивизии)	Военный священник пастор Куффнер	Военный священник пастор Ланг
IVd (евангелический священник дивизии)	Военный священник пастор Зайдель	Военный священник пастор Зайдель
V (инженер дивизии)	?	?

Должность	На 01.09.1939 (Польская кампания)	На 10.05.1940 (Французская кампания)
Военный техник	Капитан Хофрихтер	Капитан Хофрихтер
Картографическая служба	Обер-лейтенант Херб	Фельдфебель Лерман
Полевая жандармерия	Обер-лейтенант Кокс	Капитан Кокс
Комендант штаба	Капитан Вальтер	Капитан Прёлль
Продовольственный обоз	Обер-лейтенант Байшлаг	Обер-лейтенант Байшлаг
Регистратура	Обер-секретарь Пюлер	Обер-секретарь Пюлер

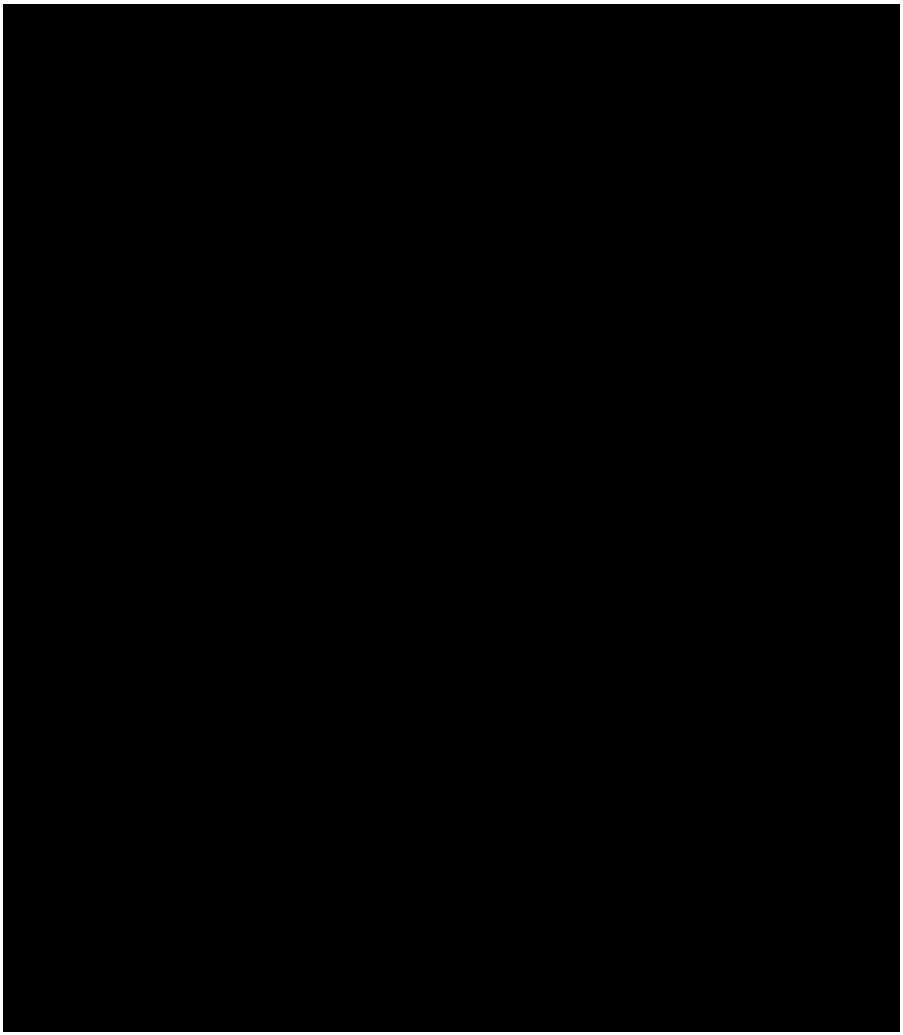
Штаб 10-й моторизованной пехотной дивизии

Должность	На 22.06.1941 (Начало кампании в России)	На май 1942 г. (Начало позиционной войны)
Командир дивизии	Генерал-лейтенант фон Лёпер	Генерал-майор Шмидт
Ia (начальник штаба)	Майор Генерального штаба фон Унольд	Майор Генерального штаба Инхофер
Ib (квартирмейстер)	Капитан Генерального штаба Редмер	Майор Генерального штаба Редмер
Ic (начальник разведки)	Капитан доктор Альтштёттер	Капитан доктор Альтштёттер
IIa (адъютант)	Майор фон Шелиха	Майор фон Шелиха
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Принц Лёвенштайн	Обер-лейтенант Фюрст Кастелль-Рюденхаузен
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Мац	Обер-лейтенант доктор Герлихер
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Фюрст Кастелль-Рюденхаузен	Обер-лейтенант Шаттенфро
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Нестмайер	Обер-лейтенант Грюттнер
III (военный судья)	Доктор Арнольд	Доктор Арнольд
IVa (интендант)	Государственный советник интендантской службы доктор Клессе	Главный государственный советник интендантской службы доктор Клессе
IVb (врач дивизии)	Подполковник медицинской службы доктор Шмидт	Подполковник медицинской службы доктор Ман
IVb (адъютант врача дивизии)	?	Капитан медицинской службы доктор Трибиг

Должность	На 22.06.1941 (Начало кампании в России)	На май 1942 г. (Начало позиционной войны)
IVc (ветеринар дивизии)	Майор ветеринарной службы доктор Вайсс	Майор ветеринарной службы доктор Вайсс
IVd (католический священник дивизии)	Военный священник пастор Ланг	Военный священник пастор Ланг
IVd (евангелический священник дивизии)	Военный священник пастор Зайдель	Военный священник пастор Зайдель
V (автотранспортная служба) инженер дивизии	Майор (инженер) Кюнель	Подполковник (инженер) Кюнель
Военный техник	Обер-лейтенант Циглер	Обер-лейтенант Циглер
Картографическая служба	Лейтенант Боос	Обер-лейтенант Боос
Полевая жандармерия	Капитан Кокс	Капитан Кокс
Комендант штаба	Майор Вальтер	Капитан Лаутнер
Продовольственный обоз	Обер-лейтенант Байшлаг	?
Регистратура	Обер-секретарь Пюлер	Обер-секретарь Пюлер

Штаб 10-й панцер-гренадерской дивизии

Должность	Май 1943 г. (После отдыха и доукомплектования под Кричевом)	Июль 1944 г. (После отдыха и доукомплектования под Кишиневом)
Командир дивизии	Генерал-лейтенант Шмидт	Генерал-лейтенант Шмидт
Ia (начальник штаба)	Майор Генерального штаба де Мезьер	Подполковник Генерального штаба де Мезьер
Ib (квартирмейстер)	Майор Генерального штаба Хегерль	Майор Генерального штаба Альтмайер
Ic (начальник разведки)	Ротмистр Фюрст Кастелль-Рюденхаузен	Ротмистр Фюрст Кастелль-Рюденхаузен
IIa (адъютант)	Майор Хаус	Майор Каст
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Грюттнер	Обер-лейтенант Беер
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант доктор Герлихер	Капитан доктор Герлихер
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант фон Браун	Лейтенант Майер



Замещение офицерских должностей штаба 10-й панцер-гренадерской дивизии после переформирования весной 1945 года

Командир дивизии	Генерал-майор Коссман
Ia (начальник штаба)	Майор Генерального штаба Беркель
Ib (квартирмейстер)	Майор Генерального штаба Тойбер-Веккерсдорф
Ic (начальник разведки)	Обер-лейтенант Коптиш
IIa (адъютант)	Майор Каст

Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Беер
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Кюне
Офицер-ординарец	Обер-лейтенант Винтер
III (военный судья)	Старший военный судья доктор Грайф-Омар
IVa (интендант)	Советник интендантской службы доктор Шюц
IVb (врач дивизии)	Подполковник медицинской службы доктор Зипли
IVb (адъютант врача дивизии)	?
IVc (ветеринар дивизии)	?
IVd (католический священник)	Военный священник пастор Ланг
IVd (евангелический священник)	Военный священник пастор Зайдель
V (инженер дивизии)	Майор (инженер) Крафт
Военный техник	?
Картографическая служба	?
Полевая жандармерия	Лейтенант Зайферт
Комендант штаба	?
Регистратура	?

Приложение 3
Календарь боевых действий

(Составлено на основании собственных записей, частично дополнено выдержками из книги Кайлига «Германские сухопутные войска 1939–1945»)

Польская кампания 1939 года

01.09–03.09.39. **Приграничные бои в Западной Польше**
01.09–02.09.39. Сражение у городов Верушув и Грабув
02.09.39. Переправа через Просну
02.09–04.09.39. **Бои за оборонительный рубеж на Варте**
03.09–04.09.39. Бои у города Серадз и на берегах Варты
04.09–07.09.39. **Наступление на Варшаву**
07.09–19.09.39. **Бои на реке Бзура**
14.09.39. Оборонительные бои у города Лович
15.09.39. Атака деревни Кернозя
15.09–19.09.39. Наступление и преследование противника до Вислы
20.09–23.09.39. **Бои на подступах к Варшаве и за крепость Модлин до ее сдачи**
20.09–24.09.39. Окружение Варшавы
25.09–27.09.39. Атака Варшавы
01.10–30.10. Охрана генерал-губернаторства
01.11.39–10.05.40. Расквартирование на родине

Французская кампания 1940 года

11.05–20.05.40. Наступательный марш через Люксембург, Бельгию и Северную Францию
21.05–08.06.40. Оборонительные бои на реке Эна и на Арденнском канале
09.06–13.06.40. Прорыв французского фронта на Эне
14.06–17.06.40. Бои при преследовании противника в Шампани и за каналом Рейн-Марна до швейцарской границы
18.06–22.06.40. Бои при преследовании противника по обе стороны от департамента Кот-д'Ор
26.06–22.09.40. Охрана демаркационной линии

Группа армий «Центр»

1941/1942

22.06–10.07.41. **Сражения в районе Белостока и Минска**

23.06–28.06.41. Бои в Припятских болотах восточнее Бреста

25.06–08.07.41. Наступление через Свислочь и Березину

02.07–15.07.41. **Битва на Днепре и Западной Двине**

08.07–05.08.41. **Смоленское сражение**

09.07–14.07.41. Прорыв через оборонительный рубеж на Днепре

16.07–05.08.41. Оборонительные бои на реке Сож

09.08–20.08.41. **Сражение под Кричевом и Гомелем**

21.08–27.09.41. **Битва под Киевом**

21.08–30.08.41. Бои при преследовании противника от Гомеля до Десны и реки Снов

01.09–27.09.41. Боевые действия в районе Короп, Конотоп и Ромны

04.10–05.12.41. **Наступление на Москву и Воронеж**

04.10–31.10.41. Наступление на Тулу

01.11–05.12.41. Бои в районе городов Ефремов и Тула

18.11–05.12.41. Сражение за Тулу и наступление на Рязань

18.11–05.12.41. Наступление на район Тим – Елец – Ефремов

05.12.41–18.04.42. **Оборонительное сражение на подступах к Москве**

06.12.41–26.12.41. Оборонительное сражение в районе Ефремова и Тулы

27.12.41–18.04.42. Оборонительное сражение в районе Болхова

14.01–18.04.42. Зимнее сражение под Юхновом

29.01–18.04.42. Оборонительные бои северо-западнее Орла

29.01–18.04.42. Оборонительные бои западнее и северо-западнее Сухиничей

1942/1943

19.04.42–04.07.43. **Позиционные бои в полосе группы армий «Центр»**

30.07–26.09.42. Оборонительные бои в районе Ржева

25.11–15.12.42. Битва в районе Сычевка – Ржев – Белый

01.03–31.03.43. Отступление на рубеж Спас-Деменск – Дорогобуж – восточнее Велижа

16.05–24.05.43. Борьба с партизанами в лесах южнее Брянска

05.07 – дек. 1943. **Оборонительные сражения 1943 года на Востоке**

05.07–12.07.43. Оборонительные бои в районе Орла

13.07–02.09.43. Оборонительное сражение в районе Орел–Брянск

Группа армий «Юг»

04.07. – дек. 1943. **Оборонительные сражения 1943 года на Востоке**

13.07–27.09.43. Оборонительное сражение на юге России и отступление за Днепр

18.08–10.09.43. Сражение и оборонительные бои в районе Ахтырки

29.09. – дек. 1943. Оборонительная битва на Днепре

1943/1944

24.12.43–27.04.44. **Оборонительные сражения в Южной Украине и западнее Киева**

05.01–01.03.44. Оборонительное сражение за Кировоград

05.03–26.03.44. Оборонительное сражение за Умань и арьергардные бои при отходе за Буг и Днестр

13.05–19.08.44. Позиционные бои в полосе группы армий «Южная Украина»

20.08–22.08.44. Оборонительное сражение под Яссами и разгром Румынии

23.08–01.09.44. Арьергардные бои при отходе по территории Румынии к Дунаю

06.09. – дек. 1944. Доукомплектование дивизии в Восточной Венгрии и Юго-Западной Польше, участие в бою за Дукельский перевал и в боях с партизанами

Дек. 1944. Разделение дивизии на моторизованную боевую группу и на штабы формирования – 1 и 2

Группа армий «Центр»

1945

12.01–14.01.45. Оборонительное сражение в районе городов Пулавы и Магнушев

15.01–10.02.45. Арьергардные бои при отступлении до рек Нейсе и Одер

12.02–11.03.45. Наступательные и оборонительные боевые действия в Нижней Силезии

16.03–02.04.45. Оборонительные бои в районе Гротткау – Нейсе

03.04–08.05.45. Оборонительные бои на территории Богемии

08.05.45. Безоговорочная капитуляция

Приложение 4
Службы тыла и снабжения 10-й дивизии

(Подготовлено полковником в отставке доктором Райхертом)

Когда в августе 1939 года 10-я дивизия под видом строительной воинской части выдвинулась в Верхнюю Силезию, были сформированы и подразделения службы снабжения и тыла. Офицерский и рядовой состав этих подразделений состоял почти исключительно из участников Первой мировой войны или солдат, прошедших краткосрочную боевую подготовку, в возрасте от 30 до 40 лет. Ремонтные роты были укомплектованы квалифицированными рабочими и специалистами. Четырехнедельное пребывание в Верхней Силезии позволило этому неоднородному войсковому организму хорошо сработаться.

Во время Польской кампании, в которую служба снабжения вступила как моторизованное соединение, она с честью прошла боевое крещение. В ее составе имелось девять малых автоколонн грузоподъемностью до 30 тонн, одна из которых использовалась для перевозки горючего и смазочных материалов.

При подготовке к Французской кампании произошел перевод службы снабжения на частичную моторизацию; теперь она располагала тремя колоннами на конной тяге и четырьмя автоколоннами. Рота снабжения и ремонтная рота, как и прежде, оставались полностью моторизованными. Но и в таком составе офицеры, унтер-офицеры и рядовые службы снабжения зарекомендовали себя с наилучшей стороны.

В октябре 1940 года после возвращения на родину была моторизована уже вся дивизия. Начальнику службы снабжения дивизии пришлось позаботиться об интенсивном обучении водителей автотранспорта, о рациональном распределении обязанностей между двумя ремонтными ротами и о приобретении необходимых трудовых навыков личным составом этих ремонтных подразделений. К сожалению, осуществить это намерение оказалось не так уж и просто, так как в распоряжении начальника службы снабжения и тыла имелись только две малые автоколонны, насчитывавшие по десять автомобилей, и одна не полностью оснащенная ремонтная рота.

Особый упор делался и на пехотную боевую подготовку, были организованы ускоренные курсы пулеметчиков и курсы по подготовке унтер-офицерского состава. К сожалению, было невозможно проводить занятия в составе соединения, так как транспортных средств постоянно не хватало. Их удалось забрать

из Франции только за одну неделю до 21 июня 1941 года; они были отправлены с опозданием и поступили без необходимого оснащения (не было запасных шин и инструментов).

Пока была достигнута полная укомплектованность десяти автоколонн и остальных подразделений начальника службы снабжения дивизии, уже прошло четыре недели войны с Россией. Тем не менее и в этих сложных условиях удалось организовать снабжение дивизии без особых перебоев, правда, для этого имевшимся в наличии автоколоннам пришлось работать на пределе своих возможностей. Во время наступления суточные пробеги грузовиков в 400–500 километров по плохим песчаным дорогам к далеко отставшим армейским пунктам снабжения были совсем не редкостью. Каждый водитель прекрасно осознавал: какие бы препятствия ни возникали на его пути, но он обязан доставить на место назначения свой груз, будь то боеприпасы или горючее, продукты питания, новое оружие или запчасти. Каждый знал, что если он не справится, то от этого пострадают боевые части и подразделения дивизии.

Особо следует выделить достижения обеих ремонтных рот, бойцы которых, работая и днем и ночью, старались как можно быстрее отремонтировать транспортные средства и оружие и вернуть его в подразделения готовым к применению.

Бойцы подразделений снабжения справлялись не только с этими, но и с такими природными трудностями, как жара и холод, пыль и грязь, а в условиях войны, особенно на Востоке, им все чаще приходилось принимать участие и в боевых действиях, и они ни разу не ударили в грязь лицом. Достаточно вспомнить 10 сентября 1939 года, когда в Польше две легкие автоколонны перевозили на двенадцати грузовиках бойцов 3-й роты 41-го пехотного полка в направлении деревни Камион и напоролись на крупное польское соединение; тогда водителям пришлось взяться за оружие, чтобы вступить в бой вместе с пехотинцами. Четыре водителя не вернулись из этого боя, а одиннадцать грузовиков были выведены из строя.

2 сентября 1941 года бойцам роты снабжения, 4-й малой автоколонны и скотобойного взвода под командованием капитана Райделя пришлось защищать правый фланг дивизии. Им удалось отбить мощные атаки русских 2 и 3 сентября. Во время одной из разведывательных вылазок погибли унтер-офицеры Лобензоммер и Листль, а также двое рядовых. И только 4 сентября воинские части одной из дивизий СС взяли на себя оборону этого участка.

В России бойцы подразделений снабжения не избежали стычек с партизанами, им приходилось принимать участие и в операциях против них. Особенно часто такие операции

проводились в лесистой, местами заболоченной местности в районе Рославль – Куземки – Брянск. Самые тяжелые дни служба снабжения пережила в январе 1945 года, когда во время прорыва русских она потеряла в бою под Радомом 11 офицеров, 29 унтер-офицеров и 112 рядовых вместе с транспортными средствами и техническим имуществом.

Кроме того, во время Восточной кампании большое число офицеров, унтер-офицеров и рядовых службы снабжения и тыла было переведено в боевые части и подразделения. И там они с честью выполнили свой солдатский долг, а многие из них отдали свою жизнь в бою.

Приложение 5
Военно-церковная служба в 10-й дивизии

(Подготовлено капелланом Георгом Лангом, бывшим католическим военным священником 10-й дивизии)

С самого начала Второй мировой войны оба военных священника, старший военный священник пастор Куффнер и военный священник пастор Зайдель, сопровождали дивизию во время военной кампании в Польше. После завершения Польской кампании дивизия прибыла в район Марбурга (на Лане). Там старший (католический) военный священник пастор Куффнер получил извещение о его переводе в группу армий, дислоцированных в Норвегии. 10 апреля 1940 года в качестве католического военного священника в дивизию прибыл из Нюрнберга его преемник, капеллан Георг Ланг. Оба военных священника, пастор Зайдель и пастор Ланг, оставались в 10-й дивизии до конца войны.

Между обоими военными священниками установились дружеские, даже приятельские отношения. Это значительно облегчало их работу. Все командиры дивизии, а также и ее подразделений проявляли большой интерес к организации духовного досуга военнослужащих своих воинских частей и всячески содействовали этому. За это всем им огромная благодарность. Отношение офицеров, унтер-офицеров и рядовых к своим священникам было тоже превосходным. Военные священники действительно чувствовали себя как товарищи среди товарищей. Они получали поддержку со всех сторон. Это достигалось не благодаря сану или званию военных священников, а только благодаря их личным качествам, так как они жили лишь заботами о своих боевых товарищах. И родина была благодарна за организацию духовного досуга военнослужащих, о чем свидетельствует множество писем. Матери, жены и невесты, дети и родители знали, что их мужья, отцы и сыновья находятся под постоянной защитой обоих священников. Ведь в конце концов, на войне речь всегда идет о пути в вечность, так как ведущие туда ворота постоянно остаются открытыми. Сколько утешения и умиротворения могли принести письма обоих военных священников родным и близким, оставшимся на родине, в которых сообщалось, что умирающий успел исповедаться и был погребен с соблюдением всех церковных обычаев!

Одной из важнейших задач дивизионных священников являлось укрепление духа воинов перед боем. Ведь очевидно, что

любой солдат – каким бы храбрым он ни был – перед боем всегда испытывает страх или сомнения нравственного порядка. Однако в том случае, если военным священникам удавалось провести перед боем краткое богослужение с обращением, молитвой и отпущением всех грехов, наши товарищи отправлялись на битву с внутренним спокойствием и непоколебимой уверенностью в своих силах.

И сегодня я с удовольствием вспоминаю наши поездки из Трира на территорию Люксембурга, где мы посещали наши полки. Точно так же перед началом войны против Советского Союза, выехав из города Желехув, мы объехали все воинские части дивизии в Польше. В России мы посещали соединения дивизии, занимавшие позиции в дремучих лесах. Главной задачей военных священников было проведение богослужений с причащением и исповедью. Сколько тысяч богослужений мы провели! Мы не страшились никаких лишений, никаких погодных катаклизмов. Мы отправлялись в подразделения на телеге, верхом на лошади или пешком и собирали вокруг себя бойцов в церкви, на лесной поляне, на передовой или в полуразрушенной русской избе. Ни один военнослужащий 10-й дивизии не сможет сказать: «Мы никогда в глаза не видели своих военных священников».

Например, у деревни Лощихино русские ворвались в переднюю линию наших траншей. 11-я рота 20-го моторизованного пехотного полка получила задание выбить противника из траншей. Незадолго до этого в роте прошло богослужение. Тогда командир роты сказал: «Теперь мы готовы. Пусть свершится то, что предначертано свыше». В течение часа русские были выбиты с наших позиций. При этом рота не понесла никаких потерь.

Но бывали периоды, когда удавалось систематически проводить богослужения во всех подразделениях дивизии. Как правило, это происходило во время отдыха и доукомплектования. Например, во Французской кампании это имело место во время охраны демаркационной линии. Затем в районе Регенсбурга и Вильдфлеккена; в России в районе Давыдово, в районах отдыха и доукомплектования под Кричевом и Кишиневом, в Венгрии в районе села Дес-Альпарет. Если вспомнить, что эти районы доукомплектования имели протяженность до 100 километров, то можно себе представить, сколько времени обоим военным священникам приходилось проводить в разъездах. Им предстояло посетить более ста подразделений, разбросанных по разным населенным пунктам. К тому же еще надо помнить о порой тяжелейших дорожных и погодных условиях, а также о той

опасности, которую представляли собой партизаны.

Такие великие церковные праздники, как Рождество Христово и Пасха, имели большое значение не только для тех, кто оставался на родине, но и в первую очередь для солдат на передовой. Именно в эти дни наши товарищи были особенно ранимы. Они мысленно обращались к своим женам и детям. В такие дни у военных священников не было ни минуты отдыха. Наши пути пролегали сквозь песок и пыль, сквозь глубокий снег и лед, сквозь непролазную грязь и трясину. И повсюду нас встречали с благодарностью. В мгновение ока оборудовалось помещение, устанавливался стол для алтаря, и вскоре из хриплых солдатских глоток уже звучали рождественские или пасхальные песни, волновавшие всех до глубины души. Рождественский сочельник без богослужения был для немецкого солдата немыслим. Там, где у нас просто не хватало времени, мы просили священнослужителей, служивших санитарами, провести торжественное богослужение. Я помню, как во время нашей первой зимы в России у нас у всех навернулись слезы, когда под аккомпанемент одной-единственной гармошки зазвучала немецкая рождественская песня.

Перед военными священниками стояла еще одна, не менее важная задача: это забота о раненых и больных на главном медицинском пункте дивизии. Дивизионным священникам приходилось приходить сюда почти каждый день. Спрос на утешение словом Божьим был со стороны раненых и больных огромным. Мы проходили по палатам, подбадривали раненых и больных и пытались утешить молитвой умирающих и тяжелораненых. Например, во Франции во время боев на Эне через полевой госпиталь и главные медицинские пункты прошло более 1800 раненых. Под Оболонью и в районе Горлово вражеская авиация подвергла бомбардировке многие медицинские пункты, помеченные красным крестом. Присутствие в палатах священников, которые вселяли в раненых мужество, было для них большим утешением. А когда внезапно поступала большая партия раненых, оба военных священника всегда были готовы помочь санитарам при уходе за ранеными. Так что отношения между священниками, врачами и медико-санитарным персоналом всегда были превосходными. За это сердечная благодарность всем товарищам из санитарной службы. Вероятно, мы, военные священники, лучше всех знаем, что наши врачи и медико-санитарный персонал, включая и санитарно-транспортные взводы, совершили в этой войне настоящий подвиг.

Еще одной важной задачей военно-церковной службы было погребение павших воинов. Если это было возможно, дивизия

создавала собственное дивизионное кладбище. Пастор Зайдель отвечал за организацию всей работы по закладке солдатских кладбищ, и он всегда образцово решал эту проблему. Братские могилы встречались очень редко, и такие захоронения происходили только в самых крайних случаях. Как правило, устраивались одиночные могилы. Во время позиционной войны в распоряжении военных священников имелась даже собственная похоронная команда, которая изготавливала деревянные кресты и надгробные таблички и отвечала за содержание кладбищ в надлежащем состоянии. Где это было возможно, покойников хоронили в гробах. Правда, нередко приходилось заворачивать усопшего и в простую плащ-палатку. Мы всегда старались проводить погребение торжественно, чаще всего в присутствии командира роты или делегаций отдельных подразделений. В каждом случае при погребении звучала песня «О хорошем товарище».

И хотя командование подразделения соответствующим образом само оповещало близких погибшего о его смерти, мы, военные священники, считали своим долгом написать его родным письмо, утешить их и сообщить подробности о смерти и погребении близкого им человека.

Наряду с исполнением этих официальных обязанностей военные священники часто просто беседовали с солдатами по душам, так как в тяжелое военное время солдаты нередко видели в пасторе близкого друга, с которым можно поделиться самым сокровенным. В нем они видели компетентного помощника. Как раз благодаря таким задушевным беседам нам нередко удавалось заставить образумиться совсем отчаявшегося солдата.

Мы с удовольствием вспоминаем и те прекрасные часы, когда оставались ночевать в блиндажах вместе с солдатами и те, не стесняясь, задавали нам множество вопросов, трогавших их до глубины души. На следующее утро они с благодарностью жали нам руки, и мы чувствовали, что выполнили свой долг и что-то дали нашим товарищам.

Вот в этом и заключалась в общих чертах деятельность военных священников во время войны. И сегодня нас связывают со всеми фронтовыми товарищами из 10-й дивизии узы настоящей дружбы. И сегодня, спустя почти 20 лет после совместных, часто тяжелых переживаний во время Второй мировой войны, их письма и визиты свидетельствуют о том, что они не забыли нас и нашу работу. И мы, военные священники, сохраним верность всем офицерам, унтер-офицерам и рядовым, раненым и павшим бойцам 10-й дивизии. Боже, храни и благослови всех военнослужащих нашей отважной, верной 10-й

дивизии!

Приложение 6
Награждения

Предварительные замечания

1. Воинское звание и должность соответствуют моменту награждения.

2. За информацию о нижеприведенных награждениях за военные заслуги автор благодарит Федеральный архив, отдел материалов, относящихся к личному составу вермахта, в Корнелимюнстере.

Сердечная благодарность всем сотрудникам отдела за плодотворное сотрудничество.

Здесь перечислены только те военнослужащие дивизии, которые получили свою награду в составе дивизии. Вся информация почерпнута из документов OKX-PA-P5.

Упоминания в сводках вермахта

26.09.1939. «Захват форта Мокотув и части пригорода Мокотув». Номер дивизии тогда еще не назывался. Командир дивизии: генерал-лейтенант фон Кохенхаузен.

03.09.1943. «10-я панцер-гренадерская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Шмидта».

18.01.1944. «10-я панцер-гренадерская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Шмидта».

Рыцарский крест к Железному кресту

А) Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту Железного креста были награждены:

Траут Ганс, полковник и командир 41-го (мот.) полка (23.01.41 № 67).

Шмидт Август, генерал-лейтенант и командир 10-й панцер-гренадерской дивизии (23.01.44 № 371).

Б) Рыцарским крестом Железного креста были награждены:

Шмидт Август	Полковник, командир 20-го пехотного полка	27.10.39
Земмер Вольфганг	Лейтенант 5-й роты 85-го пехотного полка	24.06.40

Штегер Фриц	Лейтенант 3-й роты 20-го пехотного полка	15.08.40
Треффер Франц	Обер-лейтенант, и. о. командира 5-й роты 20-го моторизованного пехотного полка	23.08.41
Акстман Фриц	Обер-фельдфебель 7-й роты 20-го моторизованного пехотного полка	25.08.41
Шварц Манфред	Лейтенант 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	25.08.41
Юнгкунст Йохан	Фельдфебель 11-й роты 41-го моторизованного пехотного полка	30.08.41
Фон Лёпер Фридрих Вильгельм	Генерал-лейтенант, командир 10-й моторизованной пехотной дивизии	02.10.41
Херольд Вальтер	Подполковник, командир 10-го моторизованного артиллерийского полка	13.10.41
Шиммель Хуго	Капитан, командир 3-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка	23.01.42
Эрт Гюнтер	Обер-лейтенант, и. о. командира 1-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка	03.05.42
Бец Ойген	Унтер-офицер 7-й роты 41-го моторизованного пехотного полка	30.08.42
Кёниг Кристиан	Капитан, и. о. командира 2-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка	05.01.43
Шуллер Себастьян	Унтер-офицер 1-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	31.07.43
Вебер Герхард	Полковник, командир 41-го гренадерского полка	26.10.43
Купка Ганс	Лейтенант, и. о. командира роты 20-го гренадерского полка	14.11.43
Хайм Вальтер	Капитан, и. о. командира 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	05.12.43
Козар Карл	Лейтенант, командир взвода 7-го танкового батальона	07.02.44
Хадереккер Герман	Майор, и. о. командира 20-го гренадерского полка	04.05.44
Кастль Андреас	Фельдфебель, командир взвода 11-й роты 20-го гренадерского полка	14.05.44
Боймлер Готтфрид	Унтер-офицер, командир взвода 11-й роты 41-го гренадерского полка	14.05.44
Полльнер Георг	Обер-фельдфебель, командир взвода 110-го бронированного разведывательного батальона	03.11.44
Хёниг Юстиан	Фельдфебель, командир взвода 3-й роты 41-го панцер-гренадерского полка	18.02.45

Военнослужащие дивизии, внесенные в почетный список Германских сухопутных сил

(Носители почетной пряжки на ленте для сухопутных войск)

Шварц Манфред	Лейтенант 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	19.08.41
Блок	Лейтенант 1-й роты 10-го моторизованного саперного батальона	08.02.42
Лёйтериц Вальтер	Капитан, командир 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	08.04.43
Хадереккер Герман	Майор, командир 1-го батальона 20-го гренадерского полка	27.12.43
Крюгер Гельмут	Лейтенант 239-го дивизиона штурмовых орудий	25.12.43
Вальтер Зигфрид	Полковник, командир 20-го гренадерского полка	17.03.44
Майлендер Эрнст	Обер-лейтенант, и. о. командира 3-го батальона 41-го гренадерского полка	17.05.44
Херинг Карл Хайнц	Майор, командир 1-го батальона 20-го гренадерского полка	25.12.44
Дайлер Вернер	Фельдфебель, командир взвода 2-й роты 110-го бронированного разведывательного батальона	15.02.45
Решение ОКХ	Прекратить внесение военнослужащих в почетный список Германских сухопутных сил	
Кондель Отто	Капитан 7-го танкового батальона	?

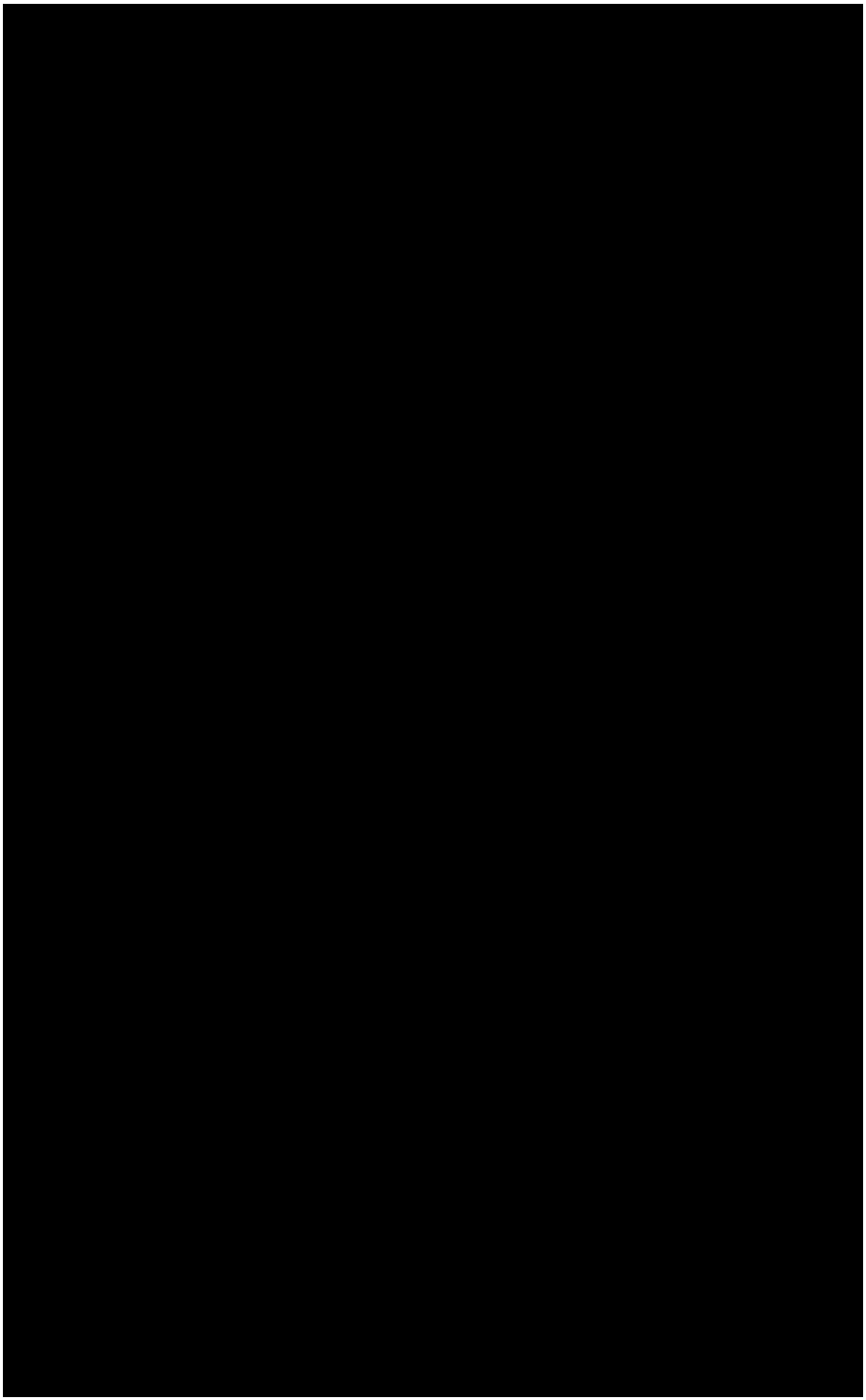
Почетной грамотой главнокомандующего Германскими сухопутными силами были награждены:

Фамилия	Воинское звание, должность	Дата совершения геройского поступка
Шварц Манфред	Лейтенант 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	06.07.41

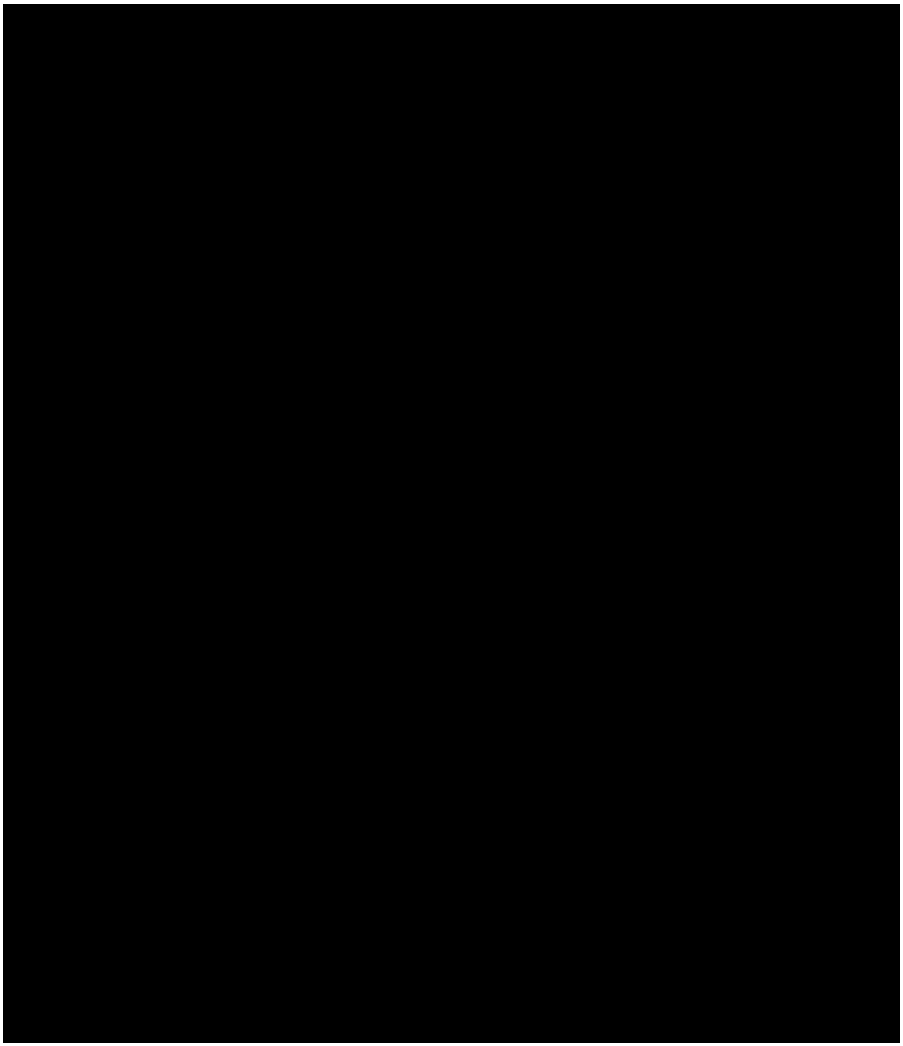
Фамилия	Воинское звание, должность	Дата совершения геройского поступка
Херольд Вальтер	Подполковник, командир 10-го моторизованного артиллерийского полка	23.07.41
Хегерль Рихард	Капитан, и. о. командира 2-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка	11.03.42
Виллингер Герберт	Унтер-офицер 2-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	14.08.43

Немецким крестом в золоте были награждены:

Боттлер	Обер-лейтенант, 9-я рота 41-го моторизованного пехотного полка	18.10.41
Шиммель	Капитан, командир 1-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка	29.11.41
Беккер	Подполковник, командир 3-го дивизиона 10-го моторизованного артиллерийского полка	06.01.42
Барон фон Кёниц	Лейтенант, командир взвода 10-го разведывательного батальона	06.01.42
Деккер	Обер-фельдфебель, командир взвода 1-й роты 10-го моторизованного саперного батальона	06.01.42
Шедлих	Обер-лейтенант, командир 1-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	06.01.42
Фон Верден	Обер-лейтенант, адъютант 20-го моторизованного пехотного полка	06.01.42
Кёниг	Обер-лейтенант, и. о. командира батальона 41-го моторизованного пехотного полка	06.01.42
Штеттер	Обер-лейтенант, командир роты 41-го моторизованного пехотного полка	06.01.42
Курцендорфер	Капитан, командир 3-го батальона 41-го моторизованного пехотного полка	19.01.42
Виттман	Обер-лейтенант, командир роты 41-го моторизованного полка	19.01.42
Шенк	Обер-лейтенант, командир 8-й роты 20-го моторизованного пехотного полка	22.01.42
Роттер	Обер-лейтенант, командир 2-й роты 10-го моторизованного саперного батальона	28.02.42



Фишер	Капитан, адъютант 41-го моторизованного пехотного полка	03.02.43
Доктор Крегело	Майор, командир 3-го батальона 20-го моторизованного пехотного полка	14.02.43
Штубенфолль	Обер-лейтенант, и. о. командира роты 41-го моторизованного пехотного полка	05.04.43
Вайс	Обер-лейтенант, и. о. командира 7-й роты 41-го гренадерского полка	21.10.43
Шнайдер	Фельдфебель 10-й роты 41-го гренадерского полка	21.10.43
Хольцхаузер	Фельдфебель 1-й роты 20-го гренадерского полка	21.10.43
Виммер	Обер-лейтенант, командир 5-й роты 41-го гренадерского полка	21.10.43
Мюллер	Фельдфебель 5-й роты 41-го гренадерского полка	21.10.43
Шварц	Капитан, командир 1-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	25.10.43
Фишер	Обер-лейтенант, командир 7-й роты 20-го гренадерского полка	29.10.43
Перрас	Фельдфебель 6-й роты 20-го гренадерского полка	08.11.43
Вальдман	Лейтенант 7-й роты 10-го моторизованного артиллерийского полка	08.11.43
Майлендер	Обер-лейтенант, командир 6-й роты 41-го гренадерского полка	16.11.43
Шульце	Лейтенант 1-й роты 110-го бронированного разведывательного батальона	01.12.43
Трильч	Фельдфебель 4-й роты 110-го бронированного разведывательного батальона	01.12.43
Эльман	Майор, командир 1-го дивизиона 10-го моторизованного артиллерийского полка	13.01.44
Цагльман	Обер-фельдфебель 3-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	27.01.44
Фон Тайн	Майор, командир 41-го гренадерского полка	04.02.44
Карг	Капитан, командир 4-й роты 10-го моторизованного артиллерийского полка	10.02.44
Аккеман	Полковник, командир 10-го моторизованного артиллерийского полка	13.02.44
Лукке	Капитан, командир 1-го батальона 20-го гренадерского полка	21.02.44
Шедель	Обер-лейтенант, командир 1-й роты 10-го истребительно-противотанкового дивизиона	21.02.44



Железными крестами 2-го и 1 – го класса, а также почетными пряжками к Железному кресту были награждены:

Кампания	Железный крест 2-го класса	Пряжка к Железному кресту 2-го класса	Железный крест 1-го класса	Пряжка к Железному кресту 1-го класса	Итого
Польская	827	81	24	10	942
Западная	2023	33	132	9	2197
Восточная	9044	13	1207	7	10 271
До ноября 1944 г.	11 894	127	1363	26	13 410

В представленную статистику награждения Железными крестами не включены те военнослужащие дивизии, которым эта

награда была вручена другими наградными инстанциями, но, с другой стороны, в ней учтены награждения Железными крестами военнослужащих из соединений, не являвшихся подразделениями дивизии.

Из-за известных событий 1945 года оба представленных обзора являются, к сожалению, неполными.

Кресты за военные заслуги (KVK) вручались:

С июля 1940 по январь 1945 г. KVK 2-го класса 552 ˚C сентября 1942 по январь 1945 г. KVK 1-го класса 79

Приложение 7
Потери с 1939 по 1945 г

Подразделение	Офицеры			Унтер-офицеры			Рядовые			Итого
	Убит	Пропал без вести	Ранен	Убит	Пропал без вести	Ранен	Убит	Пропал без вести	Ранен	
Штаб дивизии	4	7	1	7	11	8	10	45	43	136
20-й п. п. 20-й п. п. (мот.) 20-й пц.-гр. п.	63	10	144	275	114	768	1237	572	3752	6935
41-й п. п. 41-й п. п. (мот.) 41-й пц.-гр. п.	94	11	285	498	142	1577	2380	936	7358	13281
85-й п. п. только до 1940 вкл.	9	—	18	59	—	96	231	2	608	1023
10-й арт. п. 10-й арт. п. (мот.) 10-й пц.-арт. п.	47	31	127	81	173	368	283	549	1250	2909
10-й разв. бат. по апр. 1942 вкл.	4	1	10	13	1	40	61	2	213	345
40-й мот. бат. с 1941, с 1943 110-й бр. разв. бат.	28	7	38	107	83	211	528	420	1185	2607
239-й див. шт. ор. только 1943	4	1	6	13	2	32	18	1	48	125
7-й танк. бат. только 1944—1945	5	17	3	5	102	25	13	264	60	494
10-й пр. т. див. с 1941 10-й истр.-пр. т. див.	10	7	27	63	76	142	194	269	477	1265
10-й сап. бат. С 1941 10-й сап. бат. (мот.)	16	9	47	45	39	177	310	277	1142	2062
10-й бат. связи	18	8	11	11	38	74	40	194	388	765
10-й пол. зап. бат.	1	—	1	6	179	12	45	915	61	1220
Санитарные подразделения	2	3	—	6	7	9	15	43	54	139
Подразделения снабжения	1	3	1	10	30	11	31	141	78	306
	289	115	719	1199	997	3550	5369	4630	16 517	33 612

Эта сводка потерь составлена на основе данных, полученных

из WaST (Хранилища списков потерь военнослужащих вермахта), которые использовались для оповещения ближайших родственников погибших солдат.

В централизованном справочном бюро этого архива хранятся данные на более чем 23 миллиона человек, и учтены почти все потери, и не только те, о которых соединения сообщали напрямую, но и те, о которых стало известно только после войны. Правда, следует отметить, что данные по 1945 году все еще неполные.

Здесь хотелось бы выразить особую благодарность всем сотрудникам WaST за оказанную поддержку.

Приложение 8
Библиография и указатель документальных источников

Формирование дивизии и предвоенные годы

Подготовлено на основании информации, полученной от офицеров, которые находились в составе 10-й дивизии с момента ее формирования.

Польская кампания 1939 года

Журнал боевых действий 20-го пехотного полка (копия).

Журнал боевых действий 41-го пехотного полка (копия).

Журнал боевых действий 85-го пехотного полка (копия).

Журнал боевых действий 2-го батальона 20-го п. п. (копия).

Журнал боевых действий службы снабжения дивизии (копия).

Журнал боевых действий полковника Шмидта, командира 20-го пехотного полка.

Журнал боевых действий полковника барона фон Романа, командира 10-го артиллерийского полка.

Донесения за сутки 10-й дивизии во время Польской кампании (копии).

Доклад командира дивизии, генерал-лейтенанта фон Кохенхаузена: «10-я дивизия в Польской кампании» (копия).

1-й дивизион 10-го артиллерийского полка в Польше. Регенсбург: Пустет-Ферлаг.

Бюргер. Боевые действия 9-й роты 20-го пехотного полка в Польше: Гектография.

Фишер. Польская кампания, журнал боевых действий 3-го батальона 41-го пехотного полка. Марбург: Типография Бауэра, 1940.

10-й противотанковый дивизион в Польше. Марбург: Типография Фридрикса Марбургского университета.

Отдельные сообщения военнослужащих 20-го и 41-го пехотных полков, 10-го разведывательного батальона и 10-го саперного батальона.

С XIII армейским корпусом в Польше (1940). Байерланд-Ферлаг.

Хоффман Г. Великая германская кампания против Польши.

Вена: Гёт & сын.

Генеральный штаб сухопутных войск. Польская кампания. Гота: Пертес, 1941.

Якобсен. 1939–1945, Вторая мировая война в хрониках и документах.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны. Бонн: Атенойм-Ферлаг, 1956.

Французская кампания 1940 года

Журнал боевых действий 20-го пехотного полка (копия).

Журнал боевых действий 85-го пехотного полка (копия).

Журнал боевых действий службы снабжения дивизии (копия).

Отчет командира 41-го пехотного полка, полковника Адольф-Ауффенберг-Комарова о боевых действиях полка во Франции.

Журнал боевых действий командира 20-го пехотного полка, полковника Шмидта.

Отчет командира дивизии, генерал-лейтенанта фон Кохенхаузена, о боевых действиях 10-й дивизии во Франции.

Бюргер. Военные приключения 9-й роты 20-го пехотного полка на Западе. Гектография.

Отчет командира 2-го эскадрона (самокатчиков) 10-го разведывательного батальона, обер-лейтенанта барона фон дер Борха о боевых действиях эскадрона в 1940 году.

От Рейна до Роны. Операции 12-й армии в войне против Франции.

Наш батальон во Франции: рассказывают солдаты 2-го батальона 41-го пехотного полка. Гау Баварский Остмарк.

1-й дивизион 10-го артиллерийского полка на Западе. Регенсбург: Пустет.

С 7-й ротой 10-го артиллерийского полка на Западе. Записки из дневника Зеппа Треффера. Гау Баварский Остмарк.

Победа Германии на Западе. Центральное издательство НСДАП.

Якобсен. 1939–1945, Вторая мировая война в хрониках и документах.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

Война против Советского Союза. 1941 год

Журнал боевых действий 41-го моторизованного пехотного

полка (копия).

Журнал боевых действий 40-го мотоциклетного батальона (копия) и донесения.

Журнал боевых действий командира 20-го моторизованного пехотного полка полковника Шмидта.

10-я моторизованная пехотная дивизия: действия 10-й моторизованной пехотной дивизии на Востоке с 22 июня 1941 по апрель 1942 года (дневник штаба дивизии, гектография).

Штаб 4-й армии. Боевые действия 4-й армии в первый год войны против Советского Союза (штаб-квартира армии, 08.10.1942, гектография).

Офицерский информационный бюллетень 41-го моторизованного пехотного полка за 1941 год.

Гудериан. Воспоминания солдата. Фовинкель-Ферлаг, 1951.

Якобсен. 1939–1945, Вторая мировая война в хрониках и документах.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

1942 год

Журнал боевых действий 4-го мотоциклетного батальона (копия) и донесения.

Журнал боевых действий командира 10-й моторизованной пехотной дивизии генерал-майора Шмидта.

10-я моторизованная пехотная дивизия: боевые действия 10-й моторизованной пехотной дивизии во время Восточной кампании с 22.06.1941 по апрель 1942 года. Суточные сводки дивизии и подчиненных подразделений с 10.05 по 31.12.1942 (копии).

Занятия, донесения, приказы 10-й моторизованной пехотной дивизии с мая по декабрь 1942 года.

Офицерский информационный бюллетень 41-го моторизованного пехотного полка за 1942 год.

Гудериан. Воспоминания солдата.

Якобсен. 1939–1945, Вторая мировая война в хрониках и документах.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

1943 год

Журнал боевых действий 40-го мотоциклетного батальона (копия).

Журнал боевых действий командира 10-й моторизованной

пехотной дивизии генерал-лейтенанта Шмидта.

Суточные сводки 10-й моторизованной пехотной дивизии и подчиненных подразделений с 01.01 по 01.04.1943 и с 03.09 по 31.12.1943 (копии).

Офицерский информационный бюллетень 41-го моторизованного гренадерского полка за 1943 год.

Бюргер, командир 3-го батальона 20-го гренадерского полка. Наш 3-й батальон 20-го гренадерского полка в России летом 1943 года.

Гудериан. Воспоминания солдата.

Фон Манштейн. Утерянные победы. Бонн: Атенойм-Ферлаг, 1955.

Якобсен. 1939–1945, Вторая мировая война в хрониках и документах.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

1944 год

Журнал боевых действий командира 10-й панцер-гренадерской дивизии генерал-лейтенанта Шмидта.

Записки 8-й армии. Оборонительное сражение в районе Кировограда 07.01–17.01.1944: Гектография.

Суточные сводки 10-й панцер-гренадерской дивизии и подчиненных подразделений с 01.01.1944 по 16.06.1944.

Донесение 10-й панцер-гренадерской дивизии о сражении в Румынии и об отходе дивизии к Дунаю, 20.08–01.09.1944 (копия).

Сообщение обер-лейтенанта Фихтнера, командира 13-й роты 20-го гренадерского полка, об отступлении по территории Румынии.

Сообщение майора Херинга, командира батальона в 20-м гренадерском полку, об отступлении по территории Румынии.

Сообщение капитана Шварца, последнего командира 10-го истребительно-противотанкового дивизиона о боевых действиях дивизиона (без 3-й роты) до конца войны в 1945 году.

Сообщения подполковника Хадереккера, командира 20-го гренадерского полка, майора Херинга, 20-й гренадерский полк, майора Каста, 41-й гренадерский полк, капитана Бушмайера, 10-й моторизованный артиллерийский полк, и капитана Хайгля, 10-й моторизованный саперный батальон, о сосредоточении остатков 10-й панцер-гренадерской дивизии в Восточной Венгрии, об отдыхе и доукомплектовании дивизии в районе Сабинов – Прешов и в районе Брешов – Бохня, а также о разделении дивизии на моторизованную боевую группу и на два штаба формирования

и о боевых действиях этих воинских частей до конца 1944 года.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

1945 год

Сообщения начальника штаба 10-й панцер-гренадерской дивизии майора Генерального штаба Шалля, командира 20-го панцер-гренадерского полка подполковника Хадереккера, командира 2-го дивизиона 10-го бронированного артиллерийского полка капитана Бушмайера о боевых действиях моторизованной боевой группы в районе города Зволень 14.01.1945 и об арьергардных боях при отходе к Пилице.

Сообщение исполняющего обязанности командира штаба формирования – 1 майора Каста, 41-й панцер-гренадерский полк, о боевых действиях этой боевой группы в районе севернее Кренау и об арьергардных боях этого соединения при отступлении через Верхнюю Силезию до конца января 1945 года.

Сообщение исполняющего обязанности командира штаба формирования – 2 майора Херинга, 20-й панцер-гренадерский полк, о боевых действиях этого соединения 23 и 24 января в районе города Оборник (севернее Познани), об арьергардных боях в районе Лаухштедт – Вольденберг 29 января и о дальнейшем отступлении до западного берега Одера в районе Гюстебизе.

Сообщения объединения военнослужащих заново сформированной 10-й панцер-гренадерской дивизии о боевых действиях в Нижней Силезии и Богемии вплоть до капитуляции.

Фон Типпельскирх. История Второй мировой войны.

Генерал-лейтенант Альфред Вегер, командир 10-й дивизии с октября 1933 по март 1938 г. Скончался после войны

Генерал-лейтенант Конрад фон Кохенхаузен, командир 10-й дивизии с марта 1938 по сентябрь 1940 г. Погиб 13 декабря 1941 г.

Польская позиция на дамбе на реке Варта у города Серадз, захваченная бойцами 10-й и 11-й роты 41-го пехотного полка в ходе рукопашного боя 5 сентября 1939 г.

5 сентября 1939 г. в бою у города Серадз, наряду с другими мощными укреплениями, бойцами III батальона 20-го пехотного полка был захвачен и этот бункер

Командир XIII армейского корпуса генерал кавалерии барон фон Вейхс на КП 20-го пехотного полка в Лысевице выражает командиру полка свою признательность за отличные успехи в бою под Белавой и Пжемусом. 15 сентября 1939 г. *Слева направо*: капитан и адъютант 20-го пехотного полка Риттер унд Эдлер фон Кинле, генерал барон фон Вейхс, командир 20-го пехотного полка полковник Шмидт, начальник штаба XIII армейского корпуса генерал-майор Штеммерман. Сентябрь 1939 г.

Офицеры 41-го пехотного полка после захвата города Бжозув, за который шли упорные бои. *Слева направо*: лейтенант Хорнбах (погиб во время Французской кампании 1940 г.), лейтенант барон фон Берхем, командир 3-го батальона 41-го пехотного полка подполковник Шмидт, лейтенант и адъютант полка Фишер, командир 41-го пехотного полка полковник Голльвитцер, капитан медицинской службы д-р Шпрюгель, лейтенант медицинской службы д-р Дирригль, лейтенант Кольб. 19 сентября 1939 г.

Отпевание павших товарищей в форте Мокотув 28 сентября 1939 г.

Штаб 10-го артиллерийского полка после отражения попытки прорыва поляков под Гловно. *Слева направо:* обер-лейтенант и адъютант полка Хорн (погиб под Варшавой 26 сентября 1939 г.), командир 10-го артиллерийского полка полковник барон фон Роман, подполковник Хаузер, лейтенант Домке. 15 сентября 1939 г.

Командиры подразделений 10-й дивизии перед наступлением через Эну. *Слева направо:* командир 10-го саперного батальона майор Бериш, командир 85-го пехотного полка подполковник Кракау, командир 20-го пехотного полка полковник Шмидт, командир 41-го пехотного полка полковник Адольф-Ауффенберг-Комаров. 5 июня 1940 г.

Тяжелое пехотное орудие 13-й роты 41-го пехотного полка на огневой позиции на берегу Эны

Канал Эны, за который шел ожесточенный бой, на участке «Остров». Французские позиции справа. 11 июня 1940 г.

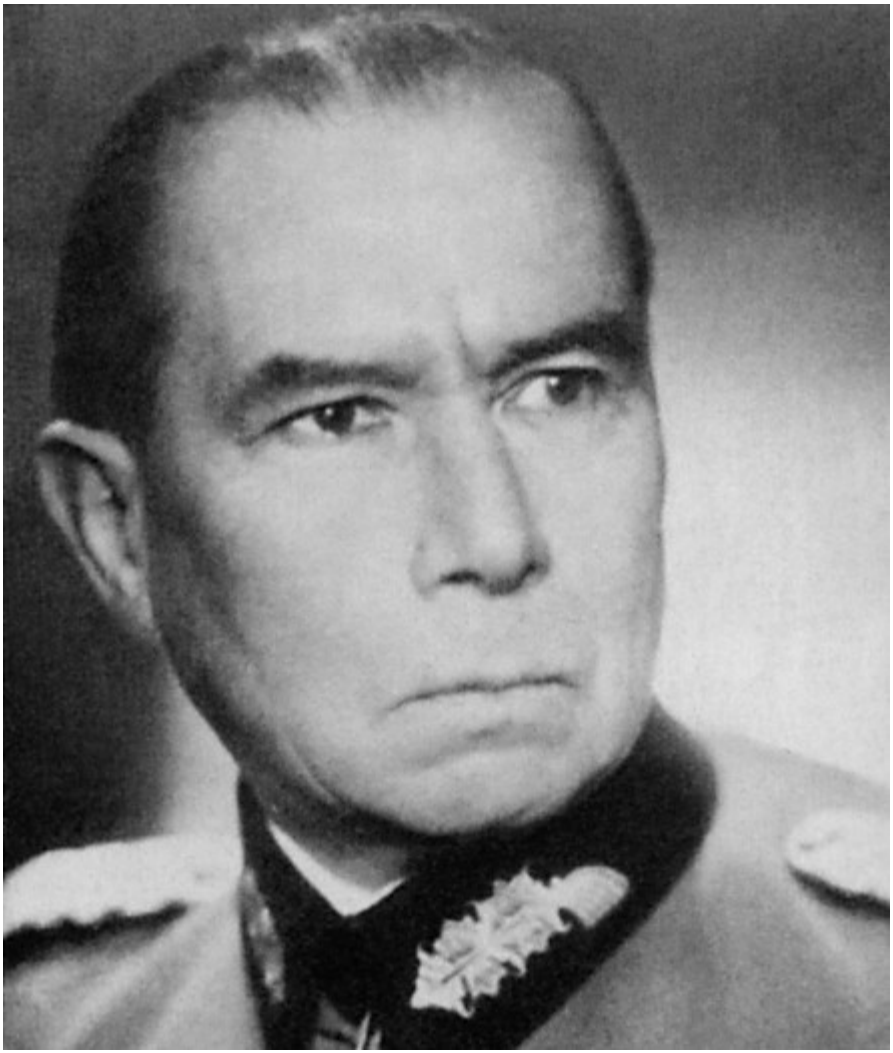
Слева направо: командир 3-го батальона 20-го пехотного полка майор Шефер (погиб), лейтенант Бальцер, 20-й пехотный полк (погиб), ротмистр барон фон Милиус, 20-й пехотный полк (погиб)

Вступление 10-й дивизии в Регенсбург после завершения Французской кампании. На переднем плане – военный оркестр 10-го артиллерийского полка. 29 сентября 1940 г.

Наш «танковый вождь» генерал-полковник Гудериан на командном пункте 10-й моторизованной пехотной дивизии под Пропойском. Июль 1941 г. *Слева направо*: командир 10-й моторизованной пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Лёпер, генерал-полковник Гудериан, начальник штаба 10-й

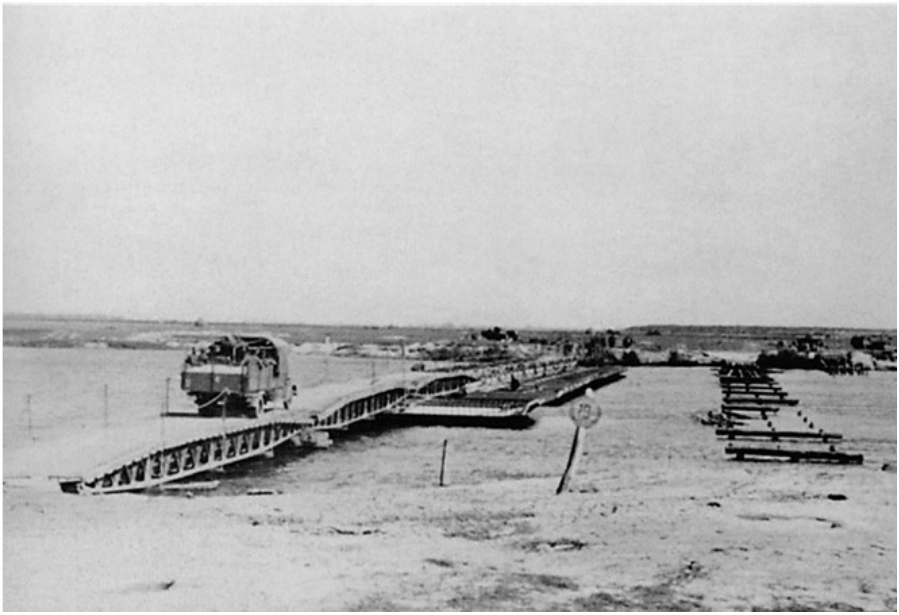
моторизованной пехотной дивизии майор Генерального штаба фон Унольд (умер в советском плену)

Навсегда оставшееся в памяти бойцов дивизии шоссе № 1. Июнь 1941 г.



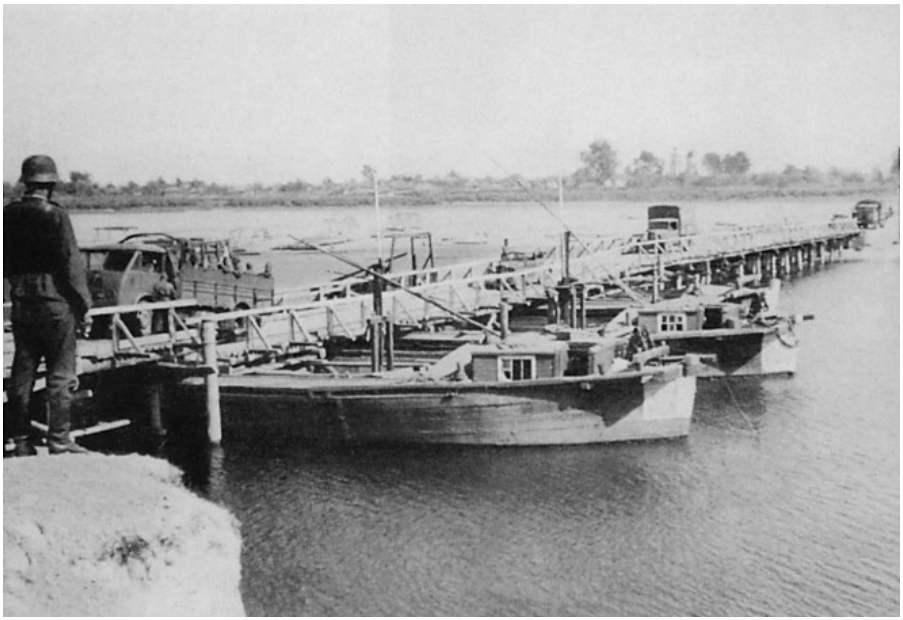
Генерал-лейтенант Фридрих-Вильгельм фон Лёпер, командир 10-й моторизованной пехотной дивизии с октября 1940 по апрель 1942 г.

Генерал-лейтенант Август Шмидт, командир 20-го пехотного полка и 20-го моторизованного пехотного полка с января 1939 по сентябрь 1941 г., а затем командир 10-й моторизованной пехотной дивизии и 10-й панцергренадерской дивизии с мая 1942 по сентябрь 1944 г.



После тяжелых боев переправа через Днепр по понтонному мосту. 10 июля 1941 г.

Позиции дивизии в пресловутом противотанковом рву на подступах к Пропойску. 19–25 июля 1941 г.



10-й саперный батальон при сооружении моста через Десну в районе Оболони

Вид на город Ромны, за который шли тяжелые бои. 15 сентября 1941 г.

Город Ефремов, захваченный в ходе смелой атаки 41-го моторизированного пехотного полка. 20–21 ноября 1941 г.

Уже в ноябре наступила настоящая зима. Тяжелые времена в Епифани

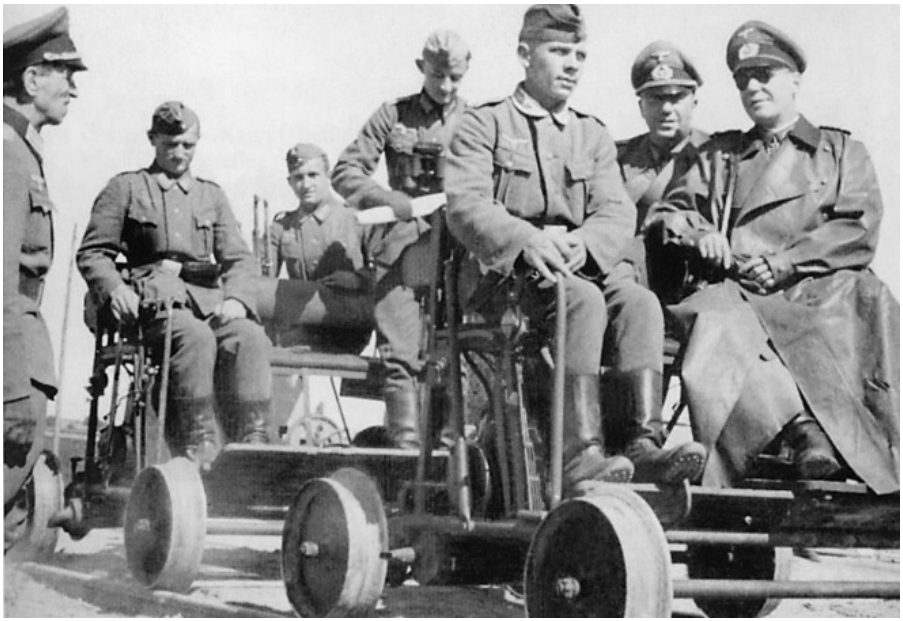
Командующий 4-й армией генерал пехоты Хейнрици (*слева*) поздравляет командира 41-го моторизованного пехотного полка полковника Траута с награждением дубовыми листьями к Рыцарскому кресту Железного креста на КП полка у моста через р. Пополта. 29 января 1942 г.

Зимняя позиция у шоссе № 1. Февраль 1942 г.

Лютая стужа и метель с пронизывающим ветром затрудняли отход войск на новые позиции под Ржевом

Полуразрушенные избы деревни Фомино, за которую шли упорные бои и которая осталась в памяти многих бойцов дивизии

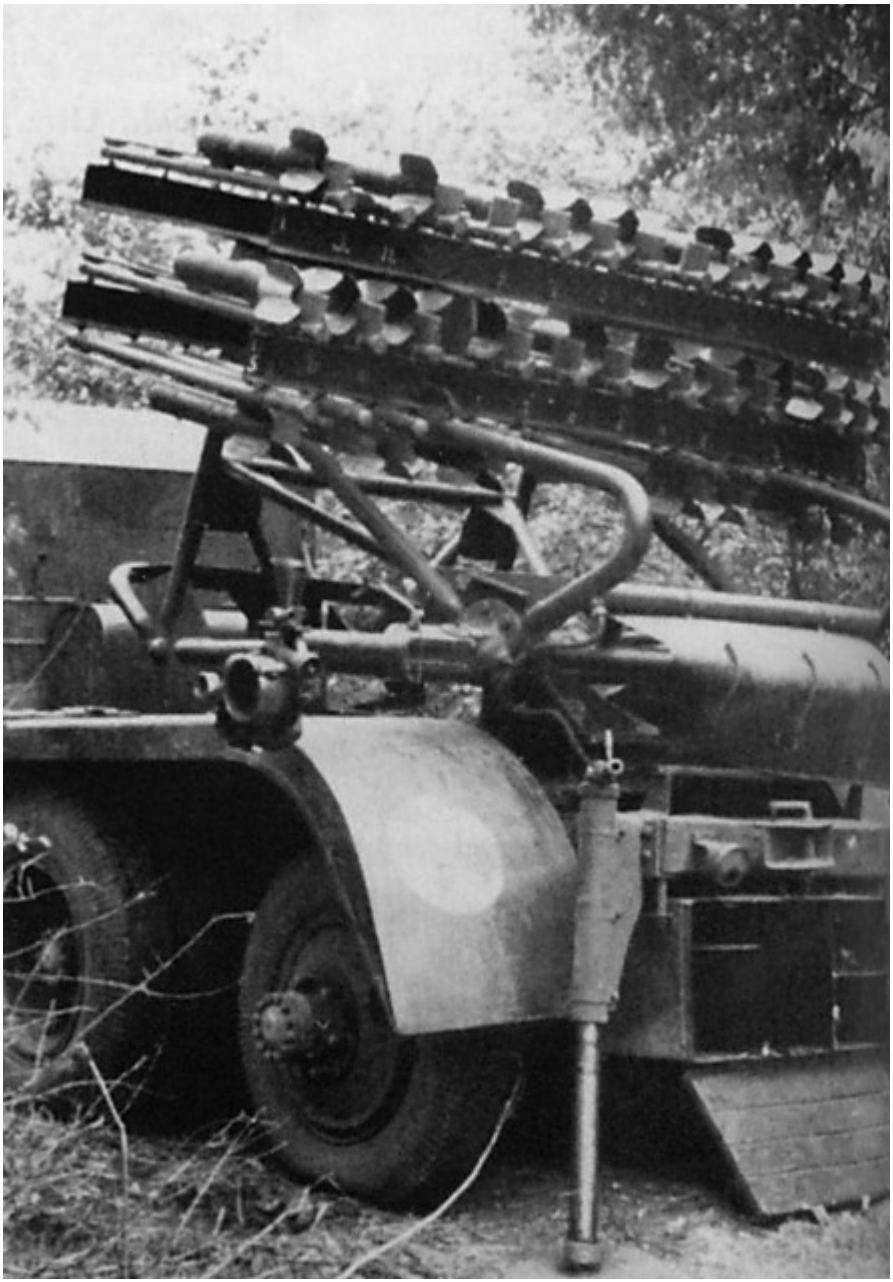
Штаб дивизии на КП в Марково. Июнь 1942 г. *Слева направо*: обер-лейтенант Фюрст Кастелль-Рюденхаузен (пропал без вести в Румынии в августе 1944 г.), начальник разведки капитан д-р Альтштёттер, адъютант штаба майор фон Шелиха, начальник штаба майор Генерального штаба Инхофер, капитан медицинской службы д-р Трибиг, майор Хаус (умер во французском плену в 1945 г.)



Командир LVI танкового корпуса генерал танковых войск Шааль (скончался в 1963 г.) отправляется на дрезине на позиции 10-й моторизованной пехотной дивизии. Июнь 1942 г.

Русская 76,2-мм зенитная пушка являлась эффективным и универсальным орудием, ее выстрел и разрыв снаряда звучали почти одновременно, отсюда и меткое прозвище – «ратш-бум»

Деревня Бахмутово, в которой в июне 1942 г. находился КП 20-го моторизованного пехотного полка



Каждый боец, сражавшийся в России, никогда не забудет русский «сталинский орган»

Для доставки пищи тоже нужна была сноровка

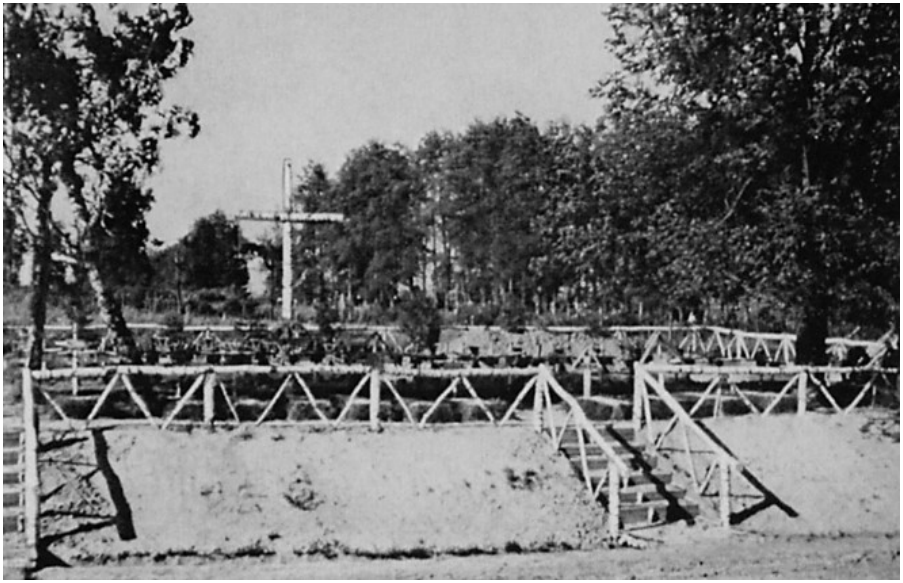
Немецкая позиция у деревни Лощихино. На высотке: немецкая передняя линия обороны, внизу слева – блиндаж командира роты. Июнь 1942 г.

Это высота 244,6 с пресловутой «Минной рощей», за которую шли ожесточенные бои. Сентябрь 1942 г.

Хорошо оборудованная позиция в лесу под Каменкой. Июль 1942 г.

Вид с передовой позиции дивизии на русские линии обороны. Сентябрь 1942 г.

Замаскированная огневая позиция 10-го артиллерийского полка. У орудия – командир полка полковник Вёснер



Солдатское кладбище дивизии в деревне Давыдово

Самый глубокий след в душе каждого солдата оставила постоянная готовность всегда прийти на помощь товарищу

Вновь назначенный командир 10-го артиллерийского полка полковник Аккеман (*справа*) представляется командиру дивизии (*в центре*). Сентябрь 1942 г. Полковник Аккеман умер в 1959 г. после почти одиннадцатилетнего пребывания в плену

На рассвете тяжелое орудие открывает огонь, пехота поднимается в атаку. Тактика ведения боевых действий русскими постоянно вынуждает дивизию развертываться

Под Ржевом Советы снова и снова возобновляли свои яростные атаки на позиции 41-го моторизованного пехотного полка. Эти танки удалось подбить только на передней линии немецких траншей. Лето 1942 г.

Еще раз удалось отразить массированную атаку русских танков. Часто танки уничтожались только в самый последний момент огнем прямой наводкой. Район Ржева, лето 1942 г.

Обход позиций 20-го моторизованного пехотного полка в осеннюю распутицу. *Слева направо*: командир полка полковник Вальтер, командир 11-й роты 20-го полка обер-лейтенант Брандс, командир дивизии генерал-майор Шмидт, командир III батальона 20-го полка майор д-р Крегело

Гренадеры наблюдают со своей огневой позиции у города Белый за работой советских штурмовиков по наземным целям. Ноябрь 1942 г.

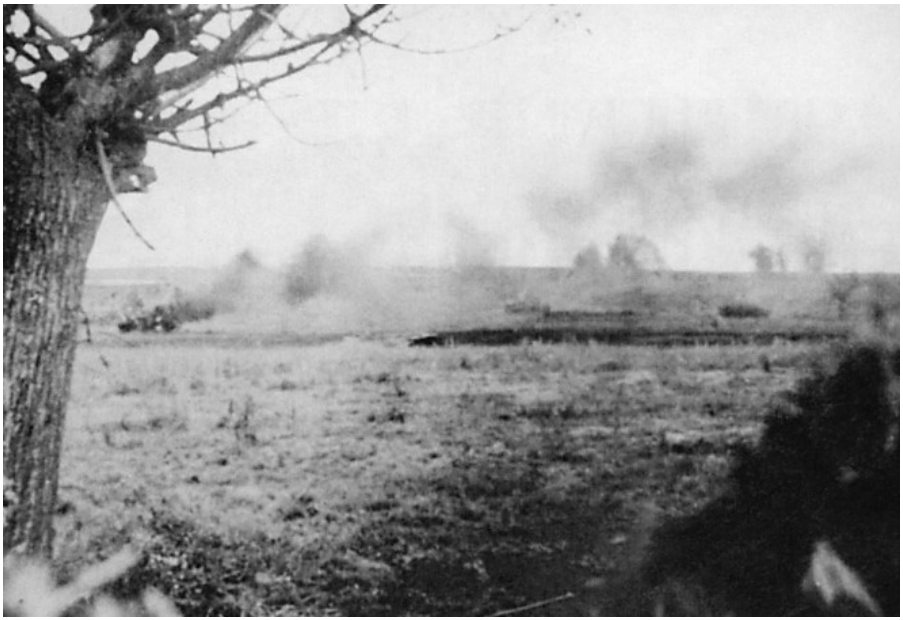
Бои за город Белый проходили с особой ожесточенностью, и яростные атаки русских часто удавалось отбить лишь из последних сил. Ноябрь 1942 г.

На позициях 40-го мотоциклетного батальона вблизи Яковлевки. Весна 1943 г.

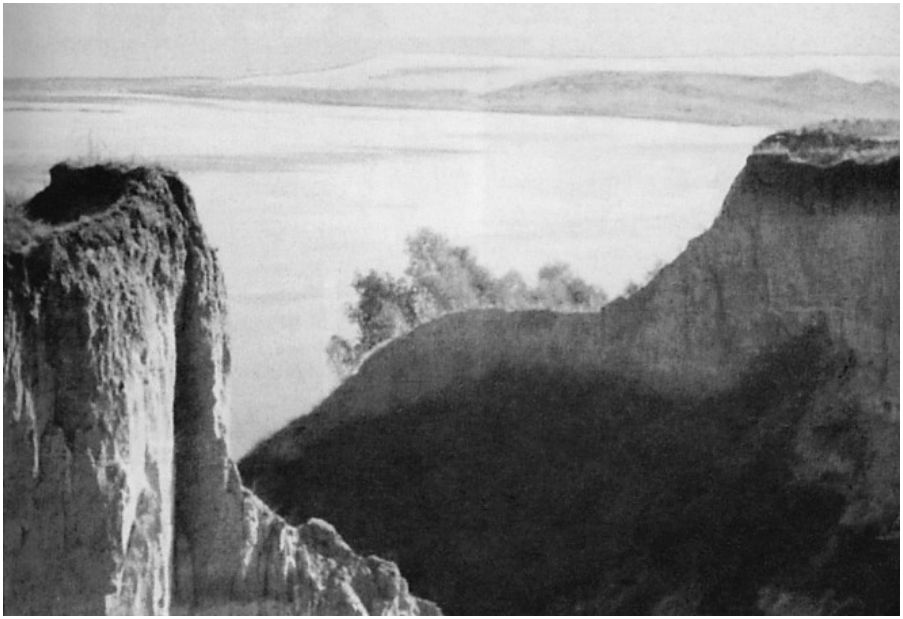
Санитарный блиндаж восточнее деревни Бахмутово. *Вверху*: старший лейтенант медицинской службы д-р Хенце. Март 1943 г.

Главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге (покончил с собой в 1944 г.) на командном пункте 10-й панцер-гренадерской дивизии во время проведения операции «Цыганский барон» в Брянских лесах. *Слева направо*: командир дивизии генерал-лейтенант Шмидт, генерал-фельдмаршал фон Клюге, офицер сопровождения фельдмаршала, начальник штаба 10-й панцер-гренадерской дивизии майор Генерального штаба де Мезьер. 16 мая 1943 г.

За уничтожение семи советских танков в бою у деревни Поныри 12 июня 1943 г. унтер-офицер Шуллер был награжден Рыцарским крестом Железного креста. *Слева* – командир дивизии генерал-лейтенант А. Шмидт. Август 1943 г.



Танковое сражение под Ахтыркой в самом разгаре. 18 августа 1943 г.



Балка у деревни Щучинка на Днепре, в которой Советы могли держаться долгое время, оказывая ожесточенное сопротивление. Октябрь 1943 г.

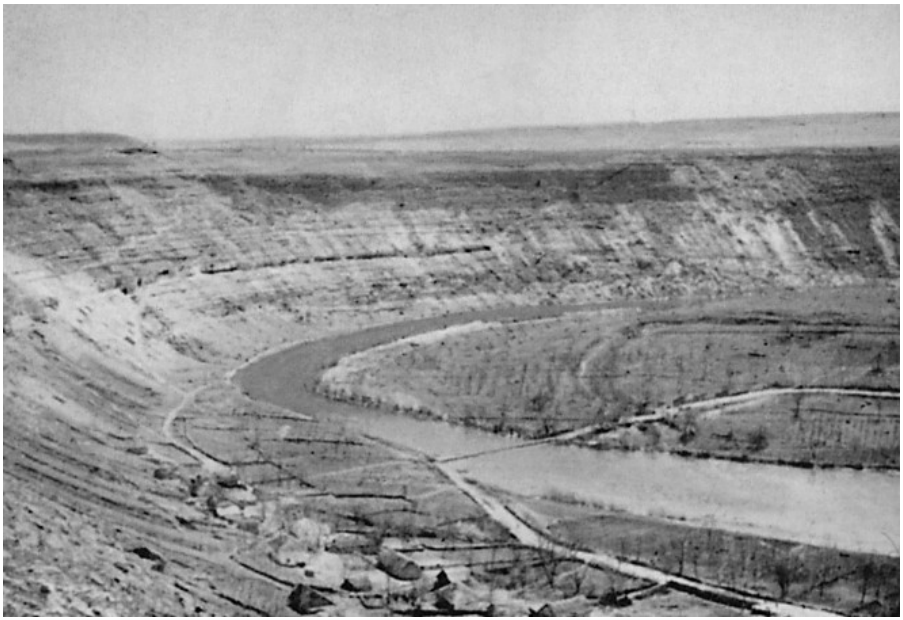
Трофейный советский танк в атаке у села Большая Виска. Середина января 1944 г.

Рождество 1943 г. в штабе дивизии в деревне Андросово. *Слева направо*: обер-лейтенант Грюттнер (погиб), и. о. командира 20-го полка майор Хадереккер, командир дивизии генерал-лейтенант Шмидт, квартирмейстер штаба дивизии майор Генерального штаба Гегерль, обер-лейтенант Буггерт (пропал без вести)

Советский минометный расчет с 120-мм минометом в бою. Белые мешочки – это дополнительные заряды, наложенные на мины

Командир 41-го гренадерского полка полковник Вебер (погиб 13 января 1944 г.) в день награждения Рыцарским крестом Железного креста. Слева направо: обер-лейтенант и адъютант полка Оберндорфер, полковник Вебер, лейтенант Фрич (погиб 13 января 1944 г.), обер-лейтенант Оппль

Генерал-майор Вальтер Херольд (погиб 28 декабря 1944 г.), командир 10-й панцер-гренадерской дивизии в октябре– ноябре 1944 г.



Позиции 10-й панцер-гренадерской дивизии на реке Реут в Румынии. Май 1944 г.

Унтер-офицер Боймлер (*второй слева*) из 11-й роты 41-го гренадерского полка награждается Рыцарским крестом Железного креста за выдающуюся храбрость в боях в районе Кировограда. 14

мая 1944 г.

Командир 10-й панцер-гренадерской дивизии в декабре 1944 и январе 1945 г. полковник Александр Виаль. Скончался после войны

Командир 10-й панцер-гренадерской дивизии с января по май 1945 г. генерал-майор Рихард Коссман

Исполняющий обязанности командира 20-го гренадерского полка майор Херинг и его адъютант обер-лейтенант Буггерт (пропал без вести) во время марша по территории Румынии к Дунаю. Конец августа 1944 г.

Солдатское кладбище 10-й пехотной дивизии в деревне Милятино